

"Прежде чем я упаду"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

Лорен Оливер

"Прежде чем я упаду"

Незабвенной памяти

Симона Эмиля Кнудсена II

Питер!

Спасибо за прекрасные мгновения.

Мне не хватает тебя

Пролог

Говорят, перед смертью вся жизнь проносится перед глазами, но у меня вышло иначе.

Если честно, мне всегда казалось, что все эти истории с последним мгновением, мысленным сканированием жизни звучат довольно зловеще. Кто старое помянет, тому глаз вон, как любит повторять моя мама. Я бы, например, лучше не вспоминала весь пятый класс (эпоху очков и розовых брекетов), и разве кому-нибудь захочется пережить заново первый день в промежуточной школе? А нудные семейные вылазки, бессмысленные уроки алгебры, менструальные спазмы и слюнявые поцелуи я и в первый-то раз с трудом вытерпела...

Хотя я бы не отказалась заново пережить лучшие мгновения: когда на вечере встречи выпускников мы с Робом Кокраном впервые обжимались посреди танцпола и все видели, что мы вместе; когда в мае мы с Линдси, Элоди и Элли напились и делали «снежных ангелов» [1], оставляя здоровенные отпечатки на лужайке Элли; когда на вечеринке в честь моего шестнадцатилетия мы зажгли на заднем дворе сотню греющих свечей и танцевали на столе; когда на Хеллоуин мы с Линдси подшутили над Кларой Съюз и за нами погнались копы, а мы так хохотали, что нас едва не вывернуло, — то, что я хотела бы запомнить, то, чем мне хотелось бы запомниться.

Но перед смертью я не думала о Робе или о каком-нибудь другом парне. Не думала о наших с подругами возмутительных выходках. Даже о семье не думала, или о том, как утренний свет окрашивает стены моей спальни в сливочный оттенок, или как пахнут в июле азалии за моим окном — корицей и медом.

Вместо этого я подумала о Вики Халлинан.

А именно о случае в четвертом классе, когда на физкультуре Линдси заявила перед всеми, что не возьмет Вики играть в «вышибалу». «Она слишком толстая, — выпалила Линдси, — в нее можно попасть с закрытыми глазами». Тогда еще я не дружила с Линдси, но она уже выдавала чертовски забавные фразы, и я засмеялась вместе со всеми, а лицо Вики стало пурпурным, подобно изнанке грозового облака.

Вот что я вспомнила в мгновение перед смертью, когда мне полагалось узнать нечто потрясающее о своем прошлом: запах лака и скрип наших кроссовок по полированному полу; тесноту моих полиэстровых шортов; гулкое эхо в большом, пустынном спортивном зале, как будто хохотало не двадцать пять человек, а намного больше. И лицо Вики.

Странно то, что я сто лет об этом не думала. И даже не догадывалась, что такое есть в моей памяти, если вы понимаете, о чем я. Не то чтобы Вики получила психологическую травму или типа того. Дети постоянно поддевают друг друга. Невелика важность. Всегда кто-то смеется, и над кем-то смеются. Это происходит каждый день, в каждой школе, в каждом американском городке — и даже, по-моему, во всем мире. Весь смысл взросления — научиться оставаться среди тех, кто смеется.

На самом деле Вики была не такой уж толстой, просто у нее были по-детски пухлые щеки и животик, а перед средней школой она и вовсе похудела и выросла на три дюйма. Она даже подружилась с Линдси; они вместе играли в хоккей на траве и здоровались в коридорах. Как-то в девятом классе Вики устроила вечеринку, мы все здорово напились и хохотали что есть мочи, особенно Вики, пока ее лицо не стало почти таким же пурпурным, как много лет назад в спортивном зале.

Это была странность номер один.

Еще более странным было то, что мы только это и обсуждали — в смысле, как все будет перед смертью. Не помню, как мы перешли на эту тему, помню только, Элоди пожаловалась, что я всегда сижу рядом с водителем, и отказалась пристегнуть ремень; она перегнулась за айподом Линдси, хотя права диджея принадлежали мне. Я попыталась объяснить свою теорию предсмертных «лучших мгновений», и каждый начал предлагать подходящие варианты. Линдси, разумеется, пожелала еще раз узнать, что ее зачислили в Дьюк. Элли, которая, как обычно, жаловалась, что ей холодно, и угрожала умереть на месте от пневмонии, успела сообщить, что хочет целую вечность длить свою первую свиданку с Мэттом Уайльдом, и это никого не удивило. Линдси и Элоди курили, и через приоткрытые окна залетал ледяной дождь. Дорога была узкой и извилистой; по обе стороны деревья размахивали темными голыми ветвями, будто ветер пустил их в пляс.

Элоди поставила песню «Splinter» группы «Фэлласи», чтобы позлить Элли, возможно устав от ее нытья. Это была песня Элли с Мэттом, который бросил ее в сентябре. Элли назвала Элоди сукой, отстегнула ремень, наклонилась вперед и попыталась выхватить айпод. Линдси возмущалась, что кто-то ткнул ее локтем в шею; сигарета выпала у нее изо рта и приземлилась между ног. Громко ругаясь, Линдси стала смахивать пепел с подушки сиденья, Элоди и Элли дрались, а я пыталась помирить их, напоминая, как мы делали «снежных ангелов» в мае. Покрышки скользили по мокрой дороге, в автомобиле было полно сигаретного дыма, его клубы парили в салоне подобно привидениям.

А потом вдруг впереди вспыхнуло белое пламя. Линдси что-то завопила — я не разобрала слово, не то «тихо», не то «лихо», не то «ослиха», — и машина полетела с дороги прямо в черную пасть леса. Я услышала жуткий звук — скрежет железа по железу и звон стекла — и ощутила запах гари. Машина вдребезги. Я еще успела озадачиться вопросом, потушила Линдси сигарету или нет.

Затем из прошлого всплыло лицо Вики Халлинан, и вокруг закружился гулкий смех, переходящий в визг.

И после — ничего.

Понимаете, суть в том, что вы не знаете заранее. Не пробуждаетесь с дурным предчувствием. Не видите теней в ясный полдень. Забываете сказать родителям, что любите их, или, как в моем случае, вообще забываете с ними попрощаться.

Если вы похожи на меня, вы просыпаетесь за семь минут и сорок семь секунд до того, как за вами должна заехать лучшая подруга. Вы слишком переживаете, сколько роз получите в День Купидона, и потому успеваете только одеться, почистить зубы и взмолиться, чтобы косметичка оказалась на дне сумки и вы сумели накраситься в машине.

Если вы похожи на меня, ваш последний день начинается так...

Глава 1

— Бип-бип! — кричит Линдси.

Пару недель назад моя мама наорала на нее за то, что она жмет на гудок в шесть пятьдесят пять каждое утро, и Линдси придумала этот трюк.

— Иду! — откликаюсь я, хотя она прекрасно видит, как я вываливаюсь из передней двери, одновременно натягивая куртку и запихивая в сумку скоросшиватель.

В последний момент меня ловит Иззи, моя восьмилетняя сестра.

— Что? — вихрем оборачиваюсь я.

У Иззи, как и положено младшей сестре, есть встроенный радар, с помощью которого она определяет, что я занята, опаздываю или болтаю по телефону со своим парнем. И тогда она сразу начинает меня доставать.

— Ты забыла перчатки, — сообщает она.

Вообще-то у нее получается: «Ты забыла перфятки». Она отказывается посещать логопеда и лечиться от шепелявости, хотя все одноклассники над ней смеются. Сестра утверждает, что ей нравится так говорить.

Я забираю у нее перчатки. Они кашемировые, и сестра наверняка перемазала их арахисовым маслом. Вечно она копается в банках с этой дрянью.

— Сколько можно повторять, Иззи? — Я тыкаю ее пальцем в лоб. — Не трогай мои вещи.

Она хихикает как идиотка, и я вынуждена затолкать ее в дом и закрыть дверь. Если дать ей волю, она будет таскаться за мной весь день как собачка.

Когда я наконец выметаюсь из дома, Линдси свешивается из окна Танка — это прозвище ее машины, огромного серебристого «рейнджровера». (Всякий раз, когда мы катаемся в нем, кто-нибудь обязательно произносит фразу: «Это не машина, а целый грузовик», а Линдси уверяет, что может столкнуться лоб в лоб со здоровенной фурой и не получить ни царапинки.) По-настоящему свои машины есть только у нее и у Элли. Машина Элли — миниатюрная черная «джетта», мы называем ее Крошкой. Иногда я одалживаю у мамы «аккорд»; бедняжке Элоди приходится довольствоваться старым желтовато-коричневым отцовским «фордом таурус», который уже почти не заводится.

вернуться

1

Чтобы получить «снежного ангела», нужно лечь спиной на снег и сдвигать и раздвигать руки и

ноги. Получившийся отпечаток будет напоминать ангела в длинном одеянии и с крыльями. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Воздух ледяной и неподвижный. Небо светло-синее без единого пятнышка. Солнце только взошло, слабое и водянистое, как будто с трудом перевалило через горизонт и ленится умыться. Позже обещали метель, но кто знает.

Я забираюсь на пассажирское сиденье. Линдси уже курит и указывает сигаретой на кофе «Данкин донатс», купленный специально для меня.

— Рогалики? — спрашиваю я.

— На заднем сиденье.

— С кунжутом?

— Ясное дело.

Она трогается с подъездной дорожки и еще раз оглядывает меня.

— Симпатичная юбка.

— У тебя тоже.

Линдси кивает, принимая комплимент. На самом деле у нас одинаковые юбки. Два раза в год мы с Линдси, Элли и Элоди нарочно одеваемся одинаково: в День Купидона и в Пижамный день на Неделе школьного духа, потому что на прошлое Рождество купили чудесные комплекты в «Виктория секрет». Мы три часа проспорили, розовые или красные наряды выбрать — Линдси терпеть не может розовый, а Элли только в нем и живет, — и наконец остановились на черных мини-юбках и топиках с красным мехом, которые откопали в распродажной корзине в «Нордстроме».

Как я уже сказала, только в эти два дня мы нарочно одеваемся одинаково. Хотя, если честно, в нашей средней школе «Томас Джефферсон» все выглядят более или менее одинаково. Официальной формы нет — это муниципальная школа, — но все равно на девяти из десяти учениках джинсы «Севен», серые кроссовки «Нью беланс», белые футболки и цветные флисовые куртки «Норт фэйс». Даже парни и девушки одеваются одинаково, разве что у нас джинсы поуже и волосы мы укладываем каждый день. Это Коннектикут, здесь самое главное — не выделяться.

Я не утверждаю, что в нашей школе нет чудачков, — конечно есть, но даже они чудачковаты на один лад. Экогики ездят в школу на велосипедах, носят одежду из конопли и никогда не моют голову, как будто дреды помогают сократить выброс парниковых газов. Примадонны таскают большие бутылки лимонного чая, кутаются в шарфы даже летом и не общаются с одноклассниками, потому что «берегут голос». У членов Математической лиги всегда в десять раз больше книг, чем у остальных, они не брезгают использовать свои шкафчики, и всегда насторожены, словно ждут крика «фу!».

Вообще-то мне плевать. Иногда мы с Линдси строим планы, как сбежим после выпуска и влоимся в нью-йоркский лофт, где обитает татуировщик, с которым знаком ее сводный брат, но в глубине души мне нравится жить в Риджвью. Это успокаивает, если вы понимаете, о чем я.

Линдси водит не особо аккуратно, любит выворачивать руль, останавливаться ни с того ни с сего, а потом давить на газ. Я подаюсь вперед, пытаюсь накрасить ресницы и не выколоть себе глаз.

— Патрик пожалеет, если не пришлет мне розу, — обещает Линдси.

Она пролетает мимо одного знака остановки и чуть не ломает мне шею, резко тормозя возле следующего. Патрик — ее блудный бой-френд. С начала учебного года они рекордные тринадцать раз расстались и помирились.

— Мне пришлось сидеть рядом с Робом, пока он заполнял заявку. — Я закатываю глаза. — Прямо раб на плантации!

Мы с Робом Кокраном встречаемся с октября, но я влюбилась в него еще в шестом классе, когда он был слишком крутым, чтобы со мной общаться. Роб — моя первая любовь, по крайней мере первая настоящая любовь. В третьем классе я целовалась с Кентом Макфуллером, но это явно не считается, мы только обменялись колечками из одуванчиков и поиграли в мужа и жену.

— В прошлом году я получила двадцать две розы. — Линдси щелчком отправляет окурок в окно и наклоняется глотнуть кофе. — На этот раз должно быть двадцать пять.

Каждый год перед Днем Купидона ученический совет ставит у спортивного зала кабинку. В ней за два доллара продаются валограммы [2] для друзей — розы с маленькими записочками, — их затем разносят купидоны (обычно девятиклассницы или десятиклассницы, которые липнут к старшеклассникам).

— Мне хватит и пятнадцати, — замечаю я.

Очень важно, сколько роз ты получишь. По количеству цветков в руках легко определить, кто популярен, а кто нет. Плохо, если тебе досталось меньше десяти, и совсем унижительно, если меньше пяти, — обычно это значит, что ты урод или тебя никто не знает. Либо и то и другое вместе. Иногда ребята подбирают упавшие розы и добавляют в свои букеты, но это всегда заметно.

— Ну? — косится на меня Линдси. — Ты волнуешься? Большой день. Ночь открытия. — Она смеется. — Извини за каламбур.

— Ерунда.

Я пожимаю плечами, отворачиваюсь к окну и гляжу, как стекло запотеваает от дыхания.

Родители Роба уезжают на выходные, и пару недель назад он предложил мне остаться у него на всю ночь. Было ясно, что на самом деле он хочет секса. Несколько раз мы были на грани, но на заднем сиденье «БМВ» его отца, в чужом подвале или в моей берлоге, пока родители спали наверху, мне всегда становилось не по себе.

Так что когда он предложил остаться на ночь, я согласилась без размышлений.

Линдси верещит и бьет ладонью по рулю.

— Ерунда? Ты серьезно? Моя детка выросла.

— Я тебя умоляю.

Мою шею заливает жаром, и я догадываюсь, что кожа наверняка пошла красными пятнами. Обычное дело, когда я смущена. Никакие дерматологи, притирки и пудры не помогают. Когда я была помладше, ученики распевали: «Угадайте, что такое: красно-белое, чудное? Сэм Кингстон!»

Я едва заметно качаю головой и протираю стекло. Мир за окном сверкает, словно покрытый лаком.

— Кстати, напомни, когда вы с Патриком начали? Месяца три назад?

— Да, но с тех пор мы наверстали упущенное время, — усмехается Линдси, подсакивая на сиденье.

— Фу, перестань!

— Не волнуйся, детка. Все будет хорошо.

— Не называй меня деткой.

Это одна из причин, по которой я рада, что решила сегодня переспать с Робом: наконец-то Линдси и Элоди перестанут надо мной потешаться. Слава богу, Элли до сих пор девственница, а значит, я не буду последней. Иногда мне кажется, что в нашей четверке я вечная отстающая, вечный наблюдатель со стороны.

— Я же говорю, это ерунда.

— Тебе виднее.

Линдси заставила меня понервничать, и по дороге я пересчитала все почтовые ящики. Неужели завтра мир покажется другим? Неужели завтра я буду казаться другой? Надеюсь, что да.

Мы заезжаем за Элоди, и не успевает Линдси нажать на гудок, как дверь распахивается и Элоди скачет по ледяной дорожке на трехдюймовых каблучках, как будто ей не терпится сбежать из дома.

— У тебя соски от холода сквозь куртку не торчат? — спрашивает Линдси, когда Элоди забирается в машину.

Как обычно, на Элоди только тонкая кожаная куртка, хотя в прогнозе погоды передавали, что температура не поднимется выше нуля.

— Что толку круто выглядеть, если этого никто не видит?

Элоди трясет сиськами, и мы покатываемся со смеху.

Когда она рядом, невольно расслабляешься; вот и у меня перестало крутить в животе.

Она щелкает рукой, и я передаю ей кофе. Мы все пьем одно и то же: большой ореховый, без сахара, двойная порция сливок.

— Смотри, куда садишься. Раздавишь рогалики, — предостерегает Линдси, хмурясь в зеркало

заднего вида.

— А как насчет кусочка вот этого? — отзывается Элоди, шлепая себя по заднице, и мы снова смеемся.

— Оставь это для Пончика, похотливая сучка.

Стив Маффин — последняя жертва Элоди. Она называет его Пончиком из-за фамилии, а еще потому, что он ужасно аппетитный (это она так считает; по-моему, он слишком сальный и от него воняет травкой). Они встречаются уже полтора месяца.

Элоди из нас самая опытная. Она лишилась девственности в девятом классе и уже занималась сексом с двумя разными парнями. Именно она рассказала, что после первых двух раз у нее все болело, и я занервничала еще больше. Глупо, конечно, но я никогда не воспринимала секс как нечто физическое, от чего все может болеть, как от хоккея или верховой езды. А вдруг я совсем растеряюсь, как когда мы играли в баскетбол на физкультуре и я все время забывала, кого мне опекать, и не понимала, передавать мяч или вести?

вернуться

2

Валограмма — видимо, неологизм, образованный при помощи слов «Валентин» и «телеграмма».

— Ммм, Пончик. — Элоди кладет ладонь на живот. — Умираю от голода.

— Съешь рогалик, — предлагаю я.

— С кунжутом? — уточняет Элоди.

— Ясное дело, — хором отвечаем мы, и Линдси подмигивает мне.

Перед самой школой мы опускаем окна и врубаем на всю мощность «No More Drama» Мэри Джей Блайдж. Я закрываю глаза и вспоминаю вечер встречи выпускников и первый поцелуй с Робом: он притянул меня к себе на танцполе, наши губы соприкоснулись, его язык скользнул под мой, и я ощутила жар разноцветных огней, который давил на меня как ладонь, и музыка заматалась эхом меж ребер, отчего мое сердце задрожало и пропустило удар. От холодного ветра из окна болит горло, и басы сквозь подошвы проникают в тело, совсем как тем вечером, когда я думала, что большего счастья уже не бывает; они поднимаются до самой головы, отчего перед глазами все плывет и кажется, что машина вот-вот развалится от звука.

Популярность: анализ

Популярность — странная штука. Ей невозможно дать толковое определение, обсуждать ее не круто, но всегда ясно, что это именно она. Как косоглазие или порно.

Линдси — настоящая красotka, а мы с Элоди и Элли не намного симпатичнее остальных. Мои достоинства: большие зеленые глаза, ровные белые зубы, высокие скулы, длинные ноги. Мои недостатки: слишком длинный нос, кожа, которая идет пятнами, когда я нервничаю, и отсутствие задницы.

Бекки Дифиоре такая же красотка, как Линдси, но я уверена, что Бекки даже не с кем пойти на вечер встречи одиннадцатиклассников. У Элли большие сиськи, а я почти плоская (когда Линдси в плохом настроении, она зовет меня Сэмюел, а не Сэм или Саманта). Мы вовсе не идеальные куклы, и наше дыхание не пахнет розами, ничего такого. Как-то раз Линдси устроила в столовой соревнование с Джоной Сасноффом «Кто громче рыгнет», и все ей аплодировали. Элоди иногда надевает в школу пушистые желтые тапочки. Однажды на общественном собрании я так громко смеялась, что меня стошнило ванильным латте на парту Джейка Сомерса. Через месяц мы целовались с ним в засос в сарае Лили Энглер. (Мне не понравилось.)

Суть в том, что мы можем себе это позволить. Знаете почему?

Потому что мы популярны. А популярны мы потому, что нам все сходит с рук. Замкнутый круг.

Короче, я клоню к тому, что тут нечего анализировать. Если нарисовать круг, всегда будет внутренняя и внешняя часть, и если ты хоть немного соображаешь, совсем несложно отличить одну от другой. Так уж получается.

Врать не стану. Хорошо, что нам все дается легко. Приятно, когда можно натворить почти что угодно и последствий не будет. После окончания школы мы оглянемся назад и поймем, что все делали правильно: целовали самых клевых парней, посещали самые крутые вечеринки, ввязывались в неприятности ровно столько, сколько нужно, слушали слишком громкую музыку, слишком много курили, слишком много пили, слишком много смеялись и слишком мало слушались, да что там, не слушались вообще. Если бы старшие классы были игрой в покер, у нас с Линдси, Элли и Элоди было бы на руках восемьдесят процентов карт.

Поверьте, мне известно, каково быть на другой стороне. Я провела там первую половину жизни. Последняя из последних, худшая из худших. Мне известно, каково пререкаться и драться из-за объедков.

Так что теперь право выбора за мной. Ну и что? Так уж вышло.

Никто и не утверждал, что жизнь справедлива.

Мы появляемся на парковке ровно за десять минут до первого звонка. Линдси прибавляет ходу и мчится на нижнюю, учительскую парковку, распугав стайку десятиклассниц. Из-под их курток выглядывают красно-белые кружевные платица, а у одной на голове диадема — купидоны, ясное дело.

— Давай, давай, давай, — бормочет Линдси, когда мы едем за спортивным залом.

На нижней парковке есть только один ряд не для учителей, мы называем его Аллеей выпускников, хотя Линдси паркуется на нем с одиннадцатого класса. Это парковка для сливок «Томаса Джефферсона», и если упустишь место — а их всего двадцать, — придется рулить на верхнюю парковку, от которой целых двадцать две сотых мили до главного входа. Однажды мы посчитали и теперь всегда называем точное расстояние, например: «Ты серьезно хочешь топтать двадцать две сотых мили под таким дождем?»

Найдя свободное место, Линдси издает возглас и дергает руль влево. Одновременно Сара Грундель на своем коричневом «шевроле» направляется туда же с противоположной стороны.

— Черт, нет. Только не это!

Линдси давит на гудок, а потом жмет на газ, хотя слепому видно, что Сара приехала первой. Элоди охает, когда горячий кофе выплескивается ей на блузку. Пронзительно визжит резина, и Сара Грундель едва успевает затормозить, чтобы «рейнджровер» Линдси не воткнулся ей в бампер.

— Отлично! — Линдси паркуется и выключает зажигание, затем открывает дверцу, выглядывает наружу и кричит Саре: — Прости, киска! Я тебя не заметила.

Конечно, это ложь.

— Супер. — Элоди вытирает кофе скомканной салфеткой «Данкин донатс». — Теперь мои сиськи весь день будут вонять орехами.

— Парням нравятся съедобные запахи, — успокаиваю я ее. — Читала в «Гламуре».

— Засунь печенье себе в трусики, и Пончик набросится на тебя, не успеешь дойти до класса, — ухмыляется Линдси, опуская зеркало заднего вида и изучая свое лицо.

— Может, Сэмми, тебе попробовать это с Робом? — Элоди со смехом бросает в меня испачканную кофе салфетку. — Что? Думала, я забыла о твоей великой ночи?

Я ловлю салфетку и швыряю обратно. Она роется в сумке, и над сиденьем взлетает помятый презерватив с табачными крошками, прилипшими к обертке. Линдси хохочет.

— Дикари! — восклицаю я, беря презерватив двумя пальцами и кидая в бардачок Линдси.

От одного прикосновения к нему я снова начинаю нервничать; низ живота крутит. Никогда не понимала, почему презервативы заворачивают в эти маленькие кусочки фольги, из-за которой они напоминают лекарства, прописываемые от аллергии или проблем с кишечником.

— Берегите любовь, — изрекает Элоди, наклоняясь и целуя меня в щеку.

На щеке остается большое пятно розового блеска для губ.

— Хватит тормозить, — говорю я и выбираюсь на улицу, пока подруги не увидели, как я краснею.

Мистер Шоу, главный тренер, стоит у спортивного зала, пока мы вылезаем из машины. Наверное, разглядывает наши задницы. Элоди считает, что он выпросил себе кабинет рядом с раздевалкой для девочек, потому что установил в туалете веб-камеру. А иначе зачем ему компьютер? Он ведь главный тренер. Теперь я вспоминаю об этом каждый раз, когда писаю в раздевалке.

— Шевелитесь, дамы, — подгоняет он нас.

А еще он тренер по хоккею. Забавно, потому что ему слабо даже до торгового автомата сбегать. Он похож на моржа, у него и усы имеются.

— Мне не хочется записывать вам опоздание.

— Мне не хочется вас шлепать, — имитирую я его странно высокий голос, еще одну причину, по которой Элоди подозревает его в педофилии.

Подруги хохочут.

— Две минуты до звонка, — резко добавляет Шоу.

Возможно, он услышал. Плевать.

— Веселой пятницы, — бормочет Линдси и берет меня под руку.

Элоди достает сотовый телефон и в его зеркальной крышке разглядывает зубы, выковыривая кунжутные семечки ногтем мизинца.

— Какой отстой, — сетует она, не поднимая глаз.

— Полный, — соглашаюсь я.

По пятницам бывает тяжелее всего: свобода так близко!

— Убей меня.

— Ни за что. — Линдси сжимает мою руку. — Я не позволю своей лучшей подруге умереть девственницей.

Вот видите, мы ничего не знали.

За первых два урока — искусство и АИПТ («Американскую историю повышенной трудности»; всегда обожала историю) — я получаю всего пять роз. И не слишком переживаю по этому поводу, хотя меня выводит из себя, что Эйлин Чо получает четыре розы от своего парня Йена Доуэла. Мне даже в голову не пришло просить Роба о том же; по-моему, это нечестно. Нечестно делать вид, что у тебя больше друзей, чем на самом деле.

Как только я появляюсь на химии, мистер Тирни объявляет о внеплановой контрольной. Это серьезная проблема, потому что: 1) я не понимаю ни слова в домашних заданиях уже четыре недели (ладно, после первой недели даже не пытаюсь) и 2) мистер Тирни постоянно угрожает сообщить о низких оценках приемным комиссиям колледжей, ведь многих из нас еще не приняли. Не уверена, всерьез ли он или просто пытается запугать выпускников, но я не позволю учителю-фашисту лишить меня шансов на поступление в Бостонский университет.

Хуже того, я сижу рядом с Лорен Лорнет, наверное единственной в классе, кто соображает в этом деле гораздо медленнее меня.

Вообще-то мои оценки по химии в нынешнем году были вполне приличными, и не потому, что на меня снизошло внезапное прозрение о взаимодействии протонов и электронов. Мою стабильную пятерку с минусом можно объяснить двумя словами: Джереми Болл. Он весит меньше меня и пахнет кукурузными хлопьями, зато дает мне списывать домашние задания и наклоняет парту ко мне в дни контрольных, чтобы я могла безнаказанно подглядывать в его тетрадь. К несчастью, перед уроком Тирни я зашла пописать и провести Элли — мы всегда встречаемся в туалете перед третьим уроком; у нее биология в то же время, когда у меня химия, — и потому не успела занять свое обычное место рядом с Джереми.

В контрольной мистера Тирни три вопроса, и я не в силах выдать правдоподобный ответ хотя бы на один. Лорен рядом со мной согнулась в три погибели и высунула кончик языка; она всегда так делает, когда размышляет. Вообще-то ее ответ на первый вопрос выглядит вполне прилично: буквы аккуратные и уверенные, а не лихорадочно нацарапанные, как бывает, когда понятия не имеешь, о чем речь, и надеешься, что учитель не разберет твою писанину. (Для

справки: это никогда не срабатывает.) Тут я вспоминаю, что на прошлой неделе мистер Тирни велел Лорен исправить оценки. Возможно, она взялась за ум.

Заглядывая ей через плечо, я копирую два из трех ответов — я наловчилась списывать совсем незаметно.

— Три-и-и-и-и минуты! — провозглашает мистер Тирни с нажимом, точно голос за кадром, отчего у него колыхнется второй подбородок.

Судя по всему, Лорен закончила и проверяет работу, но она так низко наклонилась, что мне не виден третий ответ. Я слежу за бегом секундной стрелки.

— Две ми-и-ину-у-ты и три-и-и-и-дцать секу-у-у-нд, — рокошет Тирни.

Подавшись вперед, я тыкаю Лорен ручкой в бок. Она удивленно поднимает глаза. Кажется, я сто лет не общалась с ней, и на ее лице мелькает странное выражение.

— Ручку, — одними губами произношу я. Бросив взгляд на Тирни, который, к счастью, устался в учебник, она с растерянным видом уточняет:

— Что?

Я размахиваю ручкой, давая понять, что у меня закончились чернила. Лорен тупо смотрит на меня, и на мгновение мне хочется схватить ее и хорошенько встряхнуть — «Две-е-е-е-е мину-у-у-ты», — но наконец ее лицо проясняется, и она улыбается, как будто только что изобрела лекарство от рака. Не хочу показаться грубой, но быть ботаником и при этом тормозом — полный бред. В чем выгода быть ботаником, если не можешь даже исполнить сонату Бетховена, или выиграть чемпионат штата по правописанию, или поступить в Гарвард?

— Три-и-и-дц-а-а-а-ть секу-у-у-унд.

Пока Лорен ищет ручку в сумке, я скатываю последний ответ. Я даже забываю о своей просьбе, и соседке приходится шептать, чтобы привлечь мое внимание.

— Вот, держи.

Я беру ручку. Колпачок погрызен, фу, гадость. Я натянуто улыбаюсь и отворачиваюсь, но через секунду Лорен интересуется:

— Ну как, пишет?

Тогда я окидываю ее взглядом, означающим, что она мешает. Однако она думает, что я не расслышала, и спрашивает громче:

— Ручка. Она пишет?

И тут Тирни хлопает учебником по столу. Получается так громко, что все подсакивают.

— Мисс Лорнет! — рявкает он, глядя на Лорен. — Вы разговариваете на моей контрольной?

Лорен густо краснеет и переводит глаза с учителя на меня и обратно, облизывая губы. Я молчу.

— Я просто... — тихо начинает она.

— Довольно.

Тирни встает, хмурясь так сильно, что его рот вот-вот сольется с шеей, и скрещивает руки на груди. Он испепеляет Лорен убийственным взглядом — наверное, собирается сказать что-то еще, но лишь сообщает:

— Время вышло. Отложите карандаши и ручки.

Я пытаюсь вернуть ручку Лорен, однако та отказывается со словами:

— Оставь себе.

— Спасибо, не надо, — упираюсь я, вертя ручку двумя пальцами над партой.

Но Лорен убирает руки за спину.

— Нет, правда, она понадобится тебе. Чтобы писать и все такое.

Она смотрит на меня, словно предлагает нечто чудесное, а не обслюнявленную ручку «Бик». Возможно, из-за выражения ее лица я вдруг вспоминаю, как мы отправились на экскурсию во втором классе и остались единственными, кого никто не выбрал себе в пару. Остаток дня нам пришлось держаться за руки каждый раз, переходя улицу, и ее ладонь всегда была потной.

Интересно, она помнит? Надеюсь, что нет.

Натянуто улыбнувшись, я бросаю ручку в сумку. Губы Лорен расплываются от уха до уха. Разумеется, я выкину эту дрянь сразу после урока; со слюной наверняка переносится куча мерзких бактерий.

С другой стороны, мама часто повторяет, что каждый день нужно совершать доброе дело. Полагаю, мы с Лорен в расчете.

Урок математики: еще немного «химии»

Четвертый урок — «Основы безопасности жизнедеятельности». Так называют физкультуру для старшеклассников, которых оскорбила бы насильственная физическая активность. (Элоди считает, что название «Рабство» подошло бы лучше.) Мы изучаем искусственное дыхание, то есть целуемся взасос с большими куклами на глазах у мистера Шоу. Нет, он точно извращенец.

Пятый урок — математика, и купидоны заявляются рано, сразу после начала урока. На одном блестящее красное трико и дьявольские рожки; другой одет как зайчик из «Плейбоя», а может, пасхальный кролик, только на шпильках; третий изображает ангела. Их костюмы совершенно не подходят для этого праздника, но, как я уже упоминала, весь смысл в том, чтобы покрасоваться перед старшеклассниками. Я не виню их. Мы тоже так поступали. В девятом классе Элли начала встречаться с Майком Хармоном — в то время выпускником — через два месяца после того, как доставила ему валограмму, и он отметил, что ее задница шикарно смотрится в трико. Такая вот история любви.

Дьявол протягивает мне три розы — одну от Элоди, другую от Тары Флют, которая считается одной из нас, хотя на самом деле это не так, и одну от Роба. Я устраиваю целое представление: разворачиваю крошечную карточку, обернутую вокруг стебля, и изображаю, что тронута, когда читаю записку, хотя там лишь несколько слов: «Счастливого Дня Купидона. Лю тя». И маленькими буквами в самом низу: «Ну что, довольна?»

Конечно «лю тя» не равно «я люблю тебя» — так мы никогда не говорили, — но уже совсем близко. Он наверняка приберегает признание для сегодняшней ночи. На прошлой неделе поздно вечером мы сидели у него на диване, он разглядывал меня, и я была уверена — уверена, — что он вот-вот признается в любви, однако он сказал лишь, что под определенным углом я смахиваю на Скарлетт Йоханссон.

В конце концов, моя записка лучше, чем та, которую Элли получила от Мэтта Уайльда в прошлом году: «Люби меня, как я тебя, ложись ко мне в кровать, и мы не будем спать». Он так пошутил, но тем не менее. «Кровать» и «спать» — сомнительная рифма.

Мне казалось, что мои валогаммы закончились, но ангел подходит к парте и протягивает еще одну. Все розы разного цвета, а эта совсем особенная, со сливочно-розовыми переливами, словно сделана из мороженого.

— Какая красивая, — вздыхает ангел.

Я поднимаю глаза. Ангел стоит рядом и смотрит на розу на моей парте. Надо же, мелюзга набралась смелости обратиться к выпускнице! Я испытываю укол раздражения. Она даже не похожа на обычного купидона. У нее светлые, почти белые, волосы и вены просвечивают сквозь кожу. Кого-то она мне напоминает, только не могу вспомнить кого.

Заметив мой взгляд, она быстро и смущенно улыбается. Приятно видеть, как она краснеет, — по крайней мере, так она кажется живой.

— Мэриан!

Она поворачивается на зов дьявола. Тот нетерпеливо машет рукой с оставшимися розами, и ангел — по всей видимости, Мэриан — поспешно возвращается к остальным купидонам. Все трое уходят.

Я провожу пальцем по лепесткам розы — они невероятно мягкие, как пух или дыхание, — и немедленно чувствую себя глупо. Разворачиваю записку, ожидая увидеть послание от Элли или Линдси (она всегда пишет «Люблю тебя до смерти, сучка»), но обнаруживаю рисунок: толстый Купидон случайно застрелил птицу на ветке. Птица, на которой написано «белоголовый орлан», падает на парочку на скамейке — очевидно, настоящую цель Купидона. В глазах у Купидона нарисованы спиральки, и он глупо ухмыляется.

Под рисунком выведена фраза: «Много пить — добру не быть».

Это наверняка от Кента Макфуллера, он рисует карикатуры для «Напасти», школьной юмористической газеты. Я бросаю взгляд в его сторону. Он всегда сидит в заднем левом углу класса, такая у него странность — и далеко не единственная. Разумеется, наши глаза встречаются. Он быстро улыбается и машет мне рукой, затем изображает, что натягивает лук и стреляет в меня. Я демонстративно хмурюсь, беру его записку, наспех складываю и бросаю на дно сумки. Но ему, кажется, все равно. Я прямо ощущаю, как его улыбка обжигает меня.

Мистер Даймлер собирает домашние задания по проходам и останавливается около моей парты. Если честно, это из-за него я так рада, что получила четыре валогаммы именно на математике. Мистеру Даймлеру всего двадцать пять, и он настоящий красавчик. Он помощник тренера по хоккею, и довольно забавно видеть его рядом с Шоу. Внешне они полные противоположности. Мистер Даймлер выше шести футов ростом, всегда загорелый и одевается как мы: в джинсы, флиски и кроссовки «Нью беланс». Он закончил нашу школу. Как-то раз мы отыскивали его в старых ежегодниках в библиотеке. Он был королем бала; на одном фото он

стоит в смокинге и улыбается, обнимая свою королеву. Из-за ворота его рубашки выглядывает пеньковый амулет. Мне нравится этот снимок. А знаете, что мне нравится еще больше? Он до сих пор носит этот пеньковый амулет.

Парадокс, но самый сексуальный парень в «Томасе Джефферсоне» — учитель.

Как обычно, когда он улыбается, у меня подсакивает сердце. Он проводит рукой по взъерошенным каштановым волосам, и я воображаю, что делаю с его волосами то же самое.

— Уже девять роз? — Он поднимает брови и демонстративно смотрит на часы. — А ведь еще только пятнадцать минут двенадцатого. Так держать!

— Ну что тут поделаешь? — Я стараюсь говорить как можно более вкрадчиво и кокетливо. — Люди меня любят.

Он подмигивает мне и отвечает:

— Это заметно.

Позволив ему пройти чуть дальше по проходу, я громко сообщаю:

— Но я еще не получила вашу розу, мистер Даймлер.

Он не оглядывается, но кончики его ушей краснеют. Класс хихикает и гогочет. Я испытываю прилив адреналина, как всегда, когда знаешь, что поступаешь дурно, но тебе это сойдет с рук, — например, когда крадешь еду в школьной столовой или тихонько напиваешься на семейном празднике.

Линдси считает, что мистер Даймлер однажды подаст на меня в суд за сексуальные домогательства. Мне так не кажется. По-моему, он втайне получает удовольствие.

А вот и доказательство: он оборачивается к классу с улыбкой на лице.

— Судя по результатам последней контрольной, вы так и не разобрались с асимптотами и пределами, — начинает он, опершись о стол и скрестив ноги в лодыжках.

Думаю, ни один другой учитель не способен сделать математику хотя бы отдаленно интересной.

Остаток урока он почти не замечает меня — только если я поднимаю руку. Честное слово, когда наши взгляды пересекаются, все мое тело превращается в огромную мурашку. И я готова поклясться, что он чувствует то же самое.

После урока Кент догоняет меня с вопросом:

— Ну? Как тебе?

— Что? — поддразниваю я, хотя прекрасно понимаю: он имеет в виду рисунок и розу.

Кент только улыбается и меняет тему:

— Мои родители уезжают на выходные.

— Везет.

Его улыбка неколебима.

— У меня сегодня вечеринка. Придешь?

Я смотрю на Кента, которого никогда не понимала. По крайней мере, не понимала много лет. В детстве мы были очень близки — собственно, он был моим лучшим другом, а не просто первым, кто поцеловал меня, — но, едва поступив в промежуточную школу, он становился все более и более странным. С девятого класса он ходит в школу только в блейзерах, причем большинство из них порвано по швам или протерто на локтях. Он носит одни и те же разбитые кроссовки в шахматную клетку, а его длинные волосы падают на глаза каждые пять секунд. И наконец, финальный аккорд: он надевает шляпу-котелок. В школу.

Самое обидное, что он может быть клевым парнем. У него вполне подходящие лицо и тело. Под левым глазом у него крошечная родинка в форме сердца, честное слово. Но он все испортил, став таким чудачком.

— Пока я не знаю своих планов, — заявляю я. — Поживем — увидим...

И осекаюсь, давая понять, что приду, только если не подвернется ничего получше.

— Было бы здорово, — кивает он, продолжая улыбаться.

Что еще бесит в Кенте: он ведет себя так, будто мир — это огромный сверкающий подарок, который он разворачивает каждое утро.

— Посмотрим, — отвечаю я.

Дальше по коридору я вижу, как Роб ныряет в столовую, и ускоряю шаг в надежде, что Кент сообразит и свалит. Весьма оптимистично с моей стороны. Кент много лет без ума от меня. Возможно, даже со времен нашего поцелуя.

Он останавливается — наверное, ждет, что я тоже остановлюсь. Однако я не останавливаюсь. Мгновение мне стыдно, как будто я вела себя слишком грубо, но потом его голос звенит мне вслед, и по звуку становится ясно: он до сих пор улыбается. Источник:

<http://darkromance.ucoz.ru/>

— Увидимся вечером! — кричит он.

Его кроссовки скрипят по линолеуму, и мне понятно, что он развернулся и отправился обратно. Он начинает насвистывать. Свист, затихая, летит ко мне. Я не сразу различаю мелодию.

«Завтра солнце взойдет; ставь последний грош, что завтра будет солнце». Из мюзикла «Энни». Моя любимая песня в семилетнем возрасте.

Конечно, никто в коридоре не поймет, но я все равно смущаюсь и краснею. Он всегда так поступает: ведет себя так, словно знает меня лучше всех, только потому, что мы вместе играли в песочнице сто лет назад. Ведет себя так, будто последние десять лет ничего не изменили, хотя они изменили все.

В заднем кармане жужжит телефон, и я раскрываю его перед тем, как войти в столовую.

Эсэмэска от Линдси: «Сегодня туса у Кента Макчудика. Идешь?»

На секунду я останавливаюсь, глубоко вздыхаю и набираю: «Ясное дело».

В столовой «Томаса Джефферсона» съедобны только три блюда:

1. Рогалики, простые или со сливочным сыром.
2. Картошка фри.
3. Сэндвичи со стола «Сделай сам». Но только с индейкой, ветчиной или куриной грудкой. Саями и вареная колбаса — ни в коем случае, ростбиф — под вопросом. Отстой, потому что сэндвичи с ростбифом — мои любимые.

Роб стоит у кассы с компанией друзей. В его руках огромный поднос с картошкой фри; он ест ее каждый день. Роб ловит мой взгляд и кивает. (Он не особенно силен в области чувств, своих или моих. Помните «лю ты» в его любовной записке?)

Странно. Пока мы не начали встречаться, он нравился мне так сильно и так долго, что всякий раз, когда он хотя бы косился в мою сторону, у меня щемило в груди и голова шла кругом. Серьезно, иногда я чуть не падала в обморок от одной мысли о нем, так что приходилось садиться.

Однако теперь, когда мы официально вместе, при взгляде на него меня порой посещают странные мысли. Например, я гадаю, не забиты ли у него артерии от бесконечной картошки фри, чистит ли он зубы зубной нитью или как давно в последний раз стирал футболку «Янкиз», которую надевает почти каждый день. Иногда мне кажется, что со мной что-то не в порядке. Кто же не хочет быть с Робом Кокраном?

Разумеется, и совершенно счастлива; просто иногда я вынуждена вновь и вновь мысленно повторять, почему он вообще мне понравился, словно иначе забуду. К счастью, причин масса: у него черные волосы и миллион веснушек, которые его совсем не портят; он горластый, но забавный; все его знают и любят, и, наверное, половина девчонок в школе по нему сохнут; он отлично смотрится в своей футболке для лакросса; когда он очень устает, то кладет голову мне на плечо и засыпает. Это в нем самое прекрасное. Мне нравится лежать рядом с ним, когда уже поздно, темно и так тихо, что я слышу биение своего сердца. В такие мгновения я уверена, что люблю его.

Не обращая внимания на Робу, я встаю в очередь заплатить за рогалик — я тоже умею изображать неприступность, — после чего направляюсь в сектор выпускников. Остальная часть столовой представляет собой прямоугольник. Умственно отстающие сидят в самой глубине, рядом с учебными классами; затем идут столы девятиклассников, десятиклассников и одиннадцатиклассников. Сектор выпускников расположен в самом начале столовой. Это восьмиугольник с окнами со всех сторон. Ну хорошо, из окон видно только парковку. Но это лучше, чем наблюдать, как слюнявые идиоты лопают яблочное пюре. Без обид, ладно?

Элли уже сидит за нашим любимым круглым столиком у самого окна. Я ставлю поднос и кладу розы. Букет Элли лежит на столе, и я быстро пересчитываю цветы, затем здороваюсь:

— Привет. — Я показываю на ее букет и встряхиваю своим. — Девять роз. У меня тоже.

— Одна не считается, — кривится она. — Итан Шлоски прислал. Прикинь? Вот маньяк.

— Ладно тебе. У меня тоже одна не считается — от Кента Макфуллера.

— Он тебя лю-у-у-бит, — произносит Элли. — Получила эсэмэску от Линдси?

Я выковыриваю мягкую начинку из рогалика и закидываю в рот.

— Мы правда собираемся к нему на вечеринку?

— Боишься, что он изнасилует тебя прямо там? — фыркает Элли.

— Очень смешно.

— Обещали бочонок пива. — Элли отгрызает крошечный кусочек сэндвича с индейкой. — У меня дома после школы, ладно?

Могла бы не уточнять. Это наша пятничная традиция. Мы заказываем еду, роемся у Элли в шкафу, врубаем музыку погромче и танцуем, меняясь тенями для век и блеском для губ.

— Ясное дело.

Краешком глаза я слежу, как приближается Роб; внезапно он оказывается рядом, плюхается на соседний стул, наклоняется и касается губами моего левого уха. От него пахнет одеколоном «Тотал», как всегда. По-моему, немного напоминает чай с мелиссой, который пила моя бабушка, но ему незачем об этом знать.

— Привет, Саммантуй.

Он всегда выдумывает мне имена: Саммантуй, Сэм-вич, Саммит.

— Получила мою валограмму?

— А ты мою? — спрашиваю я.

Он сбрасывает с плеча рюкзак и расстегивает молнию. На дне лежит полдюжины смятых роз — вероятно, одна из них моя, — а также пустая пачка сигарет, упаковка жевательной резинки «Трайидент», сотовый телефон и пара сменных футболок. Учеба его не слишком занимает.

— От кого остальные розы? — поддразниваю я.

— От твоих конкуренток, — многозначительно отвечает он.

— Супер, — вставляет Элли. — Ты пойдешь на вечеринку к Кенту сегодня вечером, Роб?

— Может быть, — пожимает он плечами и делает скучающий вид.

Хотите секрет? Однажды, когда мы целовались, я распахнула глаза и увидела, что его глаза открыты. Он даже не смотрел на меня. Через мое плечо он разглядывал комнату.

— Обещали бочонок пива, — повторяет Элли.

Все шутят, что «Джефферсон» помогает подготовиться к колледжу: учит учиться и учит пить. Два года назад «Нью-Йорк тайме» включила нас в список десяти самых пьющих муниципальных школ в Коннектикуте.

Собственно, а чем нам еще заниматься? У нас есть торговые центры и вечеринки в подвалах. Вот и все. И так живет почти вся страна. Папа считает, что давно пора снести статую Свободы и построить большой торговый ряд или водрузить золотистые арки «Макдоналдса». Мол, тогда все поймут, к чему мы движемся.

— Гм. Прошу прощения.

Линдси стоит за спиной у Роба и покашливает, скрестив руки на груди и постукивая ногой.

— Ты занял мое место, Кокран, — сообщает она.

Но только притворяется рассерженной. Роб и Линдси всегда дружили. По крайней мере, всегда учились в одной группе и поневоле стали друзьями.

— Приношу свои извинения, Эджкомб.

Он встает и раскланивается, а она плюхается за стол.

— Увидимся вечером, Роб, — говорит Элли. — Захвати своих друзей.

Наклонившись, он зарывается лицом в мои волосы и произносит тихим, глубоким голосом:

— До встречи.

Раньше от этого голоса все нервы в моем теле взрывались фейерверком. А теперь порой он кажется мне слащавым.

— Не забудь. Сегодня будем только ты и я.

— Помню, — отзываюсь я.

Надеюсь, у меня получилось сексуально, а не испуганно. Однако ладони вспотели. Только бы он не попытался взять меня за руку!

К счастью, он не пытается. Вместо этого прижимается губами к моим губам. Мы целуемся взасос, пока Линдси не кидает мне в плечо картошкой и не восклицает:

— Только не во время еды!

— Прощайте, леди.

С этими словами Роб вразвалочку удаляется прочь. Его кепка чуть сдвинута набок.

Когда никто не смотрит, я вытираю рот салфеткой, потому что нижняя половина моего лица обслюнявлена Робом.

Вот еще один секрет о нем: я терпеть не могу, как он целуется.

Элоди считает, что все мои переживания от неуверенности, потому что мы с Робом пока не закрепили сделку. Она уверена, что мне сразу станет лучше, и наверняка права. В конце концов, Элоди в этом деле эксперт.

Она последней присоединяется к нам за обедом, ставит поднос, и мы все тянемся к ее картошке. Она без энтузиазма пытается отшлепать нас по рукам, затем швыряет свой букет на

стол. У нее двенадцать роз, и я испытываю мгновенный укол зависти. Наверное, Элли чувствует то же самое, потому что спрашивает:

— Как ты столько набрала?

— У кого ты столько набрала? — поправляет Линдси.

Элоди показывает язык — она явно довольна, что мы заметили.

Тут Элли бросает взгляд через мое плечо и хихикает.

— Псих-убийца, *qu'est-ce que c'est* [3].

Мы оборачиваемся. Джулиет Сиха, она же Психа, только что вплыла в сектор выпускников. Она не ходит, а именно плывет, словно ее влекут неподвластные силы. Длинными бледными пальцами она держит коричневый бумажный пакет. Ее лицо скрыто за завесой светлых, почти бесцветных, волос, плечи подтянуты к ушам.

Большинство собравшихся не обращают на нее внимания и вряд ли помнят о ее существовании, но мы с Линдси, Элли и Элоди визжим и втыкаем в воздух воображаемые ножи, как в «Психо» Альфреда Хичкока, который мы смотрели пару лет назад на вечеринке с ночевкой. (В результате нам пришлось спать при свете.)

Вряд ли Джулиет нас слышит. Линдси уверяет, что она вообще ничего не слышит из-за громких голосов в голове. Джулиет медленно плывет по помещению к двери на парковку. Не знаю, где она обедает. Ни разу не видела ее в столовой.

Ей приходится несколько раз толкнуть дверь плечом, чтобы выйти. Неужели она настолько хилая?

Линдси слизывает соль с картошки фри, прежде чем закинуть ее в рот, затем задает вопрос:

— Она получила нашу валограмму?

Элли кивает.

— На биологии. Я сидела сразу за ней.

— Сказала что-нибудь?

— А разве она умеет говорить? — Элли прижимает руку к сердцу, делая вид, что расстроена. — Она выбросила розу сразу после урока. Представляешь? Прямо у меня на глазах.

В девятом классе Линдси случайно стало известно, что Джулиет не прислали ни одной валограммы. Ни единой. Тогда Линдси написала записку и вместе с одной из своих роз прикрепила изолентой к шкафчику Джулиет. Записка гласила: «Может, в следующем году, но вряд ли».

С тех пор каждый год в День Купидона мы посылаем ей розу и такую же записку. Полагаю, единственную записку, которую она когда-либо от кого-либо получила. «Может, в следующем году, но вряд ли».

вернуться

Строчка из песни «Psycho Killer» (1977) рок-группы «Talking Heads».

Некрасиво, конечно, однако Джулиет заслужила свое прозвище. Она настоящая чудачка. Ходят слухи, что однажды родители нашли ее на Восемьдесят четвертом шоссе. Совершенно голая, в три часа дня она брела по разделительной полосе. В прошлом году Лейси Кеннеди поведала, что застукала Джулиет в туалете научного крыла; та без конца расчесывала волосы и таращилась на свое отражение. А еще Джулиет ни с кем не общается. Уже много лет, насколько мне известно.

Линдси ненавидит ее. Вроде бы Линдси и Джулиет работали в паре на уроках в начальной школе, и с тех самых пор Линдси ненавидит ее и скрещивает пальцы всякий раз, когда Джулиет рядом, как будто та может превратиться в вампира и вцепиться Линдси в горло.

Это Линдси в пятом классе во время похода герлскаутов обнаружила, что Джулиет описалась в спальный мешок; это Линдси наградила ее кличкой Мышка-мокрушка. Джулиет дразнили так целую вечность — до конца девятого класса, хотите — верьте, хотите — нет, — и сторонились, потому что от нее якобы пахло мочой.

В окно я вижу, как волосы Джулиет вспыхивают на солнце, будто охваченные пламенем. На горизонте клубится тьма, смазанное пятно, где зреет метель. До меня впервые доходит, что я толком не знаю, почему Линдси возненавидела Джулиет и когда именно это произошло. Я открываю рот, собираясь спросить, но подруги уже сменили тему беседы.

— ...бои в грязи, — заканчивает Элоди, и Элли хихикает.

— Ой, как мне страшно, — саркастически произносит Линдси.

Очевидно, я что-то пропустила, а потому спрашиваю:

— О чем это вы?

Элоди поворачивается ко мне.

— Сара Грундель всем рассказывает, что Линдси сломала ей жизнь. — Элоди ловко закидывает картошку в рот, и мне приходится подождать. — Она пролетела мимо четвертьфиналов, а тебе же известно, как для нее важно это дерьмо. Помнишь, как она забыла снять плавательные очки после утренней тренировки и разгуливала в них до второго урока?

— У нее, наверное, вся стена увешана наградными ленточками, — вставляет Элли.

— Как у Сэм когда-то. Правда, Сэм? — усмехается Линдси, пихая меня локтем в бок. — Голубыми ленточками за игры с лошадками.

— Так что за беда-то?

Я всплескиваю руками, поскольку хочу и историю услышать, и отвлечь внимание от себя и того факта, что когда-то я была лохушкой. В пятом классе я проводила больше времени с лошадьми, чем с представителями своего биологического вида.

— Вы можете объяснить, почему Сара злится на Линдси?

Элоди закатывает глаза, будто мне самое место за столом для умственно отсталых.

— Сару оставили после уроков. Вроде она опоздала в пятый раз за две недели.

Но я все равно не понимаю, и подруга тяжело вздыхает и поясняет:

— Она опоздала потому, что ей пришлось поставить машину на верхней парковке и топать...

— Двадцать две сотых мили! — хором выпаливаем мы и хохочем как умалишенные.

— Не переживай, Линдз, — успокаиваю я. — Если вы подеретесь, я обязательно поставлю на тебя.

— Да, мы прикроем тебе спину, — подхватывает Элоди.

— Разве не странно, как одно вытекает из другого? — робко замечает Элли, как всегда, когда пытается рассуждать. — Слово раскручивается по спирали. Если бы Линдси не украла место Сары на парковке...

— Я не краля его. Оно досталось мне по справедливости, — протестует Линдси и для пущей выразительности хлопает ладонью по столу.

Диетическая кола Элоди выплескивается из стакана прямо на картошку. Мы снова смеемся.

— Я серьезно! — Элли пытается перекричать нас. — Это как паутина, понимаете? Все связано.

— Ты снова залезла в папину нычку, Эл? — спрашивает Элоди.

От хохота мы чуть не валимся под стол. Это наша старая шутка. Папа Элли работает в музыкальном бизнесе. Он юрист, а не продюсер, менеджер или музыкант и повсюду ходит в костюме (даже в бассейн летом), но Линдси уверяет, что он тайный хиппи-анашист.

Мы сгибаемся пополам от смеха, и Элли краснеет.

— Вечно вы не слушаете меня, — жалуется она, пытаясь скрыть улыбку, и швыряет картошкой в Элоди. — Однажды я читала, что, если в Таиланде взлетит стайка бабочек, в Нью-Йорке случится гроза.

— Ага, а если ты пукнешь, во всей Португалии отключат электричество, — ухмыляется Элоди, бросая картошку обратно.

— Твое несвежее дыхание запросто вызовет паническое бегство животных в Африке. — Элли наклоняется вперед. — И я не пукаю.

Мы с Линдси хохочем, пока Элоди и Элли кидают друг в друга картошкой. Линдси пытается сказать, что они понапрасну тратят вкуснейший жир, но от смеха не может вымолвить ни слова. Наконец она вдыхает побольше воздуха и выкашливает:

— А знаете, что мне известно? Если хорошенько чихнуть, можно вызвать торнадо в Айове.

Тут даже Элли сдается, и мы начинаем вызывать торнадо, чихая и фыркая одновременно. На нас все таращатся, но нам плевать.

Примерно через миллион чихов Линдси откидывается на спинку стула, обхватив руками живот

и задыхаясь.

— Тридцать погибших в торнадо в Айове, — выдавливают она, — и еще пятьдесят пропавших. И мы снова хохочем.

Мы с Линдси решаем прогулять седьмой урок и сходить в «Ти-си-би-уай» [4]. У Линдси седьмым уроком французский, который она не переваривает, а у меня английский. Мы часто прогуливаем вместе. Мы выпускницы, на дворе второй семестр, а значит, никто и не ждет, что мы появимся в классе. К тому же я ненавижу свою учительницу английского, миссис Харбор. Она вечно уводит в какие-то дебри. Иногда я отвлекаюсь всего на пару минут, и вот она уже вещает о нижнем белье в восемнадцатом веке, или тирании в Африке, или красоте рассвета над Большим каньоном. Наверное, ей и шестидесяти нет, но я совершенно уверена, что она уже начала слетать с катушек. С моей бабушкой было так же: мысли крутились, вертелись и сталкивались друг с другом, следствия опережали причины, точка А менялась местами с точкой Б. Когда бабушка была жива, мы навещали ее, и хотя мне было всего шесть лет, я помню, как надеялась умереть молодой.

Вот вам пример иронии, миссис Харбор. Или предвидения?

Чтобы во время учебного дня покинуть кампус, нужен специальный пропуск, подписанный родителями и администрацией. Так было не всегда. Довольно долго у выпускников имелась привилегия оставлять территорию в любое время, если в расписании стояло «окно». Однако с тех пор минуло двадцать лет, и «Томас Джефферсон» успел завоевать репутацию школы с одним из самых высоких процентов подростковых самоубийств по стране. Как-то раз в Интернете мы наткнулись на статью, в которой «Коннектикут пост» назвал нас «школой самоубийц».

В один прекрасный день компания ребят выехала из кампуса и сбросилась с моста. По-видимому, групповое самоубийство. После этого нам запретили покидать школу во время учебного дня без специального разрешения. Довольно глупо, по-моему. Как если бы обнаружили, что ученики в бутылках из-под воды проносят в школу водку, и запретили пить воду.

К счастью, есть другой способ сбежать: через дыру в заборе за спортивным залом, рядом с теннисным кортом, который мы называем Курительным салоном, потому что там тусуются курильщики. Однако когда мы с Линдси выбираемся из кампуса и направляемся в лес, никого поблизости нет. Вскоре мы выходим на Сто двадцатое шоссе. Вокруг тишина и мороз. Ветки и черные листья хрустят под ногами; дыхание вырывается клубами плотного белого пара.

«Томас Джефферсон» находится в трех милях от центра Риджвью — если это можно назвать центром, — но всего в полумиле от кучки убогих магазинов, которые мы называем Рядом. Здесь есть бензоколонка, «Ти-си-би-уай», китайский ресторан — однажды пообедав там, Элоди болела два дня — и случайно затесавшийся магазинчик «Холлмарк», где продаются розовые в блестках фигурки балерин, стеклянные шары со «снегом» и прочее дерьмо. Туда-то мы и направляемся. И выйдем на редкость по-дурацки, рассекая вдоль шоссе в юбках, колготках и куртках нараспашку, из-под которых торчат топики с мехом.

вернуться

ТСВУ — сеть по продаже замороженного йогурта, название которой расшифровывается как «Лучший деревенский йогурт».

По дороге в «Ти-си-би-уай» мы проходим мимо «Хунань китчен». Сквозь закопченные стекла видно, как Алекс Лимент и Анна Картулло склонились над миской неизвестно чего.

— О-о-о, скандал!

Линдси поднимает брови, хотя на полноценный скандал это не тянет. Все в курсе, что последние три месяца Алекс изменяет Бриджет Макгуир с Анной. Все, кроме Бриджет, разумеется.

Семья Бриджет суперкатолическая. Бриджет хорошенькая и очень чистенькая, словно только что вымылась скрабом. Она наверняка бережет себя до свадьбы. По крайней мере, так она говорит; хотя Элоди считает, что Бриджет — латентная лесбиянка. Анна Картулло — всего лишь одиннадцатиклассница, но если верить слухам, переспала уже по крайней мере с четырьмя парнями. Она из небогатой семьи, что в Риджвью редкость. Ее мать парикмахер, а об отце я и вовсе не слышала. Она живет в дрянной съемной квартире сразу за Рядом. Эндрю Сингер как-то обмолвился, что у нее в спальне пахнет курицей в кисло-сладком соусе.

— Пойдем поздороваемся, — предлагает Линдси, хватая меня за руку.

— У меня сахарная ломка, — упираюсь я.

— Вот, держи.

Подруга достает из-за пояса упаковку конфет. Линдси всегда носит с собой конфеты, двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю, как будто толкает наркотики. В некотором роде так и есть.

— Всего на секундочку, честное слово.

Она затаскивает меня внутрь; звенит дверной колокольчик. Женщина за стойкой, листавшая «Ю-эс уикли», бросает на нас взгляд и возвращается к журналу, когда понимает, что мы не собираемся ничего заказывать.

Линдси садится рядом с кабинкой Алекса и Анны и опирается на стол. Она, типа, дружит с Алексом. Алекс, типа, дружит со многими, потому что приторговывает травкой, которую хранит в обувной коробке в спальне. Мы с ним киваем друг другу при встрече, вот и все наше общение. Мы в одном классе по английскому, но он посещает уроки еще реже, чем я. Наверное, остальное время он проводит с Анной. Иногда он произносит нечто вроде «чтоб ему провалиться, этому эссе!», но не больше.

— Привет, привет, — начинает Линдси. — Идешь сегодня на вечеринку к Кенту?

Лицо Алекса красное и пятнистое. Ему явно не по себе, что его застукали с Анной. А может, у него просто аллергия на здешнюю еду. Я бы не удивилась.

— Гм... Не знаю. Возможно. Посмотрим...

Он затихает.

— Там будет жутко весело, — нахальным голосом сообщает Линдси. — Возьмешь с собой

Бриджет? Она такая милая.

На самом деле Бриджет раздражает нас обеих — она слишком бойкая, к тому же носит футболки с дурацкими надписями вроде «Тот, кто идет впереди, не видит чужих задниц» (честно-честно), — Линдси презирует Анну и однажды написала «АК = БШ» на стене самого популярного туалета напротив столовой. «БШ» значит «белая шваль».

Положение, прямо скажем, неловкое; я пытаюсь его спасти и спрашиваю:

— Курица с кунжутом?

Я показываю на мясо, которое стынет в сероватом соусе в миске на столе, рядом с двумя печеньями с предсказаниями и унылого вида апельсином.

— Говядина с апельсинами, — отвечает Алекс.

Судя по всему, он рад смене темы.

Линдси бросает на меня недовольный взгляд, но я не замолкаю.

— Вы бы поосторожнее, ребята. Элоди как-то отравилась местной курицей. Ее рвало два дня подряд, прикиньте? Если это и правда была курица. Она клянется, что нашла в ней комок шерсти.

После этих слов Анна берет палочками огромный кусок, смотрит на меня и улыбается, так что мне видно, как она жует. Это она специально, чтобы меня стошнило? Похоже на то.

— Отвратительно, Кингстон, — со смехом говорит Алекс.

Линдси закатывает глаза, как будто ей жаль тратить время на Алекса и Анну.

— Пойдем, Сэм.

Она прикарманивает печенье с предсказанием и разламывает на улице.

— «Счастье придет, когда его не ждешь».

Прочитав это, Линдси кривится, и я хохочу. Она комкает листок и бросает на землю.

— Чепуха.

Я глубоко вдыхаю.

— От здешнего запаха меня всегда тошнит.

Еще бы, ведь в ресторанчике пахнет несвежим мясом, дешевым маслом и чесноком. Облака на горизонте медленно расползаются, делая пейзаж серым и размытым.

— Можешь не объяснять. — Линдси прижимает ладонь к животу. — Знаешь, что мне нужно?

— Большая порция лучшего деревенского йогурта! — восклицаю я.

Звучит намного приятней, чем «Ти-си-би-уай».

— Точно, большая порция лучшего деревенского йогурта, — эхом отзывается Линдси.

Мы обе продрогли, но все равно заказываем двойные шоколадные мягкие замороженные йогурты с карамельной и шоколадной крошкой, которые съедаем по дороге в школу, дую на пальцы, чтобы не отморозить. Алекс и Анна уже ушли из «Хунань китчен», но мы снова натываемся на них в Курительном салоне. До начала восьмого урока осталось ровно семь минут, и Линдси тащит меня за теннисные корты выкурить по сигаретке. Я не вслушиваюсь в ссору Алекса и Анны, но мне кажется, что они ссорятся. Анна опустила голову, а Алекс держит ее за плечи и что-то шепчет. Сигарета в его руке вот-вот подожжет ее тусклые коричневые волосы; так и вижу, как ее голова вспыхивает, словно спичка.

Линдси докуривает, и мы бросаем упаковки из-под йогурта прямо на землю, на мерзлые черные листья, смятые сигаретные пачки и полиэтиленовые пакеты, залитые дождевой водой.

Я тревожусь из-за сегодняшней ночи — наполовину от страха, наполовину от предвкушения, — как бывает, когда слышишь гром и знаешь, что в любую секунду молния разорвет небо, пронзая облака своими клыками. Зря я прогуляла английский. У меня освободилось время на раздумья. А размышления еще никому не шли на пользу, что бы там ни говорили родители, учителя и чудaki из научного клуба.

Мы огибаем корты по периметру и идем по Аллее выпускников. Алекс и Анна все еще стоят, полускрытые спортивным залом. Алекс курит по меньшей мере вторую сигарету. Определенно, они ссорятся. Я испытываю мгновенный прилив удовольствия: мы с Робом никогда не ссоримся, разве только по пустякам. Это что-нибудь да значит.

— Неприятности в раю, — замечаю я.

— Больше напоминает неприятности на парковке для трейлеров, — уточняет Линдси.

Мы пересекаем учительскую парковку, срезая путь, и видим мисс Винтере, заместителя директора. Она рыщет между машин в надежде отыскать курильщиков, которые не успели или поленились дойти до Салона и попытались спрятаться между старыми учительскими «вольво» и «шевроле». У мисс Винтере настоящий пунктик насчет курильщиков. По слухам, ее мама умерла от рака легких, эмфиземы или типа того. Если мисс Винтере застукает кого-то за курением, то обязательно оставит после уроков три пятницы подряд, без вариантов.

Линдси лихорадочно роется в сумке в поисках «Трайдента» и закидывает в рот сразу две подушечки.

— Черт, черт.

— За один только запах тебе ничего не сделают, — успокаиваю я ее.

Ей и самой это ясно, но она любит устраивать представления. Забавно, что можно знать друзей как облупленных и все равно играть с ними в одни и те же игры.

Она не обращает внимания, лишь выдыхает:

— Ну как?

— Как на ментоловой фабрике.

Мисс Винтере пока нас не заметила. Она идет по рядам, время от времени нагибаясь и заглядывая под машины, как будто кто-то может лежать там и курить. Вот почему за глаза ее называют Никотиновой Фашисткой.

Я медлю и оборачиваюсь на спортивный зал. Мне не особенно нравится Алекс и совсем не нравится Анна, но любой, кто учился в средней школе, понимает, что надо держаться вместе против родителей, учителей и копов. Это одна из пресловутых невидимых линий: мы против них. Есть вещи, которые просто знаешь, и все. Например, где сидеть, с кем общаться и что есть в столовой. Ты даже не задаешься вопросом, откуда тебе это известно. Если вы понимаете, о чем я.

— Может, вернемся и предупредим их? — предлагаю я.

Подруга останавливается и щурится на небо, будто размышляет.

— К черту, — наконец произносит она. — Пусть сами о себе позаботятся.

Звенит звонок на последний урок, словно подчеркивая ее правоту, и она пихает меня в бок.

— Скорее.

Линдси права, как всегда. В конце концов, что хорошего они мне сделали?

Дружба: история

Мы с Линдси подружились в седьмом классе. Она сама меня выбрала, до сих пор даже не догадываюсь почему. Много лет я лезла вон из кожи, но сумела пробиться с самого дна только в середнячки. Линдси же популярна с первого класса, с тех пор как сюда переехала. Ее сразу назначили инспектором манежа в школьном цирке. На следующий год мы ставили «Волшебника из страны Оз», и она была Дороти. В третьем классе ей досталась роль Чарли в постановке «Чарли и шоколадная фабрика».

Надеюсь, суть вы уловили. Рядом с ней пьянеешь без вина, как будто края мира сглаживаются и цвета кружатся безумной каруселью. Разумеется, с ней я не вдавалась в эти подробности. Она бы заявила, что я домогаюсь ее.

В общем, летом перед седьмым классом Тара Флют устроила вечеринку у бассейна. Бет Шифф выделялась на глубине — прыгала «бомбочкой», а точнее, хвасталась сиськами третьего размера, которые отрастила где-то между маем и июлем. Ни у кого из девчонок таких больших пока не было. Я отправилась в дом за газировкой, где ко мне подбежала Линдси со сверкающими глазами. Никогда прежде мы не общались. Она схватила меня за руку и заявила:

— Ты должна это увидеть.

Ее дыхание пахло мороженым. Она затащила меня в комнату Тары, где девчонки побросали сумки и сменную одежду. Сумка Бет была розовой с вышитыми фиолетовыми инициалами сбоку. Линдси явно уже порылась в ней, потому что сразу присела на корточки и достала прозрачный пакет на молнии — в начальной школе мы носили в таких ручки.

— Смотри!

Она встряхнула пакетом над головой. Внутри лежали два тампона.

Слово за слово, и мы с Линдси помчались обыскивать ящики и шкафчики в поисках тампонов и прокладок матери и старшей сестры Тары. У меня голова кружилась от счастья. Мы с Линдси Эджкомб разговаривали, и не просто разговаривали, а смеялись, и не просто смеялись, а смеялись до упаду, так что мне пришлось сжать ноги, иначе бы я описалась! Затем мы

выскочили на террасу и принялись швырять тампоны в собравшихся, пригоршню за пригоршней. Линдси вопила: «Бет! Это выпало из твоей сумки!» Несколько тампонов полетело в воду, и парни стали толкаться и пихаться, чтобы поскорее выбраться из бассейна, как будто боялись испачкаться. Бет ежилась на трамплине, мокрая как мышь и трясущаяся, пока остальные загибались от хохота.

Я вспомнила, как в четвертом классе родители привезли меня в Большой каньон и поставили на обрыве, чтобы сфотографировать. У меня не получалось унять дрожь в ногах; ступни покалывало, как будто им не терпелось спрыгнуть: я против воли думала, как легко отсюда упасть, как высоко мы забрались. Когда мама сделала кадр и разрешила мне слезть, я начала смеяться и никак не могла остановиться.

На террасе с Линдси я испытывала то же самое.

С того дня мы с ней стали лучшими подругами. Элли присоединилась к нам позже, летом перед восьмым классом, после того как они с Линдси вместе выступали в лиге по хоккею на траве. Элоди переехала в Риджвью в девятом классе. На одной из своих первых вечеринок она подцепила Шона Мортонa, по которому Линдси сохла полгода. Все решили, что Линдси убьет Элоди. Но в понедельник Элоди села за наш стол, и они с Линдси склонились над тарелкой спиральной картошки фри, хихикая и болтая, словно знали друг друга всю жизнь. Я рада этому. Хотя Элоди умеет смутить, в глубине души она, пожалуй, лучшая из нас.

Вечеринка

После школы мы идем к Элли. Когда мы были младше, в девятом классе и до середины десятого, иногда мы оставались у нее, мазались глиняными масками и заказывали горы китайской еды, таская двадцатки из банки для печенья на третьей полке рядом с холодильником, в которой отец Элли хранит тысячу долларов на черный день. Мы называли это «черными китайскими вечерами». Затем мы падали на гигантский диван и смотрели фильмы, пока не засыпали, переплетя ноги под огромным флисовым одеялом, — экран у телевизора в гостиной Элли большой, как в кинотеатре. Но за последние два года мы оставались у Элли только раз, когда Мэтт Уайльд бросил ее и она так рыдала, что наутро проснулась опухшей, как крот.

Сегодня мы совершаем набег на шкаф Элли, чтобы не идти на вечеринку Кента в одинаковых нарядах. Элоди, Элли и Линдси уделяют особое внимание моему внешнему виду. Элоди красит мне ногти ярко-красным лаком; ее руки чуть дрожат, и немного лака попадает на кутикулу, отчего кажется, будто я истекаю кровью, но из-за внутренних переживаний мне плевать. Мы с Робом договорились встретиться у Кента, и Роб уже прислал эсэмэску: «Прикинь, я кровать заправил». Я позволяю Элли выбрать мне наряд — золотой топик, слишком свободный в груди, и пару сумасшедших шпилек на четырехдюймовых каблуках (она называет их «стриптизерскими туфлями»). Линдси делает мне макияж, напевая и дыша водкой. Мы все приняли по две стопки, запив клюквенным соком.

Затем я закрываюсь в ванной, где теплое покалывание поднимается от кончиков пальцев к голове, и пытаюсь запомнить, как выгляжу сейчас, в этот миг. Через некоторое время мои черты просто повисают в зеркале, как будто принадлежат незнакомке.

В детстве я часто запиралась в ванной и включала такой горячий душ, что зеркала совсем запотевали, затем вставала и наблюдала, как мое лицо медленно выступает из-за пара, сначала очертания, затем постепенно детали. Каждый раз я верила, что увижу красавицу, как будто за время душа превратилась в кого-то идеального и яркого. Но отражение всегда было одним и

тем же.

В ванной Элли я улыбаюсь от мысли: «Завтра наконец-то я стану другой».

Линдси вроде как помешана на музыке и потому составляет плейлист для поездки к дому Кента, хотя он живет всего в нескольких милях. Мы слушаем Доктора Дре и Тупака, а потом врубаем «Baby Got Back» и хором подпеваем.

Но вот что самое странное: пока мы петляем по привычным улицам — улицам, которые я знаю всю жизнь, изученным до последней мелочи, как будто я сама их придумала, — мне кажется, что я плыву над всем, парю над домами, дорогами, дворами и деревьями, поднимаюсь все выше, и выше, и выше, над «Роккиз» и «Райт эйд», бензоколонкой и «Томасом Джефферсоном», футбольным полем и железными скамейками на открытой трибуне, на которых мы сидим на каждом матче выпускников и вопим что есть мочи. Словно все стало маленьким и неважным. Словно это всего лишь мои воспоминания.

Элоди рыдает навзрыд. Она всегда раскидает первой. Элли прихватила остатки водки, но запить нечем. Линдси за рулем, потому что она может пить всю ночь без малейших последствий.

Дождь начинается, когда мы уже почти приехали, но так тихо, что практически висит на месте, как огромный белый занавес. Когда я в последний раз была у Кента? На девятый день рождения? Я совсем забыла, как глубоко в лесу находится его дом. Подъездная дорожка извивается целую вечность. Виден только тусклый свет фар, который отражается от гравия и выхватывает мертвые ветви деревьев, склонившиеся над головой, да крошечные бриллиантики дождя.

Элли поправляет топик. Мы все одолжили у нее новые топики, но она решила остаться в старом, отороченном мехом, хотя в свое время возражала против его покупки.

— Напоминает начало фильма ужасов, — шепчет она. — Ты уверена, что номер дома — сорок два?

— Еще немного, — заверяю я, хотя начинаю подозревать, что мы повернули слишком рано.

У меня сосет под ложечкой, и я не знаю, хорошо это или плохо.

Лес смыкается все теснее и теснее, пока ветки чуть не мажут по дверцам машины. Линдси ноет, что автомобиль поцарапает. Кажется, нас вот-вот засосет в темноту, и в тот же миг лес резко заканчивается и перед нами возникает самая большая и красивая лужайка, какую только можно вообразить; посередине стоит белый дом, будто сделанный из сахарной глазури. У него есть балконы и длинное крыльцо вдоль двух стен; ставни тоже белые и украшены резьбой, которую не видно в темноте. Ничего подобного я не припомню. Может, дело в выпивке, но мне кажется, что это самый превосходный особняк на свете.

С минуту мы молча смотрим. Половина здания тонет во мраке; с верхнего этажа на лужайку льется теплый свет, окрашивая траву серебром.

— Размером он почти с твой дом, Эл, — замечает Линдси.

Лучше бы она промолчала. Ее слова разрушили чары.

— Почти, — соглашается Элли.

Она достает из сумки водку, делает большой глоток, кашляет, рыгает и вытирает рот.

— Дай глотнуть, — просит Элоди и тянется к бутылке.

Каким-то образом бутылка переходит ко мне, и я отпиваю. Водка обжигает горло; противный напиток, все равно что краска или бензин, зато мне сразу становится хорошо. Мы вылезаем из машины; свет из окон растекается, подмигивая мне.

На вечеринках у меня всегда ноет низ живота. Но это приятное ощущение: как будто может случиться все, что угодно. Хотя обычно ничего не происходит. Вечера перетекают друг в друга, недели в недели, месяцы в месяцы, и рано или поздно мы все умрем.

Однако в начале вечера возможно все. Парадная дверь заперта, и нам приходится обойти кругом, где за задней дверью начинается очень узкий коридор, обшитый деревянными панелями, и крошечная крутая деревянная лестница. Пахнет чем-то из детства, но я не могу разобрать чем. Раздается звон разбитого стекла и чей-то вопль: «Ложись!» Из колонок ревет «Дуджиас»: «Все чтецы собрались в этом клубе; если рифмовать умеешь круто, держи микрофон». Лестница такая узкая, что нам приходится выстроиться друг за другом, потому что народ с пустыми пивными кружками течет вниз. Большинству приходится поворачиваться и прижиматься спиной к стене. Мы здороваемся с парой человек и игнорируем остальных. Как обычно, я чувствую, что все смотрят на нас. Вот еще один плюс популярности: не нужно обращать внимание на то, что на тебя обращают внимание.

Наверху полутемный коридор украшен разноцветными рождественскими гирляндами. Здесь множество комнат, одна за другой, каждая набита задрапированными тканями, большими подушками и диванами с людьми. Все мягкое и приглушенное — цвета, поверхности, лица, — все, кроме музыки, которая пульсирует сквозь стены и заставляет вибрировать пол. В доме курят, и в воздухе висит плотная сизая завеса. Я курила травку всего один раз, но, наверное, именно так чувствуешь себя под кайфом.

Линдси наклоняется назад и что-то говорит, однако из-за гула голосов ничего не разобрать. Затем она удаляется, пробираясь сквозь толпу. Я оборачиваюсь, но Элоди и Элли тоже исчезли; внезапно мое сердце начинает колотиться, а ладони зудеть.

Недавно мне приснился кошмар: я стою посреди огромной толпы, и меня толкают то влево, то вправо. Лица кажутся знакомыми, но странно перекошены: мимо проходит девушка, похожая на Линдси; ее рот стекает вниз, словно тает. Никто не узнает меня.

Конечно, находиться в доме Кента не то же самое, ведь я знаю почти всех, кроме нескольких одиннадцатиклассниц и пары девчонок, которые, возможно, учатся в десятом классе. Но все же этого хватает, чтобы я немного встревожилась.

И даже почти отчаялась. Может, подойти к Эмме Хаузер, как ни противно общаться с подобным убожеством? Внезапно я ощущаю крепкое объятие и запах мелиссы. Роб!

Он слюнявит мне ухо.

— Красотка Сэмми! Где ты была всю мою жизнь?

Я оглядываюсь. Его лицо ярко-красное.

— Ты напился, — укоряю я его, хотя и не собиралась.

Он безуспешно пытается поднять одну бровь.

— Совсем чуть-чуть. А ты опоздала. — Он лениво усмехается уголком рта. — Мы тут пили вверх ногами.

— Мы не опоздали, — возражаю я. — Еще только десять часов. И вообще, я звонила тебе.

Роб хлопает себя по куртке и карманам.

— Наверное, куда-то задевал телефон.

Я закатываю глаза.

— Негодник.

— Мне нравится, когда ты старомодно выражаешься.

Второй уголок его рта медленно ползет вверх, и мне ясно, что он собирается меня поцеловать. Я отворачиваюсь и ищу глазами подруг, но их и след простыл.

В углу я замечаю Кента в галстук и рубашке на три размера больше, заправленной в поношенные брюки-хаки. Хорошо хоть котелок не напялил. Кент болтает с Фиби Райфер, они над чем-то смеются. Мне неприятно, что он до сих пор меня не увидел. Отчасти я надеюсь, что он поднимет глаза и бросится ко мне, как обычно, но он только склоняется к Фиби, наверное, чтобы лучше ее слышать.

— Побудем еще часок, ладно? — Роб притягивает меня к себе. — И уедем.

Когда он целует меня, его дыхание пахнет пивом и немного сигаретами. Я закрываю глаза и вспоминаю, как в шестом классе застучала его целующимся с Габби Хэйнес и так возревновала, что два дня не могла есть. Интересно, со стороны кажется, что мне нравится с ним целоваться? По Габби казалось.

Размышления о том, как забавна жизнь, успокаивают меня.

Я даже не успела снять куртку. Роб расстегивает молнию, обнимает меня за талию и лезет под топик. Его ладони большие и потные.

Отстранившись, я успеваю сказать:

— Не здесь же, перед всеми.

— Никто не смотрит, — говорит он, снова притягивая меня к себе.

Это неправда. Ему известно, что все смотрят на нас. Он видит это. Он даже глаза не закрыл.

Его ладони гладят мой живот, пальцы теребят косточки лифчика. Он не особо ловко управляет с лифчиками. Да и с грудями тоже, если на то пошло. В смысле, я, конечно, не в курсе, чего ожидать, но он просто мнет сиськи по кругу. Мой гинеколог делает то же самое на осмотре, так что один из них явно не прав. И вряд ли гинеколог.

Хотите, открою свой самый большой секрет? Я знаю, что положено дожидаться секса с тем, кого любишь и все такое, и я люблю Роба — в смысле, я всегда была в него влюблена, так что как же иначе? Но я не потому решила заняться с ним сексом.

Я решила заняться сексом, чтобы поскорее с этим покончить и потому, что секс всегда пугал меня и мне надоело бояться.

— Скорей бы проснуться рядом с тобой, — шепчет Роб мне на ухо.

Очень мило, но я не могу сосредоточиться, когда его руки шарят по моему телу. До меня внезапно доходит, что я никогда не думала про утро. Понятия не имею, как надо вести себя на следующий день после секса. Я воображаю, как мы лежим на рассвете бок о бок, не касаясь друг друга, и молчим. В комнате Роба нет занавесок — он сорвал их как-то по пьяни. Днем кажется, что на его кровать направлен прожектор. Прожектор или любопытный глаз.

— Найдите себе комнату!

К нам подходит Элли и морщится. Я отстраняюсь от Роба.

— Извращенцы, — возмущается она.

— А это что, не комната?

Роб поднимает руки и указывает по сторонам. Он выплескивает немного пива на мой топик, и я недовольно фыркаю. Он пожимает плечами. В его стакане осталось всего полдюйма пива, и он хмурится, глядя на донышко.

— Прости, детка. Схожу за добавкой. Вам захватить?

— У нас с собой, — отвечает Элли, поглаживая бутылку в сумочке.

— Мудро.

Роб пытается постучать пальцем по лбу, но чуть не протыкает себе глаз. Он выпил больше, чем я думала. Элли хихикает, прикрыв рот рукой.

— Мой парень — идиот, — изрекаю я, как только он, шатаясь, уходит.

— Клевый идиот, — поправляет Элли.

— Это все равно что «клевый мутант». Такого не бывает.

— Еще как бывает.

Элли оглядывает комнату, надув губы, чтобы парням хотелось их поцеловать.

— Кстати, а куда вы пропали?

Я переживаю из-за сущих пустяков: из-за того, что подруги меня бросили всего через тридцать секунд после прихода на вечеринку, из-за того, что Роб так напился, из-за того, что Кент продолжает болтать с Фиби Райфер, хотя предполагается, что он без ума от меня. Разумеется, мне не нужно, чтобы он был без ума от меня. Просто его постоянство всегда странным образом меня успокаивало. Я выхватываю бутылку из сумки Элли и делаю очередной глоток.

— Осматривали дом. Здесь семнадцать комнат, прикинь? Сама погляди.

Видя мою гримасу, Элли вскидывает руки.

— Что? Как будто мы бросили тебя в чистом поле!

Она права. Не понимаю, с чего я завелась.

— А где Линдси и Элоди?

— Элоди присосалась к Пончику, а Линдси и Патрик ругаются.

— Уже?

— Ага, ну, они целовались первые три минуты. Подождали четвертой и разорались.

Я сгибаюсь пополам, и мы с Элли хохочем. Мне становится лучше. Водка наполняет голову теплом. Новые гости все появляются; комната немного вращается. Но это приятное чувство, словно сидишь на очень медленной карусели. Мы с Элли решаем спасти Линдси, пока ее ссора с Патриком не переросла в настоящий скандал.

Кажется, заявила вся школа, но на самом деле ребят только шестьдесят или семьдесят. Столько еще ни разу не собиралось ни на одной вечеринке. Тут все сливки и середнячки двенадцатого класса с точки зрения популярности — Кент едва зацепился за последнюю перекладину общественной лестницы, но он хозяин, так что сойдет, — кое-кто из одиннадцатиклассниц покруче и парочка по-настоящему крутых десятиклассниц. Я знаю, что должна ненавидеть их, как ненавидели нас на вечеринках выпускников, когда мы были десятиклассницами, но, если честно, мне все равно. Элли, однако, проходя мимо стайки десятиклассниц, бросает на них ледяной взгляд и отчетливо произносит: «Шалавы». Одна из них, Рейчел Корниш, по слухам, недавно подцепила Мэтта Уайльда.

Разумеется, никаких девятиклассниц. Подонки общества тоже не пришли. Не потому, что их могли поднять на смех, хотя, вероятно, подняли бы. Дело не только в этом. Обычно они узнают о вечеринках, когда уже все закончилось. Им неизвестна информация, которой владеем мы: о секретном боковом входе в домик для гостей Эндрю Робертса, или о том, что Карли Яблонски спрятала в гараже холодильник, где можно хранить пиво, или о том, что в «Роккиз» не очень-то внимательно проверяют удостоверения личности, или о том, что «Микс» открыт круглые сутки и там готовят лучший на свете омлет с сыром, истекающий маслом и кетчупом, самое то, когда напьешься. В средней школе есть два мира, которые существуют параллельно друг другу и никогда не соприкасаются: имущие и неимущие. По-моему, это хорошо. В конце концов, средняя школа должна готовить к настоящей жизни.

Здесь так много крошечных комнат и коридоров — как в лабиринте. Во всех полно людей и дыма. Только одна дверь закрыта; на ней висит большая табличка «Не входить», внизу куча странных наклеек для бампера: «Не мешай крутить педали», «Поцелуй меня — я ирландец» и тому подобное.

Когда мы находим Линдси, они с Патриком уже помирились, кто бы мог подумать. Она сидит у него на коленях; он курит косяк. Элоди и Стив Маффин укрылись в углу. Он прислонился к стене, а она наполовину танцует, наполовину трется о него. Из ее рта свисает незажженная сигарета фильтром наружу, а волосы в полном беспорядке. Стив придерживает подружку одной рукой, чтобы та не упала, и в то же время болтает с Лиз Хаммер (ее действительно так зовут, и машина у нее, как ни странно, именно «хаммер»), как будто Элоди вообще нет рядом, не говоря уже о том, что она трется о него.

— Бедная Элоди. — Почему-то внезапно мне становится ее жалко. — Она слишком хорошая.

— Она шлюшка, — беззлобно заявляет Элли.

— Как, по-твоему, мы что-нибудь из этого запомним? — Не знаю, откуда берутся слова; в голове пусто и звонко, словно она вот-вот взлетит. — Как думаешь, мы будем что-нибудь помнить через два года?

— Я и завтра-то не вспомню, — смеется Элли, барабанив по бутылке в моей руке.

Осталось всего четверть. Не пойму, когда мы успели столько выпить.

При виде нас Линдси верещит и скатывается с колен Патрика, протягивая руки, как будто мы сто лет не виделись. Она выхватывает у меня водку и делает глоток; ее рука обвивает мою шею, на мгновение сжимает горло.

— Куда вы подевались? — вопит она; ее голос прекрасно различим, несмотря на музыку и смех. — Я повсюду вас искала.

— Вранье, — отрезаю я.

— Разве что во рту у Патрика, — поддакивает Элли.

Мы хихикаем над тем, что Линдси — врунишка, Элоди — пьяница, Элли страдает ОКР [5], а я боюсь людей. Кто-то приоткрывает окно, чтобы выпустить дым, и в комнату сыплется мелкая морось, пахнувшая травой и свежестью, хотя на дворе середина зимы. Пока никто не видит, я протягиваю руку назад и кладу ладонь на подоконник, наслаждаясь холодным воздухом и миллионами укулов дождя. Я зажмуриваюсь и обещаю себе, что никогда не забуду это мгновение: смех подруг, жар множества тел и запах дождя.

Когда я открываю глаза, меня ждет самое большое потрясение в жизни. Джулиет Сиха стоит в дверном проеме и смотрит на меня.

Вообще-то она смотрит на всех четверых: меня, Линдси, Элли и Элоди, которая только что оставила Стива и присоединилась к нам. Волосы Джулиет стянуты в конский хвост; пожалуй, я впервые вижу ее лицо.

Удивительно, что она пришла, но еще более удивительно, что она оказалась хорошенькой. У нее широко расставленные голубые глаза и высокие скулы, как у модели. Кожа идеально белая и чистая. Я не могу отвести от нее глаз.

Люди толкают и пихают ее, потому что она загораживает дверной проем, но она продолжает стоять и смотреть.

Тут Элли замечает нежданную гостью, и у нее отвисает челюсть.

— Что за?..

Элоди и Линдси поворачиваются выяснить, куда мы уставились. Линдси немедленно бледнеет — она даже кажется испуганной, что по-настоящему странно, — но я не успеваю удивиться, потому что ее лицо так же быстро багровеет, она уже готова оторвать кому-нибудь голову. Ну вот, совсем другое дело! Элоди истерически хохочет, сгибается пополам и закрывает рот обеими руками.

— Поверить не могу, — повторяет она. — Поверить не могу.

Она пытается напеть «Псих-убийца, qu'est-ce que c'est», но мы по-прежнему в шоке и не подхватываем.

Знаете, как в фильмах люди говорят или делают что-нибудь неуместное, и музыка со скрежетом обрывается, и повисает мертвая тишина? У нас примерно то же самое. Правда, музыка не смолкает, но по мере того как до народа доходит, что Джулиет Сиха — ссыкуня, чудачка и законченный псих — стоит посреди вечеринки и с отвращением разглядывает четырех самых популярных девушек в «Томасе Джефферсоне», болтовня прекращается и комнату наполняет тихий шепот, все более громкий и настоящий, напоминающий гул ветра или океана.

Наконец Джулиет Сиха отлипает от двери, медленно направляется к нам — никогда не видела ее такой спокойной — и останавливается в трех футах от Линдси.

— Сука, — произносит Джулиет.

Ее голос ровный и слишком громкий, как будто она намеренно обращается ко всем в комнате. Я всегда думала, что ее голос высокий или хриплый, но он глубокий и низкий, как у парня.

Линдси не сразу находится с ответом и наконец выдавливает:

— Что ты сказала?

Джулиет не встречалась с Линдси глазами с пятого класса и уж тем более не общалась с ней. И уж тем более не оскорбляла ее.

— Что слышала. Сука. Гадина. Плохой человек.

Джулиет поворачивается к Элли.

— Ты тоже сука.

К Элоди.

— Сука.

Она смотрит на меня, и на мгновение в ее глазах мелькает что-то знакомое, но тут же исчезает.

— Сука.

Мы так потрясены, что пребываем в полном замешательстве. Элоди снова нервно хихикает, икает и умолкает. Линдси открывает и закрывает рот, как рыба, но молчит. Элли сжимает кулаки, словно хочет дать Джулиет по морде.

И хотя я рассержена и сбита с толку, единственное, о чем я могу думать при виде Джулиет, — это: «Я понятия не имела, что ты такая хорошенькая».

Собираясь с мыслями, Линдси наклоняется к Джулиет, так что между их лицами остается всего несколько дюймов. Я никогда не видела подругу в такой ярости. Ее глаза вот-вот выскочат из орбит, а рот напоминает рычащую собачью пасть. На мгновение она становится по-настоящему уродливой.

— Лучше быть сукой, чем психом, — шипит она, хватая Джулиет за блузку.

У нее изо рта летят капельки слюны — так она разъярена. Она толкает Джулиет назад, прямо на Мэтта Дорфмана. Тот отпихивает Джулиет, и она налетает на Эмму Макэлрой. Линдси кричит: «Психа, Психа!» — и издает пронзительные звуки, втыкая в воздух невидимый нож, как в фильме «Психоз», и вот уже все хором скандируют: «Психа!», втыкают невидимые ножи, визжат и толкают Джулиет во все стороны. Элли первая выливает ей на голову пиво, и все берут с нее пример; Линдси поливает Джулиет водкой, и когда Джулиет, спотыкаясь, падает на меня, наполовину промокшая, и вытягивает руки, пытаюсь обрести равновесие, я хватаю с подоконника недопитое пиво и выплескиваю на нее. Я даже не сознаю, что ору вместе со всеми, пока мое горло не начинает гореть.

вернуться

5

ОКР — обсессивно-компульсивное психическое расстройство, характеризуется навязчивыми мыслями, воспоминаниями, движениями и действиями, а также фобиями.

Джулиет смотрит на меня. Не могу объяснить — это похоже на бред, — но в ее глазах мелькает что-то вроде жалости, словно она жалеет меня.

Из меня мгновенно вышибает дух, как будто от удара в живот. Не раздумывая, я бросаюсь к ней и пихаю что есть мочи; она налетает на книжный шкаф, и тот чуть не падает. Я толкнула ее в сторону двери, и она выбегает из комнаты под визг, смех и возгласы «Психа!». Джулиет протискивается мимо Кента, который только что пошел, возможно, хотел выяснить, из-за чего такой переполох.

На секунду мы встречаемся глазами. Я не вполне понимаю, что он думает, но явно ничего хорошего. Я отворачиваюсь; мне жарко и неловко. Все снова оживленно гудят, веселятся и обсуждают Джулиет, но мне никак не отдышаться; водка обжигает желудок и ползет обратно по горлу. В помещении душно; пространство кружится быстрее, чем раньше. Мне нужен воздух.

Но когда я пытаюсь выбраться из комнаты, Кент вырастает передо мной и загораживает проход.

— Что тут творится? — спрашивает он.

— Пожалуйста, дай мне пройти.

У меня нет настроения с кем-либо общаться, особенно с Кентом, облаченным в дурацкую рубашку на пуговицах.

— Она хоть раз тебя обидела?

Я скрещиваю руки на груди.

— Все понятно. Ты подружился с Психой. Я угадала?

Он щурится.

— Клевая кличка. Сама придумала или подруги подсказали?

— Уйди с дороги.

Мне удастся протиснуться мимо него, но он хватает меня за плечо с вопросом:

— Почему?

Мы находимся так близко, что я чую запах мятных леденцов и вижу родинку в форме сердца под левым глазом, хотя все остальное размыто. Он смотрит на меня, будто отчаянно пытается что-то понять, и это хуже, намного хуже всего, что уже успело произойти, — хуже Джулиет с ее яростью и того, что меня может стошнить в любую секунду.

Я пытаюсь сбросить его руку с плеча.

— Да потому, что нельзя трогать всех подряд. Нельзя трогать меня. У меня есть парень.

— Потише. Я только пытаюсь...

— Отстань!

Мне удастся стряхнуть его руку. Я понимаю, что веду себя слишком громко и вызывающе, как истеричка, но ничего не могу поделать.

— Что ты себе напридумывал? Я не стану с тобой встречаться. Не стала бы и через миллион лет. Так что прекрати меня преследовать. Странно, что я вообще помню, как тебя зовут.

Вылетая, слова словно душат меня: внезапно я начинаю задыхаться.

Кент пристально на меня сморит. Затем наклоняется еще ближе. На мгновение мне кажется, что он собирается меня поцеловать, и сердце замирает в груди.

Но он только шепчет мне на ухо:

— Я вижу тебя насквозь.

— Ты не знаешь меня. — Я отшатываюсь, дрожа. — Ты ничего обо мне не знаешь.

Как бы сдаваясь, он поднимает руки и отступает назад.

— Ты права. Не знаю.

Он отворачивается и что-то бормочет.

— Что ты говоришь?

Сердце колотится в груди так сильно, что вот-вот взорвется. Кент снова бросает на меня взгляд.

— Я говорю: «Слава богу».

Жалея, что надела шпильки Элли, я ковыляю прочь. Комната кружится, и мне приходится держаться за стойку перил.

— Твой парень внизу, блюет в раковину на кухне, — кричит вдогонку Кент.

Я показываю ему средний палец через плечо, не оборачиваясь и не проверяя, смотрит ли он,

но почему-то мне кажется, что не смотрит.

Еще до того, как спуститься и выяснить, не соврал ли Кент, я понимаю, что сегодня не та самая ночь. Меня окатывает волна облегчения и разочарования, так что приходится держаться за стену, чувствуя, как ступеньки выются по спирали, словно норовят выскользнуть из-под ног. Сегодня не та самая ночь. Завтра я проснусь прежней, и мир будет прежним, и на ощупь и вкус все останется таким же, как раньше. У меня сжимается горло, глаза горят, и в этот миг я думаю об одном: это Кент во всем виноват; Кент и Джулиет Сиха.

Через полчаса вечеринка сворачивается. Кто-то сдернул рождественские гирлянды со стен, и они извиваются по полу, как змеи, подсвечивая в углах парящие пылинки.

Я уже почти пришла в норму. «Завтра все будет в порядке», — заверила Линдси, когда узнала о Робе. Мысленно я повторяю эту фразу вновь и вновь, точно мантру. «Завтра все будет в порядке. Завтра все будет в порядке».

В ванной я провожу двадцать минут, умываюсь, заново крашусь, хотя руки дрожат, а отражение в зеркале двоится. Всякий раз, когда крашусь, я вспоминаю мать — я любила наблюдать, как она склоняется над туалетным столиком, готовясь к свиданиям с моим отцом, — и это успокаивает меня. «Завтра все будет в порядке».

Это мое любимое время ночи, когда почти все спят и кажется, что мир принадлежит нам с подругами, как будто ничего не существует, кроме нашего маленького кружка: всюду царят тьма и тишина.

Мы с Элоди, Элли и Линдси уходим. Толпа потихоньку редет, но передвигаться по-прежнему сложно. Линдси громогласно предупреждает: «Осторожно, осторожно, разойдись, едет женская "скорая"!» Много лет назад в Покипси на концерте для подростков мы обнаружили, что лучший способ заставить людей расступиться — упомянуть о женской «скорой». Обычно все думают, что понимают смысл.

По дороге мы проходим мимо парочек, которые обжимаются в углах и на лестнице. За закрытыми дверями раздается приглушенное хихиканье. Элоди стучит по дверям кулаком и кричит: «Берегите любовь!» Линдси оборачивается и что-то шепчет Элоди, та замолкает и виновато смотрит на меня. Но мне наплевать на Роба и упущенный шанс, однако внезапно накатывает усталость, так что даже нет сил говорить.

Мы видим Бриджет Макгуир — она сидит на краю панны за приоткрытой дверью. Она обхватила голову руками и плачет.

— Что с ней? — интересуюсь я, пытаюсь справиться с головокружением.

Мои собственные слова доносятся откуда-то издалека.

— Она бросила Алекса, — сообщает Линдси, хватая меня под локоть; она кажется трезвой, но зрачки у нее огромные, а белки глаз налиты кровью. — Представляешь? Она выяснила, что Никотиновая Фашистка застукала Алекса и Анну. Он наврал, что идет к врачу.

Музыка продолжает играть, так что мы не слышим Бриджет, но ее плечи ходят ходуном вверх и вниз, будто у нее судороги.

— И слава богу. Вот подонок! — добавляет Линдси.

— Все они подонки, — откликается Элоди.

Она поднимает кружку с пивом, немного расплескавшимся по дороге. Не уверена, что она вообще понимает, о чем речь.

Линдси ставит кружку на приставной столик на потрепанный экземпляр «Моби Дика» и сует в карман небольшую керамическую фигурку: пастушка с курчавым и светлыми волосами и нарисованными ресницами. Она всегда крадет что-нибудь с вечеринок. Называет это «сувенирами».

— Надеюсь, ее не стошнит в Танке, — шепчет она, кивая на Элоди.

Роб валяется на диване внизу, но умудряется поймать меня за руку, когда я прохожу мимо, и пытается завалить па себя со словами:

— Куда собралась?

Мутный взгляд, хриплый голос.

— Хватит, Роб. Отпусти!

Я отталкиваю его. Он тоже виноват.

— Мы же собирались... — Он осекается и озадаченно трясет головой, затем щурится на меня. — Ты изменила мне?

— Не глупи.

Вот бы перемотать назад весь вечер, перемотать последние пару недель, вернуться в то мгновение, когда Роб наклонился, положил подбородок мне на плечо и признался, что мечтает спать рядом со мной; вернуться в то тихое мгновение в темной комнате с голубым экраном приглушенного телевизора, с дыханием Роба и моими родителями, спящими наверху; вернуться в то мгновение, когда я открыла рот и ответила: «Я тоже».

— Точно. Ты изменила мне. Я догадался.

Шатаясь, он встает и дико озирается. Крис Хармон, один из лучших друзей Роба, стоит в углу и над чем-то смеется. Спотыкаясь, Роб подходит к нему и ревет:

— Ты увел у меня девушку, Хармон?

Он толкает Криса, и тот налетает на книжный шкаф. Фарфоровая фигурка падает и разбивается; какая-то девчонка охает.

— Рехнулся?

Крис бросается на Роба, они сцепляются, шатаясь по комнате, налетая на мебель и хрипя. Робу удается поставить Криса на колени, и вот уже оба борются на полу. Девчонки визжат и отпрыгивают в стороны. Кто-то кричит: «Спасайте пиво!», и в тот же миг Роб и Крис катятся на кухню, где находится бочонок.

Линдси берет меня за плечи из-за спины.

— Пойдем, Сэм.

— Я не могу его бросить, — возражаю я, хотя отчасти мне хочется.

— Все будет хорошо. Смотри — он уже смеется.

Она права. Парни закончили драться и валяются на полу, хохоча, что есть мочи.

— Роб ужасно разозлится, — упираюсь я.

Разумеется, Линдси понимает: дело не только в том, что я оставила его одного на вечеринке. Она быстро обнимает меня.

— Помни, что я сказала. — И напевает: — Подумай, ведь завтрашний день сметет паутину и боль...

На мгновение у меня сводит живот. Она издевается надо мной? Да нет, простое совпадение. Линдси не дружила со мной в детстве, даже не общалась. Откуда ей знать, что я запиралась в своей комнате, врубала запись «Энни» и вопила эту песню во всю глотку, пока родители не угрожали вышвырнуть меня на улицу.

Мелодия крутится в голове, теперь я буду напевать ее много дней. «Завтра, завтра, я люблю тебя, завтра». Прекрасное слово, если подумать.

— Паршивая вечеринка, правда? — раздается голос Элли, которая подходит с другой стороны.

Вообще она расстроилась только потому, что Мэтт Уайльд не пришел, но все равно приятно слышать.

Дождь оглушительно грохочет, и я вздрагиваю от удивления. Мгновение мы стоим на крыльце под крышей, обхватив себя за плечи, и наблюдаем, как дыхание вырывается изо ртов клубами пара. Холодно. Вода несется с крыши потоком. Кристофер Томлин и Адам Ву бросают пустые бутылки из-под пива в лес. Часть бутылок разбивается с резким звоном, напоминающим выстрел.

Народ смеется, вопит и скачет под дождем, который хлещет так, что все сливается в единую массу. Соседей нет на много миль вокруг, так что полицию никто не вызовет. Трава перепахана; видны большие черные рытвины, полные грязи. Вдали мерцают огни фар — это машины катят по извилистой дорожке к Девятому шоссе.

— Бежим! — командует Линдси.

Элли тянет меня за руку, и мы несемся с криками; дождь ослепляет нас и струится по курткам, грязь затекает в туфли; ливень такой мощный, словно мир вот-вот растает.

Когда мы добираемся до машины Линдси, мне действительно плевать на то, как ужасно закончился вечер. Мы истерически хохочем, промокшие и дрожащие, взбодренные холодом и дождем. Линдси верещит насчет мокрых задниц на кожаных сиденьях и грязи на полу, Элоди умоляет завернуть в «Микс» за омлетом с сыром и жалуется, что я всегда сижу рядом с водителем, а Элли требует включить обогрев и угрожает умереть на месте от пневмонии.

Наверное, так мы об этом и заговариваем, в смысле, о смерти. Я решаю, что Линдси можно пустить за руль, однако ведет она быстрее, чем обычно, по кошмарной, длинной, узкой дорожке. Деревья по обе стороны напоминают голые скелеты, стонущие на ветру. Линдси выезжает на Девятое шоссе; шины визжат на скользкой черной дороге. Часы на приборной

панели показывают тридцать восемь минут первого.

— У меня есть теория, — заявляю я. — Теория, что перед смертью видишь свои лучшие мгновения, понимаете? Самое лучшее, что успел сделать в жизни.

— Дьюк, детка, — отзывается Линдси, отрывая руку от руля и потрясая кулаком в воздухе.

— Первая свиданка с Мэттом Уайльдом, — немедленно сообщает Элли.

— Умоляю, музыку, — стонет Элоди, наклоняясь вперед за айподом, — не то мне конец.

— Можно сигаретку? — просит Линдси.

Элоди прикуривает для нее от своей. Линдси приоткрывает окна, и через них задувает ледяной дождь. Элли снова хнычет, что ей холодно.

Тогда Элоди ставит «Splinter» группы «Фэлласи», чтобы позлить Элли, возможно устав от ее нытья. Элли называет ее сухой, отстегивает ремень, подается вперед и пытается выхватить айпод. Линдси жалуется, что кто-то ткнул ее локтем в шею. Сигарета выпадает у нее изо рта и приземляется между ног. Громко ругаясь, Линдси пытается смахнуть пепел с подушки сиденья, Элоди и Элли дерутся, а я пытаюсь помирить их, напоминая, как мы лепили «снежных ангелов» в мае. Последняя цифра на часах мигает: тридцать девять минут первого. Покрышки скользят по мокрой дороге, в машине полно сигаретного дыма, его клубы парят в салоне, подобно привидениям.

А потом вдруг перед машиной вспыхивает белое пламя. Линдси что-то вопит — я не разбираю слово, не то «тихо», не то «лихо», не то «ослиха», — и машина летит с дороги прямо в черную пасть леса. Я слышу жуткий звук — скрежет железа по железу и звон стекла — и ощущаю запах гари. Машина вдребезги. Я еще успеваю озадачиться вопросом, потушила Линдси сигарету или нет...

А потом...

Тогда-то все и происходит. Смерть полна жара, грохота и невыносимой боли; раскаленная воронка разрежет меня надвое; что-то жжжет, испепеляет и рвет на куски, и если бы крик был чувством, то это был бы именно он. А после — ничего.

Наверняка кое-кто из вас считает, что я достойна такого финала. Возможно, мне не стоило посылать розу Джулиет или обливать ее пивом на вечеринке. Возможно, мне не стоило списывать контрольную у Лорен Лорнет. Возможно, мне не стоило говорить гадости Кенту. Наверное, кое-кто из вас решит, что я достойна этого, потому что собиралась позволить Робу все — то есть не блюсти свою чистоту.

Но прежде чем вы начнете тыкать пальцем, позвольте спросить: я правда совершила много зла? Такого зла, что заслужила смерти? Такого, что заслужила подобной смерти?

Что, другие ничего похожего не делают?

Что, вы сами ничего похожего не делаете?

Подумайте об этом.

Глава 2

Во сне я знаю, что падаю, хотя нет ни верха, ни низа, ни стен, ни потолка, только ощущение безграничной темноты и холода. Я так испугана, что собираюсь закричать, но когда открываю рот, ничего не происходит, и я гадаю, будет ли падение падением, если падать вечно и никогда не достичь дна?

Мне кажется, я буду падать вечно.

Шум прерывает тишину, тихое бление становится все громче и громче, словно железная коса рассекает воздух, врежется в меня...

И я просыпаюсь.

Будильник звенит уже двадцать минут. Без десяти семь.

Рывком сев на кровати, я отпихиваю одеяло. Я вся в поту, хотя в комнате холодно. Горло пересохло, отчаянно хочется пить, как будто я пробежала марафон.

Я оглядываюсь по сторонам; мгновение все кажется размытым и немного искаженным, как будто вокруг не комната, а ее прозрачный оттиск, который криво наложили и углы не совпадают с реальностью. Затем освещение меняется, и все снова выглядит нормально.

Ко мне возвращаются воспоминания о прошлом вечере, и кровь стучит в ушах: вечеринка, Джулиет Сиха, ссора с Кентом...

— Сэмми!

Дверь распахивается, ударяясь о стену; Иззи врывается в комнату и спешит ко мне прямо по тетрадам, валяющимся джинсам и розовой фуфайке «Виктория секрет». Что-то кажется неправильным, касается края памяти, но скоро исчезает. Сестра забирается на кровать и обхватывает меня горячими руками. Она сжимает в кулачке и осторожно тянет кулон, который я никогда не снимаю, — крошечную птичку на золотой цепочке, подарок бабушки.

— Мама говорит, тебе пора вставать.

От Иззи пахнет арахисовым маслом; только оттолкнув ее, я понимаю, как сильно меня трясет.

— Сегодня суббота, — возражаю я.

Понятия не имею, как добралась до дома вчера ночью. Понятия не имею, что случилось с Линдси, Элоди и Элли; мне даже думать об этом страшно.

Иззи хихикает как полоумная, спрыгивает с кровати и несется обратно к двери. Она исчезает в коридоре, и я слышу ее крик:

— Мама, Сэмми отказывается вставать!

У нее выходит «Фэмми» вместо «Сэмми».

— Сэмми! Сейчас я покажу тебе! — гулко отзывается мама из кухни.

Я опускаю ногу на пол. Прикосновение холодного дерева успокаивает. В детстве я спала на полу все лето; папа отказывался включить кондиционер, и пол оставался единственным прохладным местом. Сейчас я бы с удовольствием сделала то же самое. Судя по всему, у меня жар.

Роб, дождь, звон разбивающихся в лесу бутылок...

Вдруг оживает телефон, и я подскакиваю. Эсэмэска от Линдси: «Я на улице. Где ты?»

Быстро захлопнув телефон, я успеваю увидеть мерцающую дату: пятница, двенадцатое февраля. Вчера.

Еще одна телефонная трель. Еще одна эсэмэска: «Хочешь, чтобы я опоздала в День Купидона, су-у-учка?!!»

Я словнодвигаюсь под водой — и мое тело ничего не весит — или наблюдаю за собой издалека. Пытаюсь встать, но желудок тут же сжимается, и приходится на дрожащих ногах ползти в ванную в полной уверенности, что меня вот-вот стошнит. Я запираю дверь и включаю воду в раковине и душе. Встаю над унитазом.

В желудке спазмы снова и снова, однако ничего не происходит.

Машина, скольжение, крики...

Вчера.

В коридоре звучат голоса, но вода льется так громко, что слов не разобрать. В дверь стучат; только тогда я выпрямляюсь и кричу:

— Чего?

— Вылезай из душа. Нет времени.

Это Линдси — мама впустила ее.

Я приоткрываю дверь, за которой стоит недовольная Линдси в объемной куртке, застегнутой до подбородка. Но я все равно рада ее видеть. Она кажется такой нормальной, такой привычной.

— Что случилось прошлой ночью? — сразу спрашиваю я.

Она хмурится.

— Да, извини. Я не могла перезвонить. Патрик не давал повесить трубку до трех часов ночи.

— Перезвонить? — Я мотаю головой. — Нет, я...

— Он ужасно переживал, что родители не берут его в Акапулько. — Линдси закатывает глаза. — Бедняжка. Ей-богу, Сэм, парни — это как собаки. Им нужно, чтобы их гладили, кормили и пускали в кровать.

Подруга наклоняется ко мне.

— Кстати, ты волнуешься?

— Из-за чего?

Понятия не имею, о чем речь. Ее фразы пролетают мимо, сливаясь в единый поток. Я держусь за вешалку для полотенец и надеюсь не упасть. Душ слишком горячий, в воздухе висит густой пар. Зеркало запотело, на плитке осел конденсат.

— Из-за себя, Роба, пары бутылок «Миллер лайт» и фланелевых простыней. — Линдси смеется. — Очень романтично.

— Мне нужно в душ.

Я пытаюсь закрыть дверь, но Линдси в последний момент просовывает локоть и врывается в ванную.

— Ты еще не помылась? — возмущается она. — Нет времени. Обойдешься.

Выключив душ, подруга хватается за руку и тащит в коридор.

— Придется накраситься, — заключает она, изучив мое лицо — Видок у тебя — хуже некуда. Ночные кошмары?

— Вроде того.

— У меня в Танке есть «МАК».

Линдси расстегивает куртку, и из молнии выглядывает клочок меха: наши топики для Дня Купидона. Мне хочется сесть на пол и смеяться, смеяться; я из последних сил сопротивляюсь припадку, пока Линдси заталкивает меня в комнату и командует:

— Одевайся.

Она достает сотовый. Наверное, собирается написать Элоди, что мы опаздываем. Секунду она осматривает меня, вздыхает и отворачивается. Затем с хихиканьем заявляет:

— Надеюсь, Роб переживет, если от тебя будет пахнуть.

Тем временем я натягиваю топик, юбку и сапоги.

Снова.

Эта смиренная рубашка меня не полнит?

Когда Элоди садится в машину и наклоняется за кофе, запах ее духов — малинового спрея для тела, который она упорно покупает в «Боди-шопе», хотя это перестало быть круто уже в седьмом классе, — такой реальный, знакомый и едкий, что я ошеломленно закрываю глаза.

Плохая идея. С закрытыми глазами я вижу, как теплые огни прекрасного дома Кента постепенно исчезают в зеркале заднего вида и лоснящиеся черные деревья обступают нас с обеих сторон, точно скелеты. Пахнет гарью. Раздается крик Линдси, и у меня сжимается желудок, когда машина накрывается, визжа шинами...

— Вот дерьмо.

Я распахиваю глаза, когда Линдси сворачивает в сторону, чтобы не наехать на белку. Она выбрасывает сигарету в окно; запах дыма странно удваивается: я не уверена, ощущаю его, или помню, или одновременно и то и другое.

— В жизни не встречала водителя хуже, — ухмыляется Элоди.

— Пожалуйста, осторожнее, — бормочу я и невольно хватаюсь за сиденье.

— Не волнуйся. — Линдси хлопает меня по колену. — Я не позволю своей лучшей подруге умереть девственницей.

В этот миг мне отчаянно хочется выложить все Линдси и Элоди, спросить у них, что со мной — с нами — происходит, но я не знаю, с чего начать.

«Мы попали в аварию после вечеринки, которой еще не было».

«Я думала, что умерла вчера. Я думала, что умерла сегодня вечером».

Судя по всему, Элоди делает вывод, что я притихла, поскольку психую из-за Роба. Она кладет руку на спинку моего кресла, подается вперед и говорит:

— Не волнуйся, Сэм. Все будет хорошо. Это как ездить на велике.

Я пытаюсь улыбнуться, но не могу сосредоточиться. Словно прошло сто лет с тех пор, как я легла спать, воображая, будто Роб рядом, воображая прикосновения его прохладных сухих ладоней. Мысль о нем причиняет мне боль, горло вот-вот перехватит. Мне не терпится увидеть его, увидеть его кривую усмешку, кепку «Янкиз» и даже грязную флиску, которая всегда немного пахнет мужским потом, даже после стирки по настоянию матери.

— Это как скакать на лошади, — поправляет Линдси. — Ты очень скоро получишь голубую ленточку, Сэмми.

— Вечно забываю, что ты увлекалась лошадьми, — замечает Элоди, снимая крышку с кофе и сдувая пар.

— В семь лет, — уточняю я, прежде чем Линдси успеет пошутить.

Боюсь заплакать, если она начнет меня высмеивать. Мне не удастся объяснить ей правду: что верховая езда была моим любимым занятием. Я обожала оставаться одна в лесу, особенно поздней осенью, когда природа хрустящая и золотая, деревья цвета пламени и пахнет так, будто все превращается в землю. Мне нравилась тишина единственными звуками были мерный топот копыт и дыхание лошади.

Никаких телефонов. Никакого смеха. Никаких голосов. Никаких домов.

Никаких машин.

Чтобы солнце не било в глаза, я откидываю козырек и вижу в зеркале улыбку Элоди. «Может, рассказать ей, что со мной происходит», — размышляю я, но уже знаю, что промолчу. Она решит, что я рехнулась. И не только она.

Поэтому я просто смотрю в окно. Свет слабый и водянистый, будто солнце с трудом перевалило через горизонт и ленится умыться. Тени острые и резкие, как иглы. Три черные вороны одновременно снимаются с телефонного провода; я хочу взлететь вместе с ними, выше, и выше, и выше, словно на самолете, наблюдая, как земля уходит из-под ног, складывается и ужимается, подобно фигурке оригами, пока все не становится ярким и плоским, пока весь мир не превращается в набросок самого себя.

— Музыкальную тему, пожалуйста, — просит Линдси.

Тогда я листаю ее айпод, пока не нахожу Мэри Джей Блайдж, затем откидываюсь на спинку

сиденья и стараюсь ни о чем не думать, кроме музыки и ритма.

И не закрываю глаза.

Когда мы въезжаем на дорожку, которая вьется мимо верхней парковки и спускается к учительской парковке и Аллее выпускников, я успокаиваюсь, хотя Линдси ругается, а Элоди ноет, что еще одно опоздание — и ее оставят в пятницу после уроков, а ведь с первого звонка прошло уже две минуты.

Все кажется таким обычным. Сегодня пятница, а значит, Эмма Макэлрой ночевала у Эвана Данцига, и вот она ныряет в дыру в заборе. На Питере Курте кроссовки «Найк эйр форс», которые он носит с доисторических времен каждый день, хотя в них столько дыр, что видно, какого цвета у него носки (обычно черные). И вот Питер бежит в главное здание, сверкая кроссовками.

От вида знакомых вещей мне становится в тысячу раз лучше, и я начинаю подозревать, что вчерашний день — все, что случилось, — был лишь длинным странным сном.

Линдси сворачивает на Аллею выпускников, хотя шансы отыскать место для парковки нулевые. Это ритуал для нее. У меня сводит живот, когда мы проезжаем мимо третьего места считая от теннисных кортов — на нем стоит коричневый «шевроле» Сары Грундель. С бампера смотрит наклейка сборной «Томаса Джефферсона» по плаванию и еще одна — «Намокни». «Ей досталось последнее место, потому что мы безнадежно опоздали», — мелькает в моей голове. Приходится впиться ногтями в ладони и мысленно повторить, что мне приснился сон. На самом деле ничего этого не было.

— Поверить не могу, что нам придется топать двадцать две сотых мили. — Элоди надувает губы. — У меня даже куртки нет.

— Не надо было выходить полуголой, — огрызается Линдси. — Февраль на дворе.

— Я же не знала, что придется идти по улице.

Мы разворачиваемся и едем обратно к верхней парковке, оставляя футбольные поля по правую руку. В это время года поля разворочены: сплошная грязь и несколько заплаток побуревшей травы.

— У меня дежавю, — сообщает Элоди. — Словно мы вернулись в девятый класс.

— У меня все утро дежавю, — слетает с моего языка.

Мне немедленно становится лучше: ну конечно, дело именно в этом.

— Дай угадаю. — Линдси подносит руку к виску и хмурится, делая вид, что размышляет. — Тебе кажется, что Элоди уже когда-то всех достала с утра пораньше.

— Заткнись!

Элоди наклоняется, шлепает Линдси по плечу, и обе смеются.

Я тоже улыбаюсь. Какое облегчение — сказать это вслух! Все сходится: однажды во время поездки в Колорадо мы с родителями одолели три мили до крошечного водопада в глубине леса. Деревья были большими и старыми, сплошь сосны. Облака напоминали сахарную вату.

Иззи была еще слишком маленькой, не ходила и не говорила. Она ехала в рюкзаке на папе и тянула крошечные пухлые кулачки к небу, будто намеревалась схватить его.

В общем, мы стояли и наблюдали, как вода разбивается о камни, и внезапно меня посетило безумное чувство, что все это уже было, вплоть до запаха апельсина, который чистила мать, и отражений деревьев на водной глади. Я была уверена. В тот день все надо мной потешались, так как я ныла из-за того, что иду пешком три мили, и когда я призналась в своем дежавю, родители засмеялись и заявили, что сочли бы чудом, согласись я пройти так много в прошлой жизни.

Суть в том, что я была уверена тогда точно так же, как уверена сейчас. Всякое бывает.

— О-о-о! — Элоди роется в сумочке, выбрасывает пачку сигарет, два пустых тюбика из-под блеска для губ и сломанные щипчики для ресниц. — Чуть не забыла про твой подарок.

Над передним креслом взлетает презерватив; Линдси хлопает в ладоши и подпрыгивает.

— Берегите любовь? — натянуто улыбаюсь я и ловлю его.

Наклонившись, Элоди целует меня в щеку. На щеке остается пятно розового блеска для губ.

— Все будет замечательно, детка.

— Не называй меня деткой, — бурчу я, бросая презерватив в сумочку.

Мы вылезаем из машины. Так холодно, что слезятся глаза. Я отгоняю дурное предчувствие, которое свербит изнутри, и про себя повторяю: «Сегодня мой день, сегодня мой день, сегодня мой день», чтобы больше ни о чем не думать.

Мир теней

Однажды я читала, что дежавю возникает, когда две половинки мозга обрабатывают информацию с разной скоростью: правая на несколько секунд раньше левой или наоборот. С наукой у меня особенно плохо, так что я поняла не всю статью, но это объясняет странное двойственное ощущение при дежавю, как будто мир — или ты сам — разваливается на половины.

По крайней мере, так я ощущала себя: словно есть я настоящая и отражение меня и я не в силах отличить, кто сеть кто.

Проблема в том, что дежавю проходит очень быстро — тридцать секунд, максимум минута, и все.

Но у меня ничего не проходит.

Все повторяется: на первом уроке Эйлин Чо верещит при виде роз. Самара Филлипс наклоняется и гудит: «Наверное, он очень любит тебя». Я прохожу мимо тех же людей в то же время. Аарон Стерн снова разливает кофе по всему коридору, и Кэрол Лин снова орет на него.

Даже слова те же самые: «Тебя что, мама в детстве уронила?» Если честно, это довольно забавно, даже во второй раз. Даже когда мне кажется, что я свихнулась, и хочется вопить.

Но еще поразительнее разные мелкие перемены. Сара Грундель, например. По дороге на второй урок я вижу, как она стоит, опершись на шкафчики, вертит очки для плавания на

указательном пальце и болтает с Хиллари Хейл. До меня доносится обрывок их беседы.

— ...так волнуюсь. Знаешь, тренер считает, что я вполне могу улучшить свое время еще на полсекунды.

— До полуфиналов целых две недели. Я верю в тебя.

Я останавливаюсь как вкопанная. Сара видит, что я уставилась на нее, и начинает нервничать. Приглаживает волосы, одергивает юбку, которая слегка задралась. Затем машет мне рукой и восклицает:

— Привет, Сэм!

И снова одергивает юбку.

— Вы... — Я глубоко вдыхаю, чтобы не заикаться как идиотка. — Вы обсуждали полуфиналы? По плаванию?

— Да, — оживляется Сара. — Хочешь прийти?

Несмотря на панику, я понимаю, что это очень глупый вопрос. В жизни не ходила на соревнования по плаванию; перспектива сидеть на скользком кафельном полу и наблюдать, как Сара Грундель рассекает по бассейну в купальнике, не более привлекательна, чем рагу с лапшой из «Хунань китчен». Единственное спортивное событие, которое я посещаю, — это матч выпускников, но все равно за четыре года я не удосужилась разобраться в правилах. Линдси обычно приносит фляжку чего-нибудь спиртного для нас четверых, так что правила не главное.

— Мне казалось, ты не будешь выступать... — Я изо всех сил стараюсь держаться небрежно. — Ходят слухи... что ты опоздала и тренер взбесился...

— Слухи? Обо мне?

Сара широко распахивает глаза, как будто я только что протянула ей выигрышный лотерейный билет. Вероятно, она придерживается принципа «лучше плохое, чем ничего».

— Наверное, я ошиблась.

Вспомнив, что видела ее машину на третьем месте с конца, я заливаюсь румянцем. Ну конечно, сегодня она не опоздала. Конечно, она участвует в соревнованиях. Сегодня ей не пришлось топтать с верхней парковки. Она опоздала вчера.

В голове звенит, мне хочется поскорее убраться. Хиллари странно на меня смотрит.

— Все в порядке? Ты такая бледная.

— Да. Абсолютно. Отравилась суши вчера вечером.

Я опираюсь рукой на шкафчик, чтобы не упасть. Сара заводит шарманку о том, как отравилась едой в торговом центре, но я уже удаляюсь. Коридор словно вертится и выгибается под ногами.

Дежавю. Это единственное объяснение.

Главное — почаще повторять. Может, получится поверить.

В таком смятении я едва не забываю о встрече с Элли в туалете у научного крыла. В кабинке я опускаю крышку унитаза и сажусь, вполуха слушая трескотню Элли. Помнится, миссис Харбор во время одного из своих безумных полетов фантазии заявила, что Платон полагал, будто весь мир — все видимое нами — только тени на стене пещеры. Сами предметы, отбрасывающие тени, от нас сокрыты. И сейчас мне кажется, что вокруг одни тени, словно я ухватываю образ предметов прежде, чем сами предметы.

— Ау? Ты вообще слушаешь меня?

Элли хлопает дверцей; я вздрагиваю и поднимаю глаза. Изнутри на дверце намалевано «АК = БШ». Снизу мелкими буквами приписано: «Возвращайся в свой трейлер, шлюшка».

— Ты сказала, что скоро тебе придется покупать лифчики в отделе для беременных, — машинально воспроизвожу я.

На самом деле я не слушала. По крайней мере, на этот раз.

Я рассеянно гадаю, зачем Линдси спускалась в такую даль разукрасить дверцу туалета — в смысле, почему это было для нее важно. Она уже написала свое уравнение дюжину раз в кабинках напротив столовой, а ведь тем туалетом пользуются все. Мне неясно, почему она не любит Анну, и, кстати, мне до сих пор неизвестно, почему она так ополчилась на Джулиет Сиху. Странно, как много можно знать о человеке и в то же время не знать ничего. И надеяться, что когда-нибудь доберешься до сути.

Поднявшись, я распахиваю дверцу и указываю на граффити.

— Когда Линдси это написала?

Элли закатывает глаза.

— Не она. Какая-то подражательница.

— Серьезно?

— Угу. В раздевалке для девочек есть еще одна надпись. Подражательницы! — Элли стягивает волосы в конский хвост и кусает губы, чтобы немного припухли. — Что за убожество! В этой школе ничего нельзя сделать — сразу начнут повторять.

— Убожество.

Я провожу пальцами по словам. Они черные и жирные как червяки, написаны стойким маркером. Мгновение я размышляю, ходит ли Анна в этот туалет.

— Надо подать иск о нарушении авторских прав. Прикинь! Двадцать баксов всякий раз, когда кто-нибудь копирует наш стиль. Да мы озолотимся! — Элли хихикает. — Хочешь мятную конфетку?

Она протягивает мне жестянку «Алтоидс». Элли до сих пор девственница — и останется таковой в обозримом будущем (по крайней мере, пока не поступит в колледж), поскольку без ума от Мэтта Уайльда. Но она все равно принимает противозачаточные таблетки, которые хранит в мятой фольге вместе с мятными конфетами. По ее уверениям, она прячет таблетки от отца, но все знают: ей нравится доставать их на уроках и заставлять всех думать, что она занимается сексом. Как будто ей удалось кого-то обмануть! «Томас Джефферсон» — маленькая

школа, здесь не бывает секретов.

Как-то раз Элоди сказала, что у Элли «беременное дыхание», и мы чуть не лопнули от смеха. Дело было в одиннадцатом классе субботним майским утром. Мы валялись на батуте у Элли после одной из ее лучших вечеринок. Нас всех немного мучило похмелье, головы кружились, животы были набиты блинчиками и беконом, съеденными за ужином, и мы были совершенно счастливы. Я лежала на раскачивающемся батуте, зажмурившись от солнца, и мечтала, чтобы день никогда не кончался.

Звенит звонок, и Элли восклицает:

— Черт! Опоздаем!

В животе снова разверзается яма. Жаль, что нельзя весь день прятаться в туалете.

Вы в курсе, что дальше. Я опаздываю на химию и сажусь на последнее свободное место рядом с Лорен Лорнет. Мистер Тирни устраивает контрольную из трех вопросов.

Догадываетесь, что самое ужасное? Я уже видела эту контрольную, но до сих пор не знаю ответов.

Я прошу одолжить ручку. Лорен шепотом спрашивает, пишет ли она. Мистер Тирни хлопает учебником по столу.

Все подскакивают, кроме меня.

Урок. Звонок. Урок. Звонок. Безумие. Я схожу с ума.

Когда на математику приносят розы, у меня дрожат руки. Я набираю воздуха, прежде чем развернуть крошечную ламинированную карточку, прикрепленную к цветку, который прислал Роб. Я воображаю, будто там написано нечто невероятное, удивительное, способное изменить все к лучшему.

«Ты прекрасна, Сэм».

«Я так счастлив быть с тобой».

«Сэм, я люблю тебя».

Осторожно я отгибаю уголок карточки и заглядываю внутрь.

«Лю тя...»

Быстро закрыв карточку, я убираю ее в сумку.

— Ух ты. Какая красивая.

Я поднимаю глаза. Девушка в костюме ангела стоит рядом и разглядывает розу, которую только что положила на парту, со сливочно-розовыми лепестками, словно из мороженого. Она еще не убрала руку, и сквозь кожу просвечивает паутина тоненьких голубых вен.

— Сфотографируй, — раздраженно предлагаю я. — Продержится дольше.

Она краснеет под стать розам в руках и, запинаясь, извиняется.

Прочешь записку, прикрепленную к этой розе, я не удосуживаюсь и остаток урока не свожу глаз с доски, чтобы Кент не подал мне знаков. Я так старательно избегаю Кента, что почти пропускаю момент, когда мистер Даймлер подмигивает мне и улыбается.

Почти.

После урока Кент догоняет меня. В руках у него сливочно-розовая роза, которую я нарочно оставила на парте.

— Ты забыла розу, — сообщает он; его волосы, как всегда, падают на один глаз. — Ну же, говори, не стесняйся: я забавный.

— Не забыла. — Я избегаю смотреть на него. — Она не нужна мне.

Украдкой я поглядываю на Кента и вижу, что его улыбка на мгновение блекнет. Затем она вновь сияет в полную силу, как лазерный луч.

— В смысле? — Он пытается всучить мне розу. — Разве ты не слышала, что чем больше роз получишь в День Купидона, тем выше котируешься?

— Вряд ли мне нужна помощь в этом отношении. Особенно от тебя.

Его улыбка окончательно вянет. Я ненавижу то, что делаю, но меня преследует воспоминание, или сон, или что это было: он наклоняется, и я воображаю, будто он собирается меня поцеловать, я уверена в этом, но он только шепчет: «Я вижу тебя насквозь».

«Ты не знаешь меня. Ты ничего обо мне не знаешь».

«Слава богу».

Я впираюсь ногтями в ладони.

— Но с чего ты взяла, что эта роза от меня?

Его голос такой серьезный и тихий, что я вздрагиваю, уставившись в его ярко-зеленые глаза. В детстве мама шутила, что Господь покрасил траву и глаза Кента одним цветом.

— Но это совершенно очевидно.

Хоть бы он перестал так смотреть. Он набирает побольше воздуха.

— Слушай. У меня сегодня вечеринка...

В столовую влетает Роб. В любой другой день я подождала бы, пока он заметит меня, но сегодня не могу, а потому кричу:

— Роб!

Оглянувшись, он лениво машет мне рукой и поворачивается обратно.

— Роб! Подожди!

Я лечу по коридору. Не бегу — мы с Линдси, Элли и Элоди много лет назад пообещали друг другу не бегать в школе, даже на уроках физкультуры (посмотрите правде в лицо: пот и

одышка не слишком привлекательное зрелище), — но близко к тому.

— Не гони, Саммантуй. Где пожар?

Роб обнимает меня, и я зарываюсь носом в его флиску. Она немного пахнет старой пиццей — не самый лучший запах, особенно вперемешку с мелиссой, — но мне все равно. У меня так дрожат ноги, что я боюсь упасть. Вот бы стоять и держаться за Роба вечно.

— Я скучала по тебе, — признаюсь я его груди.

На мгновение его объятие становится крепче. Но когда он поднимает мое лицо за подбородок, на его губах блуждает улыбка.

— Ты получила мою валограмму? — спрашивает он.

— Спасибо, — киваю я.

У меня сжимается горло. Только бы не разреветься! В его объятиях так хорошо, как будто они моя единственная опора.

— Слушай, Роб. Насчет сегодняшнего вечера...

Лихорадочно думаю, как продолжить фразу, но он перебивает меня:

— Ладно. Что случилось?

Немного отстранившись, я смотрю на него.

— Я... хочу... просто я... сегодня все вверх дном. Наверное, я заболела или... или еще что-нибудь.

Смеясь, он хватается меня за нос.

— Ну нет. Этот номер у тебя не пройдет. — Роб прижимается ко мне лбом и шепчет: — Я так давно мечтаю об этом.

— Знаю, я тоже.

Столько раз я воображала, как луна будет нырять среди деревьев, заглядывать в окна и высвечивать треугольники и квадраты на стенах; воображала прикосновение его флисового одеяла к обнаженной коже, когда я сниму одежду.

А еще я представляла, как Роб поцелует меня, когда все закончится, признается в любви и уснет с приоткрытым ртом, и я проберусь украдкой в ванную и напишу Элоди, Линдси и Элли эсэмэску: «Я сделала это».

Сложнее представить то, что будет происходить посередине.

В заднем кармане вибрирует телефон: новая эсэмэска. У меня екает сердце. Мне уже известно, что в ней написано.

— Ты прав. — Я обвиваю Роба руками. — Может, мне прийти сразу после школы? Проведем вместе весь день и всю ночь.

— Ты прелесть. — Роб отстраняется и поправляет рюкзак и кепку. — Но родители не уедут до ужина.

— Плевать. Посмотрим фильм или...

— К тому же, — Роб смотрит мне через плечо, — я слышал, что намечается вечеринка у... как там его... ну, парня в котелке. Кен?

— Кент, — машинально поправляю я.

Разумеется, Роб знает его имя — здесь все всех знают, — но это вопрос иерархии. Я вспоминаю, как сказала Кенту: «Странно, что я вообще помню, как тебя зовут», и мне становится дурно. Коридор наполняется голосами; люди снуют мимо нас с Робом. Я ощущаю их взгляды. Наверное, они надеются, что мы поссоримся.

— Точно, Кент. Может, загляну к нему ненадолго. Встретимся на месте?

— Ты правда хочешь пойти?

Я пытаюсь подавить нарастающую панику. Опускаю голову и смотрю на Роба снизу вверх, как Линдси смотрит на Патрика, когда ей по-настоящему что-то нужно.

— Мы же проведем меньше времени вместе.

— Времени нам хватит. — Роб целует свои пальцы и дважды касается моей щеки. — Можешь не сомневаться. Я хоть раз тебя подводил?

«Да, сегодня вечером». Я не успеваю отогнать предательскую мысль и слишком громко отвечаю:

— Нет.

Впрочем, Роб не слушает. К нам только что подошли Адам Маршалл и Джереми Форкер, и они насккивают друг на друга и борются в знак приветствия. Иногда мне кажется, что Линдси права: парни действительно все равно что собаки.

Я достаю телефон, чтобы прочитать эсэмэску, хотя это совсем необязательно.

«Сегодня туса у Кента Макчудика. Идешь?»

Онемевшими пальцами я набираю: «Ясное дело».

Затем отправляюсь обедать; мне кажется, что гул трех сотен голосов сливается в настоящий ураган, который унесет меня куда-то вверх, прочь отсюда.

Если я умру во сне

— Ну как? Нервничаешь?

Линдси поднимает ногу в воздух и вертит ею во все стороны, восхищаясь туфлями, которые только что тиснула из шкафа Элли.

В гостиной грохочет музыка. Элли и Элоди во всю глотку распевают «Like a Prayer», причем Элли вообще не попадает в ноты. Мы с Линдси валяемся на огромной кровати Элли. У нее в

доме все на четверть крупнее, чем у нормальных людей: холодильник, кожаные кресла, телевизоры, даже бутылки с шампанским, которые ее отец хранит в винном погребе (руки прочь!). Линдси однажды призналась, что в доме Элли чувствует себя Алисой в Стране чудес.

Я устраиваюсь поудобнее на здоровенной подушке с надписью «Берегись сучки». Я уже выпила четыре порции в надежде, что это меня успокоит, и огни над головой мигают и расплываются. Мы приоткрыли окна, но все равно жарко.

— Не забывай дышать, — наставляет Линдси. — Не пугайся, если будет немного больно, особенно в самом начале. Не напрягайся, а то станет хуже.

Меня изрядно подташнивает, и от болтовни Линдси легче не становится. Весь день я не могла есть, так что умирала от голода, когда мы добрались до дома, и сожрала пару дюжин крекеров с песто и козым сыром, которые соорудила Элли. Не уверена, что козий сыр хорошо сочетается с водкой. Кроме того, Линдси заставила меня съесть штук семь мятных пастилок «Листерин», потому что в песто есть чеснок и Робу якобы покажется, что он теряет девственность с итальянским поваром.

Из-за Роба я не слишком переживаю — в смысле, не могу сосредоточиться на мыслях о нем. Вечеринка, поездка, ее возможные последствия — вот от чего на самом деле сводит живот. По крайней мере, водка помогла восстановить дыхание, и меня больше не трясет.

Конечно, я не могу открыться Линдси и потому говорю:

— Мне не страшно. В конце концов, все через это проходят. Если даже Анна Картулло смогла...

— Фу, — кривится Линдси. — Что бы вы ни делали, это не то, что делает Анна Картулло. Вы с Робом занимаетесь любовью.

Она изображает пальцами кавычки и хихикает, но я вижу, что она серьезно.

— Думаешь?

— Конечно. — Она наклоняет голову и смотрит на меня. — А ты?

Меня так и подмывает спросить: «Откуда ты знаешь, в чем разница?»

В фильмах всегда понятно, когда люди предназначены друг для друга, потому что нарастает фоновая музыка — глупо, зато верно. Линдси без конца повторяет, что жизни не представляет без Патрика. Может, положено чувствовать именно это?

Иногда, когда я стою среди толпы рядом с Робом и он обнимает меня за плечи и притягивает к себе, словно ограждая от толканий, пиханий и тому подобного, в животе разгорается пожар, как будто после бокала вина, и я совершенно счастлива. Наверняка это и есть любовь.

Наконец я отвечаю Линдси:

— Конечно.

Подруга снова хихикает и толкает меня локтем.

— Ну так как? Он набрался смелости и сказал это?

— Сказал что?

Она закатывает глаза.

— Что любит тебя.

Я молчу чуть дольше, чем следует, представив его карточку: «Лю тя». Такое пишешь в чужих ежегодниках, когда не можешь найти нужных слов.

— Скажет, куда он денется, — продолжает Линдси. — Все парни идиоты. Спорим, он признается сегодня ночью. Сразу после того, как вы...

Она умолкает и двигает бедрами. Я шлепаю ее подушкой.

— Кобель в юбке!

Линдси рычит и скалит зубы. Мы хохочем и минуту и лежим в тишине, слушая, как Элоди и Элли воют в соседней комнате. Они перешли к «Total Eclipse of the Heart». Хорошо здесь: приятно и привычно. Я вспоминаю, сколько раз на этом самом месте мы ждали, пока Элоди и Элли соберутся. Ждали развлечений, чего-нибудь новенького. Тикали часы, время утекало навсегда. Вдруг возникает желание отдельно прокрутить в голове каждый такой день, будто я верну их обратно, если воспроизведу все до единого.

— Ты нервничала? В смысле, в первый раз, — интересуюсь я тихо, поскольку немного смущена.

Судя по всему, вопрос застаёт Линдси врасплох. Она краснеет, теребит тесьму на покрывале, и на мгновение повисает неловкая пауза. Я догадываюсь о ее мыслях, но ни за что не озвучу их. Мы с Линдси, Элли и Элоди очень близки — ближе не бывает. Однако есть вещи, которые мы никогда не обсуждаем. Например, Линдси утверждает, что Патрик — ее первый и единственный, но технически это неверно. Технически ее первым был парень, которого она встретила на вечеринке, когда навещала своего сводного брата в Нью-Йоркском университете. Они покурили травки, прикончили упаковку пива и занялись сексом. Он так и не узнал, что был у нее первым.

Мы не говорим об этом. Мы не говорим о том, что не можем оставаться у Элоди дома после пяти, потому что придет ее пьяная мать. Не говорим о том, что Элли никогда не ест больше четверти содержимого тарелки, хотя обожает готовить и часами смотрит кулинарный канал.

Мы не говорим о шутке, которая много лет преследовала меня в коридорах, классах и школьном автобусе и пробиралась даже в сны: «Угадайте, что такое: красно-белое, чудное? Сэм Кингстон!», и уж тем более не говорим о том, что ее придумала Линдси.

Хороший друг хранит секреты. Лучший друг помогает хранить секреты.

Линдси перекачивается на бок и опирается на локоть. Интересно, она скажет о парне из Нью-Йорка? (Мне неизвестно его имя; она упоминала о нем всего несколько раз и называла Одним Типом.)

— Я не нервничала, — тихо произносит она, глубоко вдыхая и расплываясь в улыбке. — Я желала его, детка. Алкала, — с фальшивым британским акцентом добавляет она, после чего запрыгивает на меня и изображает траханье.

— Ты невозможна!

Я отпихиваю ее в сторону, и она с гоготом скатывается с кровати.

— Ты любишь меня.

Встав на колени, Линдси сдвигает челку с лица, наклоняется и опирается локтями на кровать. Внезапно она становится серьезной и тихонько окликает, распахнув глаза:

— Сэм!

Мне приходится сесть, чтобы расслышать сквозь музыку.

— Можно, я открою тебе секрет?

— Конечно.

У меня колотится сердце. Ей известно, что со мной происходит. С ней происходит то же самое.

— Пообещай держать язык за зубами. Поклянись, что не испугаешься.

Линдси знает, знает! Я не одинока. В голове проясняется, все вокруг становится более резким. Я моментально трезвею и с трудом выдавливаю:

— Клянусь.

Она наклоняется к самому уху.

— Я...

Повернув голову, она громко рыгает мне в лицо.

— Боже, Линдз! Да что с тобой?

Я размахиваю ладонью у себя перед носом. Она снова плюхается на спину, болтает ногами в воздухе и истерически хохочет.

— Ты бы видела свое лицо.

— Хоть когда-нибудь ты бываешь серьезной? — в шутку спрашиваю я, хотя все мое тело тяжелеет от разочарования.

Она не знает. Не понимает. Что бы ни происходило, это происходит только со мной. Чувство полного одиночества окутывает меня подобно туману.

Промокнув уголки глаз большим пальцем, Линдси вскакивает на ноги.

— Буду серьезной, когда умру.

От этого слова я содрогаюсь. Умру. Такое окончательное, уродливое, короткое. Алкогольное тепло покидает мое тело, я замерзаю и наклоняюсь закрыть окно.

Разинутая черная пасть леса. Лицо Вики Халлинан...

Что со мной будет, если выяснится, что я действительно свихнулась? Перед восьмым уроком я стояла в десяти футах от главного офиса — там находятся кабинеты директора, мисс Винтере и школьного психиатра — и убеждала себя переступить порог и сказать: «Кажется, я схожу с ума». Но дверь внезапно хлопнула, и в коридор вылетела Лорен Лорнет, хлюпая носом.

Наверное, расстроилась из-за несчастной любви или ссоры с родителями, в общем, чего-то обычного. В эту секунду все мои усилия примириться с происходящим пошли прахом. Все изменилось. Я изменилась.

— Ну так что, мы идем? — грохочет Элоди, ворвавшись в комнату.

За ней Элли. Обе задыхаются.

— Вперед! — командует Линдси, перебрасывая сумочку через плечо.

— Еще только половина десятого, — хихикает Элли, — а у Сэм такой вид, будто ее уже тошнит.

Поднявшись, я мгновение жду, пока земля перестанет качаться под ногами.

— Все будет хорошо. Я в порядке.

— Врунья, — улыбается Линдси.

Вечеринка, дубль второй

— Напоминает начало фильма ужасов, — шепчет Элли. — Ты уверена, что номер дома — сорок два?

— Еще немного.

Мой голос словно доносится издалека. Страх снова навалился в полную силу, давит со всех сторон, мешает дышать.

— Хоть бы краска не испортилась, — ноет Линдси.

Ветка скребет по пассажирской дверце; звук такой, словно царапают ногтем по классной доске.

Лес расступается, и в темноте возникает дом Кента, белый и сверкающий, будто сделанный из льда. Он появляется из ниоткуда, со всех сторон окруженный мраком, и я вспоминаю сцену из «Титаника», когда айсберг поднимается из воды и вспарывает кораблю брюхо. На секунду мы умолкаем. Крошечные капельки дождя стучат по ветровому стеклу и крыше; Линдси выключает айпод. По радио тихонько играет старая песня. Я с трудом разбираю слова: «Почувствуй то же, что прежде... Ласкай меня снова...»

— Размером он почти с твой дом, Эл, — замечает Линдси.

— Почти, — соглашается Элли.

Меня накрывает волна любви к ней. Элли, которая обожает большие дома, дорогие машины, украшения «Тиффани», туфли на платформе и блеск для тела. Элли, которая не слишком умна, и прекрасно это осознает, и гоняется за парнями, которые ее не стоят. Элли, которая втайне потрясающе готовит. Я знаю ее. Я понимаю ее. Я знаю их всех.

В доме из колонок режут «Дуджиас»: «Все чтецы собрались в этом клубе, если рифмовать умеешь круто, держи микрофон». Лестница вращается под ногами. Уже наверху Линдси со смехом отнимает у меня бутылку.

— Притормози, алкашка. Забыла о своем важном деле?

— Важном деле? — похохатываю я. — А я думала, что собираюсь заняться любовью.

В помещении так накурено, что мне не хватает воздуха.

— Важном занятии любовью. — Она наклоняется, и ее лицо становится огромным, как луна. — Хватит пока водки, ладно?

Я машинально киваю, и огромное лицо удаляется. Линдси оглядывает комнату.

— Схожу поищу Патрика. Справишься без меня?

— Конечно.

Улыбнуться у меня не получается, лицевые мышцы отказываются подчиняться. Линдси отворачивается, и я хватаю ее за руку.

— Линдз?

— Да?

— Можно, я пойду с тобой? Она пожимает плечами.

— Конечно. Как пожелаешь. Он где-то в глубине дома — только что прислал эсэмэску.

Мы пробираемся сквозь толпу. Линдси кричит через плечо: «Здесь настоящий лабиринт». Все сливается в едином круговороте — обрывки фраз, смех, прикосновения чужих курток, запах пива и духов, геля для душа и пота.

Присутствующие выглядят как во сне: знакомыми, но не вполне четкими, словно в любую секунду могут превратиться в кого-нибудь другого. Ну конечно, я сплю! Это всего лишь сон. Весь день — сон. Я проснусь и поведаю Линдси, что смотрела ужасно реалистичный и длинный сон. Она закатит глаза и возразит, что сны никогда не длятся дольше тридцати секунд.

Может, сообщить Линдси, что она всего лишь снится мне, а на самом деле ее нет? Она тянет меня за руку и нетерпеливо взмахивает волосами. Я хихикаю и начинаю успокаиваться. Это сон; я могу делать все, что заблагорассудится. Могу поцеловать кого угодно. Мы идем мимо кучки парней, и я мысленно ставлю галочки: Адам Маршалл, Рассан Лукас, Эндрю Робертс. Я могу поцеловать любого, если захочу. Кент в углу болтает с Фиби Райфер, и я думаю: «Можно подойти, поцеловать родинку в форме сердца у него под глазом, и ничего не случится». Не понимаю, с чего мне пришло это в голову. Я никогда не стала бы целоваться с Кентом, даже во сне. Но могла бы, если бы пожелала. Ведь сейчас я лежу под теплым одеялом на большой кровати в окружении подушек, сложив руки под головой, и сплю.

Я наклоняюсь сказать Линдси, что мне снится вчерашний день, а может, и вчерашний день тоже был сном, но тут вижу Бриджет Макгуир. Она стоит в углу, обняв Алекса Лимента за талию. Бриджет смеется, Алекс тычется носом в ее шею. Затем Бриджет поднимает глаза и видит, что я наблюдаю за ними. Она берет Алекса за руку и тащит ко мне, расталкивая собравшихся.

— Спросим у нее, — бросает Бриджет через плечо и улыбается мне; ее зубы такие белые, что даже светятся. — Миссис Харбор раздала сегодня темы сочинений?

— Что?

Я так растеряна, что не сразу соображаю: речь об уроке литературы.

— Темы сочинений. По «Макбету».

Она пихает Алекса, и тот поясняет:

— Я пропустил седьмой урок.

Мы встречаемся глазами, он отворачивается и делает большой глоток пива. Я молчу. Не знаю, как реагировать.

— Так раздала она темы или нет? — Бриджет ведет себя как обычно, напоминает щенка в ожидании угощения. — Алекс был вынужден прогулять. Ходил к врачу. Мама заставила его сделать какую-то прививку от менингита. Правда, глупо? В смысле, в прошлом году от менингита умерли всего четыре человека. Больше шансов попасть под машину...

— Лучше бы сделал прививку от герпеса, — фыркает Линдси, но так тихо, что слышу только я. — Хотя, наверное, уже поздно.

— Не знаю, — отвечаю я Бриджет. — Я прогуляла.

И слежу за Алексом в ожидании реакции. Интересно, он заметил, как мы с Линдси заглядывали в окна «Хунань китчен»? Вряд ли.

Они с Анной сидели над кусочками сероватого мяса, стывшего в пластмассовой миске. Так я и думала. Линдси хотела зайти и позлить их, но я пригрозила, что меня вырвет на ее новые сапоги «Стив Мэдден» от одного только запаха несвежего мяса и лука.

Когда мы вышли из «Лучшего деревенского йогурта», Алекса и Анны уже не было. Потом мы встретили их в Курительном салоне. Они прощались, когда Линдси еще только прикуривала. Алекс чмокнул Анну в щеку, и они направились в разные стороны: Алекс в столовую, Анна в корпус искусств.

Они расстались задолго до того, как мы с Линдси встретили Никотиновую Фашистку. Сегодня их не застукали.

И Бриджет неизвестно, где на самом деле был Алекс во время седьмого урока.

Внезапно кусочки мозаики встают на места — все страхи, которые я подавляла, — один за другим, как падающие костяшки домино. Больше не могу отрицать очевидное. Сара Грундель заняла место на парковке, поскольку мы опоздали, и все еще участвует в полуфиналах. Анна и Алекс не поссорились, потому что я убедила Линдси не вмешиваться. Вот почему их не застукали в Курительном салоне, и вот почему Бриджет висит на Алексе, а не плачет в ванной.

Это не сон. И не дежавю.

Это происходит на самом деле. Происходит снова.

Мое тело обращается в лед. Бриджет хвастается, что никогда не прогуливала уроки, Линдси кивает со скучающим видом, Алекс пьет пиво. А мне не хватает воздуха — ужас сжимает тисками, и мне кажется, что я разлечусь на тысячу осколков прямо здесь и сейчас. Я хочу сесть и опустить голову между коленей, но боюсь, что если пошевелюсь или закрою глаза, то сразу начну распадаться — голова отвалится от шеи, шея от плеч... и я уплыву в никуда.

Череп отделен от шейного позвонка, шейный позвонок отделен от позвоночника...

Из-за спины меня обнимает Роб и прижимается губами к шее. Но даже он не может меня согреть. Я не в силах унять дрожь.

— Красотка Сэмми! — напевает он, разворачивая меня к себе. — Где ты была всю мою жизнь?

— Роб. — Странно, что я еще не утратила дар речи. — Нам надо поговорить.

— Что такое, детка?

Его глаза мутные и налитые кровью. Возможно, из-за страха мир становится резче, чем когда-либо прежде. Я впервые замечаю, что шрам в форме полумесяца под носом делает Роба немного похожим на быка.

— Здесь нельзя. Давай... давай куда-нибудь уйдем. Например, в комнату. Куда-нибудь, где никого нет.

— Понял, — усмехается он, налегая на меня, дыша алкоголем и пытаясь поцеловать. — Хочешь поговорить, да?

— Я серьезно, Роб. Мне... — Я трясую головой. — Мне не по себе.

— Тебе всегда не по себе. — Он отстраняется и хмурится. — Вечно тебе что-нибудь мешает.

— О чем ты?

Он немного покачивается на каблуках и передразнивает:

— «Я устала. Родители наверху. Твои родители услышат». — Роб качает головой. — Много месяцев я ждал этого, Сэм.

На глаза набегают слезы; голова пульсирует от попытки сдержать их.

— Это ни при чем. Честное слово, я...

— Тогда что при чем? — спрашивает он, скрестив руки на груди.

— Просто ты нужен мне прямо сейчас, — едва шепчу я.

Удивительно, что он вообще меня слышит. Он вздыхает, трет лоб и кладет руку мне на голову.

— Ладно, ладно. Извини.

Кивнув, я начинаю плакать. Роб вытирает две слезинки большим пальцем.

— Давай поговорим, хорошо? Найдем местечко потише. — Он встряхивает пустой пивной банкой. — Только схожу за добавкой, ладно?

— Да, конечно, — разрешаю я вместо того, чтобы умолять его остаться, обнять меня и никогда не отпускать.

Он наклоняется и целует меня в щеку.

— Ты самая лучшая. Не надо плакать, мы же на вечеринке, забыла? Здесь положено

веселиться. — Он отступает назад и поднимает руку с растопыренными пальцами. — Пять минут.

Прижавшись к стене, я жду. Не представляю, чем еще заняться. Гости снуют мимо, и я опускаю лицо, завесившись волосами, скрывая от всех слезы. Вечеринка гремит, но почему-то кажется далекой. Слова искажены, музыка напоминает карнавальную, когда все ноты звучат невпопад и налетают друг на друга.

Проходит пять минут, затем семь. Десять минут. Я обещаю себе, что подожду еще пять и отправлюсь на поиски Роба, хотя не знаю, как сдвинусь с места. Через двенадцать минут я набираю эсэмэску «Где ты?», но вспоминаю, как Роб вчера обмолвился, что куда-то задевал телефон.

Вчера. Сегодня.

Снова я представляю, как лежу в другом месте, но на этот раз не сплю. Я лежу на холодной каменной плите, моя кожа белая как снег, губы синие, а руки кем-то сложены на груди...

Я глубоко вдыхаю и стараюсь отвлечься. Пересчитываю лампочки на рождественской гирлянде вокруг плаката фильма «Инопланетянин», затем ярко-красные огоньки сигарет, мерцающие в полутьме, подобно светлячкам. Не думайте, я не фанат математики, просто всегда любила числа. Мне нравится складывать их друг с другом, пока они не заполнят все время и пространство. Однажды я призналась в этом подругам, и Линдси заявила, что в старости я буду учить наизусть телефонные книги и набью дом расплюснутыми коробками из-под хлопьев и газетами, выискивая в штрихкодах сообщения из космоса.

Но через несколько месяцев я ночевала у Линдси, и она призналась, что порой, пребывая в расстроенных чувствах, читает католическую молитву, которую выучила в детстве, хотя наполовину еврейка и вообще не верит в Бога.

*Боже! Мирно засыпая,
Душу я Тебе вручаю.
Если я умру во сне,
Забери ее к Себе.*

Она прочла ее на вышитой подушке в доме у учительницы музыки, и мы обе смеемся над тем, какое барахло эти вышитые подушки. Но молитва так и вертится у меня в голове. Вновь и вновь я повторяю единственную строчку: «Если я умру во сне».

Я собираюсь отлепиться от стены и тут слышу имя Роба. Две десятиклассницы, спотыкаясь и хихикая, входят в комнату, и я напрягаю слух, стараясь разобрать слова.

— ...второй за два часа.

— Нет, первый прикончил Мэтт Кесслер.

— А по-моему, оба.

— Ты видела, как Аарон Стерн держал его над бочонком? Вверх ногами.

— В этом-то и соль!

— Роб Кокран такой сексуальный.

— Тсс. О господи.

Одна девчонка замечает меня и толкает другую локтем. Та бледнеет. Наверное, перепугалась, ведь обсуждала моего парня (мелкое преступление) и, более того, восхищалась его сексуальностью (тяжкое преступление). Если бы Линдси была здесь, она бы взбесилась, назвала девчонок шлюхами и выгнала с вечеринки пинком под зад. Если бы она была здесь, то ожидала бы, что я взбешусь. По мнению Линдси, мелюзгу — особенно десятиклассниц — нужно ставить на место. Иначе они захватят вселенную, как тараканы, защищенные от ядерной атаки броней украшений «Тиффани» и сверкающими панцирями блеска для губ.

Однако у меня нет сил осадить девчонок, и я рада, что Линдси нет рядом и она не будет возмущаться. Я могла бы догадаться, что Роб не вернется. А как он сегодня распинался, что никогда не подводил меня! И я должна ему верить! Надо было ответить, что это бред собачий.

Мне нужно на свежий воздух. Убраться подальше от дыма и музыки. Найти тихое местечко и спокойно подумать. Я продолжаю мерзнуть и наверняка ужасно выгляжу, хотя плакать больше не хочется. Как-то раз на уроке здоровья мы смотрели видео о симптомах шока. Я могла бы сняться в нем в главной роли. Затрудненное дыхание. Холодные липкие ладони. Головокружение. Оттого что я знаю это, мне становится еще хуже.

Вот видите, от уроков здоровья один вред.

В каждый туалет стоит по четыре человека, комнаты набиты людьми. Уже одиннадцать часов; пришли все, кто хотел. Несколько человек произносят мое имя; Тара Флют загораживает дорогу и восклицает:

— О боже! Какие прелестные сережки. Из...

— Не сейчас, — обрываю я и иду дальше, отчаянно стремясь найти тихий темный уголок.

Слева от меня — закрытая дверь, на которую прилеплены наклейки для бампера. Я хватаю и трясую дверную ручку. Разумеется, закрыто.

— Это вип-комната.

Я оборачиваюсь. Кент стоит за спиной и улыбается.

— Ты должна быть в списке. — Он прислоняется к стене. — Или сунь вышибале двадцатку. Как хочешь.

— Я... искала туалет.

Он кивает в другую сторону коридора, где Роника Мастерс, явно пьяная, молотит по двери кулаком и орет:

— Выходи, Кристен! Мне срочно нужно пи-пи.

Кент снова поворачивается ко мне и поднимает брови.

— Упс, ошиблась, — бормочу я, пытаюсь проскользнуть мимо него.

— Все в порядке? — Кент пока не касается меня, но его рука совсем рядом. — Ты выглядишь...

— Все нормально.

Не хватает только, чтобы Кент Макфуллер жалел меня. Я протискиваюсь обратно в коридор и решаю выйти на улицу и позвонить Линдси с крыльца — сказать, что мне нужно уехать как можно быстрее, очень нужно уехать. Но тут подлетает Элоди, обнимает меня, целует и визжит:

— Где тебя носило?

Она вся потная, и я вспоминаю, как Иззи забралась на кровать, обняла меня и потянула за цепочку. Зачем я вообще сегодня встала?

Элоди не убирает руки и начинает двигать бедрами, как будто мы обжимаемся на танцполе.

— Дай угадаю, дай угадаю. — Она закатывает глаза к потолку и стонет: — О Роб, о Роб. Да. Еще раз.

— Извращенка. — Я отпихиваю ее. — Ты еще хуже, чем Шоу.

Подруга смеется, хватая меня за руку и тащит в заднюю комнату.

— Идем. Все уже собрались.

— Я хочу домой, — упираюсь я; музыка здесь еще громче, и мне приходится ее перекрикивать. — Я плохо себя чувствую.

— Что?

— Плохо себя чувствую!

Она указывает на ухо, как бы говоря: «Ничего не слышу». Не знаю, правда это или нет. Ее ладони влажные; я пытаюсь вырваться, но в ту же секунду Линдси и Элли замечают меня и начинают верещать и прыгать вокруг.

— Я обыскалась тебя, — сообщает Линдси, размахивая сигаретой.

— Разве что во рту у Патрика, — фыркает Элли.

— Сэмми была с Робом, — провозглашает Элоди, покачиваясь. — Вы только посмотрите на нее. Она выглядит виноватой.

— Потаскуха! — заключает Линдси.

— Блудница! — подхватывает Элли.

— Развратница! — вторит им Элоди.

Это наша старая шутка: год назад Линдси пришла к выводу, что «проститутка» звучит слишком скучно.

— Я еду домой, — заявляю я. — Можете меня не отвозить. Как-нибудь доберусь.

Линдси, наверное, решила, что я шучу.

— Домой? Но мы только что приехали, всего час назад. — Она наклоняется и шепчет: — К тому же вы с Робом собирались... сама знаешь.

Как будто она не вопила сейчас перед всеми, что я уже сделала это.

— Я передумала.

Изо всех сил я стараюсь держаться небрежно, но это очень утомительно. Я злюсь на Линдси, сама не понимаю за что. Наверное, за то, что она не собирается уходить с вечеринки вместе со мной. Злюсь на Элоди за то, что она затащила меня сюда, и на Элли за то, что она вечно тугο соображает. Злюсь на Роба за то, что ему все равно, насколько я расстроена, и на Кента за то, что ему не все равно. В это мгновение я злюсь на всех и каждого и представляю, как сигарета, которой размахивает Линдси, поджигает занавески, огонь охватывает комнату и пожирает собравшихся. Немедленно накатывает чувство вины. Не хватало только превратиться в одну из девиц, которые вечно носят черное и малюют пистолеты и бомбы в своих блокнотах.

Линдси смотрит на меня, раскрыв рот, будто слышит мои мысли. Затем я догадываюсь, что она смотрит мне через плечо. Элоди розовеет. Рот Элли открывается и закрывается, как у рыбы. Шум вечеринки затихает, словно кто-то нажал «паузу» на магнитофоне.

Джулиет Сиха. Я знаю, что это она, даже не оборачиваясь, но при виде ее все равно поражаюсь.

Она хорошенькая.

Когда сегодня она плыла по столовой, то выглядела как всегда: завеса волос, мешковатая одежда, втянутые плечи — молекула толпы, фантом или тень.

Но сейчас она стоит прямо, волосы убраны назад, глаза сверкают.

Через комнату она направляется к нам. У меня пересыхает во рту. Я собираюсь произнести «нет», но она встает перед Линдси, прежде чем я успеваю вымолвить хоть слово. Ее губы шевелятся, но смысл доходит до меня только через секунду, как будто я нахожусь под водой.

— Сука.

Все шепчутся, уставившись на нас — меня, Линдси, Элоди, Элли и Джулиет Сиху. Мои щеки горят. Шум нарастает. Линдси стискивает зубы.

— Что ты сказала?

— Что слышала. Сука. Гадина. Плохой человек.

Затем Джулиет поворачивается к Элоди.

— Ты тоже сука.

К Элли.

— Сука.

Напоследок ее глаза, такого же оттенка, как небо, встречаются с моими.

— Сука.

Голоса превращаются в рев, люди смеются и скандируют: «Психа!»

— Ты не знаешь меня, — наконец хрипло выдавливаю я, но Линдси уже шагнула вперед и заглушила мой голос.

— Лучше быть сукой, чем психом, — говорит она, хватая Джулиет за плечи и трясет.

Покачнувшись, та отступает, размахивая руками, и это так ужасно и знакомо. Все повторяется; действительно повторяется. Я закрываю глаза. Мне хочется молиться, но я могу лишь думать: «Почему, почему, почему, почему?»

Когда я открываю глаза, Джулиет идет ко мне, промокшая, с протянутыми руками. Она смотрит на меня, и я готова поклясться чем угодно: она знает, словно видит меня насквозь, словно неким образом это моя вина. Из меня вышибает дух, как будто от удара в живот; не мешкая, я бросаюсь к ней и толкаю назад. Она налетает на книжный шкаф, отскакивает и хватается за дверной косяк, чтобы не упасть. Затем ныряет в коридор.

— Обалдеть! — восклицает кто-то за спиной. — У Джулиет Сихи прорезался голос!

— Не иначе, белены объелась!

Все хохочут, а Линдси наклоняется к Элоди и заявляет:

— Вот кретинка.

В руках у нее пустая бутылка из-под водки. Наверное, вылила остатки на Джулиет.

Я пытаюсь выбраться из комнаты. Кажется, вокруг еще больше народу, двигаться почти невозможно. Я расталкиваю толпу, работая локтями, и на меня бросают удивленные взгляды. Плевать. Мне нужно выйти.

Наконец я оказываюсь у двери и сталкиваюсь с Кентом. Он смотрит на меня, сжав губы, и пытается загородить дорогу.

— Даже не думай, — бросаю я, поднимая руку.

Он молча отодвигается, освобождая проход. На полпути по коридору я слышу его вопрос:

— Почему?

— Потому что, — отзываюсь я.

Но на самом деле размышляю о том же. Почему это происходит со мной? Почему, почему, почему?

— Какого черта Сэм всегда сидит рядом с водителем?

— Пить надо меньше, тогда успеешь занять ее место.

— Поверить не могу, что ты так обошлась с Робом, — замечает Элли. — Завтра тебя ждут большие неприятности.

Она подняла воротник куртки. В машине у Линдси так холодно, что дыхание вырывается из ртов клубами плотного белого пара.

«Если завтра наступит», — чуть не отвечаю я. С вечеринки я ушла, не попрощавшись с Робом, который с полузакрытыми глазами валялся на диване. За полчаса перед этим я заперлась в пустой ванной на первом этаже. Села на холодный жесткий край ванны, слушая, как музыка пульсирует сквозь стены и потолок. Линдси настояла, чтобы я наредила губы ярко-красной помадой. В зеркале я вижу, что помада потекла, как у клоуна. Я медленно стираю ее скомканными салфетками и бросаю их в унитаз, словно розовые цветы.

Рано или поздно мозг перестает искать объяснения происходящему. Рано или поздно он сдается, отключается. И все же, когда автомобиль Линдси разворачивается на лужайке Кента и шины буксуют в грязи, мне становится страшно.

Деревья, хрупкие и белые, как кости, неистово пляшут па ветру. Дождь молотит по крыше Танка; мир за потоками воды на окнах словно распадается на части. Часы на приборной панели показывают тридцать восемь минут первого.

Я держусь за кресло, когда Линдси мчится по дорожке; ветви деревьев хлещут по дверцам с обеих сторон.

— Как насчет краски? — спрашиваю я.

Сердце колотится в груди. Я пытаюсь уверить себя, что все в порядке, все нормально, ничего не случится. Не выходит.

— К черту краску. Все равно пора в ремонт. Видела бампер?

— Может, если ты перестанешь врезаться в припаркованные машины... — фыркает Элоди.

— Может, если у тебя будет машина...

Держа руль одной рукой, Линдси тянется за своей сумкой, стоящей у меня под ногами. Она дергает за руль, и автомобиль немного заезжает в лес. Элли соскальзывает с заднего сиденья и падает на Элоди; обе смеются.

Я пытаюсь перехватить руль.

— О господи, Линдз.

Выпрямившись, она отпихивает меня локтем, косится на меня и тербит пачку сигарет.

— Что с тобой?

— Ничего... — Я смотрю в окно, борясь с неожиданно подступившими слезами. — Просто будь осторожней, вот и все.

— Да? А ты тогда не лапай руль.

— Спокойно, девочки. Не надо ругаться, — увещевает Элли.

— Дай сигаретку, Линдз, — просит Элоди, полулежа на заднем кресле и бурно размахивая рукой.

— Только если и мне прикуришь.

Линдси швыряет пачку назад. Элоди прикуривает две сигареты и передает одну Линдси. Та

приоткрывает окно и выдыхает струйку дыма.

— Нет, нет, никаких окон! — протестует Элли. — Я умру на месте от пневмонии.

— Ты умрешь на месте, потому что я прикончу тебя, — рявкает Элоди.

— Как бы вы хотели умереть? — выпаливаю я.

— Никак, — отзывается Линдси.

— Ну, серьезно.

Я вытираю влажные от пота ладони о подушку сиденья.

— Во сне, — отвечает Элли.

— Над тарелкой с бабушкиной лазаньей. — Элоди немного молчит и добавляет: — Или верхом на парне.

Элли заходится от хохота.

— В самолете, — рассуждает Линдси. — Если мне придет конец, пусть остальным тоже не поздоровится.

Она изображает рукой падение самолета.

— А как вы думаете, вы будете знать? — Мне нестерпимо хочется обсудить эту тему. — В смысле, вы догадаетесь... заранее?

Выпрямившись, Элли подается вперед, раскинув руки по спинкам передних кресел.

— Однажды мой дедушка проснулся и заявил, что видел в ногах кровати старуху. Лица он не разглядел — она была в черном плаще с большим капюшоном, держала косу, или как там эта штука называется. В общем, это была Смерть, ясно? В тот же день он пошел к врачу, и тот поставил диагноз: рак поджелудочной. В тот же день.

— Но он не умер, — закатывает глаза Элоди.

— Мог умереть.

— Чепуха на постном масле.

— Может, сменим тему? — Линдси на мгновение тормозит, прежде чем вылететь на мокрую дорогу. — Эта просто тошнотворная.

— Какие умные слова ты знаешь, — хихикает Элли.

— Не у всех же словарный запас двенадцатилетки, — парирует Линдси, оглядываясь и пытаясь выдохнуть дым ей в лицо.

Затем она сворачивает на Девятое шоссе, которое лежит перед нами, как огромный серебристый язык. У меня в груди трепещет колибри; поднимается все выше и выше, к самому горлу.

Я хочу вернуться к разговору и спросить: «Ну так как, вы будете знать? Догадаетесь заранее?..», но Элоди отпихивает Элли в сторону и наклоняется вперед; изо рта у нее свисает сигарета.

— Музыку! — кричит она, беря айпод.

— Ты пристегнула ремень? — спрашиваю я.

Ничего не могу поделать. Страх давит на меня, выжимает дух, в голове проносится: «Если не дышать, то умрешь». Последняя цифра на часах мигает: тридцать девять минут первого.

Элоди даже не отвечает, просто начинает листать айпод и находит «Splinter». Элли ударяет ее и заявляет, что сейчас ее очередь выбирать музыку. Линдси требует немедленно прекратить, пытается забрать айпод у Элоди и отпускает руль, придерживая его коленом. Я снова хватаю руль, и Линдси со смехом восклицает:

— Руки прочь!

Элоди выбивает из рук Линдси сигарету, и та приземляется между бедер Линдси. Покрышки немного скользят по мокрой дороге, в машине пахнет гарью. «Если не дышать...»

А потом вдруг перед машиной вспыхивает белое пламя. Линдси что-то вопит — я не разбираю слово, не то «тихо», не то «лихо», не то «ослиха» — и тут...

Ладно.

Вам известно, что происходит дальше.

Глава 3

Во сне я вечно падаю сквозь темноту.

Падаю, падаю, падаю.

Остается ли падение падением, если ему нет конца?

А затем раздается звук. Безмолвие разрывает ужасный пронзительный вой животного или сирены: «Бип-бип-бип-бип-бип-бип».

Я просыпаюсь, едва сдерживая крик.

Дрожа, выключаю будильник и опускаюсь обратно на подушки. Горло горит, я вся в поту. Я глубоко, размеренно дышу. Солнце постепенно восходит над горизонтом, и в комнате проявляются детали: фуфайка из «Виктория секрет» на полу; коллаж, который Линдси подарила мне сто лет назад, с цитатами из наших любимых групп и вырезками из журналов. Я прислушиваюсь к звукам внизу, таким привычным и неизменным, будто их издает сам дом, будто их построили вместе со стенами: отец бренчит на кухне посудой; мопс Пикуль лихорадочно скребется в заднюю дверь — наверное, ему не терпится пописать и побегать кругами; тихое бормотание означает, что мама смотрит утренние новости.

Собравшись с силами, я набираю в грудь воздуха, достаю телефон и раскрываю.

Вспыхивает дата.

Пятница, двенадцатое февраля.

День Купидона.

— Сэмми, поднимайся. — В комнату заглядывает Иззи. — Мама говорит, тебе пора вставать.

— Передай маме, что я заболела.

Светлое каре сестры исчезает за дверью.

Вот что я помню: я ехала в автомобиле. Элоди и Элли подрались из-за айпода. Руль крутанулся, машина полетела в лес. Линдси изумленно открыла рот и выгнула брови, словно только что встретила знакомого в неожиданном месте. Но что после? Ничего.

После — только сон.

Впервые я по-настоящему задумываюсь об этом — впервые позволяю себе задуматься.

Возможно, аварии — обе аварии — были реальными. И возможно, я погибла в них.

Может, в момент смерти время захлопывается и ты вечно бьешься в его крошечном пузырьке, как в фильме «День сурка». Я иначе представляла смерть и загробную жизнь, но оттуда еще никто не возвращался, чтобы поделиться со мной подробностями.

Полагаю, вы удивлены, что я не сообразила раньше? Удивлены, что мне потребовалось столько времени хотя бы мысленно произнести слово «смерть»? «Умиравший»? «Мертвый»?

Вы считаете, я была глупой? Наивной?

Постарайтесь не судить. Не забывайте, что между мной и вами — никакой разницы.

Мне тоже казалось, что я буду жить вечно.

— Сэм? — Мама открывает дверь и прислоняется к косяку. — Ты действительно заболела?

— Я... наверное, простудилась или типа того.

Вполне правдоподобно, ведь я ужасно выгляжу.

— Линдси приедет с минуты на минуту, — вздыхает мама, как будто я нарочно вредничаю.

— Вряд ли я смогу сегодня выйти из дома.

От одной мысли о школе мне хочется свернуться в клубочек и проспять целую вечность.

— В День Купидона?

Мама поднимает брови и смотрит на топик с мехом, аккуратно сложенный на рабочем кресле, единственный предмет одежды, который не валяется на полу или не свисает со спинки кровати или дверной ручки.

— Что-то случилось?

— Нет, мам.

Я пытаюсь проглотить комок в горле. Самое ужасное — что я никому не могу рассказать о происходящем... или произошедшем. Даже маме. Много лет минуло с тех пор, как мы с ней обсуждали что-то важное; я начинаю тосковать по времени, когда верила, что мама может все исправить. Забавно, не правда ли? В детстве мечтаешь поскорее вырасти, а позже жалеешь, что не можешь снова стать ребенком.

Мама напряженно изучает мое лицо. Я боюсь сорваться и выпалить что-нибудь безумное и потому отворачиваюсь к стене.

— Ты же любишь День Купидона, — настаивает мама. — Точно ничего не случилось? Ты не поссорилась с подругами?

— Нет. Конечно нет.

Она медлит.

— Ты не поссорилась с Робом?

Мне хочется смеяться. Я вспоминаю, как он заставил меня ждать на вечеринке у Кента, и едва не отвечаю: «Еще нет».

— Нет, мам. О господи!

— Следи за тоном. Я только пытаюсь помочь.

— Ну да, конечно.

Я глубже зарываюсь в одеяло, по-прежнему уткнувшись в стену. Раздается шорох. Может, мама подойдет и сядет рядом? Но она не подходит. В девятом классе, после крупной ссоры, я провела в дверях черту красным лаком для ногтей и заявила, что если мать хоть раз пересечет ее, я навсегда перестану с ней разговаривать. Большая часть лака уже облупилась, но местами еще проступает на дереве, словно капли крови.

Тогда я была настроена решительно, но думала, что со временем мама забудет. Однако с того дня она никогда не ступала в мою комнату. С одной стороны, это отстой, потому что она больше не застилает мне простыни, не оставляет на кровати стопку чистого белья или новый сарафан, как в промежуточной школе. Зато теперь я уверена, что она не роется в моих ящиках, пока меня нет дома, в поисках наркотиков, секс-игрушек и бог знает чего еще.

— Подойди к двери, я принесу термометр, — предлагает она.

— Вряд ли у меня температура.

В стене щербинка в форме насекомого, и я давлю ее большим пальцем. Я так и вижу, как мама упирает руки в боки.

— Вот что, Сэм. Уже второй семестр, и я знаю, ты думаешь, что это дает тебе право филонить...

— Мама, дело не в этом! — Я накрываю голову подушкой, едва сдерживая крик. — Я просто плохо себя чувствую.

Я и боюсь, что она снова повторит попытку выяснить правду, и надеюсь, что повторит.

— Ладно, — только и молвит она. — Передам Линдси, что, может, ты придешь позже. Вдруг тебе станет легче, если немного поспишь.

«Сомневаюсь».

— Хорошо, — соглашаюсь я.

Через секунду мать уходит, хлопнув дверью. Я закрываю глаза и перебираю последние мгновения, последние воспоминания: удивленное лицо Линдси, деревья в свете фар, напоминающие зубы, дикий рев мотора. Я ищу ключ, ниточку, которая соединит настоящее и прошлое, сошьет дни воедино, придаст происходящему смысл.

Но нахожу лишь черноту.

Больше не в силах сдерживаться, я начинаю рыдать и заливать слезами и соплями свои лучшие подушки «Итан Аллен». Чуть позже Пикуль скребется в дверь. Он всегда безошибочно чувствует мои слезы. В шестом классе, когда Роб Кокран заявил, что в жизни не станет встречаться с такой лохушкой — посреди столовой, у всех на виду, — Пикуль сидел у меня на кровати и слизывал слезинки, одну за другой.

Странно, что в памяти всплыл именно этот эпизод, но он вызывает новый прилив ярости и разочарования. Даже удивительно, что я так разгорячилась. Я ни разу не напоминала об этом дне Робу — сомневаюсь, что он вообще помнит, — но когда мы идем по коридору, переплетя пальцы, или тусуемся в подвале у Тары Флют и Роб оглядывает меня и подмигивает, мне нравится прокручивать в голове тот случай. Мне нравится думать, как забавна жизнь, как все меняется. Как меняются люди.

И теперь мне интересно, когда именно я стала достаточно крутой для Роб Кокрана.

Через некоторое время Пикуль перестает скрестись. Наконец он видит, что это бесполезно, и убегает, клаца когтями. В жизни не ощущала себя такой одинокой.

Я плачу, поражаясь, что во мне скопилось столько слез. Кажется, они текут даже из пальцев ног.

Затем я засыпаю без снов.

Тактика спасения

И просыпаюсь с мыслью об одном фильме. Главный герой умирает — уже не помню, каким образом, — но только наполовину. Одна его часть лежит в коме, а другая бродит по миру, своего рода чистилищу. Суть в том, что, пока он ни жив, ни мертв, часть его заключена в этом промежуточном месте, как в ловушке.

Впервые за два дня у меня появляется надежда. При мысли, что сейчас я лежу в коме, родные суется вокруг, а остальные беспокоятся и засыпают больничную палату цветами, мне становится легче.

Потому что если я не умерла — по крайней мере, еще не умерла, — этому можно положить конец.

Перед началом третьего урока мама высаживает меня на верхней парковке (плевать я хотела на двадцать две сотых мили; не хватало только, чтобы меня застучали выходящей из маминого

бордового «аккорда» две тысячи третьего года, который она не желает продавать из-за его «экономичности»). Теперь мне не терпится в школу. Нутром чувствую, что найду там разгадку. Не представляю, как и почему я застряла в этой временной петле, но чем больше размышляю об этом, тем больше уверяюсь, что должна быть причина.

— Пока, — прощаюсь я и начинаю вылезать из машины.

Но что-то меня останавливает. Эта мысль тревожит меня уже двадцать четыре часа, я пыталась обсудить ее с подругами в Танке: мысль о том, что можно вообще не знать. Идешь себя по дороге в один прекрасный день, и... бах!

Чернота.

— На улице холодно, Сэм, — предупреждает мама, перегибаясь через пассажирское кресло и жестом веля закрыть дверь.

Я оборачиваюсь, наклоняюсь и смотрю на мать. Через мгновение мне удастся пробормотать:

— Ялюблютебя.

Так странно. Получилось что-то вроде «ялюблютя». Даже не уверена, что она поняла. Я быстро захлопываю дверцу, пока мама не успела отреагировать. Минули годы с тех пор, как я говорила «я люблю тебя» родителям, не считая Рождества, дней рождения или когда они произносили это первыми и явно ждали того же. В животе возникает странное ощущение, отчасти облегчение, отчасти смущение и отчасти разочарование.

По дороге к школе я клянусь: сегодня никаких аварий.

И что бы это ни было — пузырь или сбой во времени, — я выхожу из игры.

Вот еще зарубка на память: люди живут надеждой. Даже после смерти надежда — единственное, что не дает окончательно умереть.

Звонок на третий урок уже прозвучал, и я направляюсь на химию. Появляюсь я как раз вовремя, чтобы сесть — ну кто бы мог подумать — рядом с Лорен Лорнет. Начинается контрольная, такая же, как вчера и позавчера, не считая того, что на этот раз я способна ответить на первый вопрос самостоятельно.

Ручка. Чернила. Пишет? Мистер Тирни. Учебник. Хлопает. Все подскакивают.

— Оставь себе, — шепчет Лорен, хлопая ресницами. — Тебе понадобится ручка.

Я начинаю пихать ее обратно, как обычно, но что-то в выражении лица Лорен кажется до боли знакомым. Я вспоминаю, как в седьмом классе вернулась домой после вечеринки у бассейна Тары Флют и увидела в зеркале свое озаренное изнутри лицо, как будто мне протянули выигрышный лотерейный билет и пообещали, что теперь моя жизнь изменится.

— Спасибо, — благодарю я, засовывая ручку в сумку.

Лорен продолжает благоговейно на меня таращиться. Я замечаю это краем глаза и через минуту вихрем разворачиваюсь и добавляю:

— Ты слишком добра ко мне.

— Что?

Теперь ее лицо выражает полное изумление. Определенно, так лучше.

Мне приходится шептать, потому что Тирни снова начал урок. Химические реакции, бла-бла-бла. Преобразование. Смешайте две жидкости — и получите твердое вещество. Два плюс два не равно четыре.

— Добра ко мне. Напрасно.

— Почему напрасно?

Она морщит лоб, отчего глаза почти исчезают.

— Потому что я не добра к тебе.

Признание далось на удивление сложно.

— Добра, — неискренне возражает Лорен, уставившись себе на руки. Она поднимает глаза и пытается снова. — Ты не...

Затем умолкает, но мне ясно, что она собиралась сказать. «Ты не обязана быть доброй ко мне».

— Именно, — подтверждаю я.

— Девочки! — рявкает мистер Тирни и стучит кулаком по столу с реактивами.

Честное слово, он прямо раскалился от ярости.

Мы с Лорен не общаемся до конца урока, но я выхожу в коридор с легким сердцем, как будто поступила правильно.

— Знаете, что мне нравится? — Мистер Даймлер барабанит пальцами по моей парте, когда в конце урока собирает по классу домашние работы. — Широкие улыбки. Сегодня прекрасный день...

— Вечером обещали дождь, — перебивает Майк Хеффнер, и все хохочут.

Он безнадежный идиот. Однако мистера Даймлера так легко не смутить.

— ...и это День Купидона. Воздух пропитан любовью. — Он смотрит прямо на меня, и мое сердце пропускает удар. — Все должны улыбаться.

— Только ради вас, мистер Даймлер, — с патокой в голосе шепчет я.

Опять смешки; кто-то громко фыркает в глубине класса. Я оборачиваюсь и вижу Кента. Опустив голову, он лихорадочно рисует на обложке тетради.

Мистер Даймлер весело произносит:

— А я-то надеялся, что заинтересовал вас дифференциальными уравнениями.

— Вы заинтересовали ее, это точно, — вставляет Майк.

Класс смеется. Не уверена, что мистер Даймлер слышит. Не похоже. Однако кончики его ушей краснеют.

И так весь урок. У меня прекрасное настроение. Все будет хорошо. Я во всем разберусь. Получу второй шанс. К тому же мистер Даймлер уделяет мне особое внимание. После визита купидонов он взглянул на мои четыре розы, поднял брови и предположил, что у меня полно тайных поклонников.

— Не таких уж тайных, — заметила я, и он подмигнул мне.

После урока я собираю вещи и направляюсь в коридор, остановившись всего на секунду, чтобы взглянуть через плечо. Разумеется, Кент скачет за мной; рубашка не заправлена, сумка наполовину расстегнута и хлопает по бедру. Вот неряха! Я иду в сторону столовой. Сегодня я внимательно изучила его записку: дерево нарисовано черными чернилами, каждая жилка и тень на коре идеально прочерчены. Крошечные листья в форме ромбов. Наверное, на рисунок ушло несколько часов. Я засунула его между страницами учебника по математике, опасаясь случайно испортить.

— Привет! Получила мою записку?

Я чуть не восклицаю: «Она просто замечательная», но что-то меня останавливает.

— «Много пить — добру не быть»? Это такая пословица?

— Я решил, что мой гражданский долг — предупредить.

Кент прижимает руку к груди.

У меня мелькает мысль: он не стал бы со мной общаться, если бы помнил, что случилось, но я отгоняю ее прочь. Это же Кент Макфуллер. Ему повезло, что я вообще с ним разговариваю. К тому же сегодня я не пойду на вечеринку. Нет вечеринки — нет Джулиет Сихи, и Кент не разозлится на меня. И, что более важно, нет аварии.

— Не предупредить, а озадачить, — возражаю я.

— Спасибо за комплимент. — Кент внезапно становится серьезным; он морщится, и светлые веснушки на носу сливаются в созвездие. — Зачем ты флиртуешь с мистером Даймлером? Он же извращенец.

Я так удивлена вопросом, что обретаю дар речи только через секунду.

— Мистер Даймлер не извращенец.

— Еще какой.

— Ревнуешь?

— Это вряд ли.

— В любом случае я не флиртую с ним.

— Ну да, конечно, — закатывает глаза Кент.

Я пожимаю плечами.

— Почему тебя вообще это волнует?

Он краснеет, опускает глаза и мямлит:

— Просто так.

У меня екает в животе, и я понимаю, что отчасти надеялась на другой, более личный ответ. Конечно, если бы прямо здесь, в коридоре, Кент признался в неувядающей любви ко мне, это стало бы катастрофой. Несмотря на все его странности, я не желаю публично его унижать — он хороший человек, мы друзья детства и все такое, — но в жизни не стала бы с ним встречаться. По крайней мере, в моей жизни, той, которую я хочу вернуть, той, в которой после вчера следовало сегодня, а затем завтра. Одна только шляпа-котелок чего стоит.

— Послушай. — Кент косится на меня. — Мои родители уезжают на выходные, и я кое-кого пригласил...

— Угу.

Тут я вижу, как Роб шагает в столовую. И вот-вот заметит меня. Сейчас я не в состоянии уделять ему время. Желудок сжимается, я выскакиваю перед Кентом, спиной к столовой, и добавляю:

— Ммм... а где твой дом?

Кент странно на меня смотрит. В сущности, я только что изобразила живую баррикаду.

— Немного в стороне от Девятого шоссе. Забыла?

Я молчу, он отворачивается и пожимает плечами.

— Ну конечно. Ты была в нем всего пару раз. Мы переехали перед самой промежуточной школой. С Террис-плейс. Помнишь мой старый дом на Террис-плейс? — Кент снова улыбается; его глаза действительно цвета травы. — Ты постоянно ошивалась на кухне и таскала самые вкусные печенья, а я гонялся за тобой вокруг кленов-великанов на переднем дворе. Помнишь?

Прошлое словно всплывает на поверхность, и от него расходятся круги. Мы сидели в укромном месте между двумя огромными корнями, которые выпирали из земли, словно спины животных. Как-то Кент разломил две крылатки клена и засунул одну в свой нос, а другую в мой, заявив, что это знак нашей влюбленности. Мне было, наверное, всего пять или шесть лет. Ну зачем он напомнил о старых добрых временах, когда я состояла из одних коленок, носа и очков и мной брезговали все мальчишки, кроме Кента?

— Я... я... Может быть. Для меня все деревья на одно лицо.

Он смеется, хотя я не пыталась шутить.

— Так ты придешь сегодня? На мою вечеринку?

Этот вопрос возвращает меня к реальности. Вечеринка. Я качаю головой и делаю шаг назад.

— Нет. Вряд ли.

Его улыбка на мгновение блекнет.

— Будет весело. Круто. Вечеринка выпускников. Лучшее время нашей жизни и все такое.

— Точно, — саркастично произношу я. — Школьный рай.

Я поворачиваюсь и иду прочь. В столовой полно народу, и когда я приближаюсь к двойным дверям — одна из створок подперта старой теннисной туфлей, — меня встречает слитный гул голосов.

— Ты придешь! — кричит Кент мне вслед. — Уверен, что придешь.

— Держи карман шире, — отзываюсь я, едва не добавив: «Так будет лучше».

Правила выживания

— Что значит — ты не можешь пойти?

Элли уставилась на меня, как будто я призналась, что намерена пригласить на бал Бена Перски (или Пердски, как мы называем его с четвертого класса).

— Просто у меня нет желания, понимаешь? — вздыхаю я, затем меняю тактику и пробую снова. — Мы посещаем вечеринки каждые выходные. Я просто... ну сложно объяснить. Хочу остаться у тебя дома, как раньше.

— Мы оставались дома, потому что не могли попасть на вечеринки выпускников, — возражает Элли.

— Не говори за всех, — перебивает ее Линдси.

Это сложнее, чем я думала. Я вспоминаю, как мама спросила, не поссорилась ли я с Робом, и с языка само собой слетает:

— Дело в Робе, ясно? У нас... трудности.

В сотый раз я раскрываю телефон. Ничего. Когда я вошла в столовую, Роб за кассами наливал в картошку кетчуп и соус барбекю (свой любимый). Я была не в силах подойти к нему и потому поспешила за наш столик в секторе выпускников и послала Робу эсэмэску: «Надо кое-что обсудить».

Он тут же ответил: «Что?»

«Вечер», — написала я, и с тех пор мой телефон молчит. Роб прислонился к торговому аппарату на другой стороне столовой и болтает с Адамом Маршаллом. Его кепка сдвинута набок. Он считает, что это прибавляет ему возраста.

Мне нравится открывать подобные мелочи: то, что он любит соус барбекю и не любит горчицу; то, что болеет за «Янкиз», хотя предпочитает бейсболу баскетбол; то, что сломал в детстве ногу, пытаясь перепрыгнуть через машину. Я храню их глубоко внутри, как будто, собрав их воедино и запомнив, я смогу понять Робу до конца. Я полагала, что это и есть любовь — познать другого, как самого себя.

Но мне все больше и больше кажется, что я не знаю Робу.

У Элли в прямом смысле отвисает челюсть.

— Но вы же собирались... ну, это самое.

С открытым ртом она похожа на чучело рыбы, и я отворачиваюсь, сдерживая смех.

— Собирались...

Я никогда не умела лгать, и в голове нет ни одной разумной мысли.

— И? — не отстает Линдси.

Забравшись в сумку, я достаю помятую записку Роба с прилепившейся жевательной резинкой и протягиваю через стол. Линдси морщит нос и открывает записку самыми кончиками ногтей. Элли и Элоди наклоняются и тоже читают. Секунду все молчат.

Наконец Линдси сворачивает карточку, пихает обратно и заключает:

— Не так уж и плохо.

— Но и не так уж хорошо. — Я лишь пыталась обосновать отказ от вечеринки, но по-настоящему завожусь, едва речь заходит о Робе. — «Лю тя»? Что еще за жалкий лепет? Мы встречаемся с октябрём.

— Возможно, для признания в любви он ищет подходящего момента. — Элоди откидывает челку с глаз. — Стив не говорит, что любит меня.

— Тут другое дело. Ты ведь и не ждешь этого.

Подруга быстро отводит глаза, и я понимаю: она ждет, несмотря ни на что.

Повисает неловкая пауза, и в беседу вступает Линдси.

— Не понимаю, в чем проблема. Ты точно нравишься Робу. Это не какая-нибудь случайная связь.

— Я нравлюсь ему, но...

Дальше должна быть фраза: «Я не уверена, что мы друг другу подходим», однако в последний момент я передумываю. Подруги решают, что я рехнулась. Я и сама не понимаю, как так вышло. Словно его образ лучше, чем он сам.

— Вот что! Не собираюсь с ним спать только ради его заверений в любви.

Слова сами слетели с языка, и я так поражена ими, что испытываю почти шок. Вовсе не поэтому я планировала секс с Робом — в смысле, не ради заверений. Я просто хотела с этим покончить. Вроде бы. Вообще-то непонятно, почему это казалось таким важным.

— Легко на помине, — бормочет Элли.

Нас окутывает запах мелиссы; Роб слюняво целует меня в щеку.

— Привет, красавицы.

Он лезет за картошкой в тарелку Элоди, и она убирает поднос подальше. Роб смеется.

— Привет, Саммантуй. Получила мою записку?

— Да.

Я сверлю взглядом стол. Кажется, если я посмотрю на Роба, то все забуду. Забуду записку, и то, как он бросил меня одну, и то, как он целуется с открытыми глазами.

Вместе с тем я не настолько жажду перемен.

— Ну? Что я пропустил?

Роб наклоняется и кладет руки на стол, даже стучит по нему. Диетическая кола Линдси подскакивает.

— Вечеринку у Кента и то, что Сэм отказывается идти, — докладывает Элли.

Элоди пихает ее локтем в бок, и Элли вскрикивает. Роб вертит головой и смотрит на меня. Его лицо абсолютно ничего не выражает.

— Ты это собиралась обсудить?

— Нет... не совсем.

Я не ожидала, что он упомянет эсэмэску, и беспокоюсь, поскольку его мысли мне неизвестны. Его глаза совсем темные, почти непрозрачные. Я пытаюсь улыбнуться, но щеки словно набиты ватой, я невольно представляю, как Роб раскачивается, поднимает руку и обещает: «Пять минут».

— Ну? — Он выпрямляется и пожимает плечами. — О чем тогда?

Глаза Линдси, Элли и Элоди, пышущие жаром, устремлены на меня.

— Здесь не могу. — Я киваю на подруг. — В смысле, не сейчас.

Роб смеется, коротко и грубо. Теперь ясно: он вне себя и просто скрывает это.

— Конечно. — Он отступает и вскидывает руки, как бы защищаясь. — Знаешь что? Скажи, когда будешь готова. Я подожду сколько нужно. Мне совершенно не хочется давить на тебя.

Он растягивает некоторые слова, и я улавливаю сарказм в его голосе — едва заметный, но все же сарказм.

Совершенно очевидно — мне, по крайней мере, — что он имеет в виду не только нашу беседу. Прежде чем я успеваю ответить, Роб отвечает замысловатый поклон, поворачивается и уходит прочь.

— О боже. — Элли гоняет по тарелке сэндвич с индейкой. — Что это было?

— Неужели вы действительно поссорились, Сэм? — уточняет Элоди, широко распахнув глаза.

Тут Линдси шипит, вздергивает подбородок и указывает мне за спину.

— Внимание, психотревога. Уберите подальше ножи и маленьких детей.

В столовой только что появилась Джулиет Сиха. Сегодня я была слишком сосредоточена — на желании все исправить, на мысли, что я могу все исправить, — и совершенно забыла о Джулиет. Я вихрем оборачиваюсь. Никогда еще она не была мне настолько интересна. Я смотрю, как она плывет по столовой. Ее волосы свисают, заслоняя лицо: пушистые мягкие пряди, белые как снег. Она сама напоминает снежинку, которая борется с ветром, крутится и вертится, повинаясь воздушным течениям. Джулиет даже не косится в нашу сторону. Любопытно, она уже задумала выследить нас сегодня вечером и поставить в неловкое положение перед толпой? Вряд ли, судя по ее виду.

Я так внимательно за ней наблюдаю, что не сразу замечаю, как Элли и Элоди только закончили петь «Псих-убийца, qu'est-ce que c'est» и истерически хохочут. Линдси держит скрещенные пальцы, словно отводит порчу, и твердит: «Господь всемогущий, храни нас от тьмы».

— Почему ты ненавидишь Джулиет? — обращаюсь я к Линдси.

Странно, что раньше я никогда не задавалась этим вопросом. Просто принимала все как должное.

Элоди фыркает и чуть не давится диетической колой.

— Ты серьезно?

Линдси явно застигнута врасплох. Она открывает рот, закрывает, затем встряхивает волосами и опускает веки, будто не может поверить, что я вообще подняла эту тему.

— Я не ненавижу ее.

— Ненавидишь.

В девятом классе именно Линдси выяснила, что Джулиет не получила ни одной розы, и именно Линдси придумала послать ей валограмму. Это Линдси наградила ее кличкой Психа, это Линдси много лет назад разболтала, что Джулиет описалась во время похода герлскаутов.

Линдси смотрит на меня, как на сумасшедшую, и пожимает плечами.

— Извини. Для психов поблажек не предусмотрено.

— Только не говори, что тебе жалко ее, — вклинивается Элоди. — Ей же самое место в психушке.

— В «Беллвью», — хихикает Элли.

— Я просто спросила.

От этого слова на букву «Б» я каменею. Никто не отменял вероятности, что я все-таки окончательно и бесповоротно рехнулась. Но почему-то мне больше так не кажется. Однажды я читала статью, где было написано, что сумасшедшие не считают, будто сошли с ума, — в том-то и беда.

— Так мы правда останемся дома? — Элли надувает губы. — На весь вечер?

Задержав дыхание, я смотрю на Линдси. Элли и Элоди тоже смотрят на нее. За ней всегда последнее слово во всех наших главных решениях. Если она твердо намерена отправиться к Кенту, мне придется нелегко.

Она откидывается на спинку стула; в ее глазах вспыхивает огонек, и у меня замирает сердце. Неужели она велит мне потерпеть, потому что вечеринка пойдет мне на пользу?

Но она только улыбается, подмигивает и произносит:

— Это всего лишь вечеринка. Наверняка там будет скучно.

— Можно взять фильм ужасов в прокате, — предлагает Элоди. — Ну, как раньше.

— Пусть Сэм решает, — заключает Линдси. — Все, что ее душеньке угодно.

И я готова расцеловать ее.

Я снова прогуливаю английский. Мы с Линдси проходим мимо Алекса и Анны в «Хунань китчен», но сегодня Линдси даже не останавливается; она знает, что я терпеть не могу стычек, и, возможно, старается мне угодить.

Зато я замираю и представляю, как Бриджет обнимает Алекса и дарит ему такие взгляды, словно он единственный парень на свете. Конечно, она ужасно надоедлива, но все равно заслуживает лучшего. Это никуда не годится.

— Ау? Кого-то отслеживаешь? — раздается голос Линдси.

До меня доходит, что я тарашусь на ободранные плакаты, рекламирующие пятидолларовые обеды, местные театральные труппы и парикмахерские. Алекс Лимент только что заметил меня через окно и смотрит прямо на меня.

— Уже бегу.

Ну да, это никуда не годится, но что поделаешь? Живи и не мешай жить другим.

В «Лучшем деревенском йогурте» мы с Линдси заказываем большие порции двойного шоколадного йогурта с шоколадной крошкой, а я еще добавляю карамельную крошку и кукурузные хлопья. Аппетит ко мне вернулся, это точно. Все идет, как я планировала. Вечеринки сегодня не будет — по крайней мере, для нас; никаких поездок или машин. Уверена, что это все исправит, узел во времени распустится — и я вырвусь из кошмара, в котором мне приходится быть. Возможно, сяду, задыхаясь, на больничной кровати, в окружении родных и друзей. Я живо представляю эту сцену: у мамы и папы слезы на глазах, Иззи висит у меня на шее и рыдает, Линдси, Элли, Элоди и...

В голове мелькает образ Кента, и я быстро отгоняю его.

...и Роб. Разумеется, Роб.

Но я уверена, что это сработает. Прожить день. Следовать правилам. Держаться подальше от вечеринки у Кента. Все просто.

— Осторожно, — усмехается Линдси, запихивая в рот большую ложку йогурта. — Ты же не хочешь остаться толстой девственницей.

— Это лучше, чем быть толстой и больной гонореей, — парирую я, бросая в нее кусочек шоколада.

Она кидает в ответ.

— Ты шутишь? Да я такая чистая, что с меня можно есть.

— Линдси а-ля фуршет. Патрик в курсе, что ты так развлекаешься?

— Фу!

Линдси сражается со своей двойной порцией, пытаюсь выудить самый вкусный кусочек. Мы обе хохочем, в итоге она швыряет в меня полной ложкой йогурта, и тот приземляется над левым глазом. Линдси ахает и прижимает руку ко рту. Йогурт стекает по моему лицу и плюхается на мех над левой грудью.

— Ради бога, прости, — приглушенно просит Линдси, не отрывая руку от губ; ее глаза широко распахнуты, она явно старается не засмеяться. — Как по-твоему, блузке конец?

— Еще нет, — откликаюсь я.

Набрав побольше йогурта, я кидаю его в Линдси; он попадает ей в голову, прямо в волосы.

— Сучка, — визжит она.

Мы носимся по «Ти-си-би-уай», прячась между столами и стульями, набирая полные ложки двойного шоколадного йогурта и используя их в качестве катапульта.

Не стоит судить учителя физкультуры по закрученным усам

На обратной дороге в школу мы с Линдси продолжаем хохотать. Сложно объяснить, но много лет я не была так счастлива, как будто замечаю все в первый раз: резкий запах зимы, странный косой свет, медленный дрейф облаков по небу. Мех на наших топиках окончательно слипся и перепачкался, одежда сплошь в мокрых пятнах. Водители гудят, заприметив нас; мы машем им руками и посылаем воздушные поцелуи. Мимо проезжает черный «мерседес»; Линдси наклоняется, шлепает себя по заднице и вопит: «Десять долларов! Десять долларов!»

Я ударяю ее по плечу со словами:

— Это мог быть мой папа.

— Извини, если разочарую, но твой папа не водит «мерседес».

Она отбрасывает с лица мокрые сосульки волос. Нам пришлось мыться в туалете, пока хозяйка «Ти-си-би-уай» орала и угрожала вызвать полицию, если мы еще раз посмеем сунуться в ее магазин.

— Ты невыносима, — замечаю я.

— Но ты же любишь меня.

Линдси хватает меня за руку и тесно прижимается. Мы обе продрогли.

— Люблю, — соглашаюсь я, и это не просто слова.

Я люблю ее, люблю уродливые горчично-желтые кирпичи и пурпурные коридоры «Томаса Джефферсона». Люблю Риджвью за то, что он маленький и скучный; люблю в нем всех и каждого. Я люблю свою жизнь. И хочу вернуть ее.

— Я тоже люблю тебя, детка.

Когда мы возвращаемся в школу, Линдси просится покурить, хотя звонок на восьмой урок вот-вот раздастся.

— Всего две затяжки, — умоляет Линдси, широко распахнув глаза.

Смеясь, я повинуюсь. Ей известно, что я не в силах устоять, когда она делает такое лицо. В Салоне никого нет. Плечом к плечу мы стоим рядом с теннисными кортами, пока Линдси пытается прикурить от спички.

Наконец она прикуривает, глубоко затягивается и выпускает изо рта струйку дыма.

Через секунду над парковкой летит вопль:

— Эй! Ты! С сигаретой!

Мы обе застываем на месте. Мисс Винтере. Никотиновая Фашистка.

— Бежим! — командует Линдси, роняя сигарету и бросаясь за теннисные корты, хотя я кричу: «Сюда!»

Блондинистый начес мисс Винтерс подскакивает над машинами. Она видит нас или только слышит смех? Я ныряю за «рейнджровер» и срезаю по Аллее выпускников к одной из задних дверей в спортивный зал, пока мисс Винтерс продолжает голосить: «Эй! Эй!»

Я трясущую ручку, но дверь не поддается. На мгновение у меня замирает сердце — неужели заперта? Я налегаю посильнее, и дверь в кладовку распахивается. Я запрыгиваю внутрь и закрываюсь; сердце колотится в груди. Через минуту за дверью раздаются шаги. Мисс Винтерс бормочет: «Черт», шаги удаляются.

Все события дня — скандал в «Лучшем деревенском йогурте», то, что нас едва не застучали, мысль о том, как Линдси прячется где-то в лесу в мини-юбке и новых сапогах «Стив Мэдден», — кажутся такими смешными, что мне приходится зажимать рукой рот, сдерживая смех. В кладовке пахнет бутсами, футболками и грязью; из-за стопки оранжевых конусов и мешка баскетбольных мячей в углу почти не остается места. На одной из стен — окно с видом на какую-то комнату. Наверное, это кабинет Шоу, ведь он практически живет в спортивном зале. Впервые я вижу его кабинет: стол завален бумагами; на компьютерном экране мерцает заставка с шикарным пляжем. Я придвигаюсь поближе к окну. Хорошо бы поймать Шоу на чем-нибудь горячем! Как насчет порножурнала или краешка нижнего белья, торчащего из ящика стола? Вдруг дверь кабинета распахивается. А вот и Шоу.

Я падаю на пол и сворачиваюсь клубочком, но все равно опасаясь, что моя макушка торчит над подоконником. Глупо, конечно, учитывая обстоятельства, однако думать я могу лишь об одном: «Если он заметит меня, я по правде умру. Прощай, дом Элли; здравствуй, отсидка после уроков».

Мое лицо прижато к полурасстегнутой спортивной сумке, которая, кажется, набита старыми баскетбольными майками. То ли их ни разу не стирали, то ли еще что, но от запаха меня тянет

блевануть.

Шоу ходит вокруг стола, а я молюсь — молюсь, — чтобы он не приблизился к окну и не увидел, как я обжимаюсь с кучей старого спортивного барахла. Представляю, какие пойдут слухи: «Саманту Кингстон застукали верхом на дорожном конусе».

Через минуту-другую у меня сводит ноги. Первый звонок на восьмой урок уже прозвучал — осталось меньше трех минут, — но мне никак не выйти. Дверь ужасно скрипучая, к тому же неясно, куда Шоу стоит лицом. Что, если он смотрит прямо на дверь?

Моя единственная надежда на то, что у Шоу есть восьмой урок; но он явно никуда не торопится. Неужели я застряла до конца уроков? Да одна только вонь меня прикончит.

Слышно, как в кабинете Шоу открывается дверь, и я приободряюсь. Наконец-то он уходит! Но тут раздается второй голос:

— Черт. Я упустила их.

Не узнать этот гнусавый скулеж невозможно. Мисс Винтерс.

— Курильщиков? — уточняет Шоу.

Его голос почти такой же высокий. Понятия не имела, что они вообще знакомы. Я видела их вместе только на общешкольных собраниях, где мисс Винтерс сидит рядом с директором Бенетером с таким видом, будто ей под стул подбросили бомбу-вонючку, а Шоу делит компанию с воспитателями умственно отсталых, инструктором по здоровью, инструктором по вождению и прочими нелепыми типами из преподавательского состава, которые ненастоящие учителя.

— Тебе известно, что ученики называют этот пяточок Курительным салоном?

Так и вижу, как мисс Винтерс морщит нос.

— Ты разглядела их? — спрашивает Шоу, и мои мышцы каменеют.

— Толком нет. Только слышала и ощущала запах дыма.

Линдси права: мисс Винтере определенно наполовину ищейка.

— Что ж, значит, в следующий раз, — утешает Шоу.

— Там уже, наверное, две тысячи окурков, — возмущается мисс Винтерс. — Несмотря на бесконечные учебные видеофильмы о вреде курения...

— Это же подростки. Они во всем поступают наперекор. Это неотъемлемая часть взросления. Прыщи, лобковые волосы и плохое поведение.

Меня едва не выворачивает, когда Шоу произносит «лобковые волосы», и я предвкушаю, как мисс Винтерс сделает ему внушение, но она только говорит:

— Иногда мне хочется послать все к чертям.

— Например, сегодня? — подкалывает Шоу.

Что-то глухо ударяется о стол; на пол падает книга. Мисс Винтерс хихикает.

А потом, боже правый, они целуются. Не чмокают друг друга в щечку, а слюняво целуются с открытыми ртами, стонами и всем, что полагается.

Вот дерьмо. Я в прямом смысле слова кусаю себя за руки, стараясь не завопить, или не заплакать, или не рассмеяться, или не сблевать, или все сразу. Этого. Не может. Быть. Мне не терпится выудить телефон и написать девчонкам эсэмэску, но я боюсь пошевелиться. Теперь я категорически отказываюсь быть застуканной, иначе Шоу и Фашистка решат, что я шпионю за их маленькой секс-вечеринкой. Бе-е-е.

Больше я не в силах обниматься с потными майками и слушать, как сосутся Шоу и Винтерс, словно в плохом порно, но тут раздается второй звонок, а значит, я официально опоздала на восьмой урок.

— О господи! У меня встреча с Беней, — вспоминает мисс Винтерс.

Беней мы прозвали мистера Бенетера, директора. Из всех невероятных вещей, которые прозвучали за последние две минуты, самая невероятная — то, что мисс Винтерс знает это прозвище и использует его.

— Тогда пошла вон, — смеется мистер Шоу.

Затем, я клянусь — клянусь! — раздается шлепок по заднице!

Боже милосердный. Это лучше, чем когда Марси Харрис застукали за мастурбацией в научной лаборатории (с пробиркой сами понимаете где, если верить слухам). Это лучше, чем когда Брайса Ханли временно исключили за то, что он открыл порносайт. Это лучше, чем любой скандал, который разразился в «Томасе Джефферсоне» до сих пор.

— У тебя есть урок? — воркует мисс Винтерс.

— На сегодня я закончил, — отвечает Шоу. — Но надо подготовиться к просмотру футболистов.

У меня сжимается сердце — я никак не смогу просидеть здесь еще сорок пять минут. Ладно бы просто ноги затекли: мне не терпится разнести потрясающую сплетню.

— Ладно, детка. Увидимся вечером.

Детка?

— В восемь.

Дверь скрипит; следовательно, мисс Винтерс ушла. Наконец-то. Они так сюсюкали, что я всерьез опасалась прослушать еще одну симфонию поцелуев взад. Не уверена, что мои ноги и душа способны это вынести.

Еще несколько секунд Шоу расхаживает и барабанит по клавиатуре, после чего приближается к двери. В кабинете гаснет свет. Затем дверь открывается и закрывается. Свобода!

Мысленно произнеся «аллилуйя», я поднимаюсь. В ноги словно вонзаются тысячи булавок и иголок, и я чуть не падаю, но умудряюсь доковылять до двери и прислониться к ней. Я выбираюсь на улицу и переступаю с ноги на ногу, глубоко вдыхая свежий воздух. Наконец я даю себе волю: откидываю голову и истерически хохочу, кудахтал и фыркаю. Наплевать, если

со стороны кажется, что у меня поехала крыша.

Мисс Винтерс и противный мистер Шоу! В жизни никто бы не догадался!

Возвращаясь из спортивного зала, я размышляю, насколько люди странные существа. Можно видеть их каждый день, думать, будто знаешь их, и внезапно обнаружить, что совсем не знаешь. У меня звенит в голове, словно я кружусь в водовороте, все ближе и ближе к одним и тем же лицам, одним и тем же событиям, за которыми наблюдаю с разных точек зрения.

Когда я вхожу в главное здание, то продолжаю хихикать, хотя мистер Куммер терпеть не может опозданий, а мне еще надо сходить к шкафчику и достать учебник испанского. На самом первом уроке он объяснил, что мы должны обращаться с учебниками, как с детьми. Спорим, у него нет детей? Я набираю эсэмэску Элоди, Элли и Линдси — «С ума сойти, что случилось» — и нажимаю «Отправить», когда — бац! — натыкаюсь прямо на Лорен Лорнет.

Мы обе пятимся; телефон вылетает у меня из рук и скользит по коридору.

— Черт! — Мы столкнулись так сильно, что я не сразу перевожу дыхание. — Смотри, куда прешь.

Я иду к телефону. Может, потребовать с нее денег, если треснул экран или что другое сломалось? Лорен хватается меня за плечо. Крепко.

— Что за?..

— Скажи им, — бешено требует она, приближая свое лицо к моему. — Ты должна им сказать.

— О чем ты?

Я пытаюсь вырваться, но она хватается меня и за второе плечо, будто хочет встряхнуть. Ее лицо красное и пятнистое, и вся она какая-то липкая. Очевидно, она плакала.

— Скажи им, что я не делала ничего плохого.

Лорен дергает головой в сторону главного офиса. Мы стоим прямо перед ним, и тут я вспоминаю, как она мчалась вчера по коридору, завесив лицо волосами.

— Но я правда не понимаю, о чем речь, — как можно вежливее сообщаю я, потому что она пугает меня.

Наверное, Лорен два раза в неделю посещает школьного психолога, чтобы контролировать свою паранойю, или навязчивый невроз, или в чем там у нее проблема.

Она глубоко вдыхает. Ее голос дрожит.

— Они решили, что я списала у тебя на химии. Беня вызвал меня в кабинет... Но я не списывала. Богом клянусь, не списывала. Я учила...

Я отшатываюсь, но она крепко держит меня за плечи. Мне снова кажется, что я попала в водоворот, но на этот раз мне страшно: меня затягивает все глубже, и глубже, и глубже, как будто к ногам привязан груз.

— Ты списывала у меня?

Слова доносятся издалека. Даже голос не похож на мой.

— Не списывала, богом клянусь, я... — Лорен судорожно всхлипывает. — Он завалит меня. Он обещал завалить меня, если я не исправлю оценки, и мне наняли репетитора, а теперь они думают, что я... он пригрозил позвонить в Пенн-Стейт [6]. Меня не примут в колледж, и я... ты не понимаешь. Отец прикончит меня. Он меня прикончит. — Вот теперь Лорен встряхивает меня; в ее глазах стынет паника. — Ты должна сказать им.

Наконец мне удастся вывернуться. Мне жарко и нехорошо. Я не желаю этого знать, ничего не желаю знать.

— Не могу помочь тебе, — отвечаю я, отступая назад.

Слова по-прежнему доносятся издалека, а не слетают с моих губ. Такое впечатление, что я дала Лорен пощечину.

— Что? В каком смысле — не можешь помочь? Просто скажи им...

Мои руки дрожат, когда я поднимаю телефон. Он два раза выскальзывает и с грохотом падает на пол. Все должно было быть не так. Словно на пылесосе нажали кнопку «Задний ход» и весь собранный мусор вывалился на ковер.

— Хорошо, что телефон не разбился. Тебе повезло. — Я едва ворочаю языком. — Он обошелся мне в две сотни.

— Ты вообще меня слушаешь? — истерически взвизгивает Лорен. — Мне конец, хана, финиш...

— Ничем не могу помочь, — повторяю я, не в силах посмотреть ей в глаза.

Лорен издает что-то между воплем и всхлипом.

— Ты сегодня говорила, что я слишком добра к тебе. Ты права. Ты отвратительна, ты сука, ты...

Внезапно она словно вспоминает, где мы находимся, кто она и кто я, и зажимает рот так быстро, что по коридору катится гулкое эхо.

— О боже, — шепчет она. — Прости. Случайно сорвалось.

Но я даже не реагирую. От ее фразы «ты сука» у меня леденеет все тело.

— Прости. Я... пожалуйста, не сердись.

Это невыносимо — невыносимо слушать, как она передо мной извиняется; и я убегаю. Бегу со всех ног по коридору, сердце колотится в груди, и мне кажется, что я вот-вот завизжу, или заплачу, или врежу в стену кулаком. Лорен что-то кричит мне вслед, но мне плевать, и вот я врываюсь в туалет для девочек, прислоняюсь спиной к двери и оседаю на пол, пока колени не прижимаются к груди, а горло не перехватывает так, что больно дышать. Телефон непрерывно зудит, и как только мне удастся немного успокоиться, я раскрываю его и вижу эсэмэски от Линдси, Элли и Элоди: «Что? Ну? Колись! Ты помирилась с Робом?»

Бросив телефон в сумку, я обхватываю голову руками, ожидая, пока пульс восстановится. От былого счастья не осталось и следа. Даже связь Шоу и Винтерс больше не кажется смешной. Бриджет, и Алекс, и Анна, и Сара Грундель, и ее дурацкое парковочное место, и Лорен Лорнет, и контрольная по химии... я как будто запуталась в огромной паутине и, куда ни повернусь, все

время натыкаюсь на кого-нибудь еще; мы все извиваемся в одной и той же паутине. Не желаю ничего слышать. Меня это не касается. Плевать.

«Ты сука».

Плевать. У меня есть проблемы поважнее.

Наконец я встаю. На испанский я уже не собираюсь. Вместо этого плещу холодной водой в лицо и заново крашусь. Мое лицо такое бледное под жестким флуоресцентным светом, что я с трудом его узнаю.

Только сон

— Ну же, выше нос.

Линдси кидает мне в голову подушкой. Мы сидим на диване в берлоге Элли.

Элоди сует в рот последний спайси-ролл с тунцом. Не уверена, что это хорошая идея, ведь он провел на диване уже три часа.

— Не кисни, Сэмми. Роб передумает, — утешает она.

Все решили, что я притихла из-за Роба. Но дело, разумеется, не в нем. Я притихла потому, что когда стрелки часов переползают за полночь, страх возвращается и медленно наполняет меня, как песок колбу песочных часов. С каждой секундой я все больше приближаюсь к Моменту. Эпицентру. Утром я была уверена, что все просто, надо только держаться подальше от вечеринки, подальше от машины. Я была уверена, что время вернется в привычную колею. Что я спасусь.

Но теперь мое сердце словно расплющилось о ребра и дышать становится все труднее и труднее. Я опасаюсь, что в единое мгновение — промежуток между вдохами — все растворится в темноте и я снова окажусь в своей спальне и проснусь под стрекот будильника. Не знаю, что мне тогда делать. Наверное, мое сердце разорвется. Наверное, мое сердце остановится.

Тут Элли выключает телевизор и бросает пульт.

— Что дальше?

— Сейчас посоветуюсь с духами.

С этим обещанием Элоди сползает с дивана на пол, где мы разложили пыльную спиритическую доску в память о старых добрых временах. Мы пытались гадать, но все бесстыдно подталкивали доску, и стрелка чертила слова вроде «пенис» и «хрен», пока Линдси не начала вопить: «Духи-извращенцы! Растлители малолетних!»

Элоди толкает стрелку двумя пальцами, та делает один оборот и останавливается на слове «ДА».

— Смотри, ма. — Элоди поднимает руки. — Без рук.

— На этот вопрос нельзя ответить просто «да» или «нет», тупица, — тянет Линдси, закатывая глаза и делая большой глоток «Шатонеф-дю-Пап», спертого из винного погреба.

— Отстойный город, — заявляет Элли. — Здесь никогда ничего не случается.

Ноль тридцать три. Ноль тридцать четыре. Прежде секунды и минуты не летели так быстро, спотыкаясь друг о друга. Ноль тридцать пять. Ноль тридцать шесть.

— Нужно музыку поставить, что ли, — предлагает Линдси. — Сколько можно сидеть без дела?

— Точно, музыку, — соглашается Элоди.

Они с Линдси несутся в соседнюю комнату, где находятся колонки для айпода.

— Никакой музыки, — умоляю я, но уже слишком поздно.

Бейонсе гремит во всю мощь. Вазы дребезжат на книжных полках. Моя голова вот-вот взорвется, по телу пробегает озноб. Ноль тридцать семь. Я забираюсь на диван поглубже, укрываю колени одеялом и затыкаю уши.

Линдси и Элоди врываются обратно. Мы все одеты в шорты-боксеры и топики. Линдси явно совершила набег на кладовку, потому что они с Элоди нацепили лыжные очки и флисовые шапки. Элоди ковыляет по комнате, запихнув ногу в детский снегоступ.

— Обалдеть! — визжит Элли, хватаясь за живот и сгибаясь пополам от смеха.

Линдси вертится с лыжной палкой между ног, раскачиваясь взад и вперед.

— О Патрик! Патрик!

Музыка так гремит, что я едва слышу голос Линдси, даже убрав руки от ушей. Ноль тридцать восемь. Осталась одна минута.

— Ну же! — кричит Элоди, протягивая мне руку.

Но я так переполнена страхом, что не могу двигаться, не могу даже покачать головой. Элоди наклоняется вперед и добавляет:

— Живи веселей!

Мысли и слова теснятся у меня в голове. Возникает желание заорать: «Довольно!» или «Да, я хочу жить!», но я могу только крепко зажмуриться и представить, как секунды текут, точно вода в бескрайний бассейн. Я воображаю, как мы несемся сквозь время, и думаю: «Сейчас, сейчас, это случится сейчас...»

И наступает тишина.

Мне страшно открыть глаза. Внутри разверзается бездонная пропасть. Я ничего не чувствую, словно умерла. Потом раздается голос:

вернуться

6

Государственный университет штата Пенсильвания.

— Слишком громко. Порвете себе барабанные перепонки еще до двадцати лет.

Я распахиваю глаза. Миссис Харрис, мама Элли, стоит в дверном проеме в блестящем дождевике и приглаживает волосы. Линдси застыла на месте в лыжных очках и шапке, а Элоди неуклюже пытается снять снегоступ.

Получилось. Сработало. Облегчение и радость затопляют меня с такой силой, что я чуть не плачу.

Но вместо этого я хохочу. Давлюсь от смеха в полной тишине, и Элли косится на меня, как бы спрашивая: «Теперь смеешься?»

— Вы что, напились, девочки?

Мать Элли смотрит на всех по очереди и хмурится при виде почти пустой бутылки вина на полу.

— Едва ли. — Элли плюхается на диван. — Ты поломала нам весь кайф.

Подняв очки на макушку, Линдси весело говорит:

— У нас танцевальная вечеринка, миссис Харрис.

Как будто танцевать полуголыми в зимнем спортивном снаряжении — самое подходящее занятие для герлскаутов.

— Хватит, — вздыхает миссис Харрис — Это был длинный день. Я ложусь спать.

— Ма-а-а-ам, — ноет Элли.

Миссис Харрис испепеляет ее взглядом и отчеканивает:

— Больше никакой музыки.

Наконец Элоди высвобождает ногу и валится назад, на один из книжных шкафов. «Руководство по ведению домашнего хозяйства» Марты Стюарт падает ей под ноги.

— Ой!

Густо покраснев, Элоди смотрит на миссис Харрис, как будто боится, что ее отшлепают.

Не в силах удержаться, я снова начинаю хихикать.

Миссис Харрис закатывает глаза к потолку и качает головой.

— Доброй ночи, девочки.

— Отлично. — Элли перегибается и щиплет меня за бедро. — Тормоз.

Элоди хихикает и подражает голосу Линдси:

— У нас танцевальная вечеринка, миссис Харрис.

— По крайней мере, я не свалилась на книжный шкаф. — Линдси нагибается и крутит у нас под носом задницей. — Поцелуйте меня в зад.

— А это мысль! — восклицает Элоди, притворно бросаясь к ней.

Линдси верещит и увертывается, а Элли шипит:

— Ш-ш-ш.

В тот же миг миссис Харрис кричит сверху:

— Девочки!

Через несколько секунд все смеются. Как хорошо смеяться вместе со всеми!

Я вернулась.

Через час мы с Линдси и Элоди лежим на диване в форме буквы «Г». Элоди занимает верхнюю перекладину, а мы с Линдси устроились рядышком. Мои ступни прижаты к ступням Линдси, и она все время шевелит пальцами ног, чтобы вывести меня из себя. Но сейчас ничто не может вывести меня из себя. Элли притащила в комнату надувной матрас и одеяла из спальни наверху (она уверяет, что не может уснуть без своего любимого одеяла). Прямо как в девятом классе. Мы тихонько включили телевизор, потому что Элоди нравится звук и в темной комнате мерцание экрана напоминает о летних вечерах, когда ночью мы вламывались в клуб с бассейном, собираясь поплавать, о том, как свет пронзал толщу черной воды, о тишине и покое, словно ты последний человек на земле.

— Эй, — шепчу я.

Не знаю, кто еще не спит.

— Ммм, — мычит Линдси.

Я закрываю глаза, и покой окутывает меня с головы до ног.

— Если бы вам пришлось переживать один день снова и снова, какой бы день вы выбрали?

Но подруги молчат, и через некоторое время Элли начинает посапывать в подушку. Все спят. Однако я еще не устала. Я на подъеме, поскольку нахожусь здесь, в безопасности, поскольку прорвала пузырь пространства — времени, в который угодила. Но все равно закрываю глаза и пытаюсь представить, какой бы день я выбрала. Воспоминания проносятся мимо — десятки и десятки вечеринок, походы за покупками с Линдси, обжорство на вечеринках с ночевками и рыдания над «Дневником памяти» с Элоди; и даже раньше: семейные вылазки, мой восьмой день рождения, первый раз, когда я нырнула с вышки в бассейн и вода попала в нос, а голова закружилась, — но все они почему-то кажутся несовершенными, грязными и мутными.

В идеальный день не будет никаких уроков, это точно. На завтрак подадут оладьи — мамины оладьи. Папа приготовит свою знаменитую глазунью, а Иззи накроет стол, как иногда по выходным, разномастными тарелками, цветами и фруктами, которые соберет по всему дому, вывалит посередине стола и назовет «украфением».

С закрытыми глазами я плыву и падаю с обрыва; темнота поднимается, унося меня прочь...

Бринг-бринг-бринг.

Вернувшись с грани сна, краткое ужасное мгновение я думаю: «Это будильник, я дома, все

повторяется». Мое тело непроизвольно содрогается, и Линдси вскрикивает:

— Ой!

Одно-единственное слово унимает сердцебиение, дыхание снова становится размеренным.

Бринг-бринг-бринг. Теперь, наяву, я понимаю, что это не будильник. Это телефон. Он пронзительно звенит в разных комнатах, создавая странное эхо. Я смотрю на часы. Без восьми минут два.

Элоди стонет. Элли перекачивается с боку на бок и бормочет:

— Выключите это.

Телефон замолкает и снова начинает трезвонить; вдруг Элли садится, прямая как палка, совершенно проснувшись.

— Черт. Черт. Мама убьет меня.

— Заткни его, Эл, — просит Линдси из-под подушки.

Элли пытается выпутаться из простыней, продолжая повторять:

— Черт. Где этот хренов телефон?

Она спотыкается и наконец выбирается из кровати и ударяется плечом об пол. Элоди снова стонет, на этот раз громче.

— Не мешайте мне спать, — возмущается Линдси.

— Мне нужен телефон, — шипит Элли в ответ.

В любом случае слишком поздно. Наверху раздаются шаги. Миссис Харрис, несомненно, проснулась. Через секунду телефон умолкает.

— Слава богу, — вздыхает Линдси, шебуршась и зарываясь в покрывала.

— Уже почти два. — Элли встает; я вижу, как ее неясный силуэт хромает обратно к кровати. — Кому пришло в голову звонить в два часа ночи?

— Может, Мэтт Уайльд надумал признаться в любви? — фыркает Линдси.

— Очень смешно, — бухтит Элли, забираясь в кровать.

Мы замолкаем. Миссис Харрис негромко говорит наверху; половицы скрипят под ее ногами. Потом я совершенно отчетливо слышу:

— О нет. Господи.

— Элли... — начинаю я.

Но она тоже слышала. Она поднимается и включает свет, затем вырубает телевизор, который по-прежнему тихонько работал. Яркий свет режет глаза, и я зажмуриваюсь. Линдси ругается и натягивает покрывало на голову.

— Что-то случилось.

Обхватив себя руками, Элли быстро моргает. Элоди тянется за очками, затем приподнимается на локтях. В конце концов даже Линдси соображает, что свет не выключат. Она вылезает из своего кокона, протирает глаза кулаками и задает вопрос:

— Что такое?

Однако все молчат. Мы понимаем все отчетливее: случилось нечто очень плохое. Элли так и застыла посередине комнаты. В растянутой футболке и мешковатых шортах она выглядит намного младше, чем на самом деле.

В какой-то момент голос наверху стихает, шаги движутся по диагонали, в сторону лестницы. Элли возвращается на матрас, поджимает ноги и грызет ногти.

Миссис Харрис, судя по всему, не удивлена, что мы сидим и ждем ее. На ней длинная шелковая ночная рубашка; маска для сна сдвинута на макушку. Я никогда не видела миссис Харрис иначе как идеальной до кончиков ногтей, и от страха у меня сводит живот.

— Что? — Голос Элли звенит почти истерично. — Что случилось? Что-то с папой?

Миссис Харрис моргает и пытается сфокусироваться на нас, как будто ее только что разбудили.

— Нет-нет. Не с папой. — Она набирает в грудь воздуха. — Послушайте, девочки. У меня очень печальная новость. Скажу вам только потому, что скоро и так все станет известно.

— Не тани, мама!

Миссис Харрис медленно кивает.

— Вы же знаете Джулиет Сиху?

С ума сойти! Мы переглядываемся в полном замешательстве. Из всех слов, которые миссис Харрис могла произнести в этот момент, «вы же знаете Джулиет Сиху?» стоит в верхних строках списка неожиданностей.

— Да. И что? — пожимает плечами Элли.

— Ну, она... — Миссис Харрис умолкает, разглаживает рубашку и начинает снова: — Это Минди Сакс звонила.

Линдси поднимает брови, а Элли понимающе вздыхает. Минди Сакс мы тоже прекрасно знаем. Ей пятьдесят лет, она разведена, но все равно одевается и ведет себя как десятиклассница. Она обожает сплетни больше, чем кто-либо в школе. При виде миссис Сакс я всегда вспоминаю игру нашего детства, когда один шепчет секрет на ухо, другой повторяет, и так по цепочке, вот только в Риджвью, кроме миссис Сакс, никто не шепчется. Они с миссис Харрис входят в школьный комитет, поэтому миссис Харрис всегда в курсе, кто недавно развелся, потерял все деньги или закрутил роман.

— Минди живет рядом с Сихами, — продолжает миссис Харрис. — У них на улице последние полчаса не продохнуть от машин «скорой помощи».

— Не понимаю, — мотает головой Элли.

Возможно, дело в позднем часе или стрессе последних нескольких дней, но я тоже ничего не понимаю.

Миссис Харрис складывает руки на груди и обнимает себя, как будто замерзла.

— Джулиет Сиха мертва. Она покончила с собой сегодня ночью.

Молчание. Полное молчание. Элли перестает грызть ногти, а Линдси совершенно застывает. Я никогда не видела ее такой. Несколько секунд мне кажется, что сердце остановилось, я испытываю странное ощущение, будто покинула свое тело и смотрю на него издалека, будто на несколько мгновений мы превратились в наброски самих себя.

Тут я вспоминаю историю, которую мне рассказали родители. Во времена, когда «Томас Джефферсон» получил прозвище «Школа самоубийц», один парень повесился в собственной кладовке, среди пронафталиненных свитеров, старых кроссовок и прочего барахла. Он был неудачником, играл в музыкальной группе, цвел прыщами и почти не имел друзей. Так что никто особо не озаботился, когда он умер. В смысле, люди, конечно, взгрустнули, но пережили это.

Однако в следующем году — ровно через год — один из самых популярных парней в школе покончил с собой точно таким же образом. Все было схожим: метод, время и место. Не считая того, что этот парень был капитаном сборной по плаванию и футбольной команды; когда полицейские открыли кладовку, на полках стояло столько спортивных наград, что казалось, будто он погребен в золотой усыпальнице. Он оставил только короткую записку: «Мы все палачи».

— Как? — спрашивает Элоди.

Миссис Харрис качает головой; кажется, она вот-вот расплечется.

— Минди слышала выстрел и решила, что это петарда. Просто хулиганская выходка.

— Она застрелилась? — почти благоговейно уточняет Элли, и я знаю, что мысль у нас одна: хуже способа не найти.

— Но... — Элоди поправляет очки и облизывает губы. — Известно почему?

— Записки не было, — отвечает миссис Харрис.

Клянусь, я слышу, как по комнате проносится тихий шелест. Вздых облегчения.

— Может, вам проще догадаться, — добавляет миссис Харрис, затем подходит к Элли, наклоняется и целует ее в лоб.

Та отстраняется — возможно, от удивления. Я никогда не видела, чтобы миссис Харрис целовала Элли. Никогда не видела, чтобы миссис Харрис настолько была матерью.

Затем она уходит, а мы сидим в центре расходящихся кругов тишины. У меня такое чувство, будто мы чего-то ждем, но толком неясно чего. Наконец Элоди подает голос:

— Как по-вашему... это из-за розы?

Она сглатывает и обводит всех взглядом.

— Не глупи, — рывкает Линдси. — Можно подумать, это для нее впервые.

И все же видно, что подруга расстроена. Ее лицо побелело; руки нервно крутят краешек одеяла.

— Тем хуже, — возражает Элли.

— По крайней мере, мы помнили ее имя. — Линдси замечает, что я обратила внимание на ее руки, и припечатывает их к коленям. — Большинство людей считали ее невидимкой.

Элли прикусывает губу.

— И все же, в свой последний день... — начинает Элоди.

— Все к лучшему, — перебивает Линдси.

Это гадко, даже для нее. Мы все не сводим с нее глаз.

— Что? — Она вздергивает подбородок и, защищаясь, смотрит на нас. — Вы и сами так думаете. Она была несчастной. Теперь она свободна. Все кончилось.

— Но... в смысле, все могло наладиться, — говорю я.

— Не могло, — отрезает Линдси.

Качая головой, Элли подтягивает колени к груди.

— О господи, Линдси.

Я в шоке. Самое странное — то, что Джулиет застрелилась. Такой грубый, громкий, плотский способ. Брызги крови и мозгов, испепеляющий жар. Если ей действительно было нужно... умереть... она могла утопиться, войти в воду и подождать, пока та сомкнется над головой. Или спрыгнуть. Я представляю, как Джулиет парит в небесах, словно перышко во власти воздушных течений. Она раскидывает руки и прыгает с моста или обрыва, но в моем воображении взмывает вверх на крыльях ветра, как только ее ноги отрываются от земли.

Никаких пистолетов. Пистолеты — это для полицейских сериалов, ограблений круглосуточных магазинов, наркоманов и разборок между бандами. Не для Джулиет Сихи.

— Может, нам стоило быть добрее, — вздыхает Элоди, потупив взор, будто ей неловко.

— Не начинай! — Голос у Линдси громкий и жесткий по сравнению с голосом Элоди. — Нельзя изводить человека, а потом переживать, что он умер.

Подняв голову, Элоди смотрит на Линдси и заявляет:

— Но я переживаю.

— Значит, ты лицемерка, — бросает Линдси. — А хуже этого ничего нет.

Она встает, выключает свет, забирается обратно на диван и шуршит одеялами, устраиваясь поудобнее. Затем добавляет:

— Если вы не против, я хоть немного посплю.

На время воцаряется тишина. Не знаю, легла Элли или нет, но когда глаза привыкают к темноте, я вижу, что она по-прежнему сидит, притянув колени к груди и уставившись прямо перед собой. Через минуту она сообщает:

— Пойду спать наверх.

Она шумно собирает простыни и одеяла, возможно, чтобы насолить Линдси.

Вслед за ней Элоди произносит:

— Я тоже. Диван весь в комках.

Очевидно, она расстроена. Мы спим на этом диване уже много лет.

После того как она уходит, я некоторое время слушаю дыхание Линдси. Интересно, она спит? Не представляю, как ей это удастся. Лично у меня сна ни в одном глазу. С другой стороны, Линдси всегда отличалась от большинства людей: менее чувствительная, более категоричная. Моя команда, твоя команда. По эту сторону черты, по ту сторону черты. Бесстрашная и беспечная. Из-за этого я всегда восхищалась ею — мы все восхищались.

Успокоиться не получается, словно мне необходимы ответы на вопросы, которые я не могу задать. Я медленно сползаю с дивана, стараясь не разбудить Линдси, но оказывается, что она все же не спит. Она перекачивается на спину, и в темноте я вижу только бледную кожу и глубокие провалы глаз.

— Тоже наверх? — шепчет она.

— В туалет, — отвечаю я.

Ощупью я выбираюсь в коридор и останавливаюсь. Где-то тикают часы, но в остальном совершенно тихо. Вокруг темнота; каменный пол холодит ступни. Я провожу рукой по стене, чтобы сориентироваться. Стук дождя прекратился. Я выглядываю на улицу: дождь превратился в снег; тысячи снежинок тают на зарешеченных окнах, отчего лунный свет кажется водянистым и полным движения. На полу корчатся и извиваются живые тени. Туалет рядом, но я иду не туда. Я осторожно открываю дверь в подвал и спускаюсь по лестнице, держась за перила.

Ступив на ковер внизу лестницы, я нашариваю выключатель на стене слева. Свет заливают подвал, большой, пустынный и привычный: бежевые кожаные диваны, старый стол для пинг-понга, очередной телевизор с плоским экраном, выгороженный круг с беговой дорожкой, эллиптическим тренажером и трехстворчатым зеркалом посередине. Здесь прохладнее и пахнет химикатами и свежей краской.

За тренировочной зоной находится еще одна дверь, ведущая в комнату, которую мы прозвали Алтарем Эллисон Харрис. Стены обклеены старыми рисунками Элли, никудышными, в основном времен начальной школы. Полки заставлены фотографиями в рамках: Элли в костюме осьминога на Хеллоуине в первом классе; Элли в зеленом бархатном платье улыбается на фоне огромной рождественской елки, которая чуть не падает под весом украшений; Элли в бикини щурится; Элли смеется, Элли хмурится, Элли изображает задумчивость. На нижней полке сложены все ее ежегодники начиная с детского сада. Как-то Элли призналась, что миссис Харрис пролистала все ежегодники один за другим и наклеила разноцветные ярлыки на друзей Элли. («Чтобы ты не забывала, какой популярной всегда была», — пояснила миссис Харрис.)

Я опускаюсь на колени, сама еще не понимая, что хочу найти. В голове брезжит мысль, некое давнее воспоминание, исчезающее всякий раз, когда я пытаюсь его поймать. Похоже на стереограммы, в которых можно найти скрытое изображение, только если расфокусировать зрение.

Начинаю я с ежегодника за первый класс. Он сразу открывается на классе мистера Кристенсена. Надо же, какая удача. А вот и я, немного в стороне от группы. Отражение вспышки в очках скрывает глаза. Улыбка больше напоминает гримасу, как будто мне больно улыбаться. Я быстро пролистываю страницу. Терпеть не могу просматривать старые ежегодники; мне нечего рассчитывать на прилив приятных воспоминаний. Мои альбомы валяются где-то на чердаке вместе с остальным барахлом, которое мама запрещает выкидывать, потому что «спохватишься, а будет поздно», вроде старых кукол и ветхого плюшевого ягненка, которого я повсюду таскала за собой.

Через две страницы я нахожу то, что искала: первый класс миссис Новак. Линдси, как обычно, впереди всех, посередине, широко улыбается камере. Рядом с ней хорошенькая худенькая девочка с робкой улыбкой и светлыми, почти белыми, волосами. Они с Линдси стоят так близко, что их руки соприкасаются от локтей до кончиков пальцев.

Джулиет Сиха.

В ежегоднике за второй класс Линдси на коленях в переднем ряду. Джулиет Сиха снова рядом с ней.

В ежегоднике за третий класс между Джулиет и Линдси несколько страниц. Линдси училась в классе мисс Дернер (вместе со мной; в том году она придумала шутку «Угадайте, что такое: красно-белое, чудное?»). Джулиет попала в класс доктора Кузмы.

Разные страницы, разные классы, разные позы — Линдси сжимает руки перед собой; Джулиет немножко клонится набок, — и все же девочки похожи как две капли воды в одинаковых нежно-голубых футболках «Пти Бато» и парных белых капри чуть ниже колен; их светлые блестящие волосы аккуратно разделены на прямой пробор, на шеях блестят тонкие серебряные цепочки. В том году было круто одеваться одинаково с подругами — своими лучшими подругами.

Тяжелыми, непослушными пальцами я поднимаю ежегодник за четвертый класс; по телу пробегает озноб. Нас обложке — большой цветной рисунок нашей школы в неоновом-розовом и красном тонах. Наверное, работа учителя рисования. Я не сразу отыскиваю класс Линдси, но едва мне это удастся, как сердце начинает учащенно биться. Она снова широко улыбается камере, словно говорит: «Тебе не изуродовать меня». Рядом Джулиет Сиха. Хорошенькая, счастливая, лукаво улыбающаяся, как будто у нее есть секрет. Я шурюсь, разглядывая крошечное смазанное пятнышко между ними. Кажется, их указательные пальцы сцеплены.

Пятый класс. Я легко нахожу Линдси. Она стоит впереди всех, посередине класса миссис Краков. Ее широкая улыбка напоминает оскал. Поиски Джулиет занимают больше времени. Я листаю страницу за страницей, затем начинаю сначала и наконец замечаю ее в правом верхнем углу, зажатую между Лорен Лорнет и Эйлин Чо, чуть позади, как будто ей хочется выпасть из кадра. Ее лицо скрыто завесой волос. Лорен и Эйлин отшатываются друг от друга, словно боятся, что их сочтут подругами, словно каждая опасается, что у другой заразная болезнь.

Пятый класс: год похода герлскаутов, когда Джулиет описалась в спальный мешок и Линдси

прозвала ее Мышкой-мокрушкой.

Осторожно, в правильном порядке я убираю ежегодники на место. Мое сердце бешено выстукивает неукротимый барабанный ритм. Мне хочется поскорее убраться из подвала. Я выключаю свет и ощупью поднимаюсь по лестнице. Темнота кишит тенями и формами; к горлу подступает ужас. Если я обернусь, то наверняка увижу, как она, спотыкаясь, бредет ко мне и простирает руки. Вся в белом, с окровавленным, разнесенным в клочья лицом.

Она ждет меня наверху: видение, ночной кошмар. Ее лицо — провал — скрыто в тени, но я знаю, что она наблюдает за мной. Комната кренится; я хватаюсь за стену, чтобы не упасть.

— Что случилось? — Линдси делает еще один шаг в коридор; теперь ее черты хорошо видны в лунном свете. — Почему ты так смотришь?

— О боже. — Я прижимаю руку к груди, пытаюсь унять сердцебиение. — Ты напугала меня.

— Что ты делала внизу?

Ее волосы растрепаны; в белых шортах и топике она напоминает привидение.

— Ты дружила с Джулиет. — Я словно упрекаю. — Ты дружила с ней много лет.

Сложно сказать, какого ответа я жду, но Линдси на мгновение отводит глаза.

— Мы не виноваты. — Она словно бросает мне вызов: посмей возразить! — Джулиет попросту полоумная. Тебе это известно.

— Верно, — соглашаюсь я.

Судя по всему, Линдси не слышит меня, ее речь внезапно становится быстрой и настойчивой.

— И ходили слухи, что ее отец типа алкоголик. Вся ее семейка чокнутая.

— Ага.

Минуту мы стоим в тишине. Мое тело кажется тяжелым, бесполезным, как бывает во сне, когда нужно бежать, но не можешь. Через некоторое время до меня доходит, и я поправляю:

— Была.

Хотя мы молчали, Линдси резко вдыхает, как будто я перебила ее посреди долгой речи.

— Что?

— Была полоумная. Теперь она никакая.

Повисает пауза. Я прохожу мимо Линдси в темный коридор и отыскиваю дорогу к дивану. Забираюсь под одеяла, и вскоре она присоединяется ко мне.

Вряд ли мне удастся заснуть. Я вспоминаю, как в середине одиннадцатого класса мы с Линдси сбежали из дома посреди недели — во вторник или четверг — и колесили по округе, потому что не нашли другого занятия. В какой-то момент она затормозила на Фэллоу-Ридж-роуд и выключила фары в ожидании, когда другая машина двинется в нашу сторону по узкой односторонней улочке. Наконец она врубила мотор и фары и рванула навстречу. Фары выросли

до размера солнца; я вопила изо всех сил, уверенная, что мы умрем, а Линдси крепко держалась за руль и перекрикивала меня: «Спокойно, они всегда сдаются первыми». Разумеется, она оказалась права. В последнюю секунду чужая машина резко свернула в канаву.

С этой мыслью меня затягивает в сон.

Во сне я падаю сквозь темноту.

Во сне я всегда падаю.

Глава 4

Еще до того как я просыпаюсь, будильник оказывается у меня в руках, и я открываю глаза в тот же миг, когда часы летят в стену, издают прощальный вопль и разбиваются вдребезги.

— Ух ты, — восторгается Линдси, когда я сажусь в машину через пятнадцать минут. — Что, в квартале красных фонарей открылась вакансия, а я не в курсе?

— Заткнись и поезжай.

Мне с трудом удастся выносить ее вид. Из моих пор сочится ярость. Она фальшивка: весь мир — фальшивка, один большой и блестящий обман. И расплачиваюсь за это почему-то я. Это я умерла. Я попала в капкан.

Знаете что? Так нечестно. Линдси водит как в «Большой автокраже». Она вечно изобретает способы кого-нибудь унизить или нагадить и вечно всех критикует. Скрывая, что дружила с Джулиет Сихой, она издевалась над ней столько лет. Я ничего не делала, только повторяла за Линдси.

— Смотри замерзнешь, — предостерегает она, выбрасывая окурок и поднимая окно.

— Спасибо, мамочка.

Я опускаю зеркало — проверить, не размазалась ли помада. Я подвернула юбку пару раз, так что она едва прикрывает задницу, когда я сижу, и нацепила пятидюймовые платформы, купленные в шутку в компании Элли в магазине, который, на наш взгляд, годится только для стриптизерш. Топик с мехом я оставила, но добавила ожерелье со стразами, тоже приобретенное в шутку как-то на Хеллоуин, когда мы все оделись медсестричками-нимфоманками. Крупные сверкающие буквы складываются в слово «шлюха».

Плевать. Пусть все смотрят на меня. Сейчас я способна на все, что угодно: дать кому-нибудь в морду, ограбить банк, напиться и натворить глупостей. Вот единственное преимущество смерти. Никаких последствий.

Линдси не замечает моего сарказма или не обращает на него внимания.

— Странно, что родители выпустили тебя из дома в таком виде.

— Они и не выпустили.

Что еще испортило мне настроение, так это десятиминутная перебранка с матерью перед тем, как я выскочила из дома. Даже когда Иззи спряталась у себя в комнате, а папа пригрозил запереть меня до самой смерти (ха!), слова продолжали вылетать из моего рта. Орать было так приятно, как отдиравать корку с царапины, чтобы снова потекла кровь.

— Ты не выйдешь из дома, пока не наденешь что-нибудь еще, — заявила мать. — Подхватишь пневмонию. Но главное, в школе не должно сложиться о тебе превратное представление.

Тут у меня внутри что-то треснуло — разбилось и треснуло.

— Теперь ты заботаешься обо мне? Теперь решила мне помочь? Защитить меня?

Мать отпрянула, как будто я вlepила ей пощечину. На самом деле мне хотелось спросить: «Где ты была четыре дня назад? Где ты была, когда моя машина слетела с дороги среди ночи? Почему ты не думала обо мне? Почему не была там?» Сейчас я ненавижу обоих родителей: за то, что спокойно сидели дома, когда в темноте мое сердце отсчитывало последние мгновения жизни, одно за другим, пока мое время не истекло; за то, что позволили нити, связывающей нас, слишком сильно растянуться, и В миг, когда она оборвалась навсегда, они даже ничего не почувствовали.

Вместе с тем я понимаю, что родители не виноваты. По крайней мере, не только они. Я сама растягивала эту нить сотни раз, сотней способов. Но от этого моя ярость лишь становится сильнее.

Родители должны хранить от зла.

— Господи, да что с тобой? — Линдси пристально на меня смотрит. — Встала не с той ноги?

— Да, и уже несколько дней подряд.

Как я устала от этих тусклых сумерек, от блеклого, выцветшего неба — даже не голубого — и мокрой жижи солнца на горизонте. Я читала, что голодающие начинают грезить о еде, лежат и часами мечтают о горячем картофельном пюре, шариках сливочного масла и истекающих алой кровью стейках на тарелках. Теперь это происходит со мной. Я тоскую по другому свету, другому солнцу, другому небу. Раньше я не задумывалась об этом, но разве не чудо, сколько существует видов света, видов неба: бледная прозрачность весны, когда весь мир словно заливается румянцем; пышная, сочная яркость июльского полдня; пурпурные грозовые облака и болезненное зеленое свечение перед тем, как сверкнет молния; сумасшедшие разноцветные закаты, напоминающие психоделические видения.

Надо было больше ими наслаждаться, надо было запомнить все до единого. Надо было умереть в день с красивым закатом. Умереть в летние или зимние каникулы. В любой другой день. Прижавшись лбом к окну, я воображаю, как пробью кулаком стекло, дотянусь до неба и оно разлетится вдребезги, точно зеркало.

Как же мне пережить миллионы и миллионы одинаковых дней, двух зеркал, бесконечно отражающихся друг в друге? Я составляю план. Перестану ходить в школу, угоню машину и каждый день буду мчаться в новом направлении далеко-далеко. На восток, запад, север и юг. Я представляю, как поеду так далеко и так быстро, что оторвусь от земли, подобно аэроплану, и взлечу вверх, туда, где время утекает прочь, словно песок, уносимый ветром.

Помните, что я говорила о надежде?

— Счастливого Дня Купидона! — напевает Элоди, забираясь в Танк.

Линдси переводит взгляд с Элоди на меня.

— У вас что, состязание «на ком меньше надето»?

— Свои достоинства надо демонстрировать. — Наклонившись за кофе, Элоди изучает мою юбку. — Забыла надеть трусы, Сэм?

Линдси хихикает.

— А тебе завидно? — огрызаюсь я, не отрываясь от окна.

— Что это с ней? — удивляется Элоди, откидываясь на спинку кресла.

— Забыла принять таблетки для счастья.

Уголкем глаза я замечаю, как Линдси гримасничает, показывая: «Не обращай внимания». Словно я трудный ребенок. Я вспоминаю о старых фотографиях, на которых она стоит рука об руку с Джулиет Сихой, о развороченной голове Джулиет и о брызгах плоти на стене подвала. Ярость возвращается; я сдерживаюсь из последних сил. Мне хочется повернуться к Линдси и заорать, что она фальшивка, лгунья, что я вижу ее насквозь.

«Я вижу тебя насквозь...» У меня екает сердце, когда я вспоминаю слова Кента.

— Знаю, что тебя взбодрит, — сообщает Элоди, с самодовольным видом роясь в сумке.

Прижав пальцы к вискам, я отзываюсь:

— Боже правый, Элоди, если сейчас ты вручишь мне презерватив...

— Но... это же подарок для тебя, — хмурится она, держа презерватив двумя пальцами и глядя на Линдси в поисках поддержки.

— Тебе виднее, — пожимает плечами Линдси; она не смотрит на меня, но я чувствую, что начинаю ее раздражать, и, если честно, меня это радует. — Если хочешь стать ходячим рассадником венерических заболеваний...

— Кому знать, как не тебе.

Эта фраза вырывается у меня невольно. Линдси вихрем оборачивается ко мне.

— Что ты сказала?

— Ничего.

— Ты сказала...

— Ничего я не говорила, — возражаю я, прислоняясь лбом к стеклу.

Элоди так и застыла с презервативом в руках.

— Ну же, Сэм. Берегите любовь и все такое.

Теперь потеря девственности кажется мне нелепостью, сюжетным поворотом другого фильма, другого персонажа, другой жизни. Я пытаюсь вспомнить, что мне нравится в Робе — что мне нравилось в нем, — но перед глазами мелькают лишь разрозненные картинки: Роб валяется на диване Кента, хватая меня за руку и обвиняет в измене; Роб кладет мне голову на плечо в

своем подвале и шепчет, что мечтает заснуть рядом; Роб поворачивается ко мне спиной в шестом классе; Роб поднимает руку и произносит: «Пять минут»; Роб впервые берет меня за руку, когда мы идем по коридору, и меня затопляет ощущение силы и гордости. Это похоже на чужие воспоминания.

И тогда до меня по-настоящему доходит: все это больше ничего не значит. Все на свете больше ничего не значит.

Обернувшись, я выхватываю у Элоди презерватив, натянуто улыбаюсь и повторяю за ней:

— Берегите любовь.

— Вот умница! — радостно восклицает Элоди.

Тут Линдси жмет на тормоза на красный свет, я падаю вперед и вытягиваю руку, чтобы не удариться о приборную панель, затем машина останавливается, и меня отбрасывает назад, на подголовник. Стакан в держателе подпрыгивает, кофе брызгает мне на бедро.

— Ой, — хихикает Линдси. — Ради бога, прости.

— А ты опасна! — смеется Элоди, пристегивая ремень безопасности.

Ярость, которую я испытываю все утро, изливается в одно мгновение, и я кричу:

— Да что с тобой, черт побери, такое?

Улыбка Линдси застывает на губах.

— Что?

— Что с тобой такое, черт побери?

Схватив салфетки из бардачка, я вытираю ногу. Кофе не такой уж горячий — Линдси сняла крышку, чтобы он остыл, — но оставляет на бедре красную отметину, и мне хочется плакать.

— В чем проблема? — продолжаю я. — Красный свет — стоп. Зеленый свет — вперед. С желтым сложнее, но если немного потренироваться, дойдет даже до тебя.

Подруги пораженно смотрят на меня, но я не замолкаю, я не могу замолчать, это все Линдси виновата, Линдси и ее дурацкая манера вождения.

— Даже обезьяну можно научить водить машину. Что такое? В чем дело? Желаете доказать, что тебе все по барабану? Что тебе наплевать на все? На все и на всех? Здесь помять крыло, там снести зеркало, ой, слава богу, у нас есть подушки безопасности, для того и придуманы бамперы, ладно, поехали дальше, поехали дальше, все останется между нами. Но вот что, Линдси. Тебе не нужно ничего доказывать. Мы в курсе, что тебе по барабану все, кроме себя. Мы всегда это знали.

У меня кончается воздух, и на мгновение повисает полная тишина. Линдси даже не смотрит на меня. Она уставилась прямо перед собой, сжимая руль обеими руками с побелевшими костяшками. Загорается зеленый, и она со всей силы жмет на газ. Мотор рокочет, словно далекий гром.

Она не сразу собирается с мыслями, а когда собирается, ее голос звучит тихо и приглушенно.

— Да как ты смеешь?..

— Девочки, — нервно вступает Элоди с заднего сиденья. — Не надо ссориться, ладно? Хватит.

Ярость продолжает бежать по моим жилам электрическим током. Много лет я не ощущала себя такой взвинченной и живой. Я вихрем оборачиваюсь к Элоди.

— Почему ты никогда не защищаешься? Тебе же известно, что это правда. Она сука. Ну же, скажи это.

Элоди вжимается в спинку кресла и быстро переводит взгляд с Линдси на меня и обратно.

— Оставь ее в покое, — шипит Линдси.

Открыв рот, Элоди целую минуту мотает головой.

— Мне следовало догадаться. — Одновременно я испытываю триумф и тошноту. — Ты боишься ее. Это же очевидно.

— Оставь ее в покое! — повышает голос Линдси.

— Я должна оставить ее в покое? — Резкость и ясность исчезают, реальность пытается вырваться из-под контроля. — Это ты всю жизнь обращаешься с ней как с дерьмом. Ты. «Элоди такая жалкая. Вы только посмотрите, как Элоди вешается на Стива, а ведь она даже не нравится ему. Ну надо же, Элоди снова нажралась. Надеюсь, она не сблюет в моей машине; не дай бог, кожа провоняет спиртягой».

На последнем слове Элоди резко вдыхает. Я зашла слишком далеко. В ту же секунду мне хочется забрать свои слова обратно. Зеркало до сих пор опущено, и я вижу, как Элоди с дрожащими губами отвернулась к окну, явно стараясь не заплакать. Правило лучших друзей номер один: есть вещи, которых никогда, ни при каких условиях нельзя говорить.

Вдруг Линдси жмет на тормоза. Мы посреди Сто двадцатого шоссе, в полумиле от школы, и за нами уже выстроилась очередь. Машина вырывается на встречную полосу, чтобы не врезаться в нас; к счастью, ей навстречу никто не едет. Даже Элоди вопит.

— О господи! — Мое сердце колотится. — Что ты творишь?

Водитель проезжает мимо, яростно давя на гудок. Пассажир опускает окно и что-то кричит, но я не слышу, только вижу мельком бейсболку и злобные глаза.

Люди в очереди тоже начинают давить на гудки, одна ко Линдси ставит машину на ручник и не двигается с места.

— Линдси, — пугается Элоди. — Сэм права. Это не смешно.

Тогда Линдси резко наклоняется ко мне. Неужели собирается ударить? Но она только распахивает дверцу и тихо командует голосом, полным гнева:

— Вон!

— Что?

Холодный воздух врывается в машину, как удар в живот, и я сдуваюсь. Остатки ярости и

бесстрашия испаряются, остается одна усталость.

— Линдз. — Элоди пытается смеяться, но смех выходит визгливым и истеричным. — Ты не можешь выгнать ее на улицу. Она замерзнет.

— Вон, — повторяет Линдси.

Вокруг потихоньку собираются автомобили, водители гудят, опускают окна и орут. Фразы теряются в реве моторов и блеянии гудков, но все равно это унижительно. Я вжимаюсь в кресло при мысли, что придется вылезти наружу и месить грязь в канаве, пока мимо будут мчаться десятки машин и все будут на меня глазеть. Я ищу у Элоди поддержки, но она отворачивается.

Снова наклонившись, Линдси шепчет мне на ухо:

— Вон. Отсюда.

Наверное, со стороны кажется, что мы секретничаем.

Взяв сумку, я выбираюсь из машины. Мороз хватает за ноги, мешает двигаться. В ту же секунду Линдси жмет на газ и мчится прочь с распахнутой дверцей.

Я бреду вдоль дороги по канаве, полной листьев и мусора. Пальцы рук и ног немеют почти сразу, и я нарочно топаю по листьям, покрытым инеем, чтобы немного разогнать кровь. Через минуту пробка начинает рассасываться, гудки затихают вдаль, подобно шуму проходящего поезда.

Рядом тормозит синяя «тойота». Из окна высовывается седая женщина лет шестидесяти, она качает головой и хмурится, затем произносит:

— Совсем рехнулась.

Мгновение я просто стою, но когда машина отъезжает, вспоминаю, что это ничего не значит, все на свете ничего не значит, и показываю средний палец. Надеюсь, она видит.

Всю дорогу до школы я вновь и вновь повторяю, пока слова не утрачивают смысл: «Это ничего не значит, все на свете ничего не значит».

Вот что еще я выяснила в то утро: если перейдешь черту и ничего не случится, черта потеряет смысл. Как в старой загадке: если в лесу упадет дерево, а вокруг никого нет, раздастся ли треск?

Ты проводишь черту все дальше и дальше, каждый раз пересекая ее. Так люди и катятся в пропасть. Вы удивитесь, насколько легко сорваться с орбиты, улететь туда, где никто не сможет прикоснуться. Потерять себя... заблудиться.

Или не удивитесь? Возможно, вы уже знаете?

Если так, то скажу лишь одно: сочувствую.

Первые четыре урока я пропускаю просто потому, что мне можно, и пару часов брожу по коридорам без особой цели и смысла. Я почти надеюсь, что меня остановят — учитель, или мисс Винтере, или помощник учителя, или кто-нибудь — и спросят, что я здесь забыла, или

даже прямо обвинят в прогуле и пошлют в кабинет директора. Ссора с Линдси оставила меня неудовлетворенной, и я по-прежнему испытываю смутное, но настоятельное желание что-либо сделать.

Большинство учителей просто кивают, улыбаются или небрежно машут рукой. Откуда им знать мое расписание. Может, у меня «окно» или урок отменили. Я разочарованна тем, как, оказывается, легко нарушить правила.

Войдя в класс мистера Даймлера, я намеренно не обращаю на него внимания, но чувствую его взгляд. Когда я сажусь за парту, он подходит прямо ко мне и усмехается.

— Не рановато для пляжного сезона?

Обычно, когда он смотрит на меня дольше нескольких секунд, я начинаю нервничать, но на этот раз не отвожу глаз. Тепло разливается по телу; я вспоминаю, как стояла под обогревательными лампами в доме бабушки, когда мне было не больше пяти. Не думала, что простой взгляд способен превратить свет в тепло. С Робом я ничего подобного не испытывала.

— Свои достоинства надо демонстрировать, — сообщаю я вкрадчиво.

В его глазах вспыхивает огонек. Я удивила его.

— Не сомневаюсь, — мурлычет он так тихо, что больше никто не слышит, и густо краснеет, словно сам от себя не ожидал.

Он кивает на парту, где лежат только ручка и небольшой квадратный блокнот, который мы с Линдси передаем друг другу на переменах. Это наш способ обмениваться записками.

— Сегодня без роз? Или букет слишком тяжелый, чтобы носить его за собой?

Просто я не была ни на одном уроке и потому не получила ни одной валограммы. Подумаешь. В прошлом я бы лучше умерла, чем в День Купидона появилась в коридорах «Томаса Джефферсона» без единой розы. В прошлом я сочла бы эту участь хуже смерти.

Разумеется, с тех пор все изменилось. Я пожимаю плечами и вскидываю голову.

— Я вроде как выше этого.

Уверенность словно вливается в меня из кого-то другого, старше и красивее, как будто я только играю роль.

Учитель улыбается, его глаза снова вспыхивают. Затем возвращается за стол и хлопает в ладоши, призывая всех занять места. Как всегда, грязный пеньковый амулет выглядывает из-за воротника его рубашки, и я воображаю, как поддеваю его пальцами, притягиваю мистера Даймлера к себе и целую. Его губы полные, но не слишком, и идеальной для парня формы — если он чуть приоткроет рот, наши губы как раз совпадут. Я вспоминаю фотографию из ежегодника, на которой он обнимал свою королеву. Она была худой, с длинными каштановыми волосами и спокойной улыбкой. Совсем как я.

— Ладно, ребята, — начинает он, пока класс рассаживается, скрипит партами, хихикает и шуршит букетами. — Сегодня День Купидона, и воздух пропитан любовью, но знаете что? Тема урока — производные.

Раздается несколько стонов. В дверь стучит Кент; он едва не опоздал. Его сумка расстегнута, путь усеян бумагами, как будто он Гензель или Гретель и должен оставить за собой след из незаконченных набросков и записок. Из-под его мешковатых брюк цвета хаки выглядывают кроссовки в шахматную клетку.

— Прощу прощения, — задыхаясь, бормочет он. — Несчастный случай в «Напасти». Проблемы с принтером. Злокачественная бумажная опухоль во втором лотке. Пришлось немедленно оперировать, не то бы мы потеряли его.

Он направляется на свое место. На середине прохода учебник по математике в открытой сумке, который поднимался на волне скомканной бумаги все выше и выше, выскальзывает, шлепается на пол, и все хохочут. Я ощущаю прилив раздражения. Почему у него вечно все не слава богу? Неужели так трудно застегнуть молнию на сумке?

Кент ловит мой взгляд и, по-видимому, принимает выражение моего лица за заботу, поскольку усмехается и одними губами произносит: «Ходячее несчастье». Можно подумать, он этим гордится!

Я снова обращаю все внимание на мистера Даймлера. Он стоит перед классом, скрестив руки на груди с притворно серьезным лицом. Вот что еще мне нравится: он никогда не злится по-настоящему.

— Рад, что принтер поправился, — поднимает он брови.

Его рукава закатаны, руки покрыты загаром. Или его кожа от природы цвета жженого меда?

— Итак, День Купидона приносит множество волнений. Однако это не значит, что можно игнорировать обычные...

— Купидоны! — раздается чей-то визг, и класс рассыпается смешками.

Ну конечно, вот и они: дьявол, кошка и бледный белый ангел с огромными глазами.

Мистер Даймлер поднимает руки и опирается на стол.

— Сдаюсь!

Мгновение он улыбается только мне. Всего мгновение, но его хватает, и мое тело вспыхивает, как рождественская витрина.

Ангел кладет мне на парту три розы — от Роба, Тары Флют и Элоди — и продолжает методично просматривать цветы, переворачивая каждую карточку в поисках моего имени. В движениях ангела есть что-то очень старательное и искреннее, как будто она всецело сосредоточена на том, чтобы ничего не напутать. Она тихонько шепчет имена получателей, словно не может поверить, что в школе так много людей, так много подаренных роз, так много друзей. Мне больно наблюдать за ней, я резко встаю и выхватываю сливочно-розовый цветок из ее рук. Ангел испуганно отскакивает.

— Это моя роза, — заявляю я. — Я узнала ее.

Она кивает с широко распахнутыми глазами и открывает рот. Наверное, с ней никогда не говорили выпускники.

Наклонившись, чтобы нас никто не слышал, я добавляю:

— Молчи. Я выкину ее.

И это правда. Ее глаза распахиваются еще шире. Я не вынесу, если она назовет розу красивой. Я не вынесу этого теперь, когда роза — как и все остальное — превратилась в бессмысленный мусор.

Как только мистер Даймлер выводит купидонов за дверь — все в классе продолжают хихикать, хвастаться записками от друзей и прикидывать, сколько цветков получат к концу дня, — я сгребаю свои розы и выбрасываю в большую мусорную корзину рядом с учительским столом.

Смешки немедленно прекращаются. Раздаются два громких вздоха, а Крисси Уокер на полном серьезе осеняет себя крестным знамением, словно я только что нагадила на Библию или вроде того. Вот видите, насколько важны розы. Бекка Рот привстает со стула, как будто хочет метнуться за цветами и спасти их от жалкой гибели под обрывками бумаги, карандашными стружками, пропаленными контрольными и пустыми банками из-под газировки. Я даже не смотрю в сторону Кента. Не желаю видеть его лицо.

— Как ты могла выкинуть розы, Сэм? — не выдерживает Бекка. — Кто-то послал их тебе.

— Верно, — поддакивает Крисси, — Так нельзя.

— Можете забрать их себе, если хотите.

Пожав плечами, я киваю на мусорную корзину, и Бекка одаривает ее тоскливым взглядом. Вероятно, она прикидывает, стоит ли подъем по социальной лестнице, который ей обеспечат четыре дополнительные розы, удара по самолюбию, нанесенного копанием в помойке.

Мистер Даймлер улыбается и подмигивает мне.

— Уверена, Сэм? — Он поднимает руки. — Ты разбиваешь сердца направо и налево.

— Да ну? — Все это исчезнет, пропадет, сотрется завтра, а завтра сотрется послезавтра, и послезавтра тоже сотрется; не останется ни тени, ни пятнышка. — А как насчет вашего?

В классе повисает мертвая тишина; кто-то кашляет. Очевидно, мистер Даймлер не понимает, намеренно я соблазняю его или нет. Он нервно облизывает губы и проводит рукой по волосам.

— Что?

— Ваше сердце. Я разбиваю его?

Я сажусь на край его стола, и юбка задирается почти до трусов. Сердце колотится так быстро, что его стук сливается в единый гул. Я словно взрываю в воздух.

— Ладно. — Он опускает глаза и теребит рукав рубашки. — Вернись на место, Сэм. Пора начинать урок.

— Мне казалось, вам нравится мой вид.

Чуть отклонившись назад, я вытягиваю руки над головой. В воздухе гудит электричество; живое, звенящее напряжение течет во все стороны; похоже на мгновение перед грозой, когда каждая частичка воздуха заряжена до краев и вибрирует. На задних партах кто-то хихикает, а

кто-то бормочет: «О господи». Вроде бы Кент, если меня не подводит воображение.

Мистер Даймлер мрачно смотрит на меня.

— Садись.

— Как угодно.

Съехав с края стола, я опускаюсь на стул, медленно закидываю ногу на ногу и складываю руки на коленях. В классе тут и там раздаются смешки и вздохи, взрывы звуков. Не знаю, откуда взялось это ощущение полного, абсолютного контроля. Еще несколько месяцев назад я превращалась в желе, когда ко мне обращался парень, включая Роба. Но мне легко и просто, будто впервые в жизни я никем не притворяюсь.

— На свой стул, — почти рычит мистер Даймлер.

Его лицо стало темно-красным, едва ли не фиолетовым. Я вывела его из себя, возможно впервые в истории «Томаса Джефферсона». Заработала очко в игре, которую мы с ним ведем. При этой мысли у меня екает в животе — довольно приятно, как перед гребнем американских горок, когда вот-вот окажешься на самом верху, увидишь парк с высоты, замрешь на долю секунды и ринешься вниз. Так сосет под ложечкой перед тем, как мир рассыпается на части, и ты с визгом летишь навстречу ветру, абсолютно свободная. Хохот в классе превращается в гул. Из коридора его можно принять за аплодисменты.

Остаток урока я веду себя тихо, хотя шепотки и смешки не прекращаются, и получаю три записки. Одна от Бекки: «Ты потрясающая»; другая от Ханны Гордон: «Он та-а-акой душка». Третья падает ко мне на колени, скомканная, как мусор, прежде чем я замечаю, кто ее кинул. В ней написано: «Шлюха». На мгновение я испытываю прилив стыда, подобный тошноте или головокружению, но он быстро проходит. Все не по-настоящему. Даже я больше не настоящая.

Четвертая записка появляется перед самым концом урока. Она сложена в форме самолетика и буквально приземляется мне на парту, когда мистер Даймлер стоит спиной и пишет формулу на доске. Самолетик такой совершенный, что мне жаль его трогать, и все же я раворачиваю крылья и вижу аккуратные печатные буквы.

«Ты слишком хороша для этого».

Подписи нет, но мне ясно, что записка от Кента, и на мгновение меня пронзает резкая и глубокая, непонятная и неопишуемая боль, словно нож входит под ребра, и я едва не задыхаюсь. Я не должна была умереть. Только не я.

С величайшей осторожностью я беру записку и рву пополам, потом еще раз пополам.

Мы не унимаемся весь урок, и мистер Даймлер сдастся за две минуты до звонка.

— Не забудьте: в понедельник контрольная. Пределы и асимптоты.

Класс разом выдыхает, дружно шуршит куртками и скребет стульями по линолеуму. Учитель с усталым видом облакачивается на стол и добавляет:

— Саманта Кингстон, останься.

Он даже не смотрит на меня, но от его тона пробирает дрожь. Впервые до меня доходит, что я

могу нарваться на неприятности. Невелика беда. Однако, если мистер Даймлер прочитает мне мораль об ответственности, я умру от неловкости. Еще раз умру.

— Желаю удачи, — шепчет Бекка по дороге к двери.

Мы даже не дружим с ней — Линдси называет ее Индюшкой, потому что она каждый день ест сэндвичи с индейкой, — но от ее поддержки становится немного легче.

Мистер Даймлер ждет, когда последний ученик покинет класс, — уголком глаза я замечаю, как Кент медлит, — затем неспешно подходит к двери и запирает ее. От щелчка замка — такого окончательного, такого резкого — мое сердце пропускает удар. На секунду я закрываю глаза, и мне кажется, что я снова в автомобиле с Линдси на Фэллоу-Ридж-роуд и расплывчатые фары чужой машины приговором несутся навстречу. «Они всегда сдаются первыми», — сказала Линдси, но сейчас я совершенно ясно и отчетливо понимаю: причина была в другом. Линдси занимается этим ради единственного захватывающего мгновения неизвестности при встрече с тем, кто не свернет и сбросит тебя с дороги в темноту.

Когда я открываю глаза, мистер Даймлер стоит, уперев руки в боки и уставившись на меня.

— О чем ты думала, паразитка?

От неожиданности я вздрагиваю. Впервые в жизни меня обозвал учитель.

— Я... не понимаю, о чем вы.

Мой голос звучит выше и моложе, чем хотелось бы.

— О твоих выкрутасах у всех на виду. О чем ты думала?

Я поднимаюсь, чтобы не сидеть и не смотреть на него снизу вверх, как ребенок. Мои ноги дрожат, так что приходится облокотиться о парту. Я делаю глубокий вдох, стараясь собраться с мыслями. Это ничего не значит; завтра все сотрется, исчезнет.

— Прощу прощения. — Ко мне потихоньку возвращаются силы. — Я действительно даже не догадываюсь, о чем речь. Я поступила неправильно?

Теперь он разглядывает дверь; мышцы его челюсти дергаются. Это едва заметное движение наполняет меня уверенностью. Я хочу прикоснуться к нему, запустить пальцы в волосы.

— Ты можешь вляпаться в большие неприятности, сама знаешь. И меня втянуть.

Звучит первый звонок: урок официально окончен. Моя кровь бурлит, воздух вновь начинает петь. Я осторожно огибаю парту, подхожу к доске и замираю, когда между нами остается всего несколько футов. Он не пятится. Вместо этого он наконец-то ко мне поворачивается. Его взгляд такой глубокий, он полон чувства, которое почти пугает меня. Но только почти.

Небрежно прислонившись к парте Бекки, я откидываюсь назад и опираюсь на локти, так что полностью лежу перед ним: ноги, грудь и все остальное. Голова словно парит отдельно от тела; тело словно парит отдельно от крови; я вся превращаюсь в сгусток энергии и вибраций.

— Мне наплевать на неприятности, — как можно сексуальнее сообщаю я.

Мистер Даймлер смотрит мне в глаза и никуда больше, но мне отчего-то ясно, что это лишь усилие воли.

— Что ты творишь?

Юбка высоко задралась, и наверняка видно нижнее белье. На мне надеты розовые кружевные трусики «танга», одни из первых в моей жизни. В «танга» мне всегда кажется, что в задницу забила резинковая лента, но в прошлом году мы с Линдси купили одинаковые трусики в «Виктория секрет» и поклялись их носить.

Я словно читаю вслух сценарий, играю в кино.

— Могу прекратить, если угодно, — говорю я с невольным придыханием.

Дышать я перестаю... весь мир замер в ожидании его ответа.

Однако в его голосе слышны усталость и раздражение — совсем не то, на что я рассчитывала.

— Чего ты хочешь, Саманта?

От его резкого тона я вздрагиваю, на миг все вылетает из головы. Теперь он смотрит на меня с нетерпением, как будто я попросила исправить оценку. Раздается второй звонок. Сейчас мистер Даймлер отпустит меня, напомнив о контрольной в понедельник. Я выронила вожжи из рук и не имею понятия, что делать. Воздух продолжает звенеть, но зловеще, словно полон острых ножей, которые вот-вот упадут на пол.

— Я... хочу вас.

Не собиралась признаваться в этом так неуверенно, но я действительно его хочу. Кого я хочу, так это мистера Даймлера. Голова кружится в слепой панике; я не могу вспомнить его имя и готова истерически захохотать: валяюсь полуголая перед учителем математики, забыв даже его имя. Наконец вспоминаю: Эван.

— Я хочу тебя, Эван, — чуть смелее повторяю я, впервые назвав его по имени.

Он долго смотрит на меня. Я начинаю нервничать. Мне не терпится отвернуться, одернуть юбку или сложить руки на груди, но я запрещаю себе шевелиться.

— О чем ты думаешь? — наконец спрашиваю я.

Вместо ответа он молча, решительно подходит ко мне, кладет руки на плечи, опрокидывает на парту Бекки и склоняется надо мной. Он целует меня, лижет шею и уши и похрюкивает, точно Пикуль, когда ему хочется писать. Прижатая его телом, я ощущаю себя крошечной; его сильные ладони жадно шарят по моим плечам и рукам.

Он просовывает ладонь мне под кофту и по очереди сжимает груди, так сильно, что я чуть не вскрикиваю. Его язык большой и толстый. «Я целуюсь с мистером Даймлером, я целуюсь с мистером Даймлером, Линдси в жизни не поверит», — думаю я, но это совсем не похоже на то, что я воображала. Его щетина царапает кожу, и в голову приходит ужасная мысль: «Наверное, мама чувствует то же самое, когда целуется с папой».

Открыв глаза, я вижу простые крапчатые плитки потолка — те самые, которые не один час разглядывала во время семестра, — и начинаю мысленно кружить возле них, пересчитывать, как будто я муха, жужжащая над собственным телом. «Почему потолок остался прежним? — размышляю я. — Почему не обрушился на нас?» Внезапно бесшабашность уходит; блестящие острые ножи осыпаются на пол, и одновременно что-то обрывается глубоко внутри. Я словно

трезвею после того, как пила всю ночь.

Положив руки ему на грудь, я пытаюсь отпихнуть его, но он слишком тяжелый, слишком сильный. Под кончиками пальцев чувствуются мышцы — мы с Линдси выяснили, что в средней школе он играл в лакросс, — и тонкий слой жира над ними. Он налегает на меня всем телом, и мне нечем дышать. Я расплющена под ним, его бедра втиснулись между моих ног, теплый, толстый и тяжелый живот прилип к моему. Я сжимаю губы, мотаю головой и бормочу:

— Нет... не здесь.

На самом деле я собиралась сказать: «Нет. Не здесь. И вообще нигде». Я собиралась сказать: «Хватит».

Он тяжело дышит и не сводит глаз с моих губ. У кромки его волос повисла бисеринка пота, и я слежу, как она прокладывает себе путь по лбу и ниже, повисая на кончике носа. Наконец он отстраняется, потирает челюсть ладонью и кивает.

В тот же миг я вскакиваю и одергиваю юбку, чтобы он не видел, как дрожат мои руки.

— Ты права, — медленно произносит он и встряхивает головой, как будто пытается проснуться. — Ты права.

Сделав несколько шагов назад, он встает спиной ко мне. Секунду мы просто молчим. У меня в голове нет ни единой мысли. Он всего в нескольких футах от меня, но выглядит безнадежно, невозможно далеким, словно точка на горизонте, силуэт среди метели.

— Саманта? — Наконец он снова поворачивается ко мне, протирая глаза и вздыхая, как будто я утомила его. — Послушай, то, что случилось... вряд ли тебе нужно объяснять, что это больше никого не касается.

Он улыбается, но не своей обычной непринужденной улыбкой. В ней нет ни капли веселья.

— Это важно, Саманта. Понимаешь? — Он снова вздыхает. — Все мы совершаем ошибки...

Умолкнув, он наблюдает за мной.

— Ошибки, — отзываюсь я.

Слово с глухим стуком перекатывается в мыслях. Кто, по его мнению, совершил ошибку: я или он? Ошибка, ошибка, ошибка. Какое странное, жгучее слово.

Рот, глаза, нос мистера Даймлера — все его лицо словно складывается в незнакомый узор, как на картине Пикассо.

— Мне нужно быть уверенным, что на тебя можно положиться.

— Конечно можно, — слышу я собственный голос.

Учитель с облегчением смотрит на меня, как будто хочет погладить по головке и назвать хорошей девочкой. И медлю еще немного. Может, он поцелует или обнимет меня? Неужели я должна просто уйти, собрать свои вещи и отчалить, словно ничего не произошло? Но он только моргает и наконец говорит:

— Ты опоздаешь на обед.

Итак, он отпустил меня. Я хватаю сумку и исчезаю.

Едва очутившись в коридоре, я прислоняюсь к стене, радуясь твердой опоре. Что-то вскипает внутри, и я не представляю, как мне себя вести — прыгать вверх-вниз, смеяться или визжать. К счастью, в коридоре никого нет. Все уже в столовой.

Я достаю телефон, чтобы написать Линдси, но вспоминаю, что мы поссорились. Эсэмэски с вопросом о вечеринке у Кента нет. Наверное, она все еще злится. А с Элоди я тоже поссорилась? Я вспоминаю, что наплела в машине, и мне становится дурно.

Может, послать эсэмэску Элли? Уж она-то не обижена на меня. Я долго размышляю, какой текст сочинить. «Я целовалась с мистером Даймлером» звучит как-то странно, но если я напишу «Эван», она не поймет, о ком речь. «Эван Даймлер» — тоже не то, и к тому же мы не просто целовались. Он лежал на мне.

В конце концов я бросаю телефон в сумку, так ничего и не придумав. Подожду, пока не помирюсь с подругами и не расскажу им лично. Так будет проще. Легче представить все в выгодном свете, к тому же я увижу их лица. Представляю, как Линдси обзавидуется! Только ради этого стоило немного потерпеть. Я мажу подбородок консилером, чтобы скрыть красные точки от щетины мистера Даймлера, и отправляюсь обедать.

Не суди о книге по ее солдатским ботинкам с обитыми железом носами

Когда через десять минут я врываюсь в столовую, наш обычный столик пуст. Становится ясно, что меня официально и намеренно бросили.

Долю секунды за мной наблюдают десятки любопытных глаз. Я невольно подношу руку к лицу, внезапно испугавшись, что все заметят красноту на моем подбородке и поймут, чем я занималась, и ныряю обратно в коридор.

Мне надо побыть одной, все хорошенько обдумать. Я иду в туалет, но из его дверей вылетают две десятиклассницы, хихикая и держась за руки (Линдси называет таких гадкими парочками, потому что они всегда ходят по двое и ведут себя просто отвратительно). Во время обеда в туалете всегда полно народу — каждой нужно подкрасить губы блеском, пожаловаться на лишний вес, пообещать засунуть пальцы в рот в одной из кабинок. Мне сейчас только потока глупостей не хватает.

Я устремляюсь в старый туалет в дальнем конце научного крыла. Им почти никто не пользуется, потому что в прошлом году между лабораториями построили новый, который не засоряется каждый божий день. Чем дальше я от столовой, тем тише рев голосов, он постепенно превращается в шум далекого океана. С каждым шагом я успокаиваюсь. Мои каблуки выбивают размеренный ритм по плиткам пола.

В научном крыле пусто, как и ожидалось, привычно пахнет хлоркой и серой. Но сегодня к ним примешивается запах дыма и нотка чего-то землистого и едкого. Я толкаю дверь туалета; мгновение ничего не происходит. Я толкаю сильнее, раздается скрежет; я налегаю плечом, и наконец дверь распахивается, увлекая меня за собой. Я ударяюсь коленом о стул, который подпирает дверную ручку, и ногу пронзает боль. В туалете запах намного сильнее.

Уронив сумку, я сгибаюсь пополам и сжимаю колено.

— Черт.

— Это что за дела?

При звуке голоса я подсакиваю. А я и не заметила, что в туалете кто-то есть. Я поднимаю глаза и вижу Анну Картулло с сигаретой в руке.

— О господи, — говорю я. — Ты напугала меня.

— Я напугала? — Она опирается о стойку и стряхивает пепел в раковину. — Это ты сюда ворвалась. Тебя что, не учили стучать?

Можно подумать, я вломила к ней в дом.

— Извини, что испортила тебе вечеринку.

Нехотя я шагаю к двери.

— Погоди. — Она тревожно поднимает руку, — Ты расскажешь?

— О чем?

— Об этом.

Она затягивается и выпускает облако дыма. Ее сигарета совсем тонкая и напоминает самокрутку. Меня наконец осеняет: это косяк. Наверное, травка перемешана с целой кучей табака, потому что я не сразу узнала запах, хотя моя одежда пропитана им насквозь после каждой вечеринки. По мнению Элоди, мне повезло, что мама не заходит ко мне в комнату, не то бы она решила, что я храню травку в корзине с грязным бельем.

— Ты здесь куришь обед?

Я не хотела грубить; так уж получилось. Анна косится вниз, и я вижу на полу пустой пакет из-под сэндвичей и полпачки чипсов. Я вспоминаю, что ни разу не видела ее в столовой. Наверное, она обедает здесь каждый день.

— Ага. Мне нравится интерьер. — Заметив, что я смотрю на пакет, она гасит косяк и скрещивает руки на груди. — А ты что здесь делаешь? Разве у тебя нет...

Она осекается, но я угадываю продолжение фразы. «Разве у тебя нет друзей?»

— Просто зашла пописать.

Явная ложь, поскольку я даже не попыталась воспользоваться туалетом, однако я слишком устала и не способна выдумать другое объяснение, а она и не требует.

Мы стоим в неловкой тишине. В жизни не общалась с Анной Картулло, по крайней мере в жизни до автокатастрофы, не считая единственного раза: она назвала Линдси злобной сукой, а я крикнула: «Не смей называть ее злобной сукой». Но лучше я останусь здесь с ней, чем вернуться в коридор. Наконец я решаю: «К черту», плюхаюсь на стул и закидываю ногу на раковину. Взгляд Анны становится немного затуманенным; она рассеянно опирается на стену и кивает на мое колено.

— Распухло.

— Да, представляешь, кто-то подпер дверь стулом.

Анна хихикает. Она явно под кайфом. Подняв брови, она изучает мои ноги, торчащие над круглой раковиной, и заявляет:

— Классные туфли.

Это сарказм? Не уверена.

— Наверное, тяжело в таких ходить?

— Мне легко, — слишком поспешно отвечаю я. — По крайней мере, недалеко.

Она фыркает и зажимает рот рукой.

— Я купила их в шутку.

Не знаю, зачем мне понадобилось оправдываться перед Анной Картулло, но сегодня все наперекосяк. Правил больше не существует. Анна тоже расслабилась. Судя по ее виду, нет ничего странного в том, что вместо обеда мы болтаемся в туалете размером с тюремную камеру.

Она запрыгивает на стойку и сует ногу мне под нос. Ее одежда никак не связана с Днем Купидона, что неудивительно. На ней пара черных маек одна поверх другой и расстегнутый балахон. Джинсы обтрепались по краям, а ширинка заколота английской булавкой вместо потерянной пуговицы. На ногах у нее здоровенные круглоносые ботинки на танкетке, безумная пародия на «Док Мартене».

— Купи такие же. — Она щелкает каблуками: панк Дороти пытается попасть домой из страны Оз. — Никогда не носила ничего удобнее.

Я взираю на нее с видом: «Ага, конечно».

— Сначала померь, а потом вороти нос, — пожимает она плечами.

— Ладно, давай сюда.

Анна долго смотрит на меня, словно сомневается, что я серьезно.

— Слушай! — Я сбрасываю туфли, и они с грохотом падают на пол. — Давай поменяемся.

Она молча наклоняется, расстегивает ботинки и снимает с ног. На ней радужно-полосатые носки. Надо же! Я ожидала увидеть черепа или что-нибудь в этом роде. Она стаскивает и носки, комкает их в руке и пытается всучить мне.

— Фу. — Я морщу нос. — Нет уж, спасибо. Я лучше на босу ногу.

— Как угодно, — смеется она, снова пожимая плечами.

Застегнув ботинки, я понимаю, что она права. Они потрясающе удобные, даже без носков. Кожа прохладная и очень мягкая. Я в восхищении и щелкаю обитыми железом носами друг о друга. Раздается приятный звон.

— В таких ботинках только детей пугать, — замечаю я.

— В таких туфлях только на панели стоять, — говорит она.

Надев мои туфли, Анна раскинула руки, как канатоходец, и разгуливает по туалету. Ее шатает.

— У нас одинаковый размер ноги, — сообщаю я то, что и так очевидно.

— Восемь с половиной. Обычное дело.

Оглянувшись через плечо, будто хочет сказать что-то еще, она лезет под раковину за потрепанной лоскутной сумкой, напоминающей самострок. Из сумки появляется небольшая жестянка «Алтоидс». Внутри находятся пакетик травки — и от Алекса Лимента есть прок, — папиросная бумага и несколько сигарет.

Она начинает скручивать очередной косяк, установив на коленях вместо подноса пакет брошюр по «Основам безопасности жизнедеятельности». (*Примечание:* до сих пор я была свидетелем, как брошюры по «Основам безопасности жизнедеятельности» использовались в качестве: 1) зонтика, 2) импровизированного полотенца, 3) подушки. А теперь еще и это. Ни разу не видела, чтобы кто-нибудь их читал, а значит, либо ни один выпускник «Томаса Джефферсона» не готов ко взрослой жизни, либо не все на свете можно разложить по полочкам.) Тонкие пальцы Анны так и летают. Ей явно не привыкать. Может, этим они с Алексом занимаются после секса — лежат бок о бок и курят? Интересно, она хотя бы иногда вспоминает о Бриджет? Вопрос так и вертится на языке.

— Хватит пялиться, — бросает она, не поднимая глаз.

— Я не пялюсь. — Запрокинув голову, я изучаю потолок цвета блевотины, вспоминаю о мистере Даймлере и снова опускаю голову. — Тут больше не на что особо смотреть.

— Тебя никто не звал сюда, — огрызается она; в ее голосе снова появляется резкость.

— Это не частная собственность.

На долю секунды ее лицо темнеет. Сейчас она взбесится, и нашему веселому, приятному времяпрепровождению настанет конец.

— Здесь не так уж и плохо, — поспешно добавляю я. — В смысле, для туалета.

Анна щурится с подозрением, словно опасаясь, что я нарочно это говорю и потом подниму ее на смех.

— Может, накидать на пол подушек? — Я оглядываюсь по сторонам. — Для красоты.

Склонив голову, она сосредоточенно следит за пальцами.

— Есть один художник, он всегда мне нравился... он еще рисует лестницы, которые ведут одновременно вверх и вниз...

— Мауриц Эшер?

Она устремляет на меня взор, явно удивленная тем, что мне известно, о ком речь.

— Он самый. — На ее лице мелькает улыбка. — Ну, может, повесить здесь его репродукцию. Просто, типа, приклеить скотчем, и будет на что смотреть.

— У меня дома с десятков его альбомов, — выпаливаю я от радости, что она успокоилась и не станет вышвыривать меня из туалета. — Мой папа — архитектор. Он любит такие штуки.

Закончив трудиться, Анна лижет шов и немного подкручивает готовый косяк пальцами. Затем кивает на стул.

— Если решила остаться, запри дверь. Пусть здесь будет частная собственность.

Стул скребет по плиткам пола, когда я спешу к двери; мы обе вздрагиваем, ловим себя на этом и смеемся. Анна достает фиолетовую зажигалку с цветочками — вот уж странно выглядит в ее руках — и пытается прикурить. Зажигалка безуспешно искрит; Анна ругается и отшвыривает ее, затем снова роется в сумке и выуживает зажигалку в виде верхней половины обнаженной женщины, нажимает на голову, и из сосков выскакивают синие огоньки. Вот такая зажигалка должна быть у Анны Картулло.

Ее лицо становится серьезным; она медленно затягивается и смотрит на меня сквозь клубы сизого дыма.

— Ну, — наконец подает она голос, — так за что вы ненавидите меня?

Чего угодно я ожидала от нее, но только не этого. Еще более неожиданно, что она протягивает мне косяк, предлагая затянуться.

Медлю я не дольше секунды. Ну да, я умерла, но это не значит, что я стала святой.

— Мы не ненавидим тебя.

Получается не слишком убедительно. Просто я не уверена. На самом деле я не ненавижу Анну. Линдси вечно твердит, что ненавидит ее, но с Линдси никогда не ясно, в чем дело. Я затягиваюсь косяком. До сих пор я курила травку только однажды, но сотни раз наблюдала, как это делается. Я вдыхаю; легкие наполняются дымом. Вкус вязкий, словно жуешь мох. Я пытаюсь задержать дыхание, как положено, но дым щекочет мне горло; я кашляю и возвращаю косяк.

— Тогда в чем причина?..

Она не уточняет: «...ваших козней». Надписей в туалете. Анонимной рассылки в десятом классе: «У Анны Картулло хламидии». Уточнения ни к чему.

Косяк возвращается ко мне, и я снова затягиваюсь. Линии изгибаются, одни предметы размываются, другие становятся резкими, словно кто-то крутит фокусировку на камере. Неудивительно, что люди не чураются Алекса, хоть он и кретин. Он торгует классной дурью.

— Не знаю. Надо же на ком-то срывать злость.

Вот так, оказывается, просто. Слова вылетают изо рта, прежде чем я понимаю их правоту. Затянувшись, я передаю косяк Анне. Все будто приумножилось; я ощущаю тяжесть своих рук и ног, слышу стук сердца и ток крови по жилам. В конце дня наступит тишина, если только колесо времени не повернется вспять и все не повторится.

Раздается звонок. Обед окончен.

— Черт, черт, — торопится Анна. — Мне нужно в одно место.

Пытаясь собрать свое барахло, она случайно опрокидывает жестянку. Пакетик с травой оказывается под раковиной, бумажки вспархивают и разлетаются повсюду.

— Черт.

— Я помогу.

Мы опускаемся на четвереньки. Мои пальцы словно распухли и онемели, я с трудом поднимаю бумажки с пола. Это кажется смешным, и мы с Анной хохочем, опираясь друг на друга и задыхаясь. Время от времени она повторяет: «Черт».

— Лучше поспеши. — Ярость и боль последних нескольких дней исчезли, оставив меня свободной, беспечной и счастливой. — Алекс взбеленится.

Она замирает. Наши лбы так близко, что почти соприкасаются.

— Откуда ты знаешь, что я встречаюсь с Алексом? — спрашивает она отчетливо и тихо.

Слишком поздно я осознаю, что не удержала язык за зубами.

— Пару раз видела, как вы крадетесь через Курительный салон после седьмого урока, — расплывчато объясняю я, и она успокаивается.

— Ты ведь никому не проболтаешься? — Она прикусывает нижнюю губу. — Я не хочу...

И осекается. Возможно, собиралась сказать что-нибудь о Бриджет? Но она только качает головой и продолжает собирать бумажки, на этот раз быстро.

Растрепать, что Анна Картулло спит с Алексом, после того, что я натворила, после мистера Даймлера? Смешно!

Я не вправе никому говорить. Я курю травку в туалете, у меня нет друзей, учитель математики засунул язык мне в горло, мой парень ненавидит меня за то, что я не (обираюсь с ним спать. Я умерла, но еще живу. В этот миг до меня по-настоящему доходит абсурдность происходящего, и я снова начинаю хохотать. Анна мрачнеет. Ее глаза — большие яркие стеклянные шарики.

— Что? — с вызовом произносит она. — Ты смеешься надо мной?

Я мотаю головой, не в силах ответить прямо сейчас. От смеха у меня перехватывает дыхание. Я сижу рядом с Анной на корточках, но содрогаюсь всем телом, опрокидываюсь назад и с громким стуком приземляюсь на задницу. На губах Анны снова мелькает улыбка.

— Ты рехнулась, — хихикает она.

Задыхаясь, я ловлю ртом воздух.

— По крайней мере, я не запираюсь в туалетах.

— По крайней мере, меня не развозит от половины косяка.

— По крайней мере, я не сплю с Алексом Лиментом.

— По крайней мере, я не дружу с сучками.

— По крайней мере, у меня есть друзья.

Мы раскачиваемся туда-сюда, заливаясь все громче и громче. Анна хохочет так сильно, что

клонится набок и опирается на локоть. Затем перекачивается на спину и остается лежать на полу туалета, забавно повизгивая, точно пудель. Время от времени она фыркает, от чего меня снова распирает веселье.

— Хочу сделать заявление, — с трудом выдавливаю я.

— Тишина в зале! — кричит Анна, делая вид, что опускает молоток, и фыркает в ладошку.

Мне нравится ощущение сгустившегося воздуха. Я плыву во мраке. Зеленые стены — это вода.

— Я целовалась с мистером Даймлером, — сообщаю я и снова загибаюсь от смеха.

Пожалуй, это пять самых нелепых слов в английском языке. Анна приподнимается на локте.

— Ты что?

— Ш-ш-ш. — Я киваю. — Мы целовались. Он засунул ладонь мне под блузку. Он засунул ладонь...

Жестом я показываю себе между ног. Она мотает головой. Ее волосы развеваются вокруг лица, напоминая торнадо.

— Не может быть. Не может быть.

— Вот те крест!

Она наклоняется так близко, что я чувствую запах ее дыхания; она сосет мятный леденец.

— Гадость какая. Сама знаешь.

— Знаю.

— Фу-фу-фу. Он учился в этой школе лет десять назад.

— Восемь. Мы выясняли.

Анна громко стонет от смеха, на мгновение кладет голову мне на плечо и шепчет прямо в ухо:

— Все они извращенцы. — Потом отстраняется и восклицает: — Черт! Мне конец.

Опираясь рукой о стену, она встает. Мгновение покачивается перед зеркалом, приглаживая волосы. Вынимает небольшой флакончик из заднего кармана и какает по паре капель в оба глаза. Я продолжаю сидеть на полу, глядя на нее снизу вверх. Кажется, она в сотне миль от меня.

— Алекс недостойн тебя, — брякаю я.

Она уже перешагнула через меня по дороге к двери. Ее спина каменеет; наверное, сейчас разозлится. Она замирает, держась за стул.

И оборачивается с улыбкой на губах.

— Мистер Даймлер недостойн тебя, — парирует она, и мы обе хохочем.

Затем она отодвигает стул, тянет дверь на себя и выходит в коридор.

После этого я откидываю голову назад и наслаждаюсь вращением комнаты. «Так вот каково быть солнцем», — думаю я, а после думаю, что совсем обкурилась, а после думаю, как забавно сознавать, что ты совсем обкурилась, но не уметь прогнать обкуранные мысли.

Из-под раковины выглядывает что-то белое: сигарета. Я наклоняюсь и нахожу еще одну. Анна забыла их собрать. В дверь резко стучат; я хватаю обе сигареты и поднимаюсь. Ощущения вращения и подводного мира сразу усиливаются. На то, чтобы убрать стул с дороги, уходит целая вечность. Все такое тяжелое. Я открываю дверь, держа сигареты у лица двумя пальцами, и произношу:

— Ты забыла.

Но это не Анна. Это мисс Винтерс. Она стоит в коридоре, скрестив руки и старательно сморщив нос, так что он выглядит черной дырой, в которую медленно засасывает остальное лицо.

— Курение на школьной территории запрещено, — отчеканивает она каждое слово.

И улыбается, скаля зубы.

Мопсы

В ПВР («Правилах внутреннего распорядка») средней школы «Томас Джефферсон» записано, что «ученик, застигнутый за курением на школьной территории, подлежит отстранению от занятий на три дня». (Я выучила это наизусть, поскольку курильщики любят вырывать эту страницу из брошюры и сжигать в Курительном салоне, иногда присаживаясь на корточки и прикуривая от пламени, пока слова на странице скручиваются, чернеют и с дымом обращаются в ничто.)

Но я обхожусь простым замечанием. Наверное, администрация делает исключения для учеников, у которых есть компромат на заместителя директора и учителя физкультуры (он же футбольный тренер, он же любитель усов). Казалось, мисс Винтерс хватит удар, когда я начала распространяться об «образцах для подражания», «моем бедном впечатлительном уме» — мне нравится это выражение; можно подумать, что все, кто младше двадцати одного, обладают интеллектуальной мощью зуботехнического гипса, — и «ответственности администрации за то, чтобы подавать хороший пример», в особенности когда я напомнила ей о шестьдесят девятой странице ПВР: «Запрещено участвовать в непристойных или распутных действиях на школьной территории и около нее». (Эту цитату я знаю потому, что страницу сотню раз вырывали и вешали в школьных туалетах, украшая поля изображениями несомненно непристойного и распутного характера. Впрочем, администрация сама напросилась. Надо же было догадаться поместить подобное правило на шестьдесят девятой странице!)

По крайней мере, за полтора часа, проведенных с мисс Винтерс, у меня прояснилось в голове. Только что прозвучал последний звонок; из дверей посыпались ученики, производя намного больше шума, чем необходимо, — вереща, смеясь, хлопая дверцами шкафчиков, роняя папки, толкаясь, — взвинченного, бессмысленного, неугомонного шума, характерного для вечера пятницы. Я наслаждаюсь ощущением власти. Хорошо бы найти Линдси. Она в жизни не поверит. Умрет от смеха. А потом обнимет меня за плечи и скажет: «Ты рок-звезда, Саманта Кингстон». И все будет хорошо. Еще я озираюсь в поисках Анны Картулло — в кабинете мисс Винтерс до меня дошло, что мы так и не обменялись обувью. На мне до сих пор ее чудовищные черные ботинки.

Я выскакиваю из главного здания. Холод жалит глаза, острая боль пронзает грудь. Февраль — самый ужасный месяц в году. Полдюжины автобусов ждут в очереди у столовой; моторы

задыхаются и кашляют, изверти густой черный выхлоп. Сквозь забрызганные грязью окна можно разглядеть смазанные одинаковые лица горстки младшеклассников, ссутулившихся на сиденьях, чтобы никто не увидел. Через учительскую парковку я направляюсь к Аллее выпускников, но на середине пути здоровенный «рейнджровер», корпус которого сотрясается от басовых нот «No More Drama», вырывается с аллеи и мчится к Верхней парковке. Я останавливаюсь; приятное пьянящее чувство покидает меня быстро и бесповоротно. Конечно, я догадывалась, что Линдси не станет меня ждать, но в глубине души все же надеялась. И тут до меня доходит: меня некому подвезти, некуда идти. Только не домой! Несмотря на мороз, жаркие иголки покалывают пальцы, карабкаются по позвоночнику.

Странно. Я популярна — по-настоящему популярна, — но у меня не так много друзей. Еще более странно, что раньше я не замечала этого.

— Сэм!

Обернувшись, я вижу Тару Флют, Бетани Харпс и Кортни Уокер. Они всегда вместе, и хотя мы вроде как дружим, Линдси прозвала их Мопсами: симпатичные издали, уродливые вблизи.

— Что ты тут делаешь? — сверкает улыбкой Тара; она постоянно улыбается, словно пробует на роль в рекламе зубной пасты «Крест». — Сейчас не меньше тысячи градусов ниже нуля.

Я перебрасываю волосы через плечо, стараясь казаться беззаботной. Не дай бог Мопсы узнают, что меня бросили.

— Надо было перекинуться парой слов с Линдси. — Я небрежно машу в сторону Аллеи выпускников. — Им пришлось уехать без меня из-за какой-то ежемесячной общественной работы. Отстой.

— Полный отстой, — энергично кивает Бетани.

Насколько я понимаю, ее единственное занятие — со всем соглашаться.

— Присоединяйся к нам. — Тара хватается меня за руку. — Мы собираемся в «Ла вилла» за покупками. А потом, наверное, заглянем на вечеринку к Кенту. Звучит неплохо?

В уме я быстро перебираю другие варианты: дом точно отпадает. У Элли меня не ждут, Линдси ясно дала это понять. Есть еще Роб... посижу на диване, пока он забавляется музыкальной игрой «Герой гитары», немного пообжимаемся, сделаю вид, что не заметила, когда он порвет очередной лифчик, потому что не справился с застежкой. Поболтаем с его родителями, пока они собирают вещи для уик-энда, помашем им вслед. Как только они отчалиют, закажем пиццу и достанем тепловатое пиво из гаражного тайника. Потом опять пообжимаемся. Спасибо, не надо.

Я еще раз оглядываю парковку в поисках Анны. Довольно некрасиво уезжать в ее ботинках — с другой стороны, она не слишком-то старалась найти меня. К тому же Линдси любит повторять, что новая пара обуви способна изменить всю жизнь. А мне как никогда нужно круто изменить жизнь — или посмертие, все равно.

— Звучит отлично, — отвечаю я.

Улыбка Тары становится чуточку шире, если это возможно; зубы такие белые, что напоминают кости.

По дороге из школы я рассказываю Мопсам — вот ведь, привязалась кличка — о своем визите в кабинет мисс Винтерс, о том, что она спит с мистером Шоу, и о том, что меня даже не оставили после уроков, потому что я пообещала уничтожить мобильное фото одного из ее любовных приключений в кабинете Шоу (разумеется, это был блеф — мне ни разу не выпало возможности запечатлеть их совокупление, тем более на цифру). Тара задыхается от смеха, Кортни смотрит на меня с благоговением, словно я нашла лекарство от рака или изобрела таблетки для увеличения груди, а Бетани прикрывает рот и восклицает: «Век шоколадных хлопьев не видать!» Я не вполне понимаю, что она имеет в виду, но это, несомненно, самая оригинальная фраза, какую я слышала от нее. Я снова наполняюсь спокойствием и уверенностью и напоминаю себе: сегодня мой день, я могу делать все, что заблагорассудится. Тара водит крошечную двухдверную «сивик», и мы с Бетани едва втиснулись на заднее сиденье.

— Тара? — подаюсь я вперед. — Можешь заглянуть ко мне домой на секундочку, прежде чем рванем в торговый центр?

— Конечно. — Ее улыбка вспыхивает в зеркале осколком неба. — Хочешь кое-что забросить?

— Хочу кое-что забрать, — поправляю я, в свою очередь улыбаясь до ушей.

Уже почти три, мама наверняка вернулась с йоги. Я угадала; ее машина стоит на дорожке, когда мы приближаемся к дому. Тара притормаживает за «аккордом», но я хлопаю ее по плечу и жестом велю двигаться дальше. Она медленно катит, пока мы не скрываемся за рощицей вечнозеленых растений. Ландшафтный дизайнер посадил их много лет назад, после того как мама обнаружила, что наш тогдашний сосед, мистер Хорферли, любит разгуливать среди ночи по своему участку в чем мать родила. Вот универсальный совет на любые неприятности в пригороде: посади дерево и надейся, что не увидишь ничьих гениталий.

Выбравшись из машины, я огибаю дом. Только бы мама не высунулась из окна каморки или папиного кабинета! Я рассчитываю на то, что она сейчас в ванной, принимает традиционно долгий душ, прежде чем забрать Иззи с гимнастики. Разумеется, когда я открываю ключом заднюю дверь и оказываюсь в кухне, сверху доносится стук воды и несколько высоких, дрожащих нот: мама поет. Я замираю на долю секунды и успеваю узнать мелодию — «New York, New York» Фрэнка Синатры — и поблагодарить Всевышнего за то, что Мопсы не слышат мамино импровизированное представление. Затем я на цыпочках крадусь в прихожую, где мама обычно хранит свою огромную сумку. Сумка осела набок; несколько монет и цилиндрик мятных таблеток выкатились на стиральную машину; уголок зеленого бумажника «Ральф Лорен» торчит из-под толстой кожаной петли наплечного ремня. Я осторожно вынимаю бумажник, постоянно прислушиваясь к шелесту воды наверху, готовая в любой момент удрать, если он прекратится. В бумажнике тоже полный беспорядок; он набит фотографиями — Иззи, я, мы с Иззи, Пикуль в наряде Санта-Клауса, — рецептами, визитными и кредитными карточками. Особенно кредитными карточками.

Двумя пальцами я выуживаю «American Express». Родители используют ее только для крупных покупок. Мама наверняка не заметит, что она пропала. Ладони щиплет от пота, сердце бьется так сильно, что даже больно. Я аккуратно закрываю бумажник и кладу его обратно в сумку, в точности на прежнее место.

Над головой в последний раз всхлипывает душ, со скрежетом вздрагивает и затихает. Мама перестает подражать Синатре. Вот и все. Мгновение я не могу пошевелиться от ужаса. Она услышит меня. И поймает. Увидит с карточкой «American Express» в руках. Вдруг звонит телефон, мама выходит из ванной и движется по коридору, напевая: «Иду-иду!»

В эту секунду я выбегаю из прихожей, через кухню выскакиваю на задний двор и несусь со всех ног. Покрытая инеем трава кусает лодыжки. Я стараюсь подавить смех и держу холодный пластик «American Express» так крепко, что когда я разожму ладонь, на ней останется отметина.

Обычно в магазинах у меня очень ограниченный бюджет. Дважды в год родители выдают мне пятьсот долларов на новую одежду. Сверх этого я подрабатываю тем, что сижу с Иззи или выполняю другие просьбы родителей: например, заворачиваю подарки для соседей в канун Рождества, сгребаю листья в ноябре или помогаю папе чистить водосточные канавы. Конечно, пятьсот долларов звучит неплохо, но не забывайте, что галоши Элли от «Берберри» стоят почти столько же, а она надевает их в дождь. На ноги. Так что я не слишком увлекаюсь шопингом. Это не так уж интересно, особенно когда твои лучшие подруги — Элли «Неограниченный лимит на кредитной карте» Харрис и Линдси «Отчим пытается купить мою любовь» Эджкомб.

Сегодня эта проблема решена.

Первая остановка в «Биби», где я покупаю роскошное платье на тонких лямках, такое тесное, что приходится хорошенько вдохнуть, иначе не втиснуться. И все равно Тара ныряет в примерочную и помогает застегнуть последние полдюйма молнии. Мне даже нравится, как ботинки Анны смотрятся с платьем — круто и сексуально, будто я убийца из видеоигры или героиня боевика. Я принимаю перед зеркалом позы из «Ангелов Чарли», складывая пальцы пистолетом, целясь в свое отражение и произнося одними губами: «Извини». Нажимая курок и изображая выстрел.

Кортни чуть не выпрыгивает из трусов, когда я достаю кредитную карту, даже не взглянув на сумму. Ладно, ладно, я увидела ее, краем глаза. Трудно не заметить большие зеленые цифры «302.10», мерцающие на табло кассы и как бы укоризненно подмигивающие. Желудок исполняет пару кульбитов, когда продавщица протягивает чек, но долгие годы подделывания записок о болезнях и опозданиях окупаются, стоит мне в совершенстве изобразить размашистую мамину подпись. Продавщица улыбается и произносит: «Благодарю, мисс Кингстон», как будто только что я оказала ей любезность. Я покидаю магазин с самым лучшим на свете черным платьем, завернутым в папиросную бумагу и уложенным на дно хрустящей белой сумки для покупок. Теперь я понимаю, за что Элли и Линдси любят шопинг. Он намного приятнее, когда можно приобрести, что пожелаешь.

— Вот повезло! Предки дали тебе кредитку. — Кортни рысит рядом. — Я своих уже давно уламываю. Говорят, мол, поступи сначала в колледж.

— Ну, не то чтобы дали... — поднимаю я бровь.

У Кортни отвисает челюсть.

— Не может быть. — Она трясет головой так быстро, что каштановые волосы сливаются в размытое облако. — Не может быть. Неужели... ты намекаешь, что украла ее?..

— Ш-ш-ш.

Торговый центр «Ла вилла» построен в итальянском стиле: просторный, с мраморными фонтанами и мощеными дорожками. Звуки отражаются от стен, мечутся и смешиваются, так что слова можно разобрать, только если стоишь совсем рядом. И все же. Ни к чему болтать, что я грабанула родителей.

— Мне больше нравится версия, что я одолжила ее.

— Предки придушили бы меня. — Кортни распахивает глаза так широко, что они вот-вот выпадут на пол. — Убили бы до смерти.

— Точно, — поддакивает Бетани.

Потом мы заходим в «МАК», где меня по полной программе красит парень по имени Стэнли. По сравнению с ним я толстушка. Мопсы пробуют разные оттенки подводки для глаз и получают замечание, что залезли в закрытые блески для губ. Я покупаю все, что использовал Стэнли: тональный крем, консилер, бронзирующую пудру, базу для век, три оттенка теней, два оттенка подводки (одна из них белая, для нижнего века), тушь, карандаш для губ, блеск для губ, четыре разные кисти, щипчики для ресниц. Оно того стоит. Я напоминаю знаменитую модель и ощущаю на себе взгляды, когда мы гуляем по «Ла вилла». Мы проходим мимо стайки парней, которые учатся по меньшей мере в колледже, и один из них бормочет: «Красотка». Тара и Кортни находятся по бокам от меня, Бетани тащится сзади. «Так вот как чувствует себя Линдси», — думаю я.

Дальше «Ниман Маркус», куда я заглядывала только по настоянию Элли, потому что в нем все стоит миллион долларов. Кортни меряет странные старушечьи шляпки, а Бетани фотографирует ее и угрожает выложить снимки в Интернете. Я выбираю дивное изумрудно-зеленое болеро из искусственного меха — в нем я готова к вечеринке на личном самолете миллиардера — и длинные серебряные серьги с гранатом.

Единственное препятствие возникает, когда женщина на кассе — Ирма, если верить табличке с именем, — просит предъявить удостоверение личности.

— Удостоверение личности? — невинно моргаю я. — Никогда не ношу его с собой. В прошлом году у меня украли личные данные.

Она долго изучает меня, как бы размышляя; затем выдувает пузырь жвачки, фальшиво улыбается и двигает болеро и серьги обратно.

— Прошу прощения, Эллен. Удостоверение личности необходимо для совершения любых покупок, превышающих две с половиной сотни долларов.

Я возвращаю ей фальшивую улыбку и произношу:

— Называйте меня мисс Кингстон.

Сука. Знаю твой фокус со жвачкой. Его придумала Линдси.

С другой стороны, я тоже стала бы сукой, назови меня родители Ирмой.

Внезапно меня осеняет. Я роюсь в сумке и выуживаю членскую карточку маминого спортивного клуба «Хилл-дебридж свим энд теннис». Честное слово, система безопасности там покруче, чем в аэропорту. Можно подумать, что эпидемия ожирения в Америке — террористический заговор и на очереди эллиптические тренажеры. На карточке красуется маленькая фотография, членский номер, фамилия и инициалы: КИНГСТОН С. Э.

— Что означает «С»? — морщится Ирма.

В голове моментально становится пусто.

— Ммм... Северус.

Она не сводит с меня глаз.

— Как в «Гарри Поттере»?

— Вообще-то это немецкое имя. — Мне не следовало читать эти глупые книги Иззи вслух. — Теперь понимаете, почему я предпочитаю свое второе имя?

Кассирша медлит, закусив губу. Тара стоит рядом и водит пальцами по карточке, как будто пытается соскрести немножко кредита. Затем наклоняется вперед и хихикает.

— Уверена, вы понимаете. — (Она щурится, как будто не может с шести дюймов разобрать имя на табличке.) — Вас зовут Ирма, не так ли?

Из-за спины подходит Кортни в широкополой шляпе, увенчанной чучелом малиновки.

— Вас в детстве называли Фирмой? Или Бирмой?

Ирма сжимает губы в тонкую белую полоску, хватает карту и проводит через аппарат.

— Guten Tag, — бросаю я на прощание; это единственное, что мне известно по-немецки.

Тара и компания все еще смеются над Ирмой, когда мы выезжаем с парковки «Ла вилла».

— Поверить не могу, — повторяет Кортни, наклонившись вперед и глядя на меня, как будто я в любую секунду могу исчезнуть. — Поверить не могу.

На этот раз место рядом с водителем досталось мне автоматически, даже не пришлось его занимать. Я позволяю себе слегка улыбнуться, прежде чем повернуться к окну, и на мгновение пугаюсь собственного отражения: большие темные глаза, дымчатые тени, пухлые алые губы. Потом я вспоминаю о макияже. Надо же, не узнала саму себя.

— Ты потрясающая, — сообщает Тара; она берется за руль и матерится, потому что снова загорается красный.

— Да ладно, — неопределенно отзываюсь я и машу рукой.

Жизнь хороша. Я почти рада, что поссорилась с Линдси сегодня утром.

— Черт, только не это.

Кортни барабанит по моему плечу, когда здоровенный «шевроле тахо», сотрясающийся от басовых нот, останавливается рядом. Несмотря на мороз, все окна опущены: это студенты из «Ла вилла», которые обратили на нас внимание. Которые обратили на меня внимание. Они смеются и препираются из-за какой-то ерунды — один из них кричит: «Майк, ах ты гад!» — притворяясь, будто не видят нас. Парни всегда так поступают, когда им ужасно хочется посмотреть.

— Надо же, какие красавчики, — восхищается Тара, перегибаясь через меня, чтобы лучше их разглядеть, и быстро ныряет обратно за руль. — Ты должна спросить у них телефончик.

— Ау? Их же четверо.

— Ну тогда телефончики.

— Точно.

— Я покажу им сиськи, — вдруг заявляю я.

Внезапно меня пробирает дрожь от безупречной, идеальной простоты принятого решения. Намного легче и четче, чем: «Может, не стоит», или «Надеюсь, нам не грозят неприятности», или «О господи, я в жизни не смогу». Да — две буквы. Вихрем я оборачиваюсь к Кортни.

— Спорим, мне не слабо?

Она снова выпучивает глаза. Тара и Бетани таращатся на меня, будто я отрастила щупальца.

— Ты не сделаешь этого, — возражает Кортни.

— Не сможешь, — добавляет Тара.

— Смогу и сделаю, прямо сейчас.

Я опускаю окно. Холод врывается в машину, вышибает дух, сковывает тело. Я чувствую себя мозаикой из разрозненных кусочков: дергающийся локоть, сведенное судорогой бедро, зудящие пальцы. Музыка в машине парней гремит во всю мощь, так что больно ушам, но я не в силах разобрать ни текст, ни мелодию, только ритм, пульсацию, такую оглушительную, что звука больше нет, одна вибрация, ощущение.

— Привет, — хрипло каркаю я, кашляю и пытаюсь снова. — Привет, ребята.

Водитель поворачивает голову в мою сторону. Перед глазами все плывет от возбуждения, но в эту секунду я замечаю, что он далеко не красавчик — у него кривые зубы и сережка-гвоздик в ухе, как будто он рэпер или типа того.

— Привет, красотка, — отвечает он.

Трое его друзей наклоняются к окну посмотреть; одна, две, три головы выскакивают, как чертики из табакерки, как кроты в игре «Ударь крота» в ресторане «Дейв энд Бастерс». Раз, два, три, я задираю майку; раздается рев и звон в ушах. Смех? Визг? Кортни вопит: «Гони, гони!» Скрежещут шины, машина подается вперед, немного скользит, ветер вгрызается мне в лицо, запах паленой резины и бензина заполняет ноздри. Сердце медленно опускается из горла обратно в грудь; я согреваюсь и снова начинаю чувствовать. Поднимаю окно. Невозможно описать раздирающие меня эмоции, как будто я слишком сильно смеялась или слишком долго кружилась. Не то чтобы счастье, но сойдет.

— Потрясающе! Легендарно! — восклицает Кортни, колотя по спинке моего сиденья.

Бетани только качает головой, завороченно уставившись на меня широко распахнутыми глазами, и тянется вперед прикоснуться ко мне, будто я святая и могу исцелить от болезни. Тара верещит от смеха. Она почти не смотрит на дорогу слезящимися глазами.

— Видела их лица? Видела? — верещит она, и я понимаю, что не видела.

Я ничего не видела, ничего не ощущала, только шум вокруг, тяжелый и громкий. Что же это было — настоящая, подлинная жизнь или смерть? Забавно, но я не уверена. Кортни еще раз пинает меня; в зеркале встает ее лицо, красное, словно солнце. Я тоже начинаю смеяться; так

мы вчетвером хохочем всю дорогу до Риджвью — больше восемнадцати миль, — пока мир несется мимо размазанным черно-серым пятном, будто неудачный набросок самого себя.

Мы заезжаем к Таре переодеться. Она помогает мне снова влезть в платье. Я набрасываю болеро, вдеваю серьги, распускаю волосы — они лежат волнами, потому что весь день были закручены в свободный пучок, — поворачиваюсь к зеркалу, и мое сердце буквально встает на дыбы. Я выгляжу по меньшей мере на двадцать пять. В зеркале отражается незнакомка. Закрыв глаза, я вспоминаю, как стояла в детстве перед запотевшим от горячего душа зеркалом и молилась о преображении. Вспоминаю гадкий привкус разочарования каждый раз, когда медленно проявлялось мое лицо, некрасивое, как обычно. Но на этот раз я открываю глаза — и все получается как надо. Передо мной новая, роскошная, незнакомая женщина.

Ужин, разумеется, с меня. Мы отправляемся в «Ле Жарден дю Руа», исключительно дорогой французский ресторан, в котором все официанты — французские красавчики. Выбираем самую дорогую бутылку вина в меню, и никто не спрашивает наши удостоверения личности, так что заказываем еще и по бокалу шампанского. Так вкусно, что мы выпиваем по второму, пока несут закуски. Бетани быстро хмелеет и принимается флиртовать с официантами на плохом французском только потому, что прошлым летом отдыхала в Провансе. Мы заказываем половину меню, не меньше: крошечные, тающие во рту сырны булочки, толстые ломти паштета, в которых, наверное, больше калорий, чем положено съесть за день, салат с козым сыром, мидии в белом вине, стейк по-беарнски, сибаса, запеченного целиком с головой, крем-брюле и шоколадный мусс. В жизни не пробовала ничего вкуснее. Наедаюсь так, что не могу дышать. Если я проглочу еще кусочек, платье лопнет по швам. Когда я подписываю чек, один из официантов (самый классный) приносит нам четыре стопки сладкого розового ликера «для лучшего пищеварения», хотя у него, разумеется, выходит «для лучшего пищеваренья».

Я не сознаю, как много выпила, пока не встаю. Мгновение мир бешено кружится, словно стремится обрести равновесие. Возможно, это мир напился? Я начинаю хихикать. Мы выходим на морозный воздух, где я немного трезвею.

Открыв телефон, я вижу эсэмэску от Роба: «Что за дела? Как же наши планы на вечер?»

— Идем, Сэм, — зовет Кортни. — Пора на вечеринку.

Они с Бетани забрались на заднее сиденье «сивик» и снова оставили переднее для меня.

Быстро набрав: «Уже еду, скоро увидимся», я забираюсь в машину, и мы устремляемся к Кенту.

Мы появляемся в самом начале вечеринки, и я прямиком направляюсь на кухню. Поскольку еще рано и народ не подтянулся, я замечаю множество мелочей, которых раньше не видела. В комнатах повсюду деревянные резные статуэтки, клевые картины маслом и старые книги — как в музее.

Кухня ярко освещена, и все в ней кажется резким и обособленным. В дверном проеме два бочонка, и большинство гостей толпятся около них. Пока что пришли в основном парни и несколько десятиклассниц. Они собираются в кучки, крепко вцепившись в пластиковые стаканы, как в сосуды с жизненной силой, и вымученно улыбаются до боли в щеках.

Роб не сразу меня узнает. Он проталкивается через толпу и прижимает меня к стене, обхватив мою голову ладонями.

— Сэм. Я думал, ты не придешь.

— Я же написала, что приду. — Я кладу руки ему на грудь, чувствуя удары сердца кончиками пальцев; почему-то мне становится грустно. — Ты не получил мою эсэмэску?

Он пожимает плечами.

— Весь день ты ведешь себя странно. Я боялся, может, тебе не понравилась моя роза.

«Лю тя». Я совсем забыла об этом, как и о своей обиде. Какая теперь разница? Это лишь слова.

— Прекрасная роза.

Роб улыбается и гладит меня по голове, как собаку.

— Шикарно выглядишь, детка. Хочешь пива?

Я киваю. Вино, выпитое в ресторане, уже почти выветрилось. Я кажусь себе слишком трезвой, слишком ясно ощущаю свое тело. Мои руки висят мертвым грузом. Роб начинает поворачиваться, но внезапно замирает и смотрит на мою обувь. Он поднимает на меня глаза, наполовину позабавленный, наполовину озадаченный, и показывает на ботинки Анны.

— Что это?

— Ботинки. — Я тыкаю пальцем в носок ботинка, но кожа даже не прогибается; почему-то я довольна. — Нравятся?

— Совсем как армейские, — кривится Роб.

— А мне нравятся.

— Они не в твоем стиле, детка, — качает он головой.

Мысленно я перебираю сегодняшние поступки, которые шокировали бы Роба. Я прогуляла уроки, целовалась с мистером Даймлером, курила травку с Анной Картулло, украла мамину кредитную карточку. Все не в моем стиле. Что вообще это значит? Как мне понять, что в моем стиле? Я пытаюсь слепить воедино свои поступки в жизни, но четкой картины не возникает, ничего, объясняющего, какой я человек, — сплошной туман и размытые края, неясные воспоминания о смехе и прогулках на машине. Я словно пытаюсь сделать снимок против солнца: все люди в моей памяти получаются безликими и неразличимыми.

— Ты не все знаешь обо мне, — заявляю я.

— Я знаю, что ты классно выглядишь, когда злишься. — Он издает смешок и стучит пальцем мне по переносице. — Поменьше хмурься, не то покроешься морщинами.

— Так что насчет пива? — напоминаю я.

Роб удаляется, и я благодарна ему за это. Я надеялась, что встреча с ним успокоит меня, но вышло наоборот.

Он приносит пиво, я беру стакан и поднимаюсь на второй этаж. Наверху лестницы я чуть не сталкиваюсь с Кентом. При виде меня он быстро отступает.

— Извини, — произносим мы одновременно, и я чувствую, что краснею.

— Ты пришла.

Его глаза кажутся еще более зелеными, чем обычно. На его лице странное выражение — рот искривлен, словно он жует что-то кислое.

— Не могла же я пропустить такую вечеринку.

Я отворачиваюсь. Хоть бы он перестал на меня пялиться! Откуда-то мне ясно, что он собирается сообщить нечто ужасное. Собирается сообщить, что видит меня насквозь. У меня возникает безумное желание спросить, что именно он видит, как будто он может помочь мне познать себя. Но я боюсь ответа.

Он уставился себе под ноги.

— Сэм, я хотел сказать...

— Не надо, — поднимаю я руку.

Внезапно до меня доходит: ему известно об истории между мной и мистером Даймлером и он может заикнуться об этом. Понятно, у меня паранойя, но я совершенно уверена в этом. У меня кружится голова, и я хватаюсь за столбик перил.

— Если ты насчет того, что случилось на математике, то я ничего не желаю слышать.

Его губы сжимаются в линию.

— А что случилось на математике?

— Ничего. — Я снова ощущаю, как мистер Даймлер наваливается на меня всем телом, как его горячий рот прижимается к моему. — Это не твое дело.

— Даймлер — мешок с дерьмом. Держись от него подальше. — Кент косится на меня. — Ты слишком хороша для этого.

Я вспоминаю о записке, которая приземлилась на мою парту. Я догадалась, что она от Кента. У меня что-то рвется внутри при мысли, что Кент Макфуллер с жалостью смотрит на меня сверху вниз.

Фразы сами срываются с языка.

— Я не обязана тебе объяснять. Мы даже не друзья. Мы... мы никто.

Кент делает шаг назад, наполовину фыркнув, наполовину хохотнув.

— Ты невероятна! — Он качает головой не то с отвращением, не то с печалью, не то и с тем и с другим. — Возможно, люди правы насчет тебя. Возможно, ты всего лишь пустая...

Он осекается.

— Кто? Пустая кто? — Мне хочется влепить ему пощечину, чтобы взглянул на меня, но он упорно изучает стену. — Пустая сучка, так ведь? Ты ведь это подумал?

Он вскидывает на меня глаза, ясные, гладкие и твердые, будто камешки. Теперь я жалею, что он посмотрел на меня.

— Может быть. Может быть, ты права. Мы не друзья. Мы никто.

— Да неужели? По крайней мере, я не разгуливаю с таким видом, будто лучше всех! — Я не в силах удержать поток слов. — Ты тоже не идеал. Уверена, что и ты поступал дурно. Уверена, что и ты поступаешь дурно.

Тут же я понимаю, что это неправда. Неправда, и все. Кент Макфуллер не поступает дурно. По крайней мере, с другими людьми.

Теперь он смеется и суживает глаза.

— Это я притворяюсь, что лучше всех? Очень смешно, Сэм. Тебе когда-нибудь говорили, какая ты забавная?

Почему-то я очень зла на него, мне хочется встряхнуть его или заплакать. Он все знает о мистере Даймлере. Он все знает обо мне и ненавидит меня за это.

— Я не шучу. — Мои кулаки прижимаются к бедрам. — Нельзя принижать других только за то, что они неидеальны.

У него отвисает челюсть.

— Но я никогда не утверждал...

— Я не виновата, что не могу быть как ты, ясно? Я не встаю по утрам с мыслью, что мир прекрасное, счастливое место, ясно? Просто я устроена иначе. Вряд ли меня можно исправить.

Вообще-то я собиралась произнести: «Вряд ли это можно исправить». На глаза наворачиваются слезы; сдерживая их, мне приходится судорожно глотать воздух. Я отворачиваюсь от Кента, чтобы он не заметил.

Молчание длится целую вечность. Затем он на мгновение кладет руку мне на локоть — словно ангел задел крылом. От единственного легкого прикосновения у меня мурашки пробегают по коже.

— Я хотел сказать, что ты прекрасно выглядишь с распущенными волосами. Больше ничего, — ровно и тихо отвечает Кент.

Затем огибает меня, подходит к лестнице и замирает у ступеней. Оборачивается и с печальной улыбкой на меня смотрит.

— Тебя не нужно исправлять, Сэм.

Его слов я даже не слышу, но в то же мгновение они наполняют все мое тело, будто я впитываю их из воздуха. Конечно, он знает, что это неправда, и я намерена разоблачить его, но он уже сбежал по лестнице, растворился в толпе, втекающей в дом. Я никто, лишь тень, привидение. Теперь понятно, что я вряд ли была полноценным человеком даже до несчастного случая. С чего все началось?

Я делаю большой глоток пива. Хорошо бы напиться. Хорошо бы отключиться. Еще глоток. По крайней мере, пиво холодное, но на вкус — протухшая вода.

— Сэм! — Тара поднимается по лестнице, сверкая улыбкой, как лучом фонарика. — А мы искали тебя.

Оказавшись наверху, она немного задыхается, прижимает правую ладонь к животу и сгибается пополам. В левой руке у нее наполовину выкуренная сигарета.

— Кортни провела разведку и нашла горючее.

— Горючее?

— Виски, водку, джин, черносмородиновый ликер и так далее. Выпивку. Горючее.

Она хватается за руку и тащит на первый этаж, который постепенно заполняется людьми. Все движется в одном направлении: от входа к пиву и наверх. На кухне мы продираемся сквозь толпу, сгрудившуюся вокруг бочонка. На противоположной стороне кухни — дверь с табличкой «Не входить»; я узнаю почерк Кента.

Внизу листа приписано мелкими буквами: «Ребята, я серьезно. Я хозяин вечеринки, и это единственное, о чем я прошу. Оглянитесь! Бочонок прямо за вами!»

— Может, не стоит... — начинаю я, но Тара уже вошла в дверь, и я следую ее примеру.

Внутри темно и холодно. Единственный свет проникает из двух огромных эркеров, смотрящих на задний двор.

Откуда-то из глубины дома доносится смешок, затем грохот.

— Осторожнее, — предостерегает кто-то.

— Сама попробуй разливать в темноте, — огрызается Кортни.

— Сюда, — шепчет Тара.

Забавно, как люди в темноте невольно приглушают голос.

Мы в столовой. С потолка свисает люстра, напоминающая экзотический цветок; тяжелые занавеси обрамляют окна. Мы с Тарой огибаем обеденный стол — маму хватил бы удар от восторга, за ним поместилось бы не меньше двенадцати человек — и ныряем в подобие алькова. Вот и бар. За альковым еще одно темное помещение, судя по неясным силуэтам диванов и книжных полок — библиотека или гостиная. Сколько же здесь комнат? Кажется, дом тянется бесконечно. Вокруг еще темнее; Кортни и Бетани роются в шкафчиках.

— Здесь полсотни бутылок, — сообщает Кортни.

Слишком темно, чтобы разглядеть этикетки, поэтому она по очереди открывает бутылки и принимает к содержимому.

— Кажется, ром.

— Странный дом, правда? — замечает Бетани.

— Какая разница? — быстро возражаю я.

Не знаю, зачем я ухожу в оборону. Здесь наверняка чудесно днем: гирлянды комнат, залитые

светом. Уверена, что в доме Кента всегда тихо или играет классическая музыка.

Рядом раздается звон стекла, что-то брызгает мне на ногу. Я подпрыгиваю, а Кортни шипит:

— Что ты натворила?

— Это не я.

Одновременно Тара говорит:

— Я нечаянно.

— Это была ваза?

— Фу. Мне забрызгало туфли.

— Так, берем бутылку и сматываемся.

Мы пробираемся обратно на кухню, когда ар-джей Равнер вопит: «Ложись!» Мэтт Дорфман жадно осушает стакан пива, и Эбби Макгейл хлопает в ладоши. Все смеются. Кто-то врубает «Дуджиас», народ подпевает. «Все чтецы собрались в этом клубе, если рифмовать умеешь круто, держи микрофон...»

Звучит визгливый смех, затем голос в передней:

— О господи, кажется, мы вовремя.

У меня желудок подскакивает к горлу. Линдси приехала.

Есть вещи, о которых не говорят

Хотите открою страшную тайну Линдси? Вернувшись в одиннадцатом классе из Нью-Йорка, где она навещала сводного брата, она много дней была невыносима — рывкала на всех и каждого, высмеивала Элли за проблемы с питанием, Элоди за сексапильность и глупость, меня за то, что я всегда последняя, от покупки модных шмоток до перехода к интимным ласкам (я отважилась на это только в самом конце одиннадцатого класса). Мы с Элоди и Элли понимали: в Нью-Йорке что-то случилось, но Линдси не отвечала на расспросы, а давить мы не хотели. На Линдси нельзя давить.

Однажды вечером ближе к концу учебного года мы зависали в «Розалитас», дрянном мексиканском ресторанчике в соседнем городке, где никому нет дела до возраста клиентов. Пили «Маргариту» за «Маргаритой» и ждали, когда принесут ужин. Линдси почти ничего не ела, как и все время после посещения Нью-Йорка. Она не прикоснулась к бесплатным чипсам, утверждая, что не голодна, и вместо этого водила пальцем по соленому ободку бокала и слизывала кристаллики соли один за другим.

Не помню, о чем мы болтали, но вдруг Линдси выпалила:

— Я занималась сексом.

Так прямо и выложила. Мы молча глазели на нее. Она наклонилась и на одном дыхании рассказала, как напилась, а сводный брат отказывался уходить с вечеринки, и тогда этот парень — Один Тип — предложил проводить ее в общежитие. Они занимались сексом на односпальной кровати ее брата, Линдси постоянно вырубалась, и Один Тип поскорее свалил,

пока не появился брат Линдси.

— Это заняло минуты три, не больше, — заключила она.

Мне было ясно, что она уже задвинула воспоминание в дальний угол сознания, снабдив пометкой «Вещи, о которых мы никогда не говорим», и изобретает новые, альтернативные варианты: «Я съездила в Нью-Йорк, где прекрасно провела время. Когда-нибудь я непременно туда вернусь. Я целовалась с парнем, и он собирался отправиться за мной, но я запретила».

Сразу после этого принесли блюда. Настроение Линдси резко изменилось, когда она облегчила душу, взяв с нас клятву хранить все в секрете под страхом смерти. Она отослала на кухню салат («Можно подумать, я стану давиться этим сеном») и заказала кесадильи с грибами и сыром, буррито со свиной и дополнительной сметаной и гуакамоле, чимичанги на всех и еще по бокалу «Маргариты». Слово с плеч сняли тяжкий груз. Это был лучший ужин за много лет. Мы дружно набивали животы, даже Элли, опрокидывали «Маргариту» за «Маргаритой», выбирая разные вкусы — манго, малина, апельсин, — и смеялись так громко, что как минимум одни соседи попросились за другой столик. Даже не помню, что мы обсуждали, но в какой-то момент Элли сфотографировала Элоди с пшеничной тортильей на голове и бутылкой острого соуса в поднятой руке. В углу снимка можно разглядеть треть профиля Линдси. Она согнулась пополам и хохочет с густо-красным лицом, прижимая ладонь к животу.

После ужина она заплатила за всех маминой кредитной картой, которую ей разрешают использовать только в крайних случаях; перегнувшись через стол, Линдси заставила нас взяться за руки, как во время молитвы, и пояснила:

— Это, друзья мои, был крайний случай.

Мы засмеялись. Мелодраматична, как всегда! Мы собирались на вечеринку в дендрарии, которая по традиции проводится в первые теплые выходные года. Впереди расстилалась ночь. Мы были счастливы. Линдси снова стала нормальной.

Она вышла в туалет поправить макияж, и через пять секунд меня скрутило. Надо было меньше пить и смеяться! Мне в жизни так не хотелось писать. Я рванула в туалет, не переставая хихикать, а Элоди и Элли швыряли мне вслед недоеденные чипсы и скомканные салфетки с воплями: «Не забудь прислать открытку с Ниагарского водопада!» и «Быстрее, не то моча в голову ударит!», так что еще одни соседи попросились за другой столик.

Туалет был рассчитан на одного человека. Я прислонилась к двери, позвала Линдси и одновременно задергала ручку. Наверное, она спешила, потому что толком не заперла дверь, и та отворилась под моим весом. Я ввалилась в туалет, продолжая смеяться и ожидая увидеть Линдси перед зеркалом с надутыми губами и блеском «МАК» в руках.

Вместо этого она стояла на коленях перед унитазом, и остатки кесадильи и буррито со свиной плавали на поверхности воды. Она спустила воду, но недостаточно быстро. Я увидела, как два непереваренных кусочка помидора уносятся в трубу.

— Что ты делаешь? — удивилась я, сразу став серьезной, хотя и так было ясно.

— Закрой дверь, — прошипела она.

Я быстро повиновалась. Шум ресторана как отрезало, наступила тишина.

Линдси медленно поднялась с коленей и уставилась на меня с вопросом:

— Ну?

У нее был такой вид, словно она заранее подбирала аргументы, словно ожидала, что я стану ее обвинять.

— Мне надо пописать.

Глупо, но я больше ничего не успела придумать. Крошечный кусочек буррито прилип к ее волосам, и я чуть не разревелась. Это же Линдси Эджкомб, наша защитница.

— Ну так писай, — с облегчением произнесла она, хотя мне показалось, что в ее глазах мелькнуло что-то еще — может, печаль.

Так я и сделала. Тем временем Линдси наклонилась над раковиной, сложила ладони лодочкой и напилась воды, перекатывая ее во рту и полоща горло. Забавно: ты думаешь, что во время бедствий все прочее прекращается, ты забываешь ходить в туалет, есть или испытывать жажду. На самом деле это не так. Ты сам по себе, а тело само по себе. Оно предает тебя, грубо и глупо пыхтит, требует воды, сэндвичей и походов в туалет, в то время как мир разлетается вдребезги.

Я наблюдала, как Линдси достает полоску «Листерина» и кладет в рот, чуть морщась. Затем она занялась макияжем, подкрасила глаза и заново нанесла блеск для губ. Туалет был крохотным, но Линдси казалась невероятно далекой.

— Никакая это не булимия, — наконец подала она голос. — Наверное, я просто ела слишком быстро.

До сих пор не знаю, солгала она или нет.

— Не говори девчонкам, ладно? Не хочу, чтобы они переживали из-за пустяков.

— Конечно.

Умолкнув, она сжала губы, надула их перед зеркалом. Затем повернулась ко мне.

— Ты в курсе, что вы моя семья?

Она обронила это небрежно, будто похвалила джинсы, но я поняла: это одно из самых искренних ее признаний. Поняла, что она действительно так думает.

Мы поехали на вечеринку в дендрарии, как и собирались. Элли и Элоди классно провели время, а у меня болел живот, и я корчилась на складной крыше машины Элли. Возможно, еда оказалась несвежей, но у меня было такое чувство, словно нечто пытается прогрызть себе дорогу из желудка на волю.

Весь вечер Линдси была в ударе; тогда она впервые поцеловалась с Патриком. Через три месяца, в конце лета, они занялись сексом. Когда она поведала нам о том, как потеряла девственность со своим парнем — свечи, одеяло на полу, цветы и так далее, — и о том, как прекрасно, что ее первый раз был таким романтичным, мы и глазом не моргнули. Мы наперебой поздравляли ее, выпытывали подробности, признавались, что завидуем. Мы пошли на это ради счастья Линдси. Она пошла бы на это ради нас.

Вот что значит быть лучшими друзьями. Вот для чего они нужны. Чтобы помочь не сорваться в

пропасть.

С чего все началось

Линдси, Элоди и Элли я вижу только через час; вероятно, сразу после приезда они поднялись наверх. Да наверняка так и есть, учитывая, что водку они захватили с собой. Я выпиваю три порции рома и сразу хмелею: комната превращается в размытую карусель цвета и звука. Кортни только что прикончила ром, так что я отправляюсь за пивом. Мне приходится контролировать каждый шаг, и, добравшись до бочонка, я на секунду замираю на месте, забыв, зачем пришла.

— Пива?

Мэтт Дорфман наполняет стакан и протягивает мне.

— Пива, — с удовольствием подтверждаю я.

Приятно, что слово получилось так четко; приятно, что я вспомнила, чего хотела.

Я возвращаюсь обратно, замечая реальность лишь краткими вспышками, накромсанной кинолентой: шершавая деревянная стойка перил; Эмма Макэлрой опирается спиной на стену, разинув рот, точно рыба на крючке, возможно, смеясь; огни рождественских гирлянд расплываются и подмигивают. Не знаю, куда я бреду и кого ищу, но внезапно в конце комнаты появляется Линдси, и я понимаю, что оказалась в самой глубине дома, курительном салоне. Мы с Линдси мгновение смотрим друг на друга; я надеюсь, что она улыбнется, но она отводит глаза. Элли рядом с ней наклоняется, что-то шепчет и направляется ко мне.

— Привет, Сэм.

— Спросила разрешения подойти ко мне? — запинаясь, хмыкаю я.

— Прекрати. — Элли закатывает глаза. — Линдси ужасно расстроена тем, что ты наговорила.

— Элоди совсем рехнулась? — киваю я в угол.

Там Элоди трется о Стива Маффина, в то время как он болтает с Лиз Хаммер, как будто Элоди и вовсе не существует. Мне хочется подойти и обнять ее.

Элли медлит, глядя на меня из-под челки.

— Не рехнулась. Ты же знаешь Элоди.

Очевидно, Элли лжет, но я слишком пьяна, чтобы развивать тему.

— Ты сегодня не звонила.

Ну зачем это сорвалось с языка? Я снова чувствую себя изгоем, который пытается прибиться к чужой компании. Минул всего день, а я скучаю по ним, моим единственным настоящим друзьям.

Отпив водки из бутылки, Элли морщится.

— Линдси рвала и метала. Она действительно ужасно расстроена.

— Но мои слова в машине — правда.

— Неважно, правда или нет. — Элли качает головой. — Это же Линдси. Она своя. А мы своих не обижаем, забыла?

Никогда не считала Элли умной, но давно не слышала ничего настолько умного.

— Иди и скажи, что была не права, — настаивает Элли.

— Но я была права.

Язык окончательно заплетается, тяжелый и распухший. Я с трудом им ворочаю. Мне не терпится поделиться с Элли историями о мистере Даймлере, Анне Картулло, мисс Винтерс и Мопсах, но сложно издать даже звук.

— Просто скажи, Сэм.

Элли шарит глазами по гостям. Вдруг она быстро шагает назад и прикрывает рукой отвисшую челюсть.

— О господи! — Она таращится мне за спину; ее губы кривятся в улыбке. — Поверить не могу.

Время словно замирает, пока я оборачиваюсь. Когда-то я читала, что на краю черной дыры время останавливается, и, если окажешься на кромке, застрянешь там навсегда, вечно раздираемая на части, вечно умирающая. Вот что я чувствую в эту секунду. Люди кружатся, бесконечная кромка, народу все больше и больше.

Она стоит в проеме двери. Джулиет Сиха. Джулиет Сиха, которая вчера вышибла себе мозги из родительского пистолета.

Ее волосы стянуты в конский хвост, и я невольно представляю их спутанными и слипшимися от крови; огромная дыра зияет прямо под волосами. Я боюсь ее: призрака в дверях, создания из детских кошмаров, монстра из фильмов ужасов.

В голове всплывает выражение из передачи о смертниках, ожидающих исполнения приговора, которую нам показывали на факультативном курсе этики и морали: «ходячие мертвецы». Когда-то это выражение показалось мне ужасным, но теперь я понимаю его. Джулиет Сиха — ходячий мертвец. Наверное, и я тоже, в некотором роде.

— Нет, — невольно произношу я вслух и отступаю назад.

— Моя нога! — верещит Харлоу Розен.

— Поверить не могу, — где-то вдалеке повторяет Элли; она уже отвернулась от меня и зовет Линдси, перекрикивая музыку: — Линдси, ты видела, кто явился?

Джулиет покачивается в дверях. Она кажется спокойной, однако ее руки сжаты в кулаки.

Я бросаюсь вперед, но все выбирают это мгновение, чтобы плотнее сжать кольцо. Не могу смотреть на это еще раз. Не желаю видеть, что будет дальше. Я с трудом держусь на ногах, и меня все толкают. Я мечусь среди людей, как шарик для пинбола, отчаянно пытаюсь выбраться из комнаты. Плевать, что я наступаю на ноги и впечатываю локти в спины. Мне нужно выйти.

Наконец я прорубаюсь сквозь толпу. Джулиет загораживает дверной проем. Она даже не

обращает на меня внимания. Замерла неподвижно, как статуя, уставившись мне через плечо. Она смотрит на Линдси. Так ей нужна Линдси! Это ее она ненавидит больше всех! Но легче от этого не становится.

Когда я собираюсь протиснуться в дверь, по телу Джулиет пробегают дрожь. Мы встречаемся глазами. Она кладет руку мне на запястье, холодную как лед, и говорит:

— Погоди.

— Нет, — отшатываюсь я и бегу прочь, спотыкаясь, чуть не задыхаясь от страха.

Бессвязные образы Джулиет продолжают вспыхивать в голове. Облитая пивом Джулиет согнулась пополам и спотыкается с протянутыми руками. Джулиет лежит на холодном полу в луже крови. Мысли путаются, два образа сливаются в один, и я вижу, как она бродит по комнате под общий смех. Ее волосы насквозь пропитаны кровью, кровь стекает на пол.

Я так растеряна, что не замечаю Роба в коридоре, пока не налетаю прямо на него.

— Привет. — Он уже напился; с его губы свисает незажженная сигарета. — Привет, детка.

— Роб... — Я обнимаю его. Мир вращается. — Пойдем отсюда, ладно? Поехали к тебе. Я готова. Останемся вдвоем, только ты и я.

— Не гони лошадей. — Один уголок губ Роба медленно ползет вверх, но другой за ним не поспевает, — Вот покурю и поедем.

Он направляется в глубину дома.

— Нет! — возражаю я; еще немного, и я завизжу.

Покачиваясь, он снова поворачивается ко мне. Пока он не успел опомниться, я выхватываю сигарету и целую его, обхватив голову руками и прижимаясь всем телом. Он не сразу понимает, что происходит, но через секунду начинает лапать меня через платье, крутить языком и постанывать.

Мы шагаем на месте, словно танцуем. Пол выгибается и вертится; Роб случайно прислоняет меня к стене, вышибая дух.

— Прости, детка.

Его взгляд блуждает. Из глубины дома доносится скандирование: «Психа! Психа!»

— Нам нужна комната. Немедленно.

Я беру Роба за руку, и мы продираемся по коридору сквозь встречный поток людей. Всем интересно посмотреть, что происходит.

— Сюда!

Роб со всей силы ломится в первую попавшуюся дверь, ту самую, с наклейками для бампера. Раздается хлопок, мы оба вваливаемся внутрь. Я снова целую Роба и пытаюсь раствориться в близости и жаре его тела, отстраниться от нарастающих взрывов смеха в задней комнате. Притворяюсь простым куском плоти с пустым и мутным разумом, как экран телевизора, полный помех. Пытаюсь съежиться, сжаться в комок внутри собственного тела, как будто,

кроме пальцев Роба, ничего не существует.

Когда дверь за нами закрывается, опускается мрак; он не рассеивается, словно в комнате нет окон или они завешены. Темнота кажется почти тяжелой, и внезапно меня пронзает истерический страх, что мы заперты в коробке. Роб уже почти не держится на ногах и крепко обнимает меня, отчего кружится голова. Я испытываю прилив тошноты и толкаю Роба назад, пока мы не налетаем на что-то мягкое: кровать. Он падает на спину, я забираюсь сверху.

— Погоди, — бормочет он.

— Разве ты не этого хотел? — шепчу я.

Даже сейчас я слышу смех и крики «Психа, Психа!», с трудом пробивающиеся сквозь музыку. Я крепче целую Роба, и он вступает в бой с молнией на платье. Ткань трещит, но мне плевать. Я спускаю платье до талии, и Роб приступает к лифчику.

— Ты уверена? — мямлит он заплетающимся языком.

— Просто целуй меня.

«Психа, Психа!» Голоса эхом разносятся по коридору. Я залезаю под флиску Роба, стаскиваю ее через голову и целую его в шею и в вырез воротника рубашки поло. Его кожа отдает потом, солью и сигаретами, но я все равно его целую, пока его руки шарят по моей спине и заднице. Из темноты всплывают образы мистера Даймлера верхом на мне и крапчатого потолка, но я отгоняю их.

Я снимаю с Роба рубашку, так что мы лежим грудь к груди. Кожа издает странные хлюпающие, чмокающие звуки, когда наши животы слипаются и разлипаются. Через какое-то время Роб размыкает объятия. Я продолжаю его целовать, спускаюсь к груди, путаясь губами в волосах. Мне никогда не нравились волосы на груди; надо было раньше об этом вспомнить.

Он затихает. Наверное, в шоке. Я никогда не заходила так далеко. Обычно он брал инициативу в наших ласках. Я всегда боялась сделать что-нибудь неправильно. Так неловко притворяться опытным и искушенным. Он даже ни разу не видел меня совсем голой.

— Роб? — зову я, и он тихо стонет.

У меня дрожат руки; я устала удерживать себя на весу и потому встаю.

— Хочешь, я сниму платье?

Молчание. Мое сердце бешено колотится, и, хотя в комнате холодно, подмышки вспотели.

— Роб? — окликаю я.

Внезапно он громко, гулко всхрапывает, перекачивается набок и продолжает храпеть долгими переливами.

Некоторое время я слушаю. Когда он храпит, я всегда вспоминаю детство: маленькой я сидела на переднем крыльце и наблюдала, как папа нарезает круги верхом на своей шестилетней газонокосилке «Сирз», которая ревела так громко, что я затыкала уши. И все же я не скрывалась в доме. Мне нравились аккуратные зеленые дорожки в кильватере газонокосилки и сотни крошечных травинки, кружащихся в воздухе, подобно балеринам.

Вокруг так темно, что я вечность ищу свой лифчик и дурацкую меховую штуковину, даже опускаюсь на четвереньки. Плевать. Я почти ничего не чувствую, мыслей нет, я только повторяю инструкцию: найти лифчик; натянуть платье; оказаться по ту сторону двери.

Затем я выскакиваю в коридор. Музыка играет на нормальной громкости, люди входят и выходят из задней комнаты. Джулиет Сихи нет.

Я ловлю пару косых взглядов. Наверное, я ужасно выгляжу, но у меня нет сил об этом беспокоиться. Забавно, впрочем, как хорошо я держусь. Несмотря на туман в голове, я совершенно отчетливо думаю: «Забавно, как хорошо я держусь. Линдси будет гордиться».

— У тебя платье расстегнуто, — хихикает Карли Яблонски.

— Чем вы там занимались? — спрашивает кто-то из-за ее спины.

Но я не обращаю внимания. Просто иду — вернее, плыву, толком не зная куда. Спускаюсь по лестнице, ступаю на угловое крыльцо, где меня оглушает холод, и возвращаюсь в дом, на кухню. Теперь меня влекут темные молчаливые комнаты, мирно лежащие за табличкой «Не входить», полные квадратов лунного света и тихого стрекота старых часов. Минуя столовую и альков, где Тара разбила вазу, я, хрустя ботинками по стеклу, вхожу в гостиную.

Одна стена, почти сплошь состоящая из окон, смотрит на переднюю лужайку. Ночь серебристая и заиндевелая; деревья окутаны ледяным покрывалом, будто отлиты из гипса. Что, если все в этом мире, в котором я застряла, лишь подделка, дешевая имитация настоящего мира? Я опускаюсь на ковер, в самый центр идеально ровного квадрата лунного света, и начинаю плакать. Первый всхлип — почти вопль.

Неизвестно, как долго я сижу — минут пятнадцать, не меньше, потому что успеваю выплакать все глаза. Я перемазалась в соплях и безнадежно испортила меховое болеро потеками туши и краски для лица. В какой-то момент я ощущаю, что не одна в комнате.

И замираю. Углы тонут в тени, но вдоль стены кто-то движется. Клетчатый кроссовок то появляется, то пропадает.

— И долго ты здесь стоишь? — интересуюсь я, в сотый раз вытирая нос рукой.

— Недолго.

Кент говорит очень тихо. Он явно лжет, но мне все равно. Мне даже легче оттого, что я была не одна все это время.

— Ты чем-то расстроена? — Он приближается на пару шагов, и лунный свет заливает его серебром. — В смысле, конечно, ты расстроена, я просто имею в виду, ну, может, я могу что-то сделать, или выслушать, или...

— Кент... — перебиваю я.

Он всегда любил отклоняться от темы, даже в детстве.

— Да? — замирает он.

— Ты... можно мне стакан воды?

— Конечно. Секундочку.

В его голосе звучит облегчение. Кроссовки шелестят по ковру. Через минуту он возвращается со стаканом воды, в котором именно столько кубиков льда, сколько нужно.

Я делаю несколько жадных глотков.

— Извини, что забралась сюда. Несмотря на табличку и все остальное.

— Ерунда. — Кент устроился рядом со мной на ковре, сложив ноги по-турецки. Не так близко, чтобы касаться, но достаточно, чтобы я чувствовала его. — Табличка была больше для других. Ну, опасался, что попортят родительское барахло и все такое. Я никогда раньше не устраивал здесь вечеринки.

— А сегодня зачем устроил? — спрашиваю я просто для поддержания беседы.

Кент хмыкает.

— Хотел, чтобы ты пришла.

От смущения я готова провалиться сквозь землю; жар поднимается от кончиков пальцев ног. Его слова настолько неожиданны, что я лишаюсь дара речи. Он же не кажется смущенным. Просто сидит и смотрит на меня. Так похоже на Кента! Он никогда не понимал, что в подобных вещах нельзя признаваться ни с того ни с сего.

Молчание длится на пару ударов сердца больше, чем нужно. Я хватаюсь за первую подвернувшуюся мысль.

— Наверное, в этой комнате днем море света.

— Как будто висишь внутри солнца, — смеется Кент.

Вновь тишина. Доносится приглушенная музыка, словно издалека. Мне это нравится.

— Слушай. — У меня встает комок в горле даже от попытки это озвучить. — Извини за то, что я сказала. Я, правда... спасибо за поддержку. Мне жаль, что я всегда была...

В последнюю секунду у меня все же не поворачивается язык. «Мне жаль, что я всегда была гадкой. Жаль, что со мной что-то не так». Источник: <http://darkromance.ucoz.ru/>

— Я говорил серьезно, — тихо отвечает Кент. — Насчет твоих волос.

Он чуть придвигается — всего на долю дюйма, — и ido меня внезапно доходит, что я сижу с Кентом Макфуллером посреди залитой лунным светом комнаты.

— Мне пора.

Я поднимаюсь. Ноги подгибаются, и комната наклоняется вместе со мной.

— Тише. — Кент тоже встает и подхватывает меня. — Уверена, что справишься?

Тут я осознаю, что не имею понятия, куда мне нужно и кто меня туда отвезет. Мысль об оскале Тары невыносима, а Линдси явно вне игры. Все настолько ужасно, что даже забавно, и я издаю короткий смешок.

— Не хочу домой.

Кент не уточняет почему, и я благодарна ему за это. Он только сует руки в карманы. Контур его лица очерчен светом, словно он сияет изнутри.

— Ты можешь... — Он сглатывает. — Ты всегда можешь остаться у меня.

Мои брови невольно ползут вверх. Слава богу, в комнате темно. Не представляю, на что похоже мое лицо.

— В смысле, не остаться со мной, — быстро поправляется он. — Разумеется, нет. Я только имею в виду... ну, у нас есть парочка гостевых комнат с заправленным бельем и всем прочим. Чистым бельем, конечно; если бы мы не убирали его после того...

— Хорошо.

— ...как на нем кто-то спал, это было бы отвратительно. Вообще-то у нас есть домработница, которая два раза в неделю...

— Кент! Я же сказала, хорошо. То есть я с удовольствием останусь. Если ты не против.

Мгновение он стоит с отвисшей челюстью, будто уверен, что ослышался. Затем вынимает руки из карманов, складывает на груди, опускает, поднимает и снова роняет.

— Ага, конечно нет, не против.

Однако еще минуту он не двигается. Просто смотрит на меня. Жар возвращается, но на этот раз ударяет мне в голову, отчего все кажется туманным и далеким. Веки внезапно тяжелеют.

— Ты устала, — произносит он; его голос снова становится мягким.

— Это был долгий день, — поясняю я.

— Идем.

Он протягивает руку, и я принимаю ее, не раздумывая. Его рука сухая и теплая. Он ведет меня глубже в дом, прочь от музыки, в тень. Я закрываю глаза и вспоминаю, как он брал меня за руку и шептал: «Не слушай их. Идем. Держи голову выше». Как будто это было вчера. Мне не кажется удивительным, что я держусь за руку Кента Макфуллера и следую за ним. Так и должно быть.

Музыка окончательно умолкает. Вокруг поразительно тихо. Наши ноги ступают по коврам почти бесшумно; каждая комната — паутина теней и лунного света. Пахнет полированным деревом, дождем и немного дымом, как будто в доме недавно разводили огонь. «Наверное, здесь уютно в буран», — думаю я.

— Сюда, — говорит Кент и толкает дверь.

Петли скрипят. Он шарит по стене в поисках выключателя.

— Не надо.

— Не надо света? — уточняет он.

— Не надо света.

Очень медленно он проводит меня в комнату. В ней почти совсем темно. Я с трудом различаю его плечи.

— Кровать рядом.

Я позволяю ему повернуть себя. Между нами всего несколько дюймов, и я словно чувствую выражение его лица в темноте, как будто оно вычерчивается в воздухе. Мы продолжаем держаться за руки, но теперь стоим друг напротив друга. Никогда не замечала, какой он высокий: по меньшей мере на четыре дюйма выше меня. От него так и пышет жаром. Я купаюсь в его лучах. Кончики пальцев покалывает.

— Твоя кожа, — еле слышно бормочу я. — Она горячая.

— Как всегда.

В темноте что-то шелестит, и я понимаю: он поднял руку. Я почти вижу, как его пальцы, раскаленные добела, замирают у моего лица. Он роняет руку, и тепло покидает меня вместе с ней.

Самое странное, что когда я нахожусь с Кентом Макфуллером в чернильно-темной комнате, напоминающей могилу, внутри меня вспыхивает крошечная искра, едва заметный огонек в самом низу живота, который прогоняет страх.

— В шкафу есть еще одеяла, — сообщает он; его губы почти касаются моей щеки.

— Спасибо, — отзываюсь я.

Он остается, пока я забираюсь в постель, и натягивает одеяло мне на плечи, словно это в порядке вещей, словно он укладывает меня спать каждый вечер. Типичный Кент Макфуллер.

Глава 5

Понимаете, тогда я еще искала ответы. Еще хотела выяснить почему. Как будто кто-то мог объяснить, как будто мог найтись удовлетворительный ответ.

Только позже я начала размышлять о времени, о том, как оно движется, утекает, вечно катится вперед, секунды сливаются в минуты, минуты в дни, дни в годы, стремясь к единственной цели, — поток, вечно несущийся в одном направлении. И мы бежим и плывем вместе с ним, поспешая что есть сил.

Я имею в виду вот что: возможно, вам некуда торопиться. Возможно, вы проживете еще день. Возможно, еще тысячу дней, или три тысячи, или десять, столько дней, что в них можно купаться, валяться, пропускать сквозь пальцы, как монеты. Столько дней, что можно тратить их впустую.

Но для некоторых из нас завтрашний день не наступит. И на самом деле заранее никогда не знаешь.

Будильник вырывает меня из темноты, как из глубин озера. Я просыпаюсь, задыхаясь. В пятый раз наступает двенадцатое февраля, но сегодня я испытываю облегчение. Я выключаю будильник и лежу в кровати, наблюдая, как молочно-белый свет медленно крадется по стенам,

и ожидая, когда уймется сердцебиение. Солнечный лучик бежит по коллажу, подаренному Линдси. Внизу блестящими розовыми буквами написано: «Я буду любить тебя всегда». Сегодня мы с Линдси снова друзья. Сегодня на меня никто не злится. Сегодня я не стану целоваться с мистером Даймлером или рыдать в одиночестве на вечеринке.

Ну, не совсем в одиночестве. Я представляю, как солнце медленно заполняет дом Кента, пузырится, словно шампанское.

Мысленно я составляю список всего, что мне хотелось бы сделать в жизни, как будто все еще возможно. Большинство пунктов совершенно безумные, но мне плевать, я просто составляю список, как если бы следовать ему было ничуть не сложнее, чем списку покупок в продуктовом магазине. Полетать на личном самолете. Съесть свежее испеченный круассан в парижской булочной. Проскакать на лошади из Коннектикута в Калифорнию, останавливаясь по пути только в лучших гостиничных номерах. Есть пункты попроще: сводить Иззи на Гусиный мыс, который я обнаружила, в первый и единственный раз сбежав из дома. Заказать в закусочной «Лукуллов пир» чизбургер с беконом, молочный коктейль и целую тарелку картошки фри, политой расплавленным сыром, и съесть все без угрызений совести, как я обычно поступаю в день рождения. Побегать под дождем. Сlopать яичницу-болтунью, не вылезая из постели.

Когда Иззи пробирается в комнату и запрыгивает на кровать, я уже спокойна.

— Мама говорит, тебе пора в школу.

Она толкает меня головой в плечо.

— Я не пойду в школу.

Вот как все начинается. Один из лучших — и худших — дней в моей жизни начинается с этих пяти слов.

Я хватаю сестру за живот и щеку. Она упорно носит старую футболку с Дашей-следопытом, такую маленькую, что большая розовая полоска живота — единственного жирка на теле сестры — торчит наружу. Иззи верещит от смеха и откатывается в сторону.

— Хватит, Сэм. Умоляю, хватит!

Когда мама подходит к двери, Иззи визжит, хохочет и молотит руками и ногами.

— Уже без пятнадцати семь. — Мама стоит в дверном проеме, старательно выровняв носки по облупившейся красной черте, проведенной много лет назад. — Линдси приедет с минуты на минуту.

Иззи отпихивает мои руки и садится с сияющими глазами. Я никогда не замечала, как она похожа на маму. На секунду мне становится грустно. Жаль, что она так мало похожа на меня.

— Сэм щекоталась.

— Сэм сейчас опоздает. И ты тоже.

— Сэм не пойдет в школу. И я тоже.

Сестра надувает грудь, будто готовится к битве. Возможно, с возрастом она станет больше

похожа на меня. Возможно, когда время снова тронется с места — даже если оно унесет меня прочь, словно мусор приливом, — ее скулы поднимутся, кости вытянутся, а волосы потемнеют. Мне нравится думать, что так и будет. Мне нравится думать, что когда-нибудь люди будут говорить: «Иzzi так похожа на свою сестру Сэм».

«Помните Сэм? Она была хорошенькой», — скажут они. Не знаю, что еще они могут сказать. «Она была доброй. Все любили ее. По ней скучали». А может, и ничего из этого.

Встряхнув головой, я возвращаюсь к мысленному списку. Поцелуй, от которого мне покажется, что голова вот-вот взорвется. Медленный танец посреди пустой комнаты под потрясающую музыку. Купание в океане в полночь без одежды.

Мама трет лоб.

— Иззи, иди завтракать. Все уже наверняка готово.

Сестра перебирается через меня. Я сжимаю складку ее живота. Она в последний раз взвизгивает, прыгивает с кровати и вылетает за дверь. Единственное, что способно заставить Иззи так быстро бегать, — поджаренный рогалик с корицей и изюмом, намазанный арахисовым маслом. Жаль, я не могу кормить ее рогаликами с корицей и изюмом, намазанными арахисовым маслом, каждый день до конца ее жизни, набить ими весь дом.

Избавившись от Иззи, мама мрачно на меня смотрит.

— Что случилось, Сэм? Ты заболела?

— Не совсем.

В моем списке нет ни единой секунды, проведенной в кабинете врача.

— Тогда в чем дело? Мне казалось, ты обожаешь День Купидона.

— Обожаю. Вернее, обожала. — Я опираюсь на локти. — Вообще-то это довольно глупо, если подумать.

Мать поднимает брови.

Я начинаю болтать, не слишком задумываясь о смысле слов, но после понимаю, что была совершенно права.

— Суть в том, чтобы показать другим, как много у тебя друзей. Но всем и так известно, сколько у тебя друзей. И больше их от этого не становится. И в отношениях со старыми друзьями тоже ничего не меняется.

Уголок маминого рта ползет вверх.

— Тебе повезло, что у тебя хорошие друзья и ты знаешь об этом. Уверена, розы очень важны для многих.

— Ну, просто все это довольно сомнительно.

— Такие речи несвойственны для Саманты Кингстон.

— Может, я меняюсь.

Этого я тоже не думала, пока не произнесла. А вдруг это правда? У меня появляется проблеск надежды. Возможно, в конце концов, и у меня есть шанс. Возможно, я должна измениться.

Мама смотрит на меня, как на кулинарный рецепт, который ей не под силу.

— Что-то случилось, Сэм? Проблемы с друзьями?

Сегодня ее расспросы почти не раздражают. Сегодня они кажутся скорее забавными. Как бы мне хотелось, чтобы главной бедой была ссора с Линдси или глупость, которую ляпнула Элли.

— Не с друзьями. — Надо ее как-то отвлечь. — С... Робом.

— Вы поссорились? — морщит лоб мама.

Я забираюсь в кровать чуть глубже в надежде показаться расстроенной.

— Он... он бросил меня.

В некотором роде так и есть. Не то чтобы он со мной порвал, но, судя по всему, наши отношения были не настолько серьезными, как мне казалось. Разве можно всерьез встречаться с человеком, который тебя совсем не знает?

Срабатывает даже лучше, чем я ожидала. Мама прижимает руку к груди.

— О господи, милая! Что случилось?

— Просто не сошлись характерами.

Теребя краешек одеяла, я вспоминаю о множестве вечеров, проведенных наедине с ним в подвале, надежном укрытии от остального мира, залитом синим светом. По большому счету не такой серьезный срок, чтобы выглядеть расстроенной. У меня дрожит нижняя губа.

— Кажется, я никогда не нравилась ему по-настоящему.

Много лет я не была настолько откровенна с матерью и внезапно ощущаю себя очень уязвимой. Перед глазами вспыхивает сцена, как в пять или шесть лет я стою перед ней совершенно голая, а она внимательно ищет клещей. Я зарываюсь в покрывала и сжимаю руки в кулаки, так что ногти впиваются в ладони.

И тут происходит нечто совершенно невероятное. Мама как ни в чем не бывало переступает через облупившуюся красную черту и подходит к кровати. Я так поражена, что даже не протестую, когда она наклоняется и целует меня в лоб.

— Сочувствую, Сэм. — Она гладит меня по лбу большим пальцем. — Разумеется, ты можешь остаться дома.

Я ожидала встретить большее сопротивление и лишаюсь дара речи.

— Хочешь, я побуду с тобой? — предлагает она.

— Нет, — пытаюсь я улыбнуться. — Я справлюсь. Правда.

Иззи снова подбегает к двери, уже наполовину одетая.

— Я хочу остаться дома с Сэм! — кричит она.

У нее желто-розовый период — не самое удачное сочетание, но довольно сложно объяснить восьмилетке теорию цветовых палитр. Она нацепила горчично-желтое платье поверх розовых колготок. Еще на ней толстые желтые носки, вязанные резинкой. Она выглядит как тропический цветок. Отчасти мне хочется выругать маму за то, что она позволяет Иззи одеваться как попало. Другие дети наверняка смеются на ней.

С другой стороны, Иззи, кажется, все равно. Тоже забавно, если вдуматься: моя восьмилетняя сестра отважнее меня. Возможно, отважнее большинства учеников «Томаса Джефферсона». Изменится ли она? Выбьют ли из нее эту отвагу?

Сестра широко распахивает глаза и складывает руки как бы в молитве.

— Ну пожалуйста!

— Ни в коем случае, Иззи, — раздраженно вздыхает мама. — С тобой все в порядке.

— Я плохо себя чувствую.

Звучит сомнительно, учитывая, что Иззи все это время подпрыгивает и исполняет пируэты, но она никогда не умела врать.

Мама скрещивает руки на груди и делает строгое лицо.

— Ты уже позавтракала?

Иззи кивает.

— По-моему, я отравилась.

Она сгибается пополам, хватается за живот, но тут же выпрямляется и снова начинает скакать. Я невольно хихикаю и говорю:

— Да ладно, мам. Оставь ее дома.

Мама поворачивается ко мне, качая головой.

— Сэм, пожалуйста, не надо ее обнадеживать.

Я вижу, что она колеблется, и замечаю:

— Иззи в третьем классе. Их там ничему толком не учат.

— Нет, учат! — оскорбляется Иззи, но зажимает рот ладонью, поймав мой взгляд.

Моя младшая сестра явно не сильна в дипломатии. Она мотает головой и быстро исправляется:

— В смысле, почти ничему не учат.

— Ты понимаешь, — понижает голос мама, — что она будет приставать к тебе весь день? Разве тебе не хочется побыть одной?

Конечно, она ожидает ответа «да». Много лет в доме звучало: «Сэм просто хочется побыть

одной». «Будешь ужинать?» — «Я заберу тарелку к себе в комнату». «Куда ты собралась?» — «Просто хочу побыть одна». «Можно войти?» — «Оставь меня в покое. Не входи ко мне в комнату. Не отвлекай меня, когда я общаюсь по телефону. Не отвлекай, когда слушаю музыку. Одна, одна, одна».

Но после смерти все меняется — наверное, потому, что умирать так одиноко.

— Неважно, — искренне отзываюсь я.

— Делайте, как знаете... — машет рукой мама.

Но еще раньше Иззи бросается через комнату, плюхается на меня животом, обнимает за шею и вопит:

— Будем смотреть телевизор? Приготовим макароны с сыром?

От нее, как обычно, пахнет кокосом; и я вспоминаю, как она была совсем крошкой и мы купали ее в раковине. Она сидела, улыбалась, смеялась и плескалась, словно квадратная фарфоровая раковина размером двенадцать на восемнадцать дюймов — лучшее место на земле, большой-пребольшой океан.

В глазах мамы читается одна фраза: «Сама напросилась».

Я улыбаюсь через плечо Иззи и пожимаю плечами.

Все просто.

В лесу

Поразительно, как сильно меняются люди. Например, в детстве я любила лошадей, «Лукуллов пир», Гусиный мыс и многое другое, но со временем на смену им пришли подруги, эсэмэски, сотовые телефоны, парни и шмотки. Довольно печально, если задуматься. Как будто в людях нет ничего постоянного. Как будто что-то рвется, когда тебе исполняется двенадцать, или тринадцать, или в каком там возрасте превращаешься из ребенка в подростка, после чего становишься совершенно другим человеком. Возможно, даже менее счастливым. Возможно, даже более плохим.

Рассказать, как я обнаружила Гусиный мыс? Однажды, еще до рождения Иззи, родители отказались купить мне маленький лиловый велосипед со звонком и розовой корзинкой в цветочек. Не помню почему. Может, у меня уже был велосипед. В общем, я разозлилась и решила сбежать из дома. Вот два главных правила успешного побега:

1. Направляйся в знакомое место.
2. О нем никому не должно быть известно.

Разумеется, тогда я не ведала об этих правилах и преследовала совсем иную цель: скрыться там, где родители найдут меня, ужасно расстроятся и согласятся купить все, что я пожелаю, включая велосипед (а может, и пони).

На дворе стоял теплый май. Дни становились все длиннее. Однажды утром я собрала свой любимый вещмешок и удрала через заднюю дверь, радуясь собственной сообразительности: мне хватило ума не идти через передний двор, где работал отец. Со мной совершенно точно

были: фонарик, свитер, купальник, упаковка шоколадного печенья, моя любимая книга «Матильда» и длинные бусы из фальшивого жемчуга и золота, которые мама одолжила мне на последний Хеллоуин. Я не представляла, какое избрать направление, а потому отправилась куда глаза глядят: по террасе, вниз по лестнице, через задний двор, в лесок, отделявший наш дом от соседнего. Я шагала по лесу, искренне жалея себя и отчасти надеясь, что какой-нибудь богач заметит меня, пожалеет, удочерит и купит мне целый гараж лиловых велосипедов.

Но постепенно мне там вроде бы понравилось, как обычно бывает с детьми. Солнце тонуло в золотистой дымке и подсвечивало листья деревьев. Крошечные птички порхали с ветки на ветку, под ногами упруго прогибался ковер бархатно-зеленого мха. Постройки остались позади. Я глубоко забрела в лес и воображала, что никто и никогда не заходил так далеко. Воображала, что останусь здесь жить, спать на ложе из мха, носить цветы в волосах и дружить с медведями, лисами и единорогами. Я перебралась через ручей и поднялась на высокий холм, почти гору.

На вершине холма лежал огромный валун. Он изгибался вверх и вперед, как пузатый нос корабля, но срезан был ровно. Я мало что помню о том первом путешествии, только как лопала печенье одно за другим и чувствовала себя полноправной хозяйкой леса. Домой я вернулась с разболевшимся животом и была разочарована, что родители мало обо мне беспокоились. Мне казалось, что я пропадала целую вечность, но по часам выходило меньше сорока минут. Тогда я сделала вывод: валун в лесу был особый, время на нем замирало.

В то лето я часто ходила туда, когда нуждалась в убежище, и в следующее лето тоже. Однажды я растянулась на камне и смотрела в розово-лиловое небо, похожее на карнавальную тянучку, и увидела сотни перелетных гусей, выстроившихся идеальным клином. Перышко спланировало с неба прямо на мою ладонь. Я назвала валун Гусиным мысом и много лет хранила перышко в красивой коробочке, засунутой в одну из трещин каменного подбрюшья валуна. Однажды коробочка исчезла. Я решила, что ее сдуло ветром, и не один час рылась в листьях и подлеске, но ничего не нашла и заплакала.

Даже покончив с верховой ездой, я иногда посещала Гусиный мыс, хотя все реже и реже. В шестом классе — после того, как парни на уроке физкультуры дружно оценили мою задницу как «чересчур квадратную». В другой раз — когда Лекса Хилл не пригласила меня на день рождения с ночевкой, хотя мы были напарницами на уроках естествознания и четыре месяца хихикали, обсуждая, какой милашка Джон Липпинкот. Всякий раз, возвращаясь домой, я обнаруживала, что прошло меньше времени, чем я думала. Всякий раз я говорила себе, что Гусиный мыс — особенное место, хоть и понимала наивность этого утверждения.

А потом в один прекрасный день Линдси Эджкомб на кухне Тары Флют приблизилась ко мне и прошептала: «Хочешь кое-что увидеть?» В тот миг моя жизнь изменилась навсегда. Больше я не бывала на Гусином мысе.

Возможно, поэтому я собираюсь отвести туда Иззи, хотя на улице жуткий холод. Хочу посмотреть, изменился ли он или я. Почему-то это кажется важным. Кроме того, это самый легкий пункт моего мысленного списка. Вряд ли частный самолет приземлится у нашего дома. А купание голышом повлечет либо арест, либо пневмонию, либо и то и другое.

Так что это следующий пункт. Наверное, тогда меня и осеняет: суть в том, чтобы делать, что можешь.

— Мы точно не заблудились?

Иззи вприпрыжку идет рядом, укутанная в сто одежек, отчего напоминает ужасного снежного человека. Как обычно, она сама выбирала аксессуары и нацепила меховые наушники с черно-розовым пятнистым узором и два разных шарфа.

— Точно.

Хотя поначалу я была уверена, что мы пришли не туда. Все такое маленькое. Ручей — тонкую черную струйку воды, затянутую льдом, — можно просто перешагнуть. Холм за ним плавно поднимается вверх, хотя всегда казался настоящей горой.

Но хуже всего новое строительство. Кто-то купил эту землю, и на ней торчат два дома разной степени готовности. Один — всего лишь каркас, сплошь отбеленное дерево, гвозди и щепки, как будто обломки судна вынесло на берег. Другой почти закончен. Он огромный и голый, как у Элли. Кажется, что он припал на корточки и смотрит на нас. Я не сразу понимаю, в чем дело: на окнах до сих пор нет занавесок.

Разочарование наваливается на плечи. Зря мы здесь. Я вспоминаю очередной полет мысли миссис Харбор, учительницы литературы. Мы изучали список знаменитых цитат и обсуждали их смысл. Она сказала, что «домой возврата нет» (цитата из Томаса Вулфа) не только потому, что меняется место, но и потому, что меняются люди. Поэтому все выглядит другим.

Я хочу предложить вернуться, но Иззи уже перескочила через ручей и несется по склону холма.

— Скорее! — вопит она через плечо.

Когда до вершины остается всего пятьдесят футов, она добавляет:

— Я обгоню тебя!

По крайней мере, Гусиный мыс такой же высокий, как в моей памяти. Иззи забирается на ровную верхушку, и я карабкаюсь за ней. Пальцы в перчатках уже онемели. Поверхность камня покрыта ломкими мерзлыми листьями и инеем. Места хватает улечься свободно, но мы прижимаемся теснее, чтобы не замерзнуть.

— Ну, что скажешь? — спрашиваю я. — Как, по-твоему, хорошее укрытие?

— Лучше не бывает. — Иззи откидывает голову назад и смотрит на меня. — Ты правда думаешь, что время здесь замирает?

— Когда-то мне так казалось. — Я пожимаю плечами и оглядываюсь по сторонам. Ужасно, что теперь отсюда видно дома, а ведь это было такое уединенное, тайное место! — Раньше все было иначе. Гораздо лучше. Например, никаких построек. Казалось, что на много миль — ни души.

— Зато теперь, если приспичит, можно попроситься в туалет.

Она шепелявит: «ефли», «прифпичит», «мофно».

— Да, наверное, — смеюсь я.

Секунду мы сидим в тишине.

— Иззи?

— Да?

— Над тобой когда-нибудь... подшучивают? Из-за того, как ты говоришь?

Я чувствую, что ее тело каменеет под слоями одежды.

— Бывает.

— Тогда почему ты ничего не делаешь? Ты же можешь научиться говорить по-другому.

— Но это моя манера, — тихо, но настойчиво произносит она. — Как иначе ты поймешь, что это говорю я?

Так странно и так похоже на Иззи, что я не в силах придумать ответ и просто обнимаю ее. Мне столько хочется рассказать ей, о чем она понятия не имеет: как родители привезли ее из роддома, крошечный розовый кулек с вечной полуулыбкой, и она засыпала, держась за мой указательный палец; как на Кейп-Коде я катала ее на закорках по пляжу, а она дергала меня за хвостик, направляя в ту или иную сторону; какой мягкой и пушистой была ее голова, когда она только родилась; что во время первого поцелуя обязательно нервничаешь и все очень странно и не так приятно, как ожидаешь, но это нормально; что влюбляться можно лишь в тех, кто готов полюбить тебя. Но прежде чем я успеваю издать хоть звук, она, вереща, ползет прочь на четвереньках.

— Смотри, Сэм!

Подобравшись к самому краю, она вглядывается в трещину в камне. Там что-то застряло. Иззи оборачивается, стоя на коленях, и триумфально поднимает перо — белое с серым краешком, влажное от инея.

В этот миг у меня сжимается сердце, потому что становится ясно: мне никогда не рассказать ей все, что нужно. Я даже не знаю, с чего начать. Я просто беру перо и кладу в карман своей куртки «Норт фэйс».

— Так надежнее. — Я ложусь спиной на ледяной камень и смотрю на небо, которое только-только начинает темнеть с приближением бури. — Пора домой, Иззи. Дождь собирается.

— Сейчас пойдем, — отзывается она, устроив голову на моем плече.

— Тебе тепло?

— Ага.

Не так уж и холодно, поскольку мы прижимаемся друг к другу, и я расстегиваю ворот куртки. Иззи опирается на локоть, вытягивает золотую птичку на цепочке и спрашивает:

— Почему бабушка ничего мне не оставила?

Знакомая песня.

— Тебя еще на свете не было, дурочка.

Сестра упорно тянет птичку.

— Такая красивая.

— Она моя.

— Бабушка была хорошей?

Это я тоже слышала не раз.

— Да, хорошей.

Вообще-то я толком ее не помню. Она умерла, когда мне было семь. Только помню, как она расчесывала мне волосы и постоянно напевала песенки из мюзиклов, чем бы ни занималась. Еще она пекла огромные шоколадно-апельсиновые кексы и всегда давала мне самый большой.

— Она бы понравилась тебе, — добавляю я.

— Было бы здорово, если бы никто не умирал, — шумно выдыхает Иззи.

В горле першит, но мне удастся улыбнуться. Два желания пронзают меня одновременно, и оба острее бритвы: «Хочу видеть, как ты растешь» и «Никогда не меняйся». Я кладу руку на голову сестре.

— Тогда в мире не осталось бы места.

— Я бы перебралась в океан, — спокойно парирует Иззи.

— Летом я проводила здесь целые дни. Лежала и смотрела в небо.

Она переворачивается на спину и тоже устремляет взгляд вверх.

— Спорим, вид с тех пор не изменился?

Все оказывается так просто, что меня разбирает смех. Разумеется, она права.

— Точно. Ничуть не изменился.

Наверное, это секрет. Если когда-нибудь пожелаете вернуться в прошлое, просто поднимите глаза.

Лучик света

Дома я проверяю телефон: три новые эсмэски. Линдси, Элоди и Элли написали одно и то же: «С Днем Купидона! Я <3 тебя». Наверное, послали их вместе. Иногда мы набираем и отправляем одинаковые эсмэски в одно и то же время. Дурацкая привычка, и все же я улыбаюсь. Но никому не отвечаю. Утром в эсмэске я просила Линдси ехать в школу без меня; хотя мы сегодня не ссорились, мне было не по себе, когда в конце я набирала наше привычное «чмоки». Где-то — в другом времени, другом месте или другой жизни — я до сих пор зла на нее, а она — на меня.

Поразительно, как легко все меняется, как легко отправиться в путь по привычной дороге и оказаться в совершенно неожиданном месте. Всего один ложный шаг, одна заминка, одна окольная тропа — и встретишь новых друзей или испортишь репутацию, найдешь нового парня или порвешь со старым. Раньше я никогда об этом не задумывалась, была не в состоянии понять. У меня возникает странное чувство, что все эти возможности существуют одновременно, словно каждый миг мы проживаем тысячу других, самых разных, наложенных друг на друга мгновений.

Возможно, мы с Линдси лучшие подруги и ненавидим друг друга. Возможно, лишь один урок математики отделяет меня от того, чтобы стать шлюхой, как Анна Картулло. Возможно, глубоко внутри я такая же, как она. Возможно, все мы лишь в паре минут от того, чтобы обедать в одиночку в туалете. Способны ли мы постичь истину или обречены лишь наткнуться друг на друга, опустив головы и надеясь избежать столкновения? Я вспоминаю о Линдси в туалете «Розалитас». Сколько людей сжимают секреты, словно кулаки, прячут за спазмами в желудке? Не исключено, что все.

Четвертая эсэмэска от Роба: «Заболела?» Я стираю ее и выключаю телефон.

Остаток дня мы с Иззи смотрим старые диски, в основном наши любимые мультфильмы студий «Дисней» и «Пиксар», такие как «Русалочка» и «В поисках Немо». Жарим попкорн с двойной порцией масла и соусом табаско по рецепту отца и прячемся в каморке, выключив свет. Тем временем на улице смеркается, деревья мечутся на ветру. Когда мама приходит домой, мы умоляем устроить Пятницу «Хламиссимо». Раньше по пятницам мы посещали один и тот же итальянский ресторан, прозванный «Хламиссимо» за клеенчатые скатерти в красно-белую клетку, аккордеониста и пластмассовые розы на столах. Мама обещает подумать, а это значит, что она согласна.

Сто лет я не бывала дома вечером в пятницу. Когда папа возвращается с работы и видит нас с Иззи, валяющихся на диване, то, пошатнувшись, хватается за грудь, как будто у него сердечный приступ.

— У меня галлюцинация? — Он опускает портфель. — Неужели? Саманта Кингстон? Дома? В пятницу?

— Ну не знаю, — закатываю я глаза. — Перебрал кислоты в шестидесятые? Может, я просто флешбэк? [7]

— В тысяча девятьсот шестидесятом мне было всего два года. Увы, я опоздал на вечеринку. — Он наклоняется и целует меня в голову; я по привычке отстраняюсь. — Между прочим, я даже не спрашиваю, откуда ты знаешь о кислотных флешбэках.

— Что такое «кислотный флешбэк»? — интересуется Иззи.

— Ничего, — одновременно отвечаем мы, и отец улыбается.

В конце концов мы отправляемся в «Хламиссимо» (официальное название «Итальянская домашняя кухня Луиджи»), который давным-давно перестал быть «Хламиссимо» (или «Луиджи»). Пять лет назад в его стены переехал суши-ресторан. Настенные плитки, имитирующие стиль ар-деко, и стеклянные фонарики сменились гладкими железными столами и длинной дубовой стойкой. Какая разница? Для меня он навсегда останется «Хламиссимо».

Внутри толпа народу, но нам достаются лучшие места у окон, рядом с большими аквариумами с экзотическими рыбами. Как обычно, папа глупо шутит о своей любви к рыбным ресторанам, а мама умоляет его заниматься архитектурой и оставить юмор профессионалам. За ужином мама особенно добра ко мне, поскольку считает, что я переживаю разрыв с Робом, так что мы с Иззи заказываем половину меню и наедаемся соевых бобов,пельменей с креветками, темпуры и салата из водорослей еще до того, как приносят основные блюда. Папа выпивает два пива, хмелеет и развлекает нас историями о полоумных клиентах, мама без конца напоминает мне, что я могу заказывать абсолютно все, а Иззи накрывает голову салфеткой и притворяется паломником, который впервые в жизни пробует роллы «Калифорния».

До сих пор день получается хороший — один из лучших. Почти идеальный, хотя ничего особенного не происходит. Наверное, у меня было множество подобных дней, но почему-то их никогда не запоминаешь. Теперь мне кажется, что это неправильно. В доме Элли я лежала в темноте и гадала, выпадет ли мне хотя бы один день, который захочется повторить. Пожалуй, этот — достойный кандидат. Я воображаю, как буду проживать его раз за разом, вновь и вновь, пока время не закончится и Вселенная не прекратит существование.

Перед тем как приносят десерт, в ресторан заваливается большая компания девятиклассниц и десятиклассниц, которых я встречала в «Джефферсон». На нескольких до сих пор спортивные куртки команды юниоров по плаванию. Наверное, возвращаются с вечерних соревнований. Они кажутся столь юными с волосами, стянутыми в хвостики, без капли косметики — совсем не как на наших вечеринках, когда создается впечатление, что они полтора часа крутились у стойки с пробниками «МАК». Одна-две замечают мой взгляд и опускают глаза.

— Мороженое из зеленого чая и фасоли.

Официантка ставит перед нами большую миску и кладет четыре ложки. Иззи набрасывается на мороженое. Папа стонет и хватается за живот.

— Не представляю, как в тебя еще лезет.

— Растущий организм, — поясняет Иззи; она открывает рот, демонстрируя растаявшее мороженое на языке.

— Иззи, фу! — фыркаю я, беря ложку и пробуя мороженое из зеленого чая.

— Сиха! Эй! Сиха!

Я вихрем оборачиваюсь. Одна из пловчих привстала со стула и машет рукой. Я оглядываю ресторан в поисках Джулиет, но у двери стоит только одна девушка. Тоненькая, бледная, с очень светлыми волосами. Она поводит плечами, стряхивая капли дождя с куртки. Я не сразу узнаю ее, только когда она вертится по сторонам в поисках друзей. Купидон с урока математики — ангел, принесший мне розы.

Увидев подруг, она на мгновение поднимает руку и шевелит пальцами. Когда она ввинчивается в толпу и проходит мимо нашего столика, мне бросается в глаза ее ядовито-голубая с оранжевым спортивная куртка. Зал словно замирает, остаются только четыре буквы, горящие, как неоновые огни.

СИХА.

Младшая сестра Джулиет.

— Земля вызывает Сэмми. — Иззи тыкает в меня черенком ложки. — Твое мороженое тает.

— Больше не хочется.

Отложив ложку, я отодвигаюсь от стола.

— Куда ты? — спрашивает мама, опуская ладонь мне на запястье, но я почти не чувствую ее.

— Пять минут.

Направляясь к столу пловчих, я не свожу глаз с бледной девушки и ее личика в форме

сердечка. Поверить не могу, что раньше не уловила сходства. У них одинаковые широко расставленные голубые глаза, полупрозрачная кожа и бесцветные губы. С другой стороны, до недавнего времени я толком не разглядывала Джулиет, хотя видела ее тысячу раз.

Пловчихи получили меню, смеются и подталкивают друг друга. Я отчетливо слышу, как одна из них произносит имя Роба — наверное, говорит, какой он милашка в своей футболке для лакросса (кому и знать, как не мне; я сама это твердила). Мне никогда еще не было настолько все равно. До пловчих остается четыре фута, когда меня замечают, и столик затихает. Девушка, болтавшая о Робе, становится одного цвета с меню в ее руках.

Младшая Сиха зажата в дальнем конце стола. Я устремляюсь прямо к ней.

— Привет. — Теперь я не вполне понимаю, зачем подошла; самое забавное, что я нервничаю. — Как тебя зовут?

— Ммм... я что-то сделала?

Ее голос дрожит. Остальные девушки молчат, уставившись на меня с таким видом, словно я в любую секунду могу наброситься и откусить голову или чего похуже.

— Нет-нет. Просто... — Я слегка улыбаюсь; меня пугает ее сходство с Джулиет. — У тебя есть старшая сестра, верно?

Ее губы сжимаются в линию, глаза затуманиваются, как будто она ставит блок. Я не виню ее. Наверное, она опасается, что я решила посмеяться над ее старшей сестрой-чудачкой. Должно быть, ей не привыкать.

Но она вздергивает подбородок и смотрит мне в глаза. Чем-то напоминает Иззи. «Сэм не пойдет в школу, и я тоже».

— Да. Джулиет Сиха.

Она терпеливо ждет, когда я начну хихикать, и излучает такую уверенность, что я опускаю глаза.

— Ясно. Я, гм, знакома с Джулиет.

— Неужели? — поднимает она брови.

— Ну, в некотором роде.

Теперь на меня смотрят все девушки. Должно быть, им нелегко удерживать рты закрытыми.

— Она... мы вместе делаем лабораторные.

Я ничем не рискую. Естествознание — обязательный предмет, и напарников назначает учитель.

Лицо сестры Джулиет немного расслабляется.

— Джулиет отлично разбирается в биологии. В смысле, она вообще хорошо учится. — Она позволяет себе улыбнуться. — Я Мэриан.

— Привет.

Имя ей подходит, в нем есть что-то чистое. У меня вспотели ладони. Я вытираю их об джинсы.

вернуться

7

Флешбэк — четкое, яркое воспоминание о прошлом. В данном случае: внезапный рецидив наркотических переживаний, возникший через длительное время после употребления наркотиков.

— Меня зовут Сэм.

— Я знаю, кто ты, — робко произносит Мэриан, опустив глаза.

Тут меня хватают за талию. Иззи подобралась со спины и уткнулась подбородком в бок.

— Мороженое почти закончилось, — сообщает она. — Ты точно больше не будешь?

— Как твое имя? — обращается Мэриан к Иззи.

— Элизабет, — гордо отвечает моя сестра, но тут же немного грустнеет. — Правда, все зовут меня Иззи.

— Когда я была маленькой, все звали меня Мэри. — Мэриан корчит гримасу, — Но теперь — только Мэриан.

— В общем-то, я не против Иззи, — задумчиво тянет сестра, жуя губу, как будто только сейчас это решила.

Мэриан смотрит на меня.

— Значит, у тебя тоже есть младшая сестра?

Но я больше не могу на нее смотреть. Не могу думать о том, что скоро произойдет. Мне известно: тишина в доме, выстрел.

А дальше... что? Она первая спустится по лестнице? Вид сестры в луже крови навсегда затмит воспоминания, которые она собирала годами?

Пытаясь сообразить, какие воспоминания остались — останутся — у Иззи обо мне, я впадаю в панику.

— Иди, Иззи. Не мешай девочкам ужинать.

Мой голос дрожит, но вряд ли кто-то это замечает. Я глажу сестру по голове, и она бежит обратно к родителям.

Пловчихи немного успокаиваются. За столом расцветают улыбки. Все поглядывают на меня с благоговением, как будто не могут поверить в подобную доброту, как будто я вручила им подарок. Отвратительно. Они должны ненавидеть меня. Если бы им было известно, какой я человек, они непременно бы меня возненавидели.

В этот момент я вдруг думаю о Кенте. Он тоже возненавидел бы меня, если бы все знал. Почему-то мне становится грустно.

— Передай Джулиет, пусть не делает этого, — слетает с моего языка.

Неужели я это сказала?

Мэриан морщит лоб.

— Не делает чего?

— Задания по естествознанию, — поспешно выкручиваюсь я. — Она поймет, о чем речь.

— Ладно.

Мэриан широко улыбается. Я разворачиваюсь, но она кричит мне в спину:

— Сэм!

Я оглядываюсь, и она прижимает руку ко рту и хихикает, словно не может поверить, что набралась храбрости обратиться ко мне по имени.

— Завтра скажу, — добавляет она. — Сегодня Джулиет собирается на вечеринку.

Звучит как «Джулиет доверили честь произнести прощальную речь на выпускном». Так и вижу: мама, папа и сестра Сихи сидят внизу, Джулиет, как обычно, заперлась в спальне и врубила музыку. И вдруг — чудо из чудес — она спускается по лестнице, волосы стянуты в хвост, уверенная, невозмутимая, и объявляет, что отправляется на вечеринку. Как же они счастливы, как гордятся! Их одинокая маленькая девочка исправилась в самом конце выпускного класса.

Она идет на вечеринку Кента, чтобы найти Линдси... и меня. Чтобы ее толкали, ставили подножки и обливали пивом.

Суши подступают к горлу. Если бы они представляли...

— Но завтра я точно скажу ей.

Мэриан снова улыбается, будто лучик света пронзает мрак.

По дороге домой я пытаюсь забыть Мэриан Сиху. Когда папа желает мне спокойной ночи — он всегда готов вырубиться после порции пива, а сегодня ему досталось (зевок!) целых две, — я пытаюсь забыть Мэриан Сиху. Когда через полчаса приходит Иззи в потрепанной пижаме с Дашей-следопытом, пахнущая после душа чистотой, и слюняво целует меня в щеку, я пытаюсь забыть Мэриан Сиху. Еще через час, когда мама заглядывает в спальню со словами: «Я горжусь тобой, Сэм», я все еще думаю о ней.

Мама ложится спать. Тишина наполняет дом. Где-то в глубине темноты тикают часы. Я закрываю глаза и вижу, как Джулиет Сиха размеренно приближается ко мне. Ее каблуки стучат по деревянному полу, из глаз хлещет кровь...

С колотящимся сердцем я сажусь на кровати. Затем встаю и в темноте нашариваю куртку «Норт фэйс».

Утром я дала себе клятву: ничто на свете не заставит меня заглянуть на вечеринку Кента — и все же спускаюсь на цыпочках по лестнице, ощупью иду по черным коридорам, беру мамины ключи с полочки в прихожей. Сегодня мама была на удивление великодушна, но меньше всего мне хочется вступать в долгий спор о том, с чего я взяла, что могу прогуливать школу, а после веселиться на вечеринке.

Я пытаюсь убедить себя, что Джулиет Сиха не моя проблема, но не могу отделаться от мысли, как ужасно было бы, если бы этот день и для нее повторялся бесконечно. Уверена, что никто на свете, даже Джулиет Сиха, не заслуживает смерти в такой день.

Петли задней и передней двери скрипят так громко, что вполне способны послужить сигнализацией (иногда я подозреваю, что родители устроили это намеренно). На кухне я осторожно наливаю немного оливкового масла на бумажное полотенце и смазываю петли задней двери. Этому трюку меня научила Линдси. Она постоянно изобретает новые, все более хитроумные способы выбираться из дома, хотя комендантского часа для нее нет и всем плевать, когда она уходит и приходит. Наверное, ей этого не хватает. Наверное, поэтому она всегда так внимательна к деталям — ей нравится притворяться, что предосторожности необходимы.

Дверь почти бесшумно отворяется на петлях, приправленных в итальянском стиле, и я выбираюсь на улицу.

Мне толком неясно, зачем я направляюсь к Кенту и что буду делать, оказавшись на месте, и потому я еду не прямо, а кружу по разным улицам и тупикам. Большинство домов стоят в глубине; освещенные окна напоминают висящие во мраке фонари. Поразительно, насколько ночью все кажется иным — почти до неузнаваемости, особенно в темноте. Неповоротливые громады домов сидят на лужайках, задумчивые и живые. Днем Риджвью выглядит совсем по-другому; все вычищено, отполировано и аккуратно подстрижено, во всем соблюдается заведенный порядок: отцы с кофейными кружками направляются к машинам, вскоре за ними следуют матери, одетые в спортивную форму для занятий пилатесом. Маленькие девочки, наряженные в платица «Бэ-би гэп», автомобильные кресла, внедорожники «лексус», кофе «Старбакс» и нормальность. Интересно, какой Риджвью — настоящий.

На дороге практически нет машин. Я ползу со скоростью пятнадцать миль в час. Я что-то ищу, только понятия не имею, что именно. За окном мелькает улица Элоди. Я еду дальше. Под каждым фонарем — аккуратная воронка света, которая на мгновение озаряет салон машины и снова оставляет меня в темноте.

Фары подсвечивают покосившийся зеленый знак в пятидесяти футах впереди: Сиренити-плейс. Тут я вспоминаю, как в девятом классе сидела на кухне Элли, пока ее мама трещала по телефону, разгуливая по террасе босиком в штанах для йоги.

— Закидывается ежедневной дозой сплетен. — Элли закатила глаза. — Минди Сакс лучше, чем «Ю-эс уикли».

Линдси заметила, как иронично, что миссис Сакс живет на Сиренити-плейс — «будто вокруг нее царит тишь да гладь», — и я впервые в жизни по-настоящему поняла значение слова «иронично» [8].

В последнюю секунду я выкручиваю руль, торможу и сворачиваю на Сиренити-плейс. Это короткая улица, на ней не больше пары десятков домов. Как и многие улицы Риджвью, она заканчивается тупиком. У меня подскакивает сердце, когда я вижу серебристый «сааб»,

аккуратно припаркованный на одной из подъездных дорожек. На номере написано: «МOM OF-4». Машина миссис Сакс. Должно быть, я близко.

Следующий дом — номер пятьдесят девять. Он украшен жестяным почтовым ящиком в виде петуха, торчащим из клумбы, которая в это время года — не более чем длинная полоса черной грязи. На крыле петуха написано «СИХА» такими маленькими буквами, что приходится вглядываться.

Не могу объяснить, но я почти уверена, что все равно узнала бы дом. В нем нет ничего неправильного, он ничем не отличается от других — не самый крупный, не самый маленький, вполне ухоженный, белая краска, темные ставни, единственное освещенное окно внизу. Но из-за чего-то неуловимого дом кажется слишком большим для самого себя, словно нечто пытается вырваться изнутри, словно стены вот-вот лопнут по швам. Это отчаявшийся дом, понимаете?

вернуться

8

Serenity (*англ.*) — безмятежность, спокойствие.

Я сворачиваю на подъездную дорожку. Мне нечего здесь делать, я это понимаю, но ничего не могу изменить. Словно некая сила тащит меня. Дождь льет стеной; я хватаю с заднего сиденья старый свитер — наверное, сестрин — и прикрываю им голову, пока бегу от машины к переднему крыльцу. Дыхание вырывается изо рта клубами пара. Не давая себе времени опомниться, я звоню в дверь.

К двери долго никто не подходит, и я переминаюсь с ноги на ногу, чтобы не замерзнуть. Наконец раздается шорох и скрип петель. Дверь распаивается. Передо мной стоит и озадаченно моргает женщина — мать Джулиет.

На ней купальный халат, который она придерживает рукой. Она такая же худая, как Джулиет, у нее такие же ясные голубые глаза и бледная кожа, как у ее дочерей. Она похожа на струйку дыма, извивающуюся во мраке.

— Чем могу помочь? — очень тихо спрашивает она.

Я несколько растеряна. Почему-то я ожидала, что к двери подойдет Мэриан.

— Меня зовут Сэм... Саманта Кингстон. Я ищу Джулиет. — Поскольку в первый раз это сработало, я добавляю: — Мы вместе делаем лабораторные.

Тут какой-то мужчина — видимо, отец Джулиет — рывкает из дома:

— Кто там?

Громкий, отрывистый голос настолько отличается от голоса миссис Сихи, что я машинально отшатываюсь.

Миссис Сиха подскакивает и быстро оборачивается, невольно распахнув дверь еще на пару дюймов. В прихожей темно. Болотистые сине-зеленые тени танцуют на стене — отблески телевизора в невидимой мне комнате.

— Никто, — поспешно отвечает она в темноту. — Это к Джулиет.

— К Джулиет? Кто-то пришел к Джулиет?

Настоящий цепной пес. «Гав, гав, гав, гав!» Я борюсь с дурацким нервным смехом.

— Я разберусь. — Миссис Сиха снова поворачивается ко мне. — Джулиет сейчас нет дома. Могу я чем-нибудь помочь?

Дверь закрывается, как будто женщина опирается на нее в поисках поддержки. Ее глаза, в отличие от губ, не улыбаются.

— Ммм, я пропустила сегодня школу. У нас такое большое задание...

Я беспомощно умолкаю, жалея, что пришла. Несмотря на «Норт фейс», я дрожу как сумасшедшая. Да и выгляжу как сумасшедшая — переминаюсь с ноги на ногу, держа над головой свитер вместо зонта.

Наконец миссис Сиха замечает, что я стою под дождем.

— Не хотите зайти?

Она отступает обратно в прихожую. Я следую за ней.

Открытая дверь по левую руку ведет прямо в комнату: вот где телевизор. Краем глаза я различаю кресло и силуэт мужчины: краешек огромной челюсти, подсвеченный голубым мерцанием экрана. Кажется, Линдси как-то обмолвилась, что отец Джулиет — алкоголик. Я смутно вспоминаю аналогичные слухи и еще что-то — про несчастный случай, полупаралич, таблетки или что-то в этом роде. Надо было быть внимательнее.

Уловив мой взгляд, миссис Сиха быстро подходит к двери и закрывает ее. Становится очень темно, я почти ничего не вижу и осознаю, что до сих пор не согрелась. Если в доме и тепло, я этого не чувствую. Из комнаты с телевизором доносятся вопли в стиле фильмов ужасов и размеренный синкопированный ритм пулеметного огня.

Теперь я определенно жалею, что пришла. На мгновение у меня возникает дикая фантазия, что Джулиет происходит из семьи сумасшедших маньяков и миссис Сиха вот-вот устроит мне «Молчание ягнят». Если верить Линдси, вся их семейка чокнутая. Темнота сгущается, душит, и я чуть не вскрикиваю от благодарности, когда миссис Сиха щелкает выключателем и в прихожей становится светло и нормально. Никаких мертвых тел по углам. На пристенном столике — композиция из сухих цветов и кружева рядом с семейной фотографией в рамке. Вот бы посмотреть на нее поближе.

— Это действительно важное задание? — шепчет миссис Сиха и бросает нервный взгляд в сторону комнаты с телевизором.

Неужели она считает свою речь слишком громкой?

— Просто... в понедельник презентация макета, и я обещала кое-что забрать. — Я пытаюсь говорить тихо, но она все равно морщится. — Кажется, Джулиет собиралась быть дома сегодня вечером.

— Джулиет на вечеринке. — Она словно пробует языком непривычное слово и повторяет: — На

вечеринке. Может, она оставила нужные вещи в комнате?

— Я могу проверить. — Мне хочется взглянуть на ее комнату; кажется, я приехала именно за этим. — Наверное, бросила на кровати или где-нибудь рядом.

Я стараюсь держаться небрежно, как будто мы с Джулиет в прекрасных отношениях — как будто я вправе лезть к ней в комнату в половине одиннадцатого вечера.

Миссис Сиха медлит.

— Я лучше позвоню ей на сотовый. Джулиет никого к себе не пускает, — извиняющимся тоном поясняет она.

— Не надо, — быстро возражаю я. (Джулиет наверняка велит матери вызвать копов.) — Это не так уж и важно. Завтра заберу.

— Нет-нет, позвоню. Секундочку.

Мама Джулиет скрывается за дверью кухни. Поразительно, как быстро и бесшумно она двигается, словно дикий зверь мелькает в тени.

Может, выскочить, пока она на кухне? Вернуться домой, забраться в кровать, посмотреть старые фильмы на компьютере. Или сварить кофе и просидеть за ним всю ночь. Если не ложиться спать, завтрашний день рано или поздно наступит. Я лениво гадаю, сколько продержусь без сна, прежде чем слечу с катушек и рвану по улице в одном белье, стряхивая с себя лиловых пауков.

Вместо побега я просто стою и жду. Делать особенно нечего, так что я наклоняюсь над столиком и изучаю фотографию. На мгновение меня охватывает замешательство: это снимок незнакомой женщины лет двадцати пяти — тридцати, обнимающей хорошенького мальчика во фланелевой рубашке. Цвета насыщенные, сочные; пара выглядит великолепно: сплошь сверкающие белозубые улыбки и блестящие каштановые волосы. Затем я замечаю название фирмы в правом нижнем углу и понимаю, что это не настоящее семейное фото, а стандартная картинка, которая продавалась вместе с рамкой. Солнечная, радостная реклама солнечных, радостных мгновений, которые вы можете запечатлеть в «рамке пять на семь дюймов из чистого серебра с украшением в виде бабочки». Никто не потрудился поставить снимок.

Или же у семьи Сиха не так много солнечных, радостных воспоминаний.

Коря себя за любопытство, я быстро отстраняюсь. Хотя этого всего лишь изображение двух фотомоделей, мне странным образом кажется, что я подсмотрела нечто слишком личное, как будто случайно заметила волоски в зоне бикини или носу.

Миссис Сиха еще не вернулась, и я иду в гостиную по правую руку. Там довольно темно; кругом пледы, кружево и сухие цветы. Можно подумать, обстановку не меняли с пятидесятых. У окна горит единственный тусклый огонек. В черном стекле отражается миниатюрная копия комнаты.

И лицо.

Вопящее лицо, прижатое к окну.

Я пишу от ужаса, прежде чем понимаю, что это тоже отражение. На столе перед окном стоит

маска, обращенная в сторону улицы. Приблизившись, я осторожно снимаю ее с подставки. Это женское лицо из газетной бумаги и красных ниток. Стежки пересекают кожу, подобно уродливым шрамам. По переносице и лбу бегут слова; часть заголовков можно прочитать целиком или наполовину, например: «Средство для красоты» и «Разразилась трагедия». Кусочки бумаги отслоились тут и там, словно маска линяет. Глаза и рот полностью вырезаны, и когда я прижимаю маску к лицу, она идеально подходит. Отражение в окне пугает; я напоминаю прокаженного или монстра из фильма ужасов. Я не в силах отвести глаз.

— Это Джулиет сделала.

Услышав голос из-за спины, я подпрыгиваю. Хозяйка вернулась, прислонилась к двери и хмурится. Я снимаю маску и быстро возвращаю на место.

— Ради бога, простите. Я увидела ее и... не сдержалась и примерила, — сбивчиво бормочу я.

Миссис Сиха подходит и аккуратно поправляет маску.

— В детстве Джулиет много рисовала карандашами и красками и шила платья по своим эскизам. — Она пожимает плечами и взмахивает рукой. — Сейчас у нее другие интересы.

— Вы говорили с Джулиет? — нервно интересуюсь я.

Сейчас меня выставят. Миссис Сиха несколько раз моргает, глядя на меня, как будто пытается сфокусироваться.

— Джулиет... — повторяет она и качает головой. — Я позвонила ей несколько раз. Она не берет трубку. Обычно по выходным она сидит дома...

Миссис Сиха беспомощно на меня смотрит.

— Могу поспорить, у нее все прекрасно, — как можно бодрее заверяю я; каждое слово вонзается в живот, точно нож. — Наверное, не услышала звонок.

Больше всего на свете мне хочется убраться подальше. Врать миссис Сихе невыносимо. Она кажется такой печальной в своей ночной рубашке, готовая ко сну — как будто уже спит. Весь дом словно окутан тяжелым сном, из тех, что душат, не дают проснуться, затягивают в простыни, топят, даже если борешься с ними.

Я представляю, как Джулиет крадется к себе в комнату в темноте. Представляю тишину; густой, почти твердый от сна воздух; колыбельную скрипящих половиц; тихо свиристящие батареи; медленное вращение людей друг вокруг друга... а затем...

Гром.

— Зайдите завтра, — предлагает хозяйка, провожая меня в переднюю. — Уверена, что Джулиет все приготовит. Она очень ответственная. Хорошая девочка.

— Конечно. Завтра.

Ненавистное слово. Я быстро машу рукой, прежде чем метнуться сквозь темноту обратно в машину.

Стало еще холоднее. Дождь пополам со льдом стучит по крыше автомобиля, пока я прогреваю мотор, дую на руки и дрожу, благодарная за то, что выбралась. Как только я выхожу на улицу,

мне становится легче дышать, словно внутри дома спертый, давящий воздух. Первое впечатление оказалось верным: это действительно отчаявшийся дом. В окне виднеется силуэт мамы Джулиет. Чего она ждет? Моего отъезда или возвращения дочери?

И тогда я принимаю решение. Я знаю, что делать. В доме Кента я поймаю Джулиет и, если придется, дам ей по морде. Я заставлю ее понять всю глупость самоубийства. (Думаете, для меня это шуточки?) В крайнем случае свяжу ее и брошу на заднее сиденье машины, чтобы не смогла схватить пистолет.

До меня доходит, что ни разу в жизни я не делала настоящего добро другому человеку — или, по крайней мере, очень давно. Иногда я развожу «Обеды на колесах» старикам и инвалидам, но только потому, что в колледжах любят подобные штуки. Бостонский университет на своем сайте в разделе «Подача заявления» отдельно выделил благотворительность. Разумеется, я добра к своим друзьям и дарю потрясающие подарки на дни рождения (однажды я полтора месяца собирала солонки в виде коров для Элли, потому что она любит коров и соль). Но я обычно не творю добро просто так. Это будет мой первый опыт.

Внезапно меня осеняет блестящая мысль. Я вспоминаю, что, когда мы изучали Данте, Бен Гован спросил, можно ли низринуться из чистилища в ад (Бена Гована как-то отстранили от уроков на три дня за рисунок взрыва бомбы в школьной столовой с летящими во все стороны оторванными головами, так что для него это совершенно нормальный вопрос). Миссис Харбор, как обычно, отклонилась от темы и заявила, что это невозможно, однако некоторые современные христианские мыслители верят, что можно вознестись из чистилища на небеса, если провести в нем достаточно времени. Я никогда особо не верила в небеса. Довольно странная идея: все счастливы, все вместе, Фред Астер и Эйнштейн танцуют танго на облаках и так далее.

С другой стороны, я и помыслить не могла, что мне придется переживать один день вновь и вновь. Наличие небес не более удивительно, чем случившееся со мной.

Может, в том и суть: я должна доказать, что являюсь хорошим человеком. Должна доказать, что заслуживаю продолжения.

Возможно, только Джулиет Сиха отделяет меня от вечности шоколадных фонтанов, идеальной любви, парней, которые всегда звонят в назначенное время, и бананового пломбира для похудения.

Возможно, она — мой билет на выход.

Слишком поздно

Я не доезжаю до дома Кента. Не собираюсь оставаться надолго и не хочу, чтобы другие машины загородили мне путь. К тому же мне нравится идея брести по лесу под дождем. Это испытание, еще один способ принести себя в жертву. Я мало что вынесла из воскресной школы (мама сдалась, когда в семь лет я устроила жуткий скандал и пригрозила принять вудуизм, хотя лишь смутно представляла, в чем он заключается), но помню, что в этом суть: нужно принести себя в жертву.

Притормозив на обочине Девятого шоссе, я хватаю насквозь промокший свитер Иззи. Все же лучше, чем ничего. Я накрываю им голову и выбираюсь из машины, помедлив всего секунду. На дороге никого нет, черный асфальт усеян лужицами тусклого желтого света фонарей. Я пытаюсь вычислить точку, где машина Линдси слетела с дороги в ту первую ночь, но все вокруг кажется одинаковым. Это могло случиться в любом месте. Я вновь пытаюсь вспомнить,

что было после столкновения, после темноты, но ничего не получается.

Достав из багажника фонарик, я ныряю в лес.

Дом находится дальше, чем я думала. Хрупкая корка льда хрустит под ногами; вязкая грязь засасывает новые фиолетовые кроссовки «Нью беланс», как зыбучий песок. Через несколько минут я слышу слабую пульсацию музыки на вечеринке. Она пробивается сквозь мрак, словно ее ритм принадлежит лесу и ночи. Еще через десять минут между деревьями начинают мелькать едва заметные огоньки — слава богу, а то я уже боялась, что блуждаю кругами, — а еще через пять лес редет, обнаруживая дом, огромный торт из мороженого, мерцающий на лужайке за струями дождя, которые рассекают свет фонаря на крыльце. Я продрогла до костей и сто раз пожалела, что решила пойти пешком. Вот чем плохо жертвовать собой. Это в прямом смысле мучительно.

Когда я приближаюсь к двери, две девушки хихикают. У целой стайки одиннадцатиклассниц отвисают челюсти. Я не виню их. Вполне понятно, что я кошмарно выгляжу. Перед выходом из дома я даже не передела штаны — мешковатые велюровые треники. Я забрала их у мамы, когда на них была мода.

Впрочем, я не трачу время на одиннадцатиклассниц. Меня начинает беспокоить, что я опоздала.

Когда я пробиваюсь наверх, по лестнице спускается Тара. Я вцепляюсь в нее и наклоняюсь к уху. Мне приходится кричать.

— Джулиет Сиха!

— Что? — громко отвечает она, улыбаясь.

— Джулиет Сиха! Она здесь?

Тара барабанит пальцами по уху, давая понять, что не слышит.

— Ищешь Линдси?

Из-за спины Тары выглядывает Кортни и кладет подбородок ей на плечо.

— Мы нашли заначку — ром и всякое такое. Тара разбила вазу. — Она хихикает. — Хочешь попробовать?

В жизни не была настолько трезвой среди настолько пьяных. Боже, надеюсь, я веду себя намного скромнее, когда выпью. Я качаю головой.

— Линдси в глубине дома, — сообщает Тара.

Я поднимаюсь выше; до меня доносится визг Кортни:

— Видела, во что она одета?

Глубоко вздохнув, я уверяю себя, что это неважно. Важно найти Джулиет. Я могу сделать хотя бы это.

Но с каждым шагом надежда тает. Коридор на втором этаже забит народом. Скорее всего, она уже ушла. Или еще не приходила, но на это вряд ли стоит рассчитывать.

Все же я пробираюсь через толпу в самую дальнюю комнату. Линдси бросается ко мне, едва заведя, для чего ей приходится перепрыгнуть через пятерых человек. Я так рада ее встретить, счастливую и пьяную, мою лучшую подругу, и греться в знаменитом бульдожьем объятии, что на мгновение забываю, зачем пришла.

— Плохая девочка. — Отстранившись, она шлепает меня по руке. — Прогуляла школу, но явилась на вечеринку? Ай-яй-яй.

— Я кое-кого ищу.

Я кручу головой: Джулиет здесь нет. Разумеется, я не ожидала, что она будет, к примеру, сидеть на диване и болтать с Джейком Сомерсом, и все же инстинктивно оглядываюсь.

— Роб внизу. — Линдси отступает и поднимает руку, заключая меня в угол между большим и указательным пальцами, как в рамку. — Ты похожа на бомжа, обокравшего «Уол-март». Надеешься, что Роб тебя не завалит?

Внутри снова вспыхивает раздражение. Линдси никогда не упустит случая съязвить.

— Ты видела Джулиет Сиху? — спрашиваю я.

Долю секунды Линдси смотрит на меня и раздражается смехом.

— Ты серьезно?

Меня окатывает волна невероятного облегчения. Наверное, Джулиет не появлялась. Возможно, у нее не завелась машина, или сдали нервы, или...

— Она назвала меня сукой.

Мои надежды разлетаются в прах. Она была здесь.

— Представляешь? — продолжает хихикать Линдси; она обнимает меня за плечи и зовет: — Элоди! Элли! Сэмми пришла! Она ищет свою лучшую подругу Джулиет!

Элоди даже ухом не ведет; она слишком занята Стивом Маффином. Но Элли оборачивается, улыбается, вопит: «Привет, крошка!» — и салютует пустой бутылкой из-под водки.

— Если встретишь Джулиет, — подает она голос, — поинтересуйся, куда она дела остатки моей выпивки!

Они с Линдси в восторге от шутки.

— Соорудила коктейль «Психотини»! — дурачится Линдси.

Я опоздала. Мне становится дурно. Снова накатывает злоба на Линдси.

— Лучшую подругу? — повторяю я. — Забавно. А я думала, это ты была сюси-пуси с Джулиет.

С Линдси слетает все веселье.

— Ты о чем?

— Друзья детства. Лучшие подруги. Не разлей вода.

Линдси пытается меня перебить, но я не даю и продолжаю:

— Я видела снимки. Мне любопытно, что между вами случилось. Она услышала, как ты пукаешь? Увидела, как сморкаешься? Обнаружила, что знаменитая Линдси Эджкомб неидеальна? Что такого ужасного она натворила?

Какое-то время Линдси открывает и закрывает рот, затем яростно шепчет:

— Она чудачка.

В ее глазах мелькает незнакомое, не вполне понятное выражение.

— Какая разница?

Мне нужно найти Джулиет Сиху.

Я продираюсь вниз, не обращая внимания на то, что меня зовут по имени и хлопают по плечу. Кругом перешептываются насчет того, что я появилась на людях в таком виде, будто собиралась лечь спать — что, собственно, чистая правда. Если поспешу, я еще успею перехватить Джулиет на обратном пути. Она должна была где-то оставить машину. Наверное, ей загродили дорогу. Нужно не меньше часа, чтобы заставить людей переставить автомобили (если вообще удастся убедить кого-нибудь помочь, в чем я лично сомневаюсь), а пешком идти еще дольше.

К счастью, я спускаюсь на первый этаж, не наткнувшись на Роба. Меньше всего мне хочется объясняться с ним. У входа стоит кучка десятиклассниц с испуганным и более или менее трезвым видом. Я бросаюсь к ним с вопросом:

— Джулиет Сиху не видели?

Они тупо на меня смотрят. Я вздыхаю, проглотив разочарование.

— Светлые волосы, голубые глаза, высокая.

Они продолжают безучастно смотреть. До меня доходит, что я толком не могу ее описать. «Неудачница», — чуть не говорю я. Сказала бы еще три дня назад. Но сегодня не получается.

— Хорошенькая, — пробую я слово на вкус; не срабатывает, и я сжимаю кулаки. — Возможно, насквозь мокрая.

Наконец лица девушек озаряются пониманием.

— В ванной, — указывает одна из них на небольшую нишу перед кухней.

У закрытой двери уже выстроилась очередь. Кто-то подпрыгивает на месте, скрестив ноги. Кто-то молотит в дверь. Кто-то указывает на часы и раздраженно ругается.

— Она уже двадцать минут там торчит, — возмущается десятиклассница.

Желудок скручивает узлом; меня чуть не выворачивает прямо на месте.

В ваннх есть таблетки. В ваннх есть лезвия. Люди запираются в ваннх, когда хотят натворить дел, например, заняться сексом или сблевать. Или совершить самоубийство.

Так не должно быть. Я должна спасти тебя. Я пробиваюсь к ванной, расталкивая локтями толпу.

— Отойди, — приказываю я Джоанн Полерно, и та немедленно опускает руку и шагает в сторону.

Прислонившись ухом к двери, я прислушиваюсь к звукам плача или рвоты. Тихо. Желудок совершает очередной кульбит. С другой стороны, почти ничего не слышно из-за гремящей музыки.

— Джулиет? Все в порядке? — окликаю я, стуча в дверь.

— Может, уснула? — предполагает Крисси Уокер.

Я бросаю на нее выразительный взгляд. Надеюсь, до нее доходит вся глупость и бесполезность подобного замечания.

Затем снова стучусь, прижимаясь щекой к двери. Сложно разобрать, доносится ли изнутри слабый стон — в тот же миг музыка начинает реветь еще громче, заглушая все остальное. Но я представляю, как Джулиет умирает на полу, совсем рядом, запястья искромсаны, повсюду кровь...

— Позови Кента, — распоряжаюсь я, глубоко втягивая воздух.

— Кого? — не понимает Джоанн.

— Я хочу писать, — подпрыгивает на месте Рейчел.

— Кента Макфуллера. Немедленно. А ну быстро! — рявкаю я на Джоанн.

Она удивленно смотрит, но убегает в коридор. Каждая секунда кажется вечностью. Впервые в жизни я по-настоящему понимаю слова Эйнштейна об относительности; время изгибается и растягивается, словно сделано из жевательного мармелада.

— Ты-то чего суетишься? — достаточно громко ворчит Рейчел.

Мне слышно, но я не отвечаю. Если честно, я не знаю ответа. Я должна спасти Джулиет — я чувствую. Это мой добрый поступок. Я должна спасти себя.

Вот только кто я после этого? Лучше или хуже, чем тот, кто не делает ничего? Я отгоняю неприятную мысль.

Возвращается Джоанн с Кентом на буксире. Он кажется встревоженным и морщит лоб под лохматой каштановой челкой, падающей на глаза. У меня внутри все переворачивается. Вчера мы сидели в темной комнате всего в паре дюймов друг от друга, так близко, что я ощущала поразительный жар его кожи.

— Сэм. — Он наклоняется, берет меня за запястье и заглядывает глубоко в глаза. — Ты в порядке?

Я настолько не ожидала этого прикосновения, что отшатываюсь, совсем чуть-чуть, но Кент отнимает руку. Сложно объяснить, но внутри у меня разверзается пустота.

— Все нормально, — откликаюсь я, прекрасно понимая, что представляю собой на редкость

нелепое зрелище: растрепанные волосы, треники.

Он, напротив, очень собран. В его клетчатых кроссовках и свободных, низко посаженных хаки есть что-то неряшливо-милое; рукава рубашки закатаны, демонстрируя загар, приобретенный бог знает где. Уж точно не в Риджвью в последние полгода.

Кент кажется озадаченным.

— Джоанн уверяет, что я нужен тебе.

— Ты нужен мне. — Получается странно и страстно, и я отчаянно заливаюсь краской. — В смысле, не лично ты. Просто мне нужно...

Я делаю глубокий вдох. В глазах Кента вспыхивает искра, и это очень отвлекает.

— Я беспокоюсь из-за того, что Джулиет Сиха заперлась в ванной.

В тот же миг я морщусь. Звучит глупо. Сейчас он заявит, что я рехнулась. В конце концов, он не знает того, что знаю я.

Искра гаснет, и его лицо становится серьезным. Он шагает мне за спину и пытается открыть дверь, затем на мгновение замирает в раздумьях. Он не говорит, что я рехнулась, страдаю паранойей и тому подобное.

— Ключа нет, — спокойно произносит он. — Могу попробовать вскрыть замок. Если придется, выломаем дверь.

— Пойду пописаю наверху, — сообщает Рейчел, разворачивается на каблуках и, покачиваясь, уходит прочь.

Кент лезет в задний карман и достает горсть английских булавок. Я выгибаю брови.

— Не спрашивай, — просит он, и я молча поднимаю руки.

Хорошо, что он взял ответственность на себя, не задавая вопросов.

Присев на корточки, он сгибает булавку в обратную сторону и ковыряет в замке. Ухо он прижимает к двери, как будто прислушивается к щелчку. Наконец я больше не в силах сдерживать любопытство.

— Ты что, грабишь банки после уроков?

Он морщится, дергает дверь, сует булавку обратно в карман и достает из бумажника кредитную карточку.

— Не совсем. — Он просовывает карточку в щель между дверью и рамой и двигает туда-сюда. — Мать имеет обыкновение прятать сладкое и чипсы в кладовке под замком.

Выпрямившись, он поворачивает ручку. Дверь приоткрывается на дюйм, и мое сердце подскакивает к горлу. Сейчас я увижу разъяренное лицо Джулиет. Или она снова захлопнет дверь. Я бы так и сделала, попытайся кто-нибудь ворваться ко мне в ванную. Если бы, конечно, была в сознании... жива.

Но дверь по-прежнему приоткрыта на дюйм. Сначала мы с Кентом просто смотрим друг на

друга. Наверное, нам обоим страшно, что же дальше.

— Джулиет? — зовет Кент, толкая дверь кончиком ботинка.

Дверь распахивается. Время снова растягивается, превращается в вечность, и в это мгновение или даже долю мгновения я успеваю обдумать все ужасные варианты, представить тело Джулиет, скорченное на полу.

Наконец дверь замирает. Вот и ванная: совершенно чистая, совершенно нормальная и совершенно пустая. Горит свет, влажное полотенце брошено на раковину. Единственное, что слегка необычно, — широко распахнутое окно. Дождь барабанит по плиткам пола.

— Она вылезла через окно, — озвучивает Кент мои мысли.

Я не вполне разбираю оттенок его голоса. Не то грустный, не то восхищенный.

— Черт.

Ну конечно. После подобного унижения она заперлась в первом попавшемся месте, чтобы не привлекать излишнего внимания. Окно выходит на наклонную боковую лужайку и, разумеется, лес. Вероятно, она рванула туда, чтобы обогнуть дом и вернуться к машине.

Я вылетаю из ванной.

— Подожди! — кричит Кент, но я уже бросаюсь к двери и выскакиваю на крыльцо.

Схватив фонарик и свитер, припрятанные за кадкой с цветами, я несусь через лужайку. Дождь не такой уж и сильный, больше напоминает ледяную дымку, ровными слоями опускающуюся сверху, зато холод пробирает насквозь. Я обегаю дом, светя под ноги фонариком. Следопыт из меня никакой, но я прочла довольно старых детективов и знаю: нужно искать отпечатки ног. Увы, но жирная и мокрая грязь сплошь разворочена. И все же рядом с ванной я обнаруживаю глубокую вмятину, куда, по-видимому, приземлилась Джулиет, и цепочку длинных отметин, ведущую, как я и подозревала, прямо в лес.

Плотнее завернувшись в свитер, я ныряю следом. За пределами пары футов ничего не видно, только скачущий кружок света фонаря. Я никогда особо не боялась темноты, но деревья упорно шелестят и стонут, а неумолчная скороговорка дождя в ветвях заставляет поверить, что лес полон жизни и что-то лепечет, подобно сумасшедшим, которых не счесть в Нью-Йорке — они еще вечно толкают магазинные тележки с пустыми пакетами.

Нечего и пытаться идти по следам Джулиет, которые почти неразличимы в мокрой каше прелых листьев, грязи и гниющей коры. Так что я просто направляюсь примерно в сторону шоссе в надежде поймать Джулиет по дороге домой. Я почти уверена, что она идет пешком. Если в припадке отчаяния покидаешь вечеринку — и гостей — через окно, вряд ли спустя пару минут вернешься просить людей переставить свои «хонды».

Дождь льет сильнее, гремит обледенелыми ветками, словно кости стучат друг о друга. Грудь болит от холода, и, хотя я двигаюсь очень быстро, пальцы немеют и едва удерживают фонарик. Скорей бы добраться до машины и включить печку на полную мощность! Тогда я поеду искать Джулиет на улицах. В крайнем случае, перехвачу ее у дома. Если, конечно, выберусь из чертова леса.

Я еще прибавляю хода, наполовину бегу, пытаюсь сохранить тепло. Каждые несколько секунд я

кричу: «Джулиет!», но ответа не жду. Скороговорка дождя становится все тяжелее и монотоннее; крупные капли барабанят по шее, заставляя ловить воздух ртом.

— Джулиет! Джулиет!

Слова превращаются в вопль. Кожу рассекают лезвия ледяной воды. Я продолжаю нестись, держа фонарик как путеводную нить. Больше я не чувствую пальцев ног; я даже не знаю, куда ли направляюсь. Насколько мне известно, я вполне могу передвигаться кругами.

— Джулиет!

Мне становится страшно. Я оборачиваюсь, пронзая фонариком мрак: никого, только плотная стена деревьев со всех сторон. На дорогу от машины до дома ушло намного меньше времени, я уверена. Пальцы словно распухли вдвое, и, когда я кружусь, фонарик вылетает из рук. Раздается грохот и звон стекла. Свет шипит и гаснет; я остаюсь в полной темноте.

— Черт! Черт, черт, черт!

Громкая ругань помогает мне немного успокоиться. Я делаю пару неуверенных шагов в сторону фонарика, вытянув руки перед собой, чтобы ни на что не наткнуться. Затем падаю на колени, отчего домашние штаны мгновенно промокают. Я шарю руками в грязи, изо всех сил стараясь не думать, к чему прикасаюсь. Дождь заливает глаза. Флисовая куртка липнет к коже и пахнет мокрой псиной. Меня бьет неудержимая дрожь. Вот что бывает, когда пытаешься помочь людям. Попадаешь в полное дерьмо. В горле набухает комок.

Чтобы не расклеиться окончательно, я думаю, как бы отреагировала Линдси, если бы ночью среди дождя застряла вместе со мной в лесу, который тянется бог знает сколько миль; если бы увидела, как я роюсь в земле, словно безумный крот, с головы до пят в грязи.

— Саманта Кингстон, — улыбнулась бы она, — я всегда подозревала, что в глубине души ты грязная развратница.

Мне становится веселее только на мгновение. Линдси нет рядом. Линдси сейчас, наверное, лижется с Патриком в уютной, теплой и безупречно сухой комнате или передает по кругу косяк и обсуждает с Элли, какого черта я вела себя так странно. Я безнадежно заблудилась, безнадежно несчастна и безнадежно одинока. Боль в горле нарастает, словно дикий зверь раздирает его когтями, пытаюсь вырваться на волю.

Тут я начинаю злиться на Джулиет, даже готова ее ударить. Как можно быть такой эгоисткой? Неважно, что случилось, неважно, насколько все плохо, — у нее есть выбор. Не всем так везет.

В этот миг я слышу самый прекрасный звук за все свои семнадцать лет жизни (плюс пять дней загробного мира).

Автомобильный гудок.

Далекий звук почти сразу затихает — низкий стон в ночи. Кто-то промчался мимо, надавив на гудок. Я ближе к дороге, чем думала.

Поднявшись с четверенек, я спешу в сторону сигнала, вытянув руки, как мумия, отводя в сторону ветки и скользкие лапы вечнозеленых растений. Сердце бьется от возбуждения; я напряженно прислушиваюсь к звукам — любым другим звукам, которые помогут отыскать дорогу. Примерно через минуту раздается новый гудок, на этот раз ближе. Я чуть не

всхлипываю от облегчения. Еще минута, и доносятся глухие басы стереосистемы, которые нарастают, а затем затихают, когда машина проносится мимо. Еще минута, и я различаю сквозь деревья слабое мерцание фонарей. Я нашла шоссе.

Огни приближаются, деревья редеют, пространство проясняется, и я начинаю составлять мысленный список. Я так увлекаюсь фантазиями о кипах одеял — я сгребу все одеяла, какие только есть в доме, — горячем шоколаде, теплых тапочках и душе, что до последней секунды не замечаю Джулиет Сиху, пока чуть не спотыкаюсь о нее.

Она скорчилась в семи или восьми футах от дороги, обхватив колени руками. От воды ее белая футболка стала совершенно прозрачной, и я вижу ее лифчик в полоску и каждый позвонок на спине. Я настолько поражена подобной встречей, что на мгновение забываю, с какой целью рыскала по лесу.

— Что ты здесь делаешь? — перекрикиваю я дождь.

Фонари освещают ее лицо и тусклые глаза. Она смотрит на меня и эхом откликается:

— Что ты здесь делаешь?

— Гм, ищу тебя вообще-то.

На ее лице не отражается никаких чувств — ни удивления, ни шока, ни ярости, ничего. Я несколько теряюсь.

— Ты не замерзла?

Она едва качает головой и продолжает смотреть на меня тусклыми усталыми глазами. Я совсем иначе представляла нашу встречу. Думала, она обрадуется, что я разыскала ее, — даже будет благодарна. Или придет в бешенство. В любом случае я ожидала чего-то другого.

— Послушай, Джулиет... — Я едва могу говорить, зубы выбивают громкую дробь. — Уже почти час ночи, и ужасно холодно. Не хочешь заглянуть ко мне домой? Пообщаться? Мне известно, что случилось. — Я киваю в сторону дома Кента. — И мне очень жаль.

У меня одно желание: поскорей бы она села в чертову машину, но это правда, мне действительно жаль.

Долгое, тягостное мгновение Джулиет изучает меня. Ее лицо кажется размытым за струями дождя. Она начинает вставать, и я решаю, что дело в шляпе, но она отворачивается и направляется к шоссе, обронив ровным, ничуть не виноватым голосом:

— Извини.

Я хватаю ее за запястье. Оно выглядит невероятно хрупким в моей руке, как в тот раз, когда я нашла птенца возле Гусиного мыса. Я подобрала его, и он умер у меня на ладони, трепеща и задыхаясь. Джулиет не отшатывается, но награждает мою руку таким взглядом, словно это змея, которая вот-вот укусит.

— Послушай. — Я пытаюсь еще раз. — Послушай. Я понимаю, это звучит безумно, но...

Ветер продирается сквозь деревья и обрушивается новым порывом дождя.

— Мне кажется, между нами есть что-то общее, между мной и тобой. Поехали куда-нибудь,

поговорим об этом...

— Я никуда не поеду.

Джулиет смотрит на дорогу. Кажется, на ее губах мелькает едва заметная печальная улыбка.

Слишком долго я пробыла на улице. Мои мысли заходят в тупик. Все кажется бессмысленным. Странные образы вспыхивают в голове, причудливый фантастический водоворот теплых вещей: полный бассейн исходящего паром горячего шоколада, стопка одеял от пола до потолка. Тоненький голосок внутри советует на все наплевать. Пусть поступает как угодно. В любом случае завтра пленка перемотается назад.

Но большая часть меня — мой внутренний бычок, как выражается мама, — настаивает, что за Джулиет должок. Я перемазалась в грязи, продрогла до костей, и половина учеников «Томаса Джефферсона» считают меня чудачкой в пижаме.

— Давай тогда поедem к тебе.

Ей ведь все равно придется отправиться домой. Она бросает на меня странный взгляд — мгновение мне кажется, что она видит меня насквозь, — и спрашивает:

— Почему ты делаешь это?

Мне приходится кричать еще громче, чем раньше. Машины вырывают с подъездной дорожки Кента, проносясь мимо нас по мокрому шоссе.

— Я... хочу помочь тебе.

Она едва заметно качает головой.

— Ты ненавидишь меня.

Особенно я нервничаю оттого, что она все ближе придвигается к дороге. Мимо мчит автомобиль, ухая басами. Его корпус мерцает в огнях фонарей; внутри виден смеющийся силуэт. Кажется, откуда-то справа доносится мое имя, но все заглушает грохот дождя.

— Я не ненавижу тебя. Я не знаю тебя. Но надеюсь это изменить. Начать все сначала.

Я почти ору. Не уверена, что она слышит меня. Джулия что-то отвечает, но слов не разобрать. Рядом мелькает очередная машина, серебряная пуля.

— Что?

Слегка повернув голову, Джулиет повторяет громче:

— Ты права. Ты не знаешь меня.

Еще одна машина. Звонкий смех. Бутылка из-под пива летит в лес и разбивается. Теперь я определенно различаю свое имя, хотя не уверена, с какой стороны. Визжит ветер, и внезапно до меня доходит, что Джулиет стоит всего в полудюйме от дороги, балансируя на тонкой линии, границе между тротуаром и мостовой, как на натянутом канате.

— Может, отойдешь от дороги? — предлагаю я.

В голове растет и крепнет ужасная мысль, невыносимая догадка вздымается и обретает форму, словно облака на горизонте. Меня зовут по имени снова. И снова, все еще вдалеке. В чьей-то машине гортанно пульсирует «Splinter» группы «Фэлласи».

— Сэм! Сэм! — раздается голос Кента.

«Прошлой ночью в метели огней... ты сказала, что будешь моей еще раз...»

Джулиет оборачивается ко мне. Она улыбается, но я в жизни не видела настолько печальной улыбки.

— Может, в следующий раз, — говорит она. — Но вряд ли.

— Джулиет...

Имя застревает в гортани. Страх словно обратил меня в камень. Я хочу что-то сделать, пошевелиться, схватить ее за руку, но время бежит так быстро, и осознание вспыхивает внезапно, когда музыка из колонок нарастает и серебристый «рейнджровер» вылетает из темноты. Как птица или ангел — словно бросаясь с утеса, — Джулиет поднимает руки и шагает на дорогу. Воздух пронзает крик, раздаются тошнотворный хруст, и лишь когда тело Джулиет отлетает от крыши и приземляется лицом вниз на дорогу, когда «рейнджровер» ныряет в лес и врежется в дерево, сминаясь, разлетаясь на части, и длинные ленты дыма и пламени лижут воздух, я понимаю, что это мой крик.

Если я умру во сне

Кент наконец догоняет меня и, шаря глазами по моему лицу, задышавшись, произносит:

— Сэм, ты в порядке?

— Линдси, — шепчу я, больше ничего не идет на ум. — Линдси, Элоди и Элли в той машине.

Он поворачивается к дороге. Из леса вырастают черные столбы дыма. Отсюда видно только смятый металлический бампер, торчащий из-за откоса, как палец.

— Жди здесь, — велит Кент.

Удивительно, но его голос звучит спокойно. Он выбегает на дорогу, выхватывая телефон, и я слышу, как он дает указания диспетчеру.

— Несчастный случай. Возгорание. Девятое шоссе, сразу после Девон-драйв. — Он опускается на колени у тела Джулиет. — Как минимум один пострадавший.

Другие машины тормозят, визжа шинами. Люди, внезапно протрезвев, неуверенно выбирают на дорогу и перешептываются, глядя на крошечное скорченное тело на земле, на дым и пламя, лижущее лес. Эмма Макэлрой съезжает на обочину и выходит из салона, прижав руки ко рту, с выпученными глазами. Дверца ее «мини» остается распахнутой, радио орет на весь лес «99 Problems» Джей-Зета; обыденность — самое ужасное во всем происходящем. Кто-то просит: «Ради бога, Эмма, выруби!» Она залезает обратно в машину, и наступает тишина, не считая стука дождя и чьих-то громких всхлипов.

Я словно попала в сон. Пытаюсь пошевелиться, но не могу. Я даже больше не чувствую дождя. Не чувствую своего тела.

Единственная мысль без конца кружится у меня в голове: белая вспышка перед тем, как мы скатились в разверстую пасть леса; Линдси, кричащая что-то неразборчивое.

Не «тихо», или «лихо», или «ослиха».

«Сиха».

Долгий пронзительный вопль раздается на другой стороне, и Линдси выбирается на дорогу с разинутым ртом и слезами, струящимися по лицу. Кент рядом с ней, поддерживает Элли, которая хромот и кашляет, но выглядит нормально.

— Помогите! Помогите! — причитает Линдси. — Элоди осталась там! Кто-нибудь, помогите ей! Пожалуйста!

Она бьется в истерике, слова сливаются в единый звериный вой. Она оседает на мостовую и ревет, обхватив голову руками. Затем к ее вою присоединяется вой сирен вдалеке.

Никто не движется. Все происходит короткими, отрывистыми вспышками — по крайней мере, так мне кажется, — словно я смотрю фильм под стробоскопом. Все больше и больше учеников толпятся под дождем, безмолвные и неподвижные как статуи. Вращаются маячки полицейских машин, освещая пейзаж то красным, то белым, то красным, то белым. Люди в форме... «скорая помощь»... носилки... две пары носилок. Тело Джулиет аккуратно укладывают, крошечное и хрупкое, как я укладывала птичье тельце много лет назад. Линдси рвет, когда на вторых носилках выносят тело из разбитой машины, и Кент гладит ее по спине. Элли плачет с раскрытым ртом, что странно, поскольку я ничего не слышу. В какой-то миг я поднимаю глаза к небу; дождь превратился в снег — крупные белые хлопья, кружась, летят из темноты, словно по волшебству. Понятия не имею, сколько прошло времени. Я снова смотрю на дорогу и с удивлением замечаю, что почти никого не осталось, не считая пары зевак, полицейской машины и Кента, говорящего с полицейским и подпрыгивающего на месте, чтобы согреться. Машины «скорой» уехали. Линдси нет. Элли нет.

Кент возникает передо мной словно из-под земли. «Как ты это сделал?» — пытаюсь спросить я, но не могу издать ни звука.

— Сэм, — зовет меня Кент.

Судя по всему, он не впервые окликает меня. Я ощущаю пожатие, но не сразу понимаю, что он взял меня за руки. Не сразу понимаю, что у меня все еще есть руки. Я возвращаюсь в собственное тело. Ноги подгибаются под тяжестью трагедии, я падаю вперед. Кент ловит и удерживает меня.

— Что случилось? — оцепенело бормочу я. — Элоди?.. Джулиет?..

— Ш-ш-ш. — Его губы совсем рядом с моим ухом. — Ты замерзла.

— Мне нужно найти Линдси.

— Ты уже около часа на улице. У тебя руки как лед.

Он стягивает толстый свитер и набрасывает мне на плечи. На его ресницах — белые снежинки. Он осторожно берет меня под локти и ведет к подъездной дорожке.

— Идем. Тебе нужно согреться.

Я не в состоянии спорить, и позволяю отвести меня в дом. Его руки не отстраняются ни на мгновение, и хотя он почти не касается моей спины, без него я наверняка бы упала.

Такое ощущение, что мы оказались в доме Кента, не сделав ни шагу. Вот мы уже на кухне, где он выдвигает стул и усаживает меня. Его губы шевелятся, голос успокаивает, но я не понимаю ни слова. На моих плечах оказывается толстое одеяло, и пальцы рук и ног пронзает стреляющая боль, когда к ним возвращается чувствительность, — как будто горячие острые иглы. И все же я непрерывно дрожу. Зубы стучат друг о друга, словно игральные кости в стаканчике.

Бочонки по-прежнему стоят в углу, повсюду брошены полупустые стаканы, в которых плавают окурки, но музыка стихла, и дом кажется совершенно другим, когда нет людей. Я мысленно отмечаю множество мелочей, перелетаю от одной к другой, как шарик для пинг-понга: вышитая табличка над раковиной: «Марта Стюарт здесь не живет»; фотографии на холодильнике — Кент с родителями на каком-то пляже и незнакомые родственники, — старые открытки из Парижа, Марокко, Сан-Франциско; в застекленных шкафчиках ряды кружек с надписями вроде «Кофеин или жизнь» и «Время пить чай».

— Один кусочек пастилы или два? — уточняет Кент.

Мой голос звучит хрипло и странно. Все прочие впечатления накатывают одновременно; я слышу шипение молока в кастрюльке на плите; милое и заботливое лицо Кента становится четким; хлопья снега тают на его лохматых каштановых волосах. Одеяло у меня на плечах пахнет лавандой.

— Положу парочку, — решает Кент, снова поворачиваясь к плите.

Через минуту передо мной исходит паром огромная кружка (на этот раз с надписью «С шоколадом рай и в шалаше»), полная воздушного горячего шоколада — настоящего, а не из пакетика, — с большими поплавками пастилы. То ли я попросила об этом вслух, то ли Кент прочел мои мысли.

Усевшись напротив, он следит, как я пью. Изумительно вкусно, как раз в меру сладко, много корицы и еще чего-то непонятного. Я ставлю кружку на стол чуть менее дрожащими руками и задаю вопрос:

— Где Линдси? Она в порядке?

Я вспоминаю, как Линдси блевала у всех на виду, стоя на коленях. Должно быть, она совсем ополоумела. Она в жизни бы не сделала ничего подобного на людях.

— В полном, — кивает Кент, не сводя глаз с моего лица. — Ее увезли в больницу проверить на шок и так далее. Но с ней все будет хорошо.

— Она... Джулиет выскочила так быстро.

Закрыв глаза, я представляю белую вспышку. Когда я снова открываю их, у Кента такой вид, словно его сердце сейчас разорвется.

— Она... То есть Джулиет?... — Он качает головой. — Ничего нельзя было сделать, — добавляет он тихо; я расслышала лишь потому, что знала ответ заранее.

— Я видела ее... — начинаю я и осекаюсь. — Могла схватить ее. Она находилась совсем близко.

— Это был несчастный случай.

Кент смотрит вниз. Вряд ли он действительно так думает.

Мне хочется возразить: «Нет, не был». В памяти всплывает ее странная полуулыбка и слова: «Может, в следующий раз, но вряд ли»; я закрываю глаза, пытаюсь отогнать образ.

— А Элли? Что с ней?

— Все в порядке. Ни единой царапины.

Голос Кента становится громче, в нем появляется умоляющая нотка, и я понимаю: он пытается заставить меня замолчать, боится моего следующего вопроса.

— Элоди? — еле слышно шепчу я.

Кент отводит взгляд; на его скулах перекатываются желваки.

— Она сидела на пассажирском сиденье, — наконец сообщает он, как будто каждое слово причиняет ему боль. — На него пришелся почти весь удар.

Не так ли объяснят в больнице и моим родителям? «Столкновение, пассажирское кресло, удар». Я вижу, как Элоди наклоняется вперед и ноет: «Почему Сэм всегда сидит рядом с водителем?»

— Она?..

Продолжить я не в силах. Кент смотрит на меня, словно сейчас заплачет. Он выглядит старше, чем когда-либо раньше; его темные большие глаза полны грусти.

— Мне так жаль, Сэм, — тихо произносит он.

— Что ты имеешь в виду? — Я сжимаю кулаки так крепко, что ногти впиваются в кожу. — Ты намекаешь, что она... что она...

Я умолкаю, по-прежнему не в силах это озвучить, словно опасаясь накликать беду.

Кажется, слова режут Кенту язык, точно острые лезвия.

— Это было... это было мгновенно. Не больно.

— Не больно? — повторяю я дрожащим голосом. — Не больно? С чего ты взял? Откуда тебе известно? — В горле набухает комок. — Тебе так сказали? Что это было не больно? Можно подумать, это было обычно! Можно подумать, это было нормально!

Кент тянется через стол и берет меня за руку.

— Сэм...

— Нет! — Я отодвигаю стул и поднимаюсь; все мое тело трясет от ярости. — Нет. Не обещай мне, что все будет хорошо. Не убеждай, что ей было не больно. Ты не знаешь... понятия не имеешь... никто из вас понятия не имеет, как это больно. Это больно...

О ком я сейчас говорю — об Элоди или о себе? Кент встает и обнимает меня. Я утыкаюсь лицом ему в плечо и всхлипываю. Он крепко прижимает меня к себе и что-то бормочет в волосы, и, прежде чем я полностью уступаю и отдаюсь на волю потока темноты, у меня возникает престранная, глупая мысль, что моя голова и плечо Кента созданы друг для друга.

Произошедшее с Элоди и Джулиет кажется невыносимым, сознание заволакивает тяжелая пелена, и я рыдаю. Это вторая ночь подряд, когда я полностью теряю лицо перед Кентом, хотя он, конечно, даже не догадывается об этом. Мне следовало бы радоваться, что он не помнит, как прошлой ночью мы сидели в темной комнате, почти соприкасаясь коленями, но почему-то мне становится еще более одиноко. Я заблудилась в тумане, во мгле, и когда наконец понемногу прихожу в себя, то понимаю, что Кент поддерживает меня в прямом смысле слова. Мои ноги едва касаются пола.

Его губы зарылись мне в волосы, дыхание согревает ухо. Меня пронзает электрический разряд, от которого становится страшно и неловко, как никогда прежде. Я отстраняюсь, создавая между нами хоть небольшое расстояние. Однако он не убирает руки и продолжает меня обнимать, чему я рада. Он такой надежный и теплый.

— Ты до сих пор не согрелась, — замечает он и всего на долю секунды притрагивается к моей щеке тыльной стороной ладони, но когда отдергивает руку, я продолжаю чувствовать очертания его ладони, как будто ожог. — Ты насквозь промокла.

— Белье, — выпаливаю я.

Он морщит лоб.

— Что?

— Мое... гм, белье. В смысле, штаны, флиски и нижнее белье... набиты снегом. То есть теперь уже больше водой. Очень холодно.

Я слишком устала, чтобы испытывать смущение. Кент прикусывает губу.

— Оставайся здесь, — распоряжается он и кивает на горячий шоколад. — И пей.

Усадив меня на место, он исчезает. Я продолжаю дрожать, но, по крайней мере, могу удерживать кружку, не разливая шоколад по столу. Я не думаю ни о чем, кроме движения кружки к губам и вкуса шоколада, тиканья часов с нарисованной кошкой и маятником в виде хвоста и метели за окнами. Через несколько секунд возвращается Кент с безразмерной флиской, выцветшими трениками и сложенными «боксеры» в полоску.

— Это мои. — Он густо краснеет. — То есть нет. Я пока не носил их. Мне купила их мама... — Он осекается и сглатывает. — В смысле, я сам их купил только во вторник. Даже ценник на месте.

— Кент? — перебиваю я.

Он втягивает воздух.

— Да?

— Ради бога, прости, но... ты не мог бы помолчать? — Я указываю себе на голову. — У меня до сих пор шумит в голове.

— Прости, — выдыхает он. — Я немного выбит из колеи... Жаль, ничего другого нет.

— Спасибо.

Понимая, что он очень старается, я умудряюсь слабо улыбнуться.

Он кладет одежду на стол вместе с большим пушистым белым полотенцем.

— Я подумал, если ты еще мерзнешь, то могла бы принять душ.

При слове «душ» он заливается румянцем.

Я мотаю головой.

— Сейчас мне необходимо только одно: сон.

О сне я совсем забыла, и в этот миг испытываю огромное облегчение: надо просто уснуть.

Как только я усну, кошмар закончится.

И все же в груди нарастает тревога. Что, если на этот раз день не перемотается? Что тогда? Я вспоминаю об Элоди, и горячий шоколад поднимается к горлу.

Видимо, Кент замечает выражение моего лица, потому что опускается рядом на корточки, пытаюсь заглянуть мне в глаза.

— Могу я что-нибудь сделать? Что-нибудь принести?

— Ничего, справлюсь. Это просто... шок. — Я с трудом сглатываю, стараясь снова не расплакаться. — Просто мне хочется... хочется перемотать все назад, понимаешь?

Он кивает и накрывает мою ладонь своей. Я не отдергиваю руку.

— Я обязательно помог бы, если б знал как, — заверяет он.

В некотором роде это глупое, банальное заявление, но от того, как он говорит, безупречно честно и просто, словно это святая истина, у меня слезы наворачиваются на глаза. Я забираю одежду и иду в коридор, к ванной, которую мы взломали в поисках Джулиет. Захожу и запираю за собой дверь. Окно по-прежнему распахнуто, в него задувает метель. Я закрываю его, отчего мне сразу становится легче, как будто я уже начинаю стирать из памяти все, что сегодня случилось. С Элоди все будет хорошо.

В конце концов, это я должна была сидеть на переднем кресле.

Я вешаю на место полотенце, которое Джулиет оставила на раковине, и, дрожа, срываю мокрую одежду. Душ оказывается слишком сильным соблазном, и я включаю воду как можно сильнее и горячее. Это «ливневый душ», в нем вода льется сплошным тяжелым потоком и разбивается о мраморные плитки под ногами, вздымая клубы пара. Я так долго стою под душем, что моя кожа сморщивается.

Затем я натягиваю флиску Кента, очень мягкую, пахнущую стиральным порошком и почему-то свежескошенной травой. Срываю ценник и надеваю «боксеры». Разумеется, они велики, но мне нравится прикосновение чистой крахмаленной ткани. До сих пор единственные «боксеры», виденные мной, принадлежали Робу и валялись скомканные на полу или под кроватью,

перепачканные неизвестно чем. Наконец я облачаюсь в треники, которые волочатся по полу. Кент захватил даже носки — большие и пушистые. Свою одежду я сворачиваю клубком и оставляю за дверью ванной.

Когда я возвращаюсь на кухню, то застаю Кента в той же позе, в какой его оставила. В его глазах мелькает непонятное выражение.

— У тебя волосы мокрые, — тихо произносит он, как будто хочет сказать что-то совсем другое.

Я оглядываю себя.

— Ну, все-таки приняла душ.

На несколько ударов сердца повисает пауза. Наконец он нарушает ее:

— Ты устала. Я отвезу тебя домой.

— Нет, — неожиданно страстно возражаю я, и он выглядит удивленным. — Нет... в смысле, я не могу. Только не домой.

— Твои родители...

Кент умолкает.

— Умоляю тебя.

Не знаю, что и хуже: если родители уже в курсе и бодрствуют, чтобы допросить меня с пристрастием и пригрозить отправить утром в больницу и вызвать психолога, или если они мирно спят, и я вернусь в темный дом.

— У нас есть гостевая комната, — сообщает Кент.

Его волосы наконец высохли — волнами и завитками.

— Никаких гостевых комнат, — Я решительно мотаю головой. — Желаю нормальную комнату, в которой живут люди.

Секунду Кент смотрит на меня и командует:

— Идем.

Он берет меня за руку, и я не сопротивляюсь. Мы поднимаемся по лестнице и движемся по коридору в спальню, где на двери наклейки для бампера. Могла бы и раньше догадаться, что это его комната. Он возится с замком и поясняет: «Заело», наконец распахивает дверь. Я резко вдыхаю. Запах тот же самый, что прошлой ночью, когда я была здесь с Робом, но все изменилось — темнота кажется мягче.

— Я сейчас.

Кент сжимает мне руку и отходит. Я слышу шелест ткани и ахаю: внезапно открываются три огромных окна от потолка до пола, занимающие целую стену. Свет по-прежнему не горит, но это не имеет значения. Огромная сияющая луна отражается в искристом белом снеге, отчего становится еще ярче. Вся комната купается в дивном серебристом свете.

— С ума сойти, — выдыхаю я, только сейчас заметив, что затаила дыхание.

На губах Кента мелькает улыбка. Его лицо кажется черным на фоне лунного света.

— По ночам здесь чудесно. Не то что на рассвете.

Он задерживает шторы, и я кричу:

— Оставь! Пожалуйста.

Вдруг я испытываю робость. Комната Кента огромна и пахнет все той же немыслимой смесью стирального порошка «Дауни» и мелко нарубленной травы. Это самый свежий запах на свете, запах открытых окон и хрустящих простыней. Прошлой ночью я заметила только кровать. Теперь вижу, что комната сплошь заставлена книжными шкафами. В углу — письменный стол с компьютером и множеством книг. На стенах — фотографии в рамках; размытые фигуры движутся, но я не разбираю детали. В углу приземисто восседает огромное кресло-мешок. Кент ловит мой взгляд и смущенно поясняет:

— Мне подарили его в седьмом классе.

— У меня раньше было такое же.

Я не уточняю, почему выбросила его: потому что Линдси пошутила, что оно напоминает комковатую сиську. Не могу сейчас думать о Линдси или Элли. И определенно не могу думать об Элоди.

Откинув одеяла, Кент отворачивается, чтобы я могла спокойно лечь. Я забираюсь в постель. Мои руки и ноги тяжелые и болезненно окоченелые. Неловко, конечно, но из-за усталости мне наплевать. Изголовье и изножье кровати вырезаны из дерева, и, растянувшись во весь рост, я словно качусь на санях. Я наклоняю голову, глядя на падающий снег, и закрываю глаза, воображая, что лечу сквозь лес к чему-то хорошему: аккуратному белому домику с горящими свечами в окнах.

— Спокойной ночи, — шепчет Кент.

Он так притих, что я совсем о нем забыла. Я распахиваю глаза и опираюсь на локоть.

— Кент?

— Да?

— Ты не мог бы посидеть со мной немного?

Кивнув, он молча подкатывает к кровати рабочее кресло. Подтягивает колени к подбородку и смотрит на меня. Лунный свет, струящийся сквозь окна, окрашивает его волосы неярким серебром.

— Кент?

— Да?

— Как тебе кажется, это странно, что я здесь с тобой?

Я закрываю глаза, чтобы не видеть его лицо.

— Я главный редактор «Напасти». Однажды я проходил в кроксах [9] триста шестьдесят пять дней. Для меня нет ничего странного, — отшучивается он.

— Совсем забыла об эпохе кроксов.

Наконец я согрелась под покрывалами. Мало-помалу накатывает сон, как будто я стою на жарком пляже и ласковый прибой льнет к моим ногам.

— Кент?

— Да?

— Почему ты так добр ко мне?

Пауза длится так долго, что я уже не жду ответа. Кажется, я слышу, как снег летит на землю, стирая день, покрывая его белой пеленой. Мне страшно открывать глаза. Страшно разрушить чары, увидеть злость или боль на лице Кента.

— Помнишь, как во втором классе умер мой дедушка? — наконец произносит он тихим низким голосом. — Я расплакался в столовой, и Фил Хауэлл назвал меня педиком. Я зарыдал еще громче, хотя понятия не имел, кто такие педики.

Он мягко смеется.

Я покрепче зажмуриваюсь, наслаждаясь его голосом. В прошлом году Фила Хауэлла застукали полуголым с Шоном Требором на заднем сиденье папашиного «БМВ». Жизнь — забавная штука.

— В общем, когда я попросил его оставить меня в покое, он ударил по моему подносу и еда разлетелась во все стороны. Как сейчас помню, на обед было картофельное пюре и бургеры с индейкой. Ты подскочила, собрала с пола картошку руками и сунула Филу в лицо. Схватила бургер с индейкой, размазала по его футболке и заявила: «Ты хуже блевотины». — Кент снова смеется, — Во втором классе это было серьезным оскорблением. Шон так удивился и выглядел так глупо, весь в картофельном пюре и шнитт-луке, что меня разобрал неудержимый хохот. Я впервые засмеялся со дня смерти дедушки. — На секунду он умолкает и спрашивает: — Не забыла, что я сказал тебе в тот день?

Казалось бы, навек утраченное воспоминание поднимается из самой глубины души, и вся сцена вспыхивает перед глазами ясно и четко.

— Ты мой герой, — одновременно говорим мы.

Я не слышала, как Кент пошевелился, но внезапно он находит мои руки в темноте; его голос звучит совсем рядом:

— В тот день я поклялся, что когда-нибудь стану твоим героем, сколько бы времени это ни заняло.

Кажется, мы сидим так целые часы, и все это время сон затягивает меня, уносит прочь, но сердце трепещет, будто мотылек, отгоняя сны, темноту и туман, поглощающий мысли. Уснув, я останусь одна. Навсегда утрачу это мгновение.

— Кент? — зову я.

— Да?

— Пообещай остаться со мной.

— Обещаю.

И в эту самую секунду, когда я больше не уверена, сплю ли, бодрствую или иду по некой долине между явью и сном, где исполняются все желания, я ощущаю трепетное прикосновение его губ к моим, но слишком поздно, я ускользаю, исчезаю, он исчезает, и неповторимое мгновение скручивается и замыкается в себе, как цветочный бутон, складывающий лепестки на ночь.

вернуться

9

Удобные закрытые шлепанцы из каучука.

Глава 6

На этот раз во сне есть звуки. Когда я падаю сквозь темноту, играет звонкая, залихватская музыка, как в кабинете врача или на эскалаторе, и откуда-то мне известно, что мелодия доносится из кабинета психолога школы «Томас Джефферсон».

Как только я это понимаю, в темноте одна за другой вспыхивают яркие искорки. На меня несется галерея дурацких мотивирующих плакатов, которые школьный психолог миссис Гарднер развесила по стенам кабинета, вот только каждый плакат раздулся раз в сто и стал размером с дом. На одном — фотография Эйнштейна и подпись «За притяжение влюбленных гравитация не отвечает». На другом — цитата из Томаса Эдисона: «Гений — это один процент вдохновения и девяносто девять процентов пота». Что, если ухватиться за какой-нибудь плакат? Но выдержит ли он мой вес? С этой мыслью я пролетаю мимо плаката с полосатой кошкой, цепляющейся за ветку дерева одними когтями; «Держись!» — гласит он.

Самое забавное, что при виде этого плаката свист в ушах прекращается, страх исчезает и становится ясно, что я вовсе не падала все это время. Я парила.

Дребезжание будильника — самая приятная мелодия на свете. Я сажусь; грудь распирает от смеха. Мне хочется коснуться всего в комнате — стен, окна, коллажа, вороха фотографий на столе, брошенных на полу джинсов «Тахари», учебника биологии и даже тусклого лучика света, едва вскарабкавшегося на подоконник. Я бы взяла его в руки и поцеловала, если бы могла.

— У кого-то хорошее настроение, — улыбается мама, когда я спускаюсь вниз.

Иззи сидит за столом и, как всегда, медленно и осторожно грызет рогалик с арахисовым маслом.

— Счастливого Дня Купидона, — приветствует отец.

Он стоит у плиты и жарит маме яичницу на завтрак.

— Мм, обожаю! — С этим возгласом я вбегаю на кухню и пытаюсь урвать у Иззи кусочек рогалика.

Сестра верещит и шлепает меня по руке. Я смачно чмокаю ее в лоб.

— Что за нежности! — возмущается она.

— Пока-пока, Ящерка.

— Не называй меня Ящеркой!

Иззи показывает перемазанный в арахисовом масле язык.

— Я же говорю — вылитая ящерка.

— Будешь завтракать, Сэм? — обращается ко мне мама.

Дома я никогда не завтракаю, но мама все равно каждый день спрашивает — если, конечно, успевает поймать. Тут я понимаю, что всем сердцем люблю заведенный порядок своей жизни: то, что мама всегда спрашивает; то, что я всегда отвечаю «нет», потому что в машине Линдси меня ждет рогалик с кунжутом; то, что мы всегда слушаем «No More Drama», когда заезжаем на парковку. То, что по воскресеньям мама всегда готовит спагетти с фрикадельками, а папа раз в месяц запирается на кухне и стряпает «особое рагу» из нарезанных сосисок, консервированной фасоли и литров кетчупа и патоки. Я обожаю это блюдо, в чем ни за что не признаюсь. Мелочи, составляющие неповторимый узор моей жизни, подобно тому как мелкие огрехи, пропуски и перескоки, которые невозможно воспроизвести, делают уникальными коврики ручной вязки.

На свете столько прекрасного, если внимательно посмотреть.

— Нет, не буду. — Я подхожу и обнимаю маму. — Но все равно спасибо.

Она удивленно вскрикивает. Пожалуй, мы не обнимались уже пару лет, не считая обязательного двухсекундного объятия на дни рождения.

— Я люблю тебя, — добавляю я.

Когда я отстраняюсь, у нее такой вид, словно я объявила, что бросаю школу ради карьеры женщины-змеи в цирке.

— Что? — Папа ставит сковороду в раковину и вытирает руки кухонным полотенцем. — А как же я, твой любимый предок?

Я закатываю глаза. Терпеть не могу, когда папа пытается изъясняться «на подростковом языке», как он это называет. Но вслух не возмущаюсь. Сегодня ничто не может испортить мне настроение.

— Пока, папочка.

На прощание я покорно сношу одно из его пресловутых медвежьих объятий. Я полна любви к отцу от головы до кончиков пальцев. Любовь пузырится внутри, словно меня хорошенько взболтали, как бутылку колы. Все вокруг — посуда в раковине, рогалик Иззи, мамина улыбка —

кажется резким и четким, как будто сделано из стекла или я впервые это вижу. Ослепительно! Мне снова хочется обойти комнату и прикоснуться ко всему, убедиться в реальности окружающего. Было бы время, я бы так и сделала. Обхватила бы ладонями наполовину съеденный грейпфрут на стойке и вдохнула бы его запах. Пробежалась бы пальцами по волосам Иззи.

Но у меня нет времени. Сегодня День Купидона, Линдси ждет на улице, и у меня имеется важное дело. Мне предстоит спасти две жизни: Джулиет Сихи и свою.

Да будет свет

Я спешу по обледенелой дорожке, вдыхая морозный воздух, наслаждаясь его жжением в легких, наслаждаясь даже клубами выхлопного газа и горьким запахом сигареты Линдси.

— Бип-бип! — кричит она в окно. — Секс-бомба! Дорого берешь?

— По карману только тем, кого не интересует цена, — парирую я, забираясь на пассажирское сиденье.

Она усмехается и сразу протягивает мне кофе.

— Счастливого Дня Купидона, — желаю я, и мы чокаемся пенопластовыми стаканчиками.

Подруга тоже выглядит резче и четче, чем когда-либо раньше. Линдси с ангельским личиком, нечесаными грязными светлыми волосами, облупленным черным лаком на ногтях и потертой кожаной сумкой «Дуни энд Берк» с вечным слоем табачной трухи и половинкой пачки «Трайидент ориджинал» на дне. Линдси, которая терпеть не может скуку, вечно двигается, вечно куда-то бежит. Линдси, которая однажды спьяну сказала: «Весь мир против нас, детки». Дело было на вечеринке в дендрарии. Она обнимала нас за плечи и говорила серьезно. Линдси, гадкая, забавная, жестокая, верная, моя.

Я импульсивно наклоняюсь и целую ее в щеку.

— Эй, немного лесбийских нежностей? — Она вытирает плечом мой блеск для губ. — Или тренируешься перед сегодняшним вечером?

— Возможно, и то, и то, — отвечаю я.

Линдси смеется долго и громко, а я отпиваю кофе. Это обжигающий кофе, лучший кофе во всем Риджвью, нет, во всем мире. Боже, благослови «Данкин донатс».

Мы едем. Линдси болтает о том, сколько роз должна получить и расплатится ли Марси Познер, как обычно, в туалете во время пятого урока, потому что Джастин Стример бросил ее в День Купидона три года назад, тем самым навсегда оставив лишь умеренно популярной. Я смотрю в окно. Мимо размазанным серым пятном несется Риджвью. Я пытаюсь вообразить, как всего через несколько месяцев деревья выпустят в небо тонкие побеги и землю окутает едва заметная дымка цветов и первой зелени. А потом, еще через несколько месяцев, город взорвется зеленью: деревьев и травы будет как на еще не просохшей картине. Я так и вижу, как все это дремлет под поверхностью мира, словно слайды в проекторе: щелчок-другой — и наступит лето.

Вот и Элоди — бежит по лужайке, покачиваясь на каблуках, без куртки, обхватив грудь руками. При виде живой и сияющей подруги я испытываю такое огромное облегчение, что громко

верещу от радости. Линдси поднимает брови.

— Она замерзнет, — выдыхаю я вместо объяснения.

Линдси крутит пальцем у виска.

— Не иначе, белены объелась.

— Чего-чего объелась? — Элоди забирается в машину. — Умираю от голода.

Обернувшись, я смотрю на нее. Иначе мне пришлось бы перебраться на заднее сиденье и полезть обниматься. Меня тянет прикоснуться к ней, убедиться, что она и вправду здесь, настоящая и живая. Во многих отношениях она самая храбрая и деликатная из нас. Мне хотелось бы сообщить ей об этом.

Элоди морщит нос, давая понять, что я неприлично таращусь.

— Что-то не так? У меня зубная паста на лице?

— Нет. — В груди снова закипает смех, прилив веселья и облегчения; я жалею, что не могу навек остаться в этой минуте. — Ты просто красавица.

Похихикивая, Линдси смотрит на Элоди в зеркало заднего вида.

— У тебя рогалики под задницей, красавица.

— Ммм, ягодичные рогалики. — Элоди лезет в пакет, достает наполовину расплющенный рогалик и устраивает представление, откусывая огромный кусок. — На вкус как «Виктория сикрет».

— На вкус как веревочка стрингов, — отзываюсь я.

— На вкус как щель в заднице, — добавляет Линдси.

— На вкус как пердеж, — заключает Элоди.

Фыркнув, Линдси разливает кофе на приборную панель, а я начинаю безостановочно хохотать. Всю дорогу до школы мы придумываем вкусы для ягодичных рогаликов. Плевать, что моя жизнь, мои подруги — странные, безумные, несовершенные или испорченные. Никогда еще они не казались мне такими чудесными.

Когда мы въезжаем на школьную парковку, я ору: «Тормози!» Линдси жмет на тормоза, и Элоди бранится, облившись кофе с ног до головы.

— Что за черт? — Линдси прижимает ладонь к груди. — Ты напугала меня до смерти.

— Ой... гм. Извини. Мне показалось, что там Роб.

Мы наблюдаем, как «шевроле» Сары Грундель поворачивает на Аллею выпускников на пятнадцать секунд раньше нас. Место для парковки — ерунда, мелочь, но сегодня все должно быть идеально. Не желаю рисковать. В детстве у нас была игра, где нельзя было наступать на трещины в тротуаре, не то мы убили бы своих матерей. Даже те, кто в это не верил, смотрели под ноги на всякий случай.

— Извини. Я виновата.

Линдси закатывает глаза и снова жмет на газ.

— Только не убеждай меня, что превратилась в маньяка-преследователя.

— Оставь ее в покое. — Элоди наклоняется и хлопает меня по плечу. — Просто она нервничает насчет вечера.

Я прикусываю губу, сдерживая смех. Если бы Линдси и Элоди догадывались, что на самом деле происходит у меня в голове, не миновать бы мне психушки. Все утро, закрывая глаза, я воображаю прикосновение губ Кента Макфуллера, невесомое, словно бабочка задела крылом; вспоминаю ореол света вокруг его головы и тепло сильных рук, не дающих упасть. Я прислоняюсь лбом к стеклу. Улыбка отражается в окне, расплываясь все шире и шире, пока Линдси колесит по Аллее выпускников и ругается из-за того, что Сара Грундель заняла последнее свободное место.

Затем Элоди и Линдси идут в главное здание, а я невнятно ссылаюсь на головную боль и отправляюсь в здание А в кабинет медсестер. Там хранятся розы для Дня Купидона, и мне нужно внести кое-какие изменения. Ладно, может, вранье и не стопроцентно кошерно по шкале добрых дел (в особенности вранье лучшим подругам), но у меня очень, очень веская причина.

Кабинет медсестер длинный и узкий. Обычно вдоль него тянутся два ряда коек, но сегодня их убрали и заменили большими складными столами. Тяжелые шторы местного кинозала раздернуты, и комната буквально искрится от света. Свет отражается от металлических настенных креплений и мечется безумными зигзагами по ярко-белым стенам. Повсюду розы; цветы переполняют подносы, расставлены по углам, несколько даже валяется на полу с растоптанными лепестками. Если не знать, что за кажущимся беспорядком на самом деле стоят организующее начало и цель, можно подумать, что в комнате взорвалась розовая бомба.

Мисс Дивэйн, которая обычно руководит Днем Купидона, куда-то отлучилась, но над одним из ведер хихикают три купидона. Они подпрыгивают и дают деру, когда я вхожу. Очевидно, читали записки. Так странно думать об этих крошечных кусочках бумаги, словесных обрывках, полукомплиментах и неискренних комплиментах, нарушенных обещаниях и полуобещаниях, почти признаниях в том, что постоянно крутится на языке. Записки не в состоянии поведать всей истории или хотя бы половины. Комната, полная фраз, которые почти правдивы, но не совсем. Карточки трепещут на стеблях роз, как оторванные крылья бабочек. Пока я иду по проходу, изучая этикетки на подносах в поисках «С», девушки молчат. Вряд ли кто-то до меня осмелился вломиться в Розовую комнату, особенно из выпускников. Наконец я нахожу поднос, помеченный «Св-Ст». На нем пять роз для Тамары Стаген, еще полдюжины для Эндрю Сворка и три для Барта Свортни. Не повезло парню с именем. А вот и одинокая роза для Джулиет Сихи; вокруг стебля изящно обернута записка: «Может, в следующем году, но вряд ли». «Может, в следующий раз, но вряд ли».

Одна из девушек осторожно приближается ко мне. Она ломает руки и выглядит полумертвой от страха.

— Гм... чем могу помочь?

Роза Джулиет тонкая и свежая, с изящным розовым румянцем. Лепестки закрыты. Она еще не расцвела.

— Мне нужны розы, — сообщаю я — Много роз.

Исправления и уточнения

Я выхожу из Розовой комнаты взвинченная и взбудораженная, как будто только что выпила три порции мокко-латте в кофейне в торговом центре. Я заменила единственную розу Джулиет на огромный букет — выложила сорок баксов за две дюжины роз — и добавила записку печатными буквами: «От тайного поклонника». Жаль, я не увижу, как она получит их. Уверена, это здорово поднимет ей настроение. Более того, уверена, что это все исправит. У нее будет больше роз, чем даже у Линдси Эджкомб. Представив, как Линдси выпучит глаза, когда поймет, что в этом году «Мисс больше всего валограмм» не она, а Джулиет Сиха, я громко фыркаю от смеха прямо посреди урока «Американской истории повышенной трудности». Все оборачиваются и пялятся, но мне плевать. Наверное, так ощущаешь себя под наркотиками: паришь над миром, все кажется новым, свежим и озаренным изнутри. Не считая будущей ломки и чувства вины. А то и тюремного заключения.

Когда мистер Тирни раздает внеплановую контрольную, я все двадцать минут рисую вокруг вопросов сердечки и воздушные шарики, а когда он подходит забрать работу, я улыбаюсь так ослепительно, что он вздрагивает, будто не привык к счастливым лицам.

Между уроками я прочесываю коридоры в поисках Кента. Понятия не имею, что скажу ему, когда увижу. Вообще-то я ничего не могу сказать. Он не знает, что две последние ночи мы провели вместе; обе ночи мы были так близко, что если бы один из нас выдохнул, все закончилось бы поцелуями — собственно, почти закончилось прошлой ночью. Но меня одолевает нестерпимое желание просто быть рядом, следить, как он занимается привычными делами: отбрасывает волосы с глаз, криво улыбается, шаркает нелепыми клетчатыми кроссовками, прячет руки в слишком длинные манжеты рубашки. Мое сердце подскакивает к горлу всякий раз, когда я замечаю чью-то размашистую походку или включенные каштановые волосы. Но всякий раз это оказывается кто-то другой, и с каждой ошибкой мое сердце возвращается на место.

По крайней мере, я точно встречу его на математике. После «Основ безопасности жизнедеятельности» я заглядываю в туалет и провожу три минуты до звонка перед зеркалом, не обращая внимания на болтовню десятиклассниц и изо всех сил стараюсь не думать о скорой встрече лицом к лицу с мистером Даймлером. Живот как будто непрестанно катается на американских горках. Одновременно я жду, когда Джулиет получит розы, мечтаю о встрече с Кентом и испытываю разочарование. Вряд ли я выдержу сорок пять минут неизбежных ухмылок, подмигиваний и смешков мистера Даймлера. Надо забыть о его мокром противном языке у меня во рту.

— Вот потаскуха! — С этим возгласом из кабинки выходит одна из десятиклассниц, качая головой.

На миг мне мерещится, что она непостижимым образом прочла мои мысли и речь идет обо мне, но ее подруги разражаются смехом, и одна из них отвечает:

— Это точно. По слухам, она спала аж с тремя парнями из баскетбольной команды.

Все ясно: они обсуждают Анну Картулло. Дверца кабинки с каракулями Линдси открыта нараспашку. «АК = БШ». И ниже: «Возвращайся в свой трейлер, шлюшка».

— Нельзя верить всему, что слышите, — выпаливаю я.

Все три десятиклассницы немедленно затыкаются, уставившись на меня.

— Это правда. — Я смеюсь, встретив такую благодарную аудиторию, — Знаете, почему появляется большинство сплетен?

Девушки качают головами. Они стоят так близко друг к другу, что секунду я опасаюсь, как бы не стукнулись черепами.

— Потому что кому-то этого хочется.

Звенит звонок, и десятиклассницы бросаются к двери, будто их отпустили с урока. Я тоже собираюсь покинуть туалет, пройти по коридору, спуститься по лестнице, повернуть направо и переступить порог класса математики. Но стоп. Из головы не выходит надпись на двери кабинки, смех Элли и упоминание о подражательницах. «АК = БШ». Полагаю, Линдси ничего такого не хотела. Жалкие четыре буквы, глупые и бессмысленные. Может, просто купила новый маркер и решила попробовать. В некотором роде было бы лучше, если бы она написала это нарочно. Было бы лучше, если бы она по-настоящему ненавидела Анну. Потому что это важно. Было важно.

Не боясь опоздать на математику, я смачиваю кусок бумажного полотенца, просто в качестве эксперимента, и провожу по надписи на двери кабинки. Не поддается. Но, начав, я уже не могу остановиться. Я заглядываю под раковину и достаю сухую железную мочалку и бутылку «Комета». Приходится цепляться за дверь одной рукой и со всей силы давить другой, отчаянно тереть; вскоре граффити немного светлеет, а еще через некоторое время буквы почти исчезают.

Мне становится настолько хорошо, что я отскребаю и оставшиеся две двери, хотя рука болит, мышцы сводит, и я уже начала немного потеть в своем топе, все это время мысленно проклиная Линдси за дурацкие выходки и перманентный маркер.

Покончив со всеми тремя кабинками, я распахиваю двери и смотрю на их отражение в зеркале: гладкие, чистые, безликие, какими и должны быть двери туалетных кабинок. Почему-то меня переполняет такая гордость и счастье, что я пускаюсь в пляс прямо здесь, выбивая дробь каблуками по плиточному полу. Я словно вернулась в прошлое и что-то исправила. Бог знает, как давно я не ощущала себя настолько живой, настолько способной что-либо сделать.

Мой макияж окончательно поплыл. Бисеринки пота блестят на лбу и переносице. Я плещу в лицо холодной водой и вытираюсь колючим бумажным полотенцем, после чего заново наношу тушь для ресниц и кремовые румяна оттенка «Лепесток розы» — наш с Линдси общий идол. Сердце бешено колотится в груди, отчасти от возбуждения, отчасти от беспокойства. Впереди обед, а это значит, что шоу начинается.

— Может, хватит? — Элоди наклоняется и прижимает мои пальцы, барабанившие по столу. — Так и рехнуться недолго.

— Ты что, подалась в рекси, Сэм?

Линдси указывает на мой сэндвич, который я едва погрызла по краям. «Рекси» — сокращение от «анорексички», хотя я всегда считала, что это больше напоминает собачью кличку.

— Вот что бывает с любительницами загадочного мяса.

Элли кривится, глядя на ростбиф, заказанный мной вопреки тому, что он балансирует на самой грани приемлемого. Вещи, которые не имеют значения для проживших один и тот же день шесть раз и умерших по меньшей мере дважды: сорт мяса на обед и то, что его забыли подогреть.

Странно, но Линдси встает на мою сторону.

— У них все мясо загадочное, Эл. Индейка на вкус как подошва.

— Гадость, — соглашается Элоди.

— Всегда терпеть не могла местную индейку, — признается Элли.

Мы переглядываемся и разражаемся смехом.

До чего приятно смеяться! Мои плечи немного расслабляются, но пальцы снова машинально барабают, словно существуют сами по себе. Я изучаю каждого входящего в столовую, надеясь увидеть либо Кента — не питается он, что ли? — либо серебристую копну волос Джулиет. Пока ничего.

— ...Джулиет?

Я совершенно отключаюсь, думая о Сихе, поэтому при звуке ее имени на мгновение решаю, что мне померещилось или того хуже: я сама его произнесла. Но после вижу, что Линдси смотрит на Элли, кривя губы в странной ухмылке, и понимаю: она только что поинтересовалась, получила Джулиет нашу розу или нет. Я совсем забыла, что Элли и Джулиет вместе ходят на биологию, и теперь задерживаю дыхание. Комната словно накрывается, пока я жду ответа Элли. «О господи, так странно вышло... ей вручили огромный букет... представляете, она улыбнулась».

Элли прижимает ладонь ко рту и выпучивает глаза.

— О господи, совсем забыла рассказать...

Тут кто-то подходит со спины и закрывает мне глаза ладонями. Я настолько взвинчена, что даже вскрикиваю. Руки пахнут жареной картошкой и... ну конечно... мелиссой. Линдси, Элли и Элоди хохочут, и Роб убирает руки. Когда я поднимаю глаза, он улыбается, но смотрит напряженно, и я замечаю, что он несчастлив.

— Ты избегаешь меня? — спрашивает он, дергая за лямку топа, как будто пятилетний мальчишка.

— Вовсе нет, — откликаюсь я как можно веселее. — С чего ты взял?

Он указывает головой в сторону автомата с газировкой и тихо поясняет:

— Я стоял там минут пятнадцать, не меньше. — Ему явно не по душе откровенничать перед моими подругами. — Ты не подошла и даже не взглянула.

Мне хочется возразить: «Ты заставил меня ждать еще дольше», но он, разумеется, не поймет. К тому же видя, как он шаркает поношенными кроссовками «Нью беланс», я понимаю, что он не так уж и плох. Да, он эгоистичен, не слишком сообразителен, чересчур много пьет, флиртует с другими девушками и, хоть убей, не способен снять лифчик, не говоря уже обо всем

остальном, но в будущем он непременно повзрослеет и сумеет сделать какую-нибудь девушку счастливой.

— Я не игнорирую тебя, Роб, просто...

Надув щеки, я шумно выдыхаю и умолкаю. Мне никогда еще не приходилось никого бросать, и в голове вертятся сплошные штампы. «Дело не в тебе, дело во мне». (Ничего подобного — дело в нем. И во мне.) «Давай останемся друзьями». (Мы никогда и не были друзьями.)

— Между нами все...

Я затихаю. Он щурится, словно пытается читать на иностранном языке.

— Ты ведь получила мою розу? На пятом уроке? Ты прочла записку?

Как будто это что-то исправит.

— Вообще-то нет. — Я пытаюсь сохранять терпение. — Пятый урок я прогуляла.

— Мисс Кингстон! — Элоди прижимает руку к груди и делает вид, что шокирована. — Я крайне разочарована вами.

Снова смешки.

Выразительно посмотрев на нее, я поворачиваюсь к Робу.

— Но дело не в этом. Дело в том...

— Я не получил твою розу.

Два и два Роб складывает очень медленно. Когда он думает, прямо видно, как шестеренки крутятся у него в мозгу.

Утром я кое-что исправила в Розовой комнате. Подошла к букве «К», внимательно перевернула розы Роба — мельком взглянув на розу Габби Хэйнес, его бывшей девушки, гласившую: «Ты обещал потусоваться вместе, красавчик. Я жду!» — и вынула свой цветок с крошечной запиской, над которой промучилась не один час.

Линдси шлепает Роба по руке, полагая, что мы шутим, и подмигивает.

— Немного терпения, Роб. Твоя роза уже в пути.

— Терпения? — Он хмурится, будто у этого слова гадкий привкус, скрещивает руки и смотрит на меня. — Все ясно. Розы не будет. Ты забыла или как?

Тон его голоса заставляет моих подруг прозреть. Они молча переводят глаза с Роба на меня и обратно.

Позвольте отступление: однажды он сделает совершенно счастливой какую-нибудь студенточку с большими сиськами по имени Бекки, которая будет не против, чтобы с ней обращались как с куском мяса.

— Нет, не забыла... — начинаю я.

Роб перебивает спокойным, очень тихим голосом, который сочится злобой — тяжелой, холодной и едкой:

— Ты столько распиналась о Дне Купидона — и сама же пошла на попятный. Как всегда.

У меня бурлит в животе, словно там переваривается целая корова, но я вздергиваю подбородок и устремляю взор на Роба.

— Как всегда? Ты о чем?

Он проводит рукой по глазам и внезапно кажется гадким. Я вспоминаю, как отец показывал фокус — проводил рукой по лицу и становился то веселым, то грустным в одно мгновение.

— Полагаю, ты в курсе. Ты не слишком-то любишь выполнять свои обещания...

— Психотревога, — предупреждает Линдси, вероятно пытаюсь снять напряжение.

Отчасти получается. Я вскакиваю так быстро, что опрокидываю стул. Роб смотрит на меня с отвращением, пинает стул ногой — не сильно, но громко — и добавляет:

— Приходи, поговорим.

Он вылетает из столовой, но я больше не обращаю на него внимания. Я наблюдаю, как Джулиет плывет, скользит, парит, словно уже умерла и перед нами лишь разрозненные отрывки ее жизни.

В руках у нее ничего нет, ни единого цветка, только пухлый коричневый бумажный пакет, как обычно. Разочарование настолько тяжело и реально, что я ощущаю его вкус, горький комок в горле.

— ...а потом вошел купидон с охапкой роз. Честное слово, не меньше трех дюжин, и все для Джулиет.

Я вихрем оборачиваюсь.

— Что ты сказала?

Элли чуть хмурится, услышав мой тон, но повторяет:

— Психе только что принесли огромный букет. В жизни не видела столько роз. — Элли хихикает. — Наверное, у нее появился маньяк-преследователь.

— Не понимаю, что случилось с нашей розой. — Линдси надувает губы. — Я же специально проинструктировала: на третьем уроке, биологии.

— Что она сделала с ними? — перебиваю я.

— С чем? — уточняет Элли.

— С розами. Она... она выкинула их?

— Тебе-то какое дело? — морщит нос Линдси.

— Просто... да никакого. Просто...

Все удивленно на меня смотрят. У Элоди открыт рот, и я вижу в нем полуразжеванную картошку фри.

— По-моему, это мило, ясно? — оправдываюсь я. — Если кто-то послал ей столько роз... Ну, не знаю. По-моему, это мило, вот и все.

— Наверное, она сама послала их, — шутит Элоди.

Наконец я теряю терпение.

— Почему? Почему ты так говоришь?

Элоди дергается, будто я ударила ее.

— Просто... это же Джулиет!

— Вот именно. Это Джулиет. Тогда в чем смысл? Всем плевать на нее. Никто не обращает на нее внимания. — Я наклоняюсь вперед и прижимаю обе руки к столу; голова пульсирует от злости и разочарования. — В чем смысл?

— Это потому, что ты расстроилась из-за Роба? — хмурится Элли.

— Точно. — Линдси скрещивает руки на груди. — Между прочим, что случилось? У вас все нормально?

— Дело не в Робе, — выдавливаю я сквозь сжатые зубы.

— Мы просто пошутили, Сэм, — встречается Элоди. — Вчера ты заявила, что у Джулиет наверняка бешенство и ты боишься подходить к ней слишком близко — как бы не укусила.

После этой фразы я окончательно ломаюсь. Вернее, когда Элоди напоминает, что я так рассуждала: вчера, шесть дней назад, целый другой мир назад. Как это возможно: изменить так много и быть не в силах ничего изменить? Вот что самое ужасное в происходящем — чувство полной безнадежности. На самом деле вопрос, обращенный к Элоди, давно терзал меня. В чем смысл? Если я умерла... если я ничего не могу исправить — в чем тогда смысл?

— Сэм права, — подмигивает Линдси, все еще ничего не понимая. — Сегодня День Купидона, забыли? Сегодня положено любить и прощать всех, даже психов. — Она поднимает розу как бокал шампанского. — За Джулиет.

Элли и Элоди поднимают свои розы, смеются и хором откликаются:

— За Джулиет!

— Сэм? — Линдси выгибает бровь. — Ну же, тост!

Но я уже направляюсь в глубину сектора выпускников, к двери, которая выходит на парковку. Линдси что-то кричит, а Элли сообщает:

— Она не выкинула их, ясно?

Все равно я не останавливаюсь, пробираюсь среди столиков, заваленных едой, розами и сумками. Народ безмятежно болтает и смеется. Живот пронзает боль, похожая на сожаление. Мир кажется настолько глупым, радостно-нормальным: все попросту убивают время, потому

что у них уйма времени. Минуты утекают, потраченные на темы «кто с кем» и «ты слышала».

На горизонте — черная неподвижная гряда облаков, занавес, который скоро задернется. На парковке, покачиваясь на цыпочках, чтобы не замерзнуть, я выискиваю Джулиет. Из машины на Аллее выпускников гремит музыка. Серебристый «таурус» Кристи Мерфи мчит к выезду. В остальном на парковке ни души. Джулиет растаяла где-то среди металла и асфальта.

Я вдыхаю и выдыхаю облачко пара, наслаждаясь острым покалыванием воздуха в горле. Я почти рада, что Джулиет исчезла. Не знаю, что сказала бы ей. К тому же она не выбросила цветы. Это хороший признак. Еще секунду я покачиваюсь на цыпочках, размышляя о своем грядущем освобождении. Мне столько предстоит сделать в жизни! Подняться на Гусиный мыс с Иззи, пока она еще не слишком взрослая. Потусоваться вдвоем с Элоди. Съездить в Нью-Йорк, сходить на матч «Янкиз» с Линдси, налопаться хот-догов и освистать игроков.

Поцеловать Кента. По-настоящему поцеловать, медленно и долго, где-нибудь на улице... возможно, во время снегопада. Возможно, в лесу. Он наклонится ко мне, и у него снова будут снежинки на бровях, и он отведет волосы с моего лица и положит теплую руку на шею, удивительно теплую, почти обжигающую...

— Привет, Сэм, — раздается голос Кента.

Резко обернувшись, я спотыкаюсь о собственные ноги. Получилось совсем как с Джулиет Сихой: я так погрузилась в фантазии о Кенте, что его появление кажется сном или принятием желаемого за действительное.

На нем старый вельветовый пиджак с заплатами на локтях, как у безумного — и восхитительного — учителя литературы. Вельвет выглядит очень мягким, и мне ужасно хочется прикоснуться к нему. Это желание никак не связано с моим сегодняшним настроением и пониманием драгоценности всего сущего.

Кент держит руки в карманах и втягивает голову в плечи, словно старается не замерзнуть.

— Прогуляла математику?

— Гм... да.

Я ждала встречи с ним весь день, но в голове совершенно пусто.

— Очень плохо. — Кент усмехается, подпрыгивая на месте. — Ты осталась без целого букета.

Он перекидывает сумку через плечо и расстегивает молнию, доставая сливочно-розовую розу, на стебле которой трепещет золотая записка.

— Остальные цветы, наверное, вернули в кабинет. Но эту я решил... вручить тебе лично. Она немного помялась. Извини.

— Вовсе она не помялась, — поспешно возражаю я. — Очень красивая.

Кент прикусывает губу — в жизни не видела ничего более милого. Наверное, он нервничает. Его глаза мечутся то на меня, то в сторону, и всякий раз, когда они останавливаются на мне, словно весь мир исчезает и мы остаемся вдвоем среди яркого зеленого луга.

— Ты ничего не пропустила на математике. — Ну вот, опять завел шарманку. — В смысле, мы

разобрали несколько задач со среды, потому что некоторые переживали из-за контрольной в понедельник. Но большинство народу сидели как на иголках, наверное, из-за Дня Купидона, а Даймлеру на самом деле все равно...

— Кент?

Моргнув, он умолкает.

— Да?

— Это ты прислал ее? — Я поднимаю розу. — В смысле, она от тебя?

Его улыбка становится еще шире, как яркий солнечный луч.

— Ни за что не признаюсь, — подмигивает он.

Повинуясь порыву, я подхожу к нему и ощущаю жар его тела. Интересно, что он сделает, если прямо сейчас я притяну его к себе и коснусь его губ своими, как — надеюсь — коснулся он прошлой ночью. Но хотя от одной мысли об этом в животе порхает стайка бабочек, все мое тело дрожит от неуверенности.

Тут я вспоминаю фразу Элли в первый день, когда все началось: если в Таиланде взлетит стайка бабочек, в Нью-Йорке случится гроза. Я думаю о миллионах верных и неверных решений, случайностей и совпадений, которые привели меня сюда, к Кенту со сливочно-розовой розой в руках, и это кажется самым большим чудом на свете.

— Спасибо, — благодарю я. — Ну... за то, что принес ее.

Он опускает голову, смущенный и довольный.

— Всегда пожалуйста.

— Гм, я слышала, у тебя сегодня вечеринка?

Я отвечаю себе воображаемый пинок за то, что глупо мямлю. В моих мыслях все было намного проще. В моих мыслях Кент наклонялся и вновь касался моих губ, нежно и трепетно. Я отчаянно мечтаю все исправить, мечтаю вернуть то чувство, которое испытала прошлой ночью — которое мы испытали прошлой ночью, он должен был это ощутить, — но боюсь, любые мои слова только все испортят. Меня охватывает мимолетная печаль о том, что я потеряла. Где-то в бесконечной круговерти вечности навсегда утрачена та единственная крошечная доля секунды, когда наши губы встретились.

— Да. — Его лицо проясняется. — Родители, типа, уехали. Ты придешь?

— Обязательно! — отзываюсь я так страстно, что он даже вздрагивает, и продолжаю на нормальной громкости: — Такое событие нельзя пропустить, верно?

— Надеюсь. — Его голос теплый и тягучий, как сироп; мне хочется закрыть глаза и просто слушать. — Я раздобыл два бочонка.

Кент крутит пальцем в воздухе, как бы изображая, насколько это круто.

— Я все равно бы пришла.

Еще один воображаемый пинок: на что ты намекаешь? Кент, однако, вроде бы понимает, потому что заливается румянцем и отвечает:

— Спасибо. Я надеялся, что ты придешь. В смысле, я думал, что ты можешь прийти, ведь ты всегда ходишь на вечеринки, ну и любишь тусоваться, но я был не в курсе, может, где-нибудь другая вечеринка, или что-нибудь еще, или вы с подругами по пятницам развлекаетесь в другом месте...

— Кент?

Он снова мгновенно закрывает рот — так мило!

— Да?

Решая, с чего начать, я сжимаю руки в кулаки и облизываю губы.

— Я... мне нужно кое-что сказать тебе.

Он мило морщит лоб — и как я раньше не замечала, насколько он милый? — отчего мне не становится легче. Я глубоко вдыхаю и выдыхаю.

— Это прозвучит совершенно безумно, но...

— Да?

Кент наклоняется еще ближе, пока между нашими губами не остается меньше четырех дюймов. Я чувствую запах мятных леденцов в его дыхании, и голова начинает кружиться, как будто гигантская карусель.

— Я... гм, я...

— Сэм!

Мы с Кентом инстинктивно отскакиваем друг от друга, когда Линдси выходит из столовой. На плече у нее наши сумки. Если честно, я рада заминке, потому что собиралась признаться не то в том, что умерла несколько дней назад, не то в любви.

Линдси шатается, демонстративно изнемогая под весом двух сумок, как будто они отлиты из железа.

— Ну что, идем?

— Куда?

Она мельком смотрит на Кента, но больше ничем не выдает, что знает о его присутствии. Она оттесняет его, как будто его вообще здесь нет, как будто он не стоит ее времени, и когда Кент отводит глаза и делает вид, что все в порядке, мне становится тошно. Мне хочется дать ему понять: я не такая, он стоит моего времени. Это мое время его не стоит.

— В «Лучший деревенский йогурт», разумеется. — Линдси прижимает ладонь к животу и кривится. — Меня так раздуло от картошки, что это исправит только химическая вкуснотища.

Быстро кивнув мне, Кент уходит — не прощаясь, ничего, просто спешит поскорее убраться. Высунувшись из-за Линдси, я кричу:

— Пока, Кент! До встречи!

Он быстро, удивленно оборачивается и расплывается в улыбке.

— До встречи, Сэм.

Отдав мне честь, словно герой старого черно-белого фильма, он топает обратно в главное здание.

Минуту Линдси смотрит ему вслед, затем переводит глаза на меня и щурится.

— Что случилось? Кент успел тебя покорить?

— Возможно.

Мне наплевать, что думает Линдси. В ушах звенит от его улыбки, его близости. Я чувствую себя невесомой и всецельной; как под легким хмельком.

Подруга вглядывается в меня еще мгновение и просто пожимает плечами.

— Нельзя, чтобы признание в любви стало громом среди ясного неба. — Она берет меня под руку, — Йогурт?

Вот за что я обожаю Линдси Эджкомб, несмотря на миллион недостатков.

Альфа и омега

— Скорее, Сэм. — Линдси жадно смотрит на дом Кента, как будто он сделан из шоколада. — Ты прекрасно выглядишь.

Я в пятидесятый раз проверяю макияж в откидном зеркале. Наношу последний мазок блеска для губ, убираю слипшийся комочек туши с ресниц и напоследок повторяю отрепетированную речь: «Послушай, Кент, может, это немного неожиданно, но я хотела спросить... как насчет выбраться куда-нибудь вместе...»

— Не понимаю. — Элли перегибается вперед, хрустя дутой курткой «Берберри». — Если ты не собираешься делать этого с Робом, чего ты так нервничаешь?

— Я не нервничаю.

Несмотря на кремовые румяна и увлажняющий крем с тональным эффектом, я кажусь бледной, как вампир.

— Нервничаешь, — хором возражают подруги и смеются.

Элли тыкает меня в плечо бутылкой водки.

— Спорим, тебе не терпится выпить?

— Не надо, все в порядке, — отказываюсь я.

Странно, но я слишком взвинчена, чтобы пить. Кроме того, это первый день моей новой жизни. Теперь я буду поступать только правильно. Стану другим, хорошим человеком. Стану человеком, которого будут вспоминать добрым словом, а не просто вспоминать. Я повторяю это

снова и снова, сама мысль придает мне силу — надежная опора, путеводная нить. Она помогает прогнать страх и зудящее чувство глубоко внутри, будто я забыла что-то сделать, упустила.

Линдси обнимает меня и целует в щеку. Ее дыхание пахнет водкой и драже «Тик-так».

— Наш личный водитель-трезвенник, — произносит она. — Чувствую себя важной шишкой.

— Ты и есть шишка, — соглашается Элоди, — опасная для общества.

— Поговори мне тут, шлюшка! — С этим возгласом Линдси оборачивается и швыряет в Элоди тюбиком блеска для губ.

Та ловит его, триумфально визжит и мажет губы.

— Ну а я тогда зачоченевшая шишка, — ноет Элли. — Давайте уже пойдем в дом.

— Мадам? — поворачивается ко мне Линдси, взмахивает рукой и слегка кланяется.

— Ладно.

Мысленно я продолжаю твердить: «Ну, знаешь, посмотреть кино, или перекусить, или еще что-нибудь... А то мы уже пару лет толком не общались...»

Вечеринка оглушает ревом. Может, дело в том, что я трезвая, но вокруг до нелепого тесно, жарко и неудобно; впервые за долгое время я не сразу решаюсь войти, как будто все уставились на меня. Я напоминаю себе, что главное — найти Кента.

— Дурдом, — заключает Линдси.

Наклонившись и крутя ладонями в воздухе, она приветствует людей, прижатых друг к другу, передвигающихся не более чем на дюйм за раз, будто их соединяет незримая нить.

Мы пробираемся наверх. От выпивки — а может, и не только от нее — глаза гостей стеклянисто блестят, как у кукол. Если честно, мне становится не по себе. Хотя я целую вечность училась в школе с этими людьми, они кажутся незнакомыми, и когда они улыбаются мне со всех сторон, я вижу только зубы, словно пираньи готовятся к трапезе. Словно отдернули занавес и я вижу истинные лица людей, чужие, резкие и непостижимые. Впервые за много дней я вспоминаю повторяющийся сон, в котором я попадаю на вечеринку, где все кажутся знакомыми, не считая какой-то неуловимо отсутствующей детали. Возможно, смысл сна был в том, что изменились не другие люди, а я? Линдси не отнимает пальца от моей поясницы, понуждая двигаться, и я благодарна ей. Эта едва ощутимая связь придает мне отваги.

Я оказываюсь в первой комнате наверху, одной из самых просторных, и мое сердце ухает вниз: Кент; он в углу болтает с Фиби Райфер. В тот же миг у меня в голове разражается мощный бестолковый буран. Рот словно ватой набили, и я искренне сожалею, что не выпила ни глотка, иначе бы не ощущала себя слишком большой для этой комнаты, странной, высокой и неловкой, словно Алиса в Стране чудес.

Собираясь сказать хоть что-нибудь, я оглядываюсь на Линдси — мне нужно говорить, а не просто стоять, разинув рот, будто овощ-переросток, — но она куда-то исчезла. Ну конечно. Наверное, отправилась искать Патрика. Я сжимаю руки в кулаки и закрываю глаза. Сейчас, честное слово, раз, два, три...

— Сэм.

Роб не обнимает меня и, когда я оборачиваюсь, смотрит сверху вниз, как будто от меня воняет. Глупо, но я совершенно забыла, что он тоже собирался на вечеринку. Я вообще о нем не вспоминала.

— Не знал, что ты придешь.

— Почему бы и нет? — отвечаю я, скрещивая руки на груди, поскольку Роб отнюдь не деликатно таращится на мои сиськи.

— Ты сегодня как с цепи сорвалась.

У меня было подозрение, что он начнет меня оскорблять.

— Ну и что? — Он усмехается, лениво и глупо. — Может, извинишься? Попробуем придумать, как загладить твою вину.

Во мне вскипает ярость. Он словно ощупывает меня взглядом сверху вниз, пытаюсь облапать всю сразу. Поверить не могу, сколько вечеров я провела на диване в его подвале, позволяя лить на себя слюни. Годы и годы фантазий в одно мгновение уносятся прочь.

— Серьезно? Отличная идея. В смысле, загладить мою вину.

Я пытаюсь сдерживаться, но нотки язвительности прорываются. К счастью, Роб слишком пьян и не замечает.

— Правда?

Его лицо проясняется, он шагает ко мне и обнимает за талию. Я мысленно вздрагиваю, но заставляю себя не шевелиться.

— Хм, — мурлычу я и провожу пальцами по его груди, косясь на Кента, который все еще занят Фиби.

На мгновение я отвлекаюсь — ради Христа, что Кент нашел в этой чудаковатой тупице? — но тут же перевожу глаза обратно на Робба и заставляю себя флиртовать.

— Как насчет побыть немного наедине?

— Охотно! — Роб чуточку кренится набок. — Есть идеи?

Поднявшись на цыпочки, я шепчу ему в ухо:

— На этом этаже есть спальня. Вся дверь в наклейках для бампера. Иди туда и жди меня. Жди меня голым. — Я отстраняюсь и улыбаюсь как можно сексуальнее. — Поверь, это будет самым лучшим извинением в твоей жизни.

Челюсть Робба чуть не падает на пол.

— Сейчас?

— Сейчас.

Он отлипает от меня и, покачиваясь, шагает в сторону коридора, затем что-то соображает и оглядывается с вопросом:

— Ты ведь скоро придешь?

На этот раз я улыбаюсь совершенно искренне.

— Пять минут. — Я поднимаю правую руку с растопыренными пальцами. — Обещаю.

Когда я отворачиваюсь от Роба, мне нелегко сдержать смех и вся тревога из-за предстоящего разговора с Кентом испаряется. Я готова подойти и засунуть язык ему в горло, есть понадобится.

Вот только его уже нет.

— Черт, — бормочу я.

— Леди так не выражаются. — Элли подходит из-за спины и поднимает брови, отпивая из бутылки. — Что случилось? Атака робомонстров?

— Что-то вроде. — Я потираю лоб. — Ты, гм, не видела Кента Макфуллера?

Элли щурится.

— Кого?

— Кента. Макфуллера, — чуть громче повторяю я.

Две десятиклассницы оглядываются и смотрят на меня. Я не свожу с них глаз, и они отворачиваются.

— За гостеприимного хозяина! — Элли поднимает бутылку. — А что, ты уже что-то разбила? Классная вечеринка, правда?

— Ага, отличная! — Я стараюсь не закатывать глаза. — Пойдем пообщаемся с народом.

Элли настолько пьяна, что от нее никакого толку. Я указываю в глубину дома. Линдси и Элоди должны быть в задней комнате, а Кент где-то рядом. Элли берет меня под руку.

— Есть, мэм!

Тут я замечаю Эми Вейсс — наверное, самую большую сплетницу в школе. Она сосетя в дверном проеме с Ореном Талмаджем, как будто умирает от голода, а его рот набит «Читос». Я тащу Элли к ним.

— Хочешь поболтать с Эми Вейсс? — шипит Элли мне на ухо.

В девятом классе Эми распустила слух, что Элли позволила Фреду Даннону и еще двум парням потрогать себя за сиськи позади спортивного зала в обмен на месяц домашних заданий по математике. Я так и не выяснила, правда это или нет: Элли клянется, что неправда, Фред клянется, что правда, а Линдси уверяет, что Элли разрешила только посмотреть. В любом случае с тех пор Элли и Эми неофициальные архивраги. Я хлопаю Эми по плечу со словами:

— Передохните, ребята.

Она отстраняется от Орена, и ее лицо озаряется.

— Привет, Сэм! — Она бросает взгляд на Элли и снова на меня, обвивая шею Орена руками. — Извините. Я что, мешаю пройти?

Парень выглядит ужасно смущенным, наверное, гадает, куда подевалась рыба-прилипала с его лица.

— Нет, только твоя задница, — жизнерадостно отвечает Элли.

Я сжимаю руку подруги, и та вскрикивает. Мне только ссоры между Эми и Элли не хватало.

— Просто есть местечко получше, — сообщаю я, — если вы с Ореном хотите... ну, знаете, побыть наедине.

— Еще как хотим, — встревает Орен.

— Открытая спальня, — улыбаюсь я. — На двери наклейки для бампера. Очень мягкая кровать. — Я прижимаю пальцы к губам и посылаю Эми воздушный поцелуй. — Желаю повеселиться.

— Что это было? — взрывается Элли, как только мы оказываемся вне зоны слышимости. — С каких пор вы с Эми лучшие подружки?

— Долго объяснять.

Я наслаждаюсь своей силой и способностью контролировать ситуацию. Все идет как по маслу. Проходя мимо комнаты Кента, я быстро касаюсь двери. Прости, Роб.

Мы с Элли пробираемся по коридору. Я сканирую толпу в поисках Кента, ныряю в боковые комнаты, все больше и больше расстраиваясь, когда не нахожу его.

Раздается визг и взрыв смеха. На мгновение сердце замирает в груди, и я думаю: «Не может быть, только не сегодня, только не снова, только не Джулиет». Но тут Орен кричит: «Дружище, ради бога, надень штаны!» Элли высовывает голову в коридор в сторону комнаты Кента. Ее глаза становятся большими и круглыми, как у мультяшки.

— Э-э-э, Сэм? Посмотри-ка на это.

Я выглядываю в коридор: Роб семенит к лестнице, пытается по крайней мере. Это довольно сложно, потому что он: а) со всех сторон окружен зеваками и б) едва держится на ногах, одетый только в «боксеры» и кроссовки «Нью беланс» с непарными носками. И кепку, конечно. Остальные вещи он держит у паха и рывкает на всех и каждого:

— Куда пялишься, сука?

Если бы не кроссовки, я бы пожалела его. Он что, не потрудился их снять? Слишком увлеченно строил планы атаки на мой лифчик? К тому же почти добравшись до лестницы, он случайно падает на десятиклассницу, но не отстраняется, а пьяно обнимает ее. Я не слышу, что он говорит, но когда она выпутывается из его рук, видно, что она хихикает, как будто приставания полуголого, потного, пьяного вдрызг выпускника — лучшее, что случилось с ней за день.

— Да, — вздыхаю я. — Мы точно расстались. Официально.

Элли странно смотрит на меня и произносит:

— Кент.

У меня екает сердце.

— Что?

— Это Кент.

В голове опять становится пусто. Она знает. Совершенно очевидно, что я схожу по нему с ума; может, Линдси разболтала, когда встретила нас у столовой.

— Я... мы расстались вовсе не из-за...

Она качает головой и тыкает пальцем мне за плечо.

— Кент. У тебя за спиной. Разве ты не его искала?

Накатывает облегчение. Она не знает. И тут же крошечный укол разочарования. Она не знает, потому что нечего знать. Даже он не знает. Я разворачиваюсь и высматриваю Кента в коридоре.

— Вон там, — указывает Элли на дверь в десяти футах дальше по коридору.

Отсюда видно только самое начало комнаты, кладовки или кабинета, судя по огромному столу, загораживающему половину дверного проема. Люди входят и выходят.

— Идем, — команду я и снова тащу Элли за собой.

— Я лучше поищу Линдси, — вырывается она.

Ей явно надоела моя миссия, в чем бы она ни заключалась. Я киваю, и Элли уносится в сторону задней комнаты, расталкивая людей бутылкой из-под водки, словно палкой. На мое плечо опускается рука. Я подсказываю и оборачиваюсь: Бриджет Макгуир и Алекс Лимент.

— Ты ведь у миссис Харбор по литературе? — сразу начинает тараторить Бриджет. — Не в курсе, она раздала сегодня темы сочинений по «Макбету»? Алекс пропустил урок, был на приеме у врача.

Я совершенно забыла о Бриджет, Анне и Алексе из-за того, что так и не ходила с Линдси есть замороженный йогурт — что-то мешало мне, заставляло держаться поближе к школе, к центру событий. При виде кривой улыбочки Алекса у меня чешутся руки. Роб ухмылялся точно так же, когда ему удавалось выпросить у учителя отсрочку на несуществующем основании. Я думаю об Анне с обведенными черным карандашом глазами и импровизированном фуршете на полу заброшенного туалета. Даже Бриджет не заслуживает такого. Конечно, она несносная, но зато симпатичная, добрая и наверняка все свободное время ухаживает за больными детьми.

Так не пойдет. Я не спущу ему.

Бриджет все еще болтает о том, что мама Алекса совсем помешалась на здоровье. Я перебиваю ее.

— Вам не кажется, что пахнет китайской едой?

Явно разочарованная, что я не слушала, Бриджет морщит нос.

— Китайской едой?

— Да, точно. Похоже... похоже... — Я демонстративно принохиваюсь и смотрю прямо на Алекса. — На большую миску говядины с апельсинами.

Его улыбка несколько никнет, но он пожимает плечами и заявляет:

— Ничего не чувствую.

— О боже! — Бриджет прижимает руку ко рту. — Неужели это от меня? Я и правда ела китайскую еду вчера вечером.

— И чего тебе неймется? — спрашиваю я Алекса, стряхнув остатки вежливости.

— Что? — моргает он.

Бриджет выглядит озадаченной, и мгновение мы просто стоим и молчим. Мы с Алексом не сводим друг с друга глаз, а Бриджет крутит головой так быстро, что та вот-вот оторвется.

— Я имею в виду, насчет здоровья, — улыбаюсь я. — Зачем ты посещал врача?

— Да так, ерунда, — заметно расслабляется Алекс. — Мама настояла, чтобы я сделал какую-то дурацкую прививку. Ну и общий осмотр и все такое.

— Мм. — Я бросаю выразительный взгляд на его пах. — Надеюсь, осмотр был очень тщательным.

К счастью, Бриджет следит не за мной, а за тем, как Алекс заливается краской.

— Гм. Д-да. Очень, — щурится он, словно только что меня заметил.

— Я как раз ищу врача. — Мне жаль Бриджет, но она вправе знать, на что способен ее так называемый парень. — В наши дни ужасно трудно найти хорошего врача. Особенно такого, кто принимает в ресторане с комплексным обедом за четыре доллара девяносто девять центов. Большая редкость.

— О чем ты? — пищит Бриджет и вихрем оборачивается к Алексу. — О чем она говорит?

Тот играет желваками. Очевидно, ему хочется послать меня куда подальше, но он понимает, что от этого станет только хуже, и потому просто стоит и смотрит.

Я кладу руку на плечо Бриджет.

— Очень жаль, но твой парень — попросту мешок с дерьмом.

— О чем она говорит?

Голос Бриджет взмывает еще на октаву. Уходя, я слышу, как Алекс пытается ее успокоить — несомненно, пичкая ложью, которую сочиняет на ходу. Я должна быть довольна собой — в конце концов, он заслуживает этого, и в некотором роде я только разложила все по полочкам, — но стоит мне немного отойти, и я испытываю странное опустошение. Чувство контроля над происходящим исчезает, его место занимает зудящее беспокойство. Я

пролистываю события дня, как страницы на экране монитора, пытаюсь отыскать упущение, то, что забыла сказать или сделать. Возможно, мне надо пораньше съездить к Джулиет, выяснить, как дела. С другой стороны, как убедить ее? «Привет. Пообещай, что не будешь сегодня бросаться под машину. Это не лучшая мысль. И никаких взрывов, ладно? Не надо играть с моей жизнью».

Музыка орет так громко, что я с трудом отличаю ноты друг от друга. Я представляю, как возьму Кента за руку и отведу в тихое и темное место. Может, в комнату на первом этаже, или в лес, или еще дальше. Или мы просто сядем в машину и поедем.

— Сэм! Сэм!

Я поднимаю глаза. В задней комнате Линдси забралась на диван и машет мне поверх прилива покачивающихся голов. Элли рядом с ней, а Элоди немного позади, что-то шепчет Стиву Маффину.

Скованная ощущением безнадежности, я медлю. С чего вдруг мне разговаривать с Кентом? Это нелепо. У меня не получится выразить, как я ошибалась насчет него, насчет Роба, насчет всех. Вряд ли я смогу объяснить, как мне удалось измениться. А если это ложь? Если измениться невозможно?

Пока я балансирую между двумя комнатами, люди вокруг замолкают с отвисшими челюстями. Линдси оседает на диване, бесцельно хлопая себя ладонью по боку. Элли рядом с ней открывает и закрывает рот как рыба. Все мое тело начинает гудеть, словно электрические провода.

Вот и она, шагает по коридору. Несмотря на все, что я сделала, Джулиет Сиха отправилась на охоту.

Отчаяние, безнадежность, ощущение, что я что-то забыла, упустила, мгновенно превращаются в ярость. Джулиет видит Линдси, останавливается и собирается приступить к обычному «сука», но не успевает, поскольку я бросаюсь вперед, хватаю ее за плечо и практически волоку обратно по коридору. Она слишком удивлена, чтобы сопротивляться.

Я затаскиваю ее в ближайшую ванную (велев выметаться двум девчонкам, которые прихорашиваются перед зеркалом), захлопываю дверь и запираю замок. Когда я оборачиваюсь, Джулиет смотрит на меня, будто это я психопатка.

— Зачем ты здесь?

Очевидно, она неверно понимает мой вопрос и с упорством поясняет:

— Это вечеринка. Я имею право прийти, как и все.

Когда она не психует и не называет меня сукой, у нее приятный голос, музыкальный, как у Элоди.

— Нет, — качаю я головой и прижимаю пальцы к вискам, пытаюсь унять пульсацию. — В смысле, зачем ты пришла? Ради чего?

Ее взгляд падает на дверную ручку, которую я держу поясницей. Если Джулиет захочет сбежать, ей придется меня отодвинуть.

По-видимому, она расценивает шансы не в свою пользу, поскольку долго и медленно выдыхает.

— Пришла ради того, чтобы сообщить вам кое-что. Тебе, Линдси, Элоди и Элли.

— Неужели? И что же?

— Вы суки, — тихо отвечает она.

Это больше напоминает сожаление, чем обвинение.

— Я сука, — откликаюсь я в тот же миг.

На ее лице замешательство.

— Послушай, Джулиет. — Я запускаю руки себе в волосы. — Знаю, мы не всегда были добры к тебе и так далее. И мне действительно очень жаль... честное слово.

Мне важно понять ее мысли, но в ее глазах словно задернулись шторы, щелкнул выключатель, и она просто тупо на меня смотрит.

— Дело в том, что мы ничего такого не хотели, понимаешь? Мне кажется, я... мы... вообще об этом не думали. Так уж устроена жизнь. Меня тоже постоянно высмеивали. — Ее взгляд заставляет меня нервничать, и я облизываю губы. — Постоянно. И вряд ли это потому, что люди гадкие и злые. Просто мне кажется... кажется...

Я пытаюсь подобрать слова. В голове крутятся воспоминания: пение людей, когда я иду по коридору; аромат мороженого в дыхании Линдси в тот день, когда мы швырялись тампонами Бет из окна; скачка на лошади сквозь размытую пелену деревьев.

— Мне кажется, люди не думают. Они не знают. Мы... я... не знала.

Хорошо, что я наконец-то все высказала. Но Джулиет не пошевелилась, не улыбнулась и даже не возмутилась. Она так неподвижна, словно вырезана из камня. Наконец ее сотрясает едва заметная дрожь, маленькое личное землетрясение; ее взгляд вновь становится осмысленным и замирает на мне.

— Ты не всегда была добра ко мне? — вяло спрашивает она.

У меня екает в животе: она не слушала.

— Я... да. И мне очень жаль.

Ее веки трепещут.

— В седьмом классе вы с Линдси украли мою одежду из раздевалки, так что остаток дня мне пришлось ходить в пропотевшем спортивном костюме. За это вы прозвали меня Скусом.

— Я... прости. Я этого не помню.

Меня пугает ее взгляд. Она словно смотрит сквозь меня в пустоту.

— Разумеется, это было до того, как вы придумали кличку Психа.

Голос Джулиет утрачивает музыкальность и становится совершенно безжизненным. Она

поднимает руку и делает вид, что втыкает нож в воздух, издавая пронзительные вскрики, от которых у меня мурашки бегут по коже, и на мгновение мне кажется, что она и правда сумасшедшая. Затем она роняет руку.

— Очень смешно. «Псих-убийца, qu'est-ce que c'est». Легко запоминается.

— Надо мной тоже очень глупо шутили. Напевали, когда я шла мимо: «Угадайте, что такое: красно-белое, чудное?»

Надеюсь, она засмеется или дернется. Нет, она только смотрит на меня тупым, животным, бессмысленным взглядом и, будто повинуюсь некой силе, продолжает перечислять наши провинности:

— Я не напевала. Вы сфотографировали меня в душе.

— Это была Линдси, — машинально возражаю я.

Мне становится все больше не по себе. Если бы она разозлилась — это одно. Но она словно не замечает меня, словно действительно читает список, который видела миллион раз.

— Вы развесили снимки по всей школе. Там, где учителя могли увидеть.

— Мы сняли их уже через час.

Можно подумать, это облегчает нашу вину. Мне становится стыдно.

— Вы взломали мой электронный почтовый ящик. Обнародовали мои... личные письма.

— Это не мы, — быстро отрекаюсь я.

Слава богу, хоть здесь мы ни при чем. До сих пор я не в курсе, кто взломал ящик Джулиет и разослал ее переписку с парнем под ником Path2Pain18, с которым они, очевидно, познакомились в чате. Десятки посланий, длинные тирады о том, что средняя школа — полный отстой, а окружающие уроды. Хакер разослал переписку почти всем ученикам «Томаса Джефферсона», снабдив новым заголовком: «А завтра они устроят в школе бойню». Я ежусь от того, насколько легко безнадежно ошибаться в людях — видеть только крошечную часть истины и принимать ее за целое, видеть причину и считать ее следствием, и наоборот. Я совершенно дезориентирована, хотя побывала в доме Кента уже пять раз за шесть дней. Меня смущают яркий свет лампы, бесстрастное лицо Джулиет и грохот вечеринки за дверью.

Между тем она продолжает, словно в прострации:

— Вы распустили слух, что я рассталась с девственностью за пачку сигарет.

Элли. Это была Элли. Я молчу. В конце концов, неважно. Это были мы. Это были все мы. Все, кто повторял сплетню, шептал «шлюха» и делал вид, что заходится в кашле курильщика при ее появлении.

— Но я даже не курю.

Она улыбается, как будто это чертовски смешно. Как будто вся ее жизнь — одна большая шутка.

— Джулиет...

— Слух дошел до моей сестры. Она рассказала родителям. Я... — Наконец Джулиет утрачивает хладнокровие, сжимает пальцы в кулаки и прижимает к бедрам. — Я даже не целовалась.

Ее горькое признание, его страстность, печаль и сожаление пробивают черную пелену злобы во мне.

— Я знаю, ясно? Знаю, что мы натворили немало дел. Знаю, что мы дерьмово себя вели, и все плохо, и...

Тут я осекаюсь; слова застревают в горле. Я на грани слез, полная слепой ярости, которая окутывает меня облаком, заслоняет все, кроме единственного жгучего разочарования: я не могу заставить ее понять, не могу заставить понять, что пытаюсь все исправить. Я словно вижу, как обе наши жизни утекают в трубу, моя и ее, обернувшись друг вокруг друга.

— Да пойми ты, я хочу все исправить. Я пытаюсь извиниться. Все... все наладится.

Она сжимает губы, бледная и безмолвная, и мне приходится изо всех сил сдерживаться, чтобы не схватить ее за плечи и не встряхнуть хорошенько.

— Вот например... — Я двигаюсь наугад; слова и мысли гудят во мне и пробиваются сквозь злость, пытаюсь достучаться до нее. — Ты же получила сегодня розы? Целую охапку роз?

Все ее тело содрогается. В глазах снова вспыхивает искра, но это не благодарность, а пламенная ненависть.

— Так я и думала. Так и думала, что это вы. — В ее голосе столько боли и ярости, что я отшатываюсь, словно от удара. — Что это было? Очередная ваша шуточка?

Ее реакция слишком неожиданна, и несколько секунд я ошеломленно молчу.

— Что? Нет. Никакая не...

— Бедняжка Психа. — Джулиет суживает глаза, почти шипит. — У нее нет друзей. Нет роз. Давайте подшутим над ней еще раз.

— Я не собиралась над тобой шутить. — Что происходит, отчего все перевернулось с ног на голову? — Просто хотела тебя порадовать.

Не знаю, слышит ли она меня.

— И каков же был ваш план? Что еще за дерьмо про «тайного поклонника»? — Джулиет наклоняется ближе. — Решили подговорить какого-нибудь своего приятеля притвориться, что я нравлюсь ему? Пригласить меня на свидание? Или даже на бал? А потом... что? Он не явился бы в назначенный вечер? Было бы чертовски смешно, если бы я устроила истерику, вышла из себя, заплакала или разозлилась, увидев его в школе. — Она отшатывается. — Извини, если разочарую, но вы повторяетесь. Это уже было. В восьмом классе. Весенний бал. Эндрю Робертс.

Она никнет, словно тирада ее утомила. Ярость и пламя в глазах гаснут одновременно, лицо становится безжизненным, кулаки разжимаются.

— А может, у вас не было плана. — Теперь она говорит тихо, почти мелодично. — Вы ничего не замыслили, просто напомнили, что у меня никого нет, ни друзей, ни тайных поклонников.

«Может, в следующем году, но вряд ли».

Она снова улыбается, и это намного хуже, чем ярость. Я уже настолько разочарована и растеряна, что сглатываю слезы.

— Честное слово, Джулиет, ничего я не замышляла. Просто хотела тебя порадовать. Прийти на выручку.

— Прийти на выручку?

Она повторяет мои слова, будто слышит их впервые в жизни; ее глаза заволакивает мечтательная, отстраненная дымка. Всякий след ярости и чувства исчезает. Она кажется даже безмятежной, и я поражена ее красотой — вблизи она кажется супермоделью со своей призрачно-белой кожей и огромными голубыми глазами цвета рассветного неба.

— Ты не знаешь меня, — почти шепчет она. — Ты никогда меня не знала. И ты не можешь прийти мне на выручку. Никто не может.

Я вспоминаю, что сказала Кенту всего два дня назад: «Вряд ли меня можно исправить». Теперь мне известно: я ошибалась. Любого можно исправить; так должно быть, это единственное, в чем есть смысл. Но как объяснить это Джулиет, как убедить ее? Совершенно спокойно, с присущей ей текучей грацией она кладет руку мне на плечо и мягко, но твердо отодвигает с дороги, и вот я уже шагаю в сторону и пропускаю ее к дверной ручке. В горле стоят слезы, я по-прежнему подбираю фразы, а лицо Джулиет все больше бледнеет, почти светится, как раскаленное добела пламя; и мне кажется, что я уже вижу ее гибель, ее жизнь колеблется передо мной, как помехи на экране телевизора.

Она замирает, касаясь двери и глядя прямо перед собой.

— Знаешь, мы дружили с Линдси. — У нее по-прежнему этот жуткий, спокойный голос, словно она находится на расстоянии многих миль. — В детстве мы все делали вместе. У меня до сих пор сохранилось ожерелье дружбы, которое она подарила: сердечко, разломанное пополам. Если половинки сложить, получается «Лучшие друзья навсегда».

Мне не терпится спросить, что произошло, почему их дружбе настал конец, но слова по-прежнему стоят комом в горле. А еще я боюсь перебивать. Пока Джулиет со мной, она в безопасности.

— Это случилось перед тем, как ее родители развелись. — Джулиет бросает беглый взгляд в мою сторону, и он словно прошивает меня насквозь. — В то время она постоянно грустила. Я часто ночевала у нее дома, и ее родители так ужасно ругались, что нам приходилось прятаться под кроватью и обкладываться подушками, чтобы заглушить звук. Она называла это «строить форт». Она всегда искала во всем светлую сторону, сама знаешь. Но она плакала, и плакала, и плакала, когда считала, что я сплю. А еще ей начали сниться кошмары. По-настоящему страшные. Она с криком просыпалась среди ночи.

Джулиет снова смотрит на дверь и слегка улыбается. Как бы мне хотелось войти в ее воспоминания и увидеть то же, что видит она, исправить то, что сломано!

— И тогда Линдси стала писаться, понимаешь? Потому что между ее родителями все было так плохо. Конечно, она испытывала унижение и взяла с меня клятву молчать, пообещала навсегда прекратить со мной общаться, если я проболтаюсь. Мы просыпались по утрам, и некоторые подушки форта были влажными. Я притворялась, что не замечаю. Однажды утром я

отправилась чистить зубы, и она сидела в ванне и терла подушку отбеливателем — у меня даже глаза защипало. Наверное, она полчаса ее терла. Подушка была безнадежно испорчена, вся в белых пятнах, а ее пальцы были опухшими и красными. Их разъело почти до крови. Но она словно не замечала. У нее была одна мысль: сделать подушку чистой.

Я закрываю глаза. Пол уплывает из-под ног. Я вспоминаю, как ворвалась в туалет «Розалитас» и обнаружила Линдси на коленях и комки еды в унитазе. Смесь стыда, ярости и вызова на ее лице.

— Однажды ссора так разгорелась, что мы даже сбежали из дому. Нам было всего семь или восемь лет, но всю дорогу ко мне мы прошли одни. Стоял довольно холодный март. Мы решили, что Линдси поселится в моей комнате. Я не собиралась никому говорить, только охранять ее и носить еду. В основном жевательный мармелад и «Сникерсы». В то время она любила шоколад и конфеты. И сладкое вообще.

Невольно я издаю полузадушенный писк. Не уверена, смогу ли слушать дальше. Я понимаю, что история Джулиет и ванная Кента — это альфа и омега всего случившегося, начало и конец.

Однако Джулиет продолжает вещать этим странным, размеренным тоном, будто у нас еще море времени.

— Разумеется, ничего не получилось. Мы поднялись ко мне в комнату, но тут же заспорили, кто будет спать на раскладушке, а кто на большой кровати, и мама услышала нас. Она перепугалась из-за того, что мы прошли всю дорогу одни. Орала и плакала, что нас могли украсть, убить или еще что. Помню, мне было ужасно неловко. — Джулиет разглядывает свои ладони. — Впрочем, это было ничто по сравнению с истерикой Линдси, когда мама заявила, что она должна возвращаться домой. В жизни не слышала, чтобы кто-то так громко вопил.

Джулиет молчит так долго, что я уже не ожидаю продолжения. Ее слова звенят у меня в голове, порхают с места на места и складываются в узор, как подсказки в головоломке. «Она всегда искала во всем светлую сторону... Наверное, она полчаса ее терла... Ее пальцы были опухшими и красными...» Я словно балансирую на грани понимания чего-то, что мне не слишком хочется знать. Комнатка кажется крошечной и душной. На грудь давит невыносимая тяжесть. Вот бы сбежать, выскочить за дверь, раствориться на вечеринке, выпить пива и забыть о Джулиет, забыть обо всем. Но я прикована к месту. Не могу пошевелиться. Передо мной встает бесконечная темнота моего сна. Только не это.

— Забавно, если подумать, — подает голос Джулиет. — Мы все делали вместе, Линдси и я. Мы даже вместе вступили в герлскауты. Это она придумала. Я вовсе не рвалась торговать печеньем, жечь костры и так далее. Мы отправились в поход в начале пятого класса. Разумеется, мы спали в одной палатке.

Я смотрю на руки Джулиет: они дрожат едва заметно, но быстро-быстро, словно крылышки колибри. Уголкем глаза она замечает мой взгляд и опускает руки на бедра, грациозно, но безнадежно.

— Помнишь кличку, которую мне дали в пятом классе? Кличку, которой наградила меня Линдси? Мышка-мокрушка. — Она качает головой. — Эта кличка мне снилась, так часто я ее слышала. Иногда я забывала свое настоящее имя. — Джулиет поворачивается ко мне; ее лицо сияет, почти светится, блещет красотой. — Самое забавное, что я вообще ни при чем. Это Линдси напрудила в спальный мешок. К утру вся палатка пропахла. Но когда пришла мисс Бриджес с вопросом, что случилось, Линдси ткнула в меня пальцем и закричала: «Это она!» В

жизни не забуду ее лица. «Это она!» Испуганное. Словно я — бродячий пес, который собирается ее укусить.

Я прижимаюсь к двери. Хорошо, что есть надежная опора. Разумеется, это чертовски похоже на правду. Теперь все понятно: злоба Линдси; то, как она всегда держала пальцы крестом, чтобы отпугнуть Джулиет Сиху. Она не ненавидит ее. Она боится ее. Джулиет Сиху, хранительницу самого старого, возможно, самого ужасного секрета Линдси.

И все теперь кажется нелепым, случайным. Кто-то взмывает вверх, а кто-то несется по спирали вниз — бессмысленно, наугад. Так же просто, как оказаться в удачном месте, или в неудачном месте, или как вам больше нравится. Так же просто, как однажды днем на вечеринке у бассейна захотеть диетической пепси и быть подхваченной ветром; так же просто, как сказать «нет».

— Почему ты промолчала? — спрашиваю я, хотя уже знаю ответ; получается хрипло, оттого что я сглатываю слезы.

— Она ведь была моей лучшей подругой, — пожимает плечами Джулиет. — И постоянно грустила в то время. К тому же я надеялась, что все наладится.

— Джулиет... — начинаю я.

Она встряхивает плечами, будто сбрасывает груз беседы, груз прошлого.

— Теперь уже неважно.

После этой фразы она дергает ручку и выскальзывает за дверь.

— Джулиет!

У двери собралась толпа, и когда я выхожу, меня сразу сносят к стене — две одиннадцатиклассницы дерутся из-за очереди и пьяно вопят. «Я первая пришла!» — «Нет, я!» — «Ты вообще только что пришла!» Несколько человек бросают на меня косые взгляды, затем мимо пролетает Бриджет Макгуир с красным, пятнистым лицом в потеках слез. При виде меня она всхлипывает: «Ты...», но осекается, ныряет мимо одиннадцатиклассниц и запирается в ванной.

— О господи, опять! — возмущается кто-то.

— Я сейчас описаюсь, — стонет одиннадцатиклассница, скреживая ноги и подпрыгивая на месте.

Алекс Лимент следует за Бриджет по пятам. Он пробивается к двери ванной и колотит по ней, призывая Бриджет. Я по-прежнему стою у стены, прижатая толпой, парализованная тем, насколько все неправильно. Однажды я слышала, что когда падаешь в холодную воду, то тонешь не сразу. Холод сбивает с толку, заставляет думать, что верх — это низ, а низ — это верх, и ты плывешь, плывешь, плывешь что есть сил, но не в ту сторону, а напрямик на дно, в объятия смерти. Вот что я чувствую — что весь мир перевернулся.

— Поверить не могу.

Внезапно я понимаю, что Алекс обращается ко мне, скаля зубы.

— Знаешь, кто ты? — Он хватает меня за голову, не давая пошевелиться; на его лбу блестят капельки пота, изо рта пахнет травкой и пивом. — Ты сука, Саманта Кингстон.

Его слова встряхивают, будят меня. Надо сосредоточиться. Джулиет где-то в лесу, на холоде. Наверное, пробирается к шоссе. Я еще успею найти ее, отговорить, заставить понять.

Положив руки Алексу на грудь, я отталкиваю его. Он неуклюже пятится.

— Это я уже слышала. Не сомневайся.

Я пробиваюсь сквозь толпу в коридоре и уже наполовину спускаюсь по лестнице, когда кто-то окликает меня. Я замираю на месте; люди позади налетают друг на друга, словно костяшки домино, и осыпают меня ругательствами.

— О боже, ну что еще? — оборачиваюсь я и вижу Кента.

Он перепрыгивает через перила на лестницу, едва не столкнув Ханну Гордон, и приземляется на две ступеньки выше, слегка запыхавшись.

— Ты пришла.

Его глаза горят от счастья. Шоколадные и карамельные пряди волос падают на лоб, вбирая свет рождественских гирлянд, развешенных повсюду. Я испытываю почти неодолимое желание заправить ему волосы за уши.

— Я же обещала прийти.

В животе разгорается тупая боль. Весь вечер — весь день — я желала одного: оказаться рядом с ним. А теперь у меня нет времени.

— Слушай, Кент...

— Я сначала подумал, что ты где-то здесь, когда увидел Линдси. Вы же неразлучная парочка. Но потом я искал тебя... — Он осекается и краснеет. — В смысле, не то чтобы искал. Просто, ну, знаешь, бродил среди толпы, развлекал гостей. Разве не это должен делать хозяин? Развлекать гостей. В общем, я поглядывал по сторонам...

— Кент.

Мой голос звучит резко и злобно; на мгновение я закрываю глаза, представляя, каково лежать рядом с ним в полной темноте, воображая прикосновение его руки. Внезапно до меня доходит, насколько все это невозможно — между им и мной. Когда я открываю глаза, он по-прежнему стоит рядом и ждет, чуть морща лоб, такой нормальный и милый. Ему нужна девушка в кашемировом свитере, которая превосходно решает кроссворды, или играет на скрипке, или работает в благотворительных столовых. Хорошая, нормальная, честная девушка. Боль в животе усиливается, словно там сидит дикий зверь и грызет мои внутренности. Я никогда не стану достаточно хороша для него. Даже если придется проживать этот день до скончания веков, я никогда не буду ему соответствовать.

— Прости, — выдавливаю я. — Не могу сейчас с тобой говорить.

— Но... — начинает он, с неуверенным видом пряча руки в манжеты рубашки.

— Прости.

Я чуть не добавляю: «Так лучше», но решаю, что это бессмысленно. И не оборачиваюсь, хотя чувствую спиной его взгляд.

На улице я натягиваю флиску и застегиваю до подбородка. Дождь стекает по шее, на штанах мгновенно появляются пятна. По крайней мере, сегодня на мне обувь без каблука. Я иду по подъездной дорожке. Асфальт обледенел, и я хватаюсь за машины, чтобы не упасть. Холод раздирает легкие, и как ни странно, в голове возникает простейшая и глупейшая мысль: «Надо было чаще бегать». Я практически выбилась из сил, мне хочется смеяться и плакать. Но я не останавливаюсь — меня подхлестывает мысль о Джулиет, которая припала к земле у Девятого шоссе, наблюдая, как машины мчатся мимо, поджидая Линдси.

Наконец грохот вечеринки затихает, и наступает тишина, не считая шороха дождя, словно тысячи осколков стекла осыпаются на мостовую, и стука моих шагов. Темно, и мне приходится двигаться медленнее. Я на ощупь пробираюсь от одной машины к другой; металл настолько холодный, что обжигает пальцы. Найдя Танк, возвышающийся над остальными автомобилями, я роюсь в сумке, пока не вытаскиваю холодный металлический брелок со стразами и надписью «Плохая девочка». Ключи Линдси от машины. Я шумно выдыхаю. Хоть что-то хорошее. Теперь Линдси никуда не денется. Ее Танк не проедет сегодня по шоссе, сколько бы Джулиет ни ждала. И все же я запираю дверцы на два оборота.

Автомобили кончаются; я с трудом пробираюсь вперед, мысленно проклиная себя за то, что не взяла фонарик, проклиная двенадцатое февраля, проклиная Джулиет Сиху. Теперь понятно, что розы были дурацкой идеей, даже оскорбительной. Я думаю о Джулиет и Линдси много лет назад в палатке, когда испуганная, униженная Линдси ткнула в Джулиет пальцем и все завертелось. Долгие годы Джулиет хранила секрет Линдси. «Я надеялась, что все наладится».

И в то же время чем больше я размышляю, пока хлещет яростный ливень, тем больше злюсь. Это моя жизнь, безбрежная мешанина возможностей — первых поцелуев, последних поцелуев, колледжа, квартир, брака, ссор, извинений и счастья, — сведенных к точке, секунде, доле секунды, уничтожена в то последнее мгновение поступком Джулиет, ее мстью нам, мстью мне. Чем дальше я от вечеринки, тем более четкий у меня настрой: «Нет. Этому не бывать. Что бы мы ни сделали, этому не бывать».

Затем дорожка внезапно обрывается, и передо мной расстилается Девятое шоссе, блестящее, словно лента реки, жидкое серебро, подсвеченное лужицами света. Я понимаю, что затаила дыхание, только когда выдыхаю и ловлю воздух, благодарная за то, что наконец-то светло.

Смахнув капли дождя с глаз, я поворачиваюсь налево, изучая опушку леса в поисках Джулиет. Отчасти мне хочется верить, что наша беседа пошла ей на пользу, что-то значила для нее. Возможно, она все-таки отправилась домой. В то же время я отлично помню ее тихий, безжизненный голос; где бы она ни была в тот миг, она была не со мной. Она заблудилась, потерялась в тумане — не то воспоминаний, не то всего, что могло пойти иначе.

За спиной ревет автомобиль, и я подскакиваю. Приземляясь, я поскальзываюсь и падаю на четвереньки на лед, пока машина мчится мимо, а за ней другая и мотор рокочет как гром. Затем гудок, волны звука окружают меня, становясь все громче и громче. Я поднимаю глаза и вижу фары автомобиля, несущегося прямо на меня. Пытаюсь пошевелиться и не могу. Пытаюсь закричать и не могу. Я прикована к месту, фары становятся огромными, как луны, и парят повсюду. В последнюю секунду автомобиль чуть виляет в сторону и проносится так близко, что я ощущаю жар мотора, запах выхлопного газа и слышу строчку песни, пульсирующей в радио: «Жги, пали, рви». Машина удаляется, продолжая гудеть, и растворяется в ночи. Бас в динамиках все тише и тише — далекий пульс.

Мои ладони ободраны об асфальт, сердце колотится так быстро, что готово выскочить из груди. Медленно, дрожа, я поднимаюсь. С другой стороны дороги проезжает еще один автомобиль, на этот раз медленно; вода из-под шин брызгает в обе стороны.

А затем, в пятидесяти футах впереди, из леса выходит белая фигура, вырастает из земли, словно высокий бледный цветок. Джулиет. Я направляюсь к ней, уже не спеша, стараясь не наступать на скользкие полосы темного льда. Она стоит совершенно неподвижно, будто вовсе не замечает дождя. В какой-то миг она даже поднимает руки параллельно земле, словно готовится прыгнуть с вышки. В ее позе есть нечто прекрасное и пугающее. Я вспоминаю, как в детстве мы посещали церковь на Пасху и Рождество, и я всегда боялась смотреть на кафедру с деревянной статуей Иисуса, распятого на кресте.

— Джулиет!

Она не реагирует — или не слышит, или просто не обращает внимания. До нее остается пятнадцать футов, затем десять. Позади раздается низкий рокот. Я оборачиваюсь и вижу, как большой грузовик рассекает темноту. У меня снова возникает нелепая мысль: «У него надо отобрать права; нельзя носиться так быстро». Джулиет напряженно смотрит на дорогу, прижав руки к бедрам. Только через секунду я понимаю, на что это похоже, только через секунду понимаю, что происходит: словно пес готовится прыгнуть за птичкой. Все кусочки головоломки собираются воедино, и когда Джулиет начинает двигаться языком белого пламени, я тоже двигаюсь, мчу со всех ног и покрываю дистанцию между нами, пока она перебегает тропинку. Водитель грузовика жмет на гудок, мощный звук словно наполняет воздух вибрацией; я налетаю на Джулиет всем телом, и мы катимся, кувыркаемся обратно в лес. Я кричу, она тоже кричит; в моем плече расцветает боль. Я перекатываюсь на спину; черные ветки деревьев над головой сплетаются густой паутиной.

— Что ты делаешь? — орет Джулиет; ее лицо наконец утрачивает спокойствие и искажается злобой. — Что ты, мать твою, делаешь?

Я сажусь; во мне тоже вспыхивает ярость.

— Что я делаю? Что *ты* делаешь? Выпрыгиваешь на дорогу перед первым встречным грузовиком! Мне казалось, смысл в том, чтобы дождаться Линдси...

— Линдси? Линдси Эджкомб? — Злоба Джулиет тает, она выглядит донельзя озадаченной и сжимает голову руками. — Даже не представляю, о чем ты.

Вдруг я теряю уверенность.

— Я... подозревала... Ну, знаешь, что это твоя большая месть...

— Мсть? Извини, Сэм. На этот раз вы ни при чем. — Джулиет невесело смеется, на ее лицо снова падает пелена. — А теперь оставь меня одну, пожалуйста.

Она поднимается, не утруждаясь стереть жирные следы грязи и стряхнуть прилипшие листья.

У меня кружится голова, и я с трудом могу сосредоточиться на Джулиет, как будто нас разделяют мили вместо нескольких футов. Дождь припустил еще сильнее, застучал острой крошкой. В голове кружатся обрывки воспоминаний: Линдси гордо гладит крышу Танка и хвастает: «Я могу проехаться ноздря в ноздрю с автофурой и глазом не моргнуть»; хозяин «Данкин донатс» заявляет: «Это не машина, это грузовик»; случайность происходящего, то, как все может измениться в одно мгновение; нужное место в удачное или неудачное время;

огромный грузовик надвигается на нас, широченная металлическая решетка сверкает, как зубы, воплощение света и мощи, ощущение силы. Видишь только огни фар и внушительный размер. Не месть. Совпадение. Глупое, бессмысленное совпадение. Всего лишь часть странного устройства мира с его конвульсиями, приступами кашля, рывками и нелепыми столкновениями.

— Но почему?... — Мне удастся встать на ноги. — Почему ты пришла на вечеринку? Зачем?

Джулиет не смотрит на меня, просто легонько пожимает плечами.

— Да ни за чем. Просто чтобы сказать. Мне всегда было страшно это сказать — сказать, что я на самом деле о вас думаю. Я больше не боюсь вас. Никого и ничего. Я даже не боюсь...

Она осекается, но я знаю продолжение: «Даже не боюсь умирать». А еще я знаю, что ее слова не совсем правдивы. Это не единственная причина ее появления на вечеринке. Пазл складывается, и все теперь до жути очевидно: ей нужны были мы, нужен был тот последний толчок. Я закрываю глаза, вспоминая, как мокрую Джулиет перекидывали от человека к человеку, словно шарик для пинбола. Наверное, ей просто нужно было подогреть эмоции... вспомнить, насколько все плохо. Может, в тот день, когда мы остались у Линдси, — в день, когда для Джулиет все закончилось иначе, в день, когда все закончилось наедине с пистолетом, — ей понадобилось больше времени, чтобы набраться смелости? Что, если на вечеринке ее никто не заметил, не обратил внимания и она обнаружила, что не в силах через это пройти? Что, если позже ночью она сидела и смотрела на пистолет на коленях и представляла лица людей, которые издевались над ней год за годом?

Тут в темноте всплывает искаженное в гримасе лицо Вики Халлинан, и я распахиваю глаза. Возможно, перед смертью видишь своих призраков.

— Это не способ, — вяло произношу я.

Дождь просочился в мой мозг, сделав его сырым и бесполезным. Все нужные фразы вылетели из головы, и я повторяю чуть громче:

— Это не способ.

— Пожалуйста, — тихо молвит Джулиет. — Я просто хочу побыть одна.

— А как же твоя семья? — Мой голос истерично взвизгивает, ведь я снова теряю ее, теряю свой шанс. — Как же твоя сестра?

Она молчит. Неподвижно сидит, уставившись на дорогу. Дождь насквозь промочил ее футболку, лопатки торчат из спины, словно крылышки птенца, и я вспоминаю, как мама Элли вошла в комнату и сообщила: «Джулиет Сиха мертва». Я еще подумала, что это невероятно... что она должна была спрыгнуть со скалы, взмыть в небо. Я снова вижу ту картину: у нее внезапно вырастают крылья, и она уносится в небо, прочь от зла.

На дороге было на удивление мало автомобилей, но теперь с обеих сторон доносится гул моторов. Громких моторов. Больших моторов.

— Джулиет. — Шагнув вперед, я крепко беру ее за руку. — Я не позволю тебе.

Она поворачивается. Ее глаза настолько пусты, что у меня перехватывает дыхание. Лужицы жидкого вакуума. Ее лицо напоминает ту сшитую маску с дырами вместо глаз: чудовищную,

искаженную, сотканную из лоскутов, с глазами, которые смотрят внутрь и наружу, но ничего не видят. Я так поражена, что ослабляю хватку. В ушах гудит, я смутно ощущаю присутствие машин, но не могу пошевелиться. Не могу отвести взор.

— Слишком поздно, — вздыхает она.

В этот миг, когда я держу недостаточно крепко, она вырывает руку и выбегает на дорогу, где два фургона как раз готовы разминуться; меня ослепляет блеск металла, и нечто белое взмывает ввысь, и на мгновение меня охватывает всепоглощающая радость. «Она это сделала, — думаю я, — она летит». Время словно остановилось, пока она сверкает в воздухе, как чудесная птица. Но время возобновляет свой ход; воздух проминается под ней, и она падает. Темноту пронзает оглушительный крик, и я опять далеко не сразу понимаю, что это мой крик.

Призраки и рай

Через полтора часа я останавливаюсь на подъездной дорожке Линдси, и мы вдвоем следим, как дождь превращается в снег, следим, как весь мир замирает, когда тысячи капелек дождя словно по мановению руки замерзают прямо в воздухе и безмолвно опускаются на землю. Элоди и Элли я уже высадила. По дороге с вечеринки все молчали. Элоди откинулась на спинку сиденья, притворяясь, будто спит, но в какой-то момент я посмотрела в зеркало заднего вида и уловила блеск ее глаз, наблюдающих за мной.

— О господи. Ну и ночь. — Линдси прислоняется лбом к стеклу. — Дурдом, правда? В жизни бы не подумала... Нет, у нее, конечно, не хватало винтиков, но я даже не догадывалась, что она может... — Подруга ежится и бросает взгляд на меня. — И ты была там.

Когда приехали полиция и «скорая помощь», а за ними через лес потянулись гости с вечеринки, притихшие, неожиданно трезвые, влекомые звуком сирен, словно мотыльки к огню, я все еще стояла на обочине дороги. Меня даже допросила женщина-полицейский с большой родинкой на самом кончике подбородка. Ее родинка маячила передо мной, как одинокая путеводная звезда в темном небе.

«Она принимала алкоголь?»

«Нет».

«Она принимала что-то еще? Не бойся, будь честной».

«Нет, насколько мне известно».

Линдси облизывает губы, шевелит руками на коленях.

— И она... ничего не сказала? Не объяснила?

О том же спросила и женщина-полицейский: последний вопрос, возможно, единственный значимый. «Она что-то сказала тебе? У тебя есть предположения, как она себя чувствовала, какие мысли у нее были?»

«По-моему, она ничего не чувствовала».

— Не уверена, что смогу объяснить, — отвечаю я Линдси.

Однако подруга не унимается.

— Но у нее наверняка были проблемы. Неприятности дома. Ни с того ни с сего так не поступают.

Мне вспоминается холодный, темный дом Джулиет, отсветы телевизионного экрана, ползущие по стенам, незнакомая пара в серебряной фоторамке.

— Возможно. — Я смотрю на Линдси, но она упорно отводит глаза. — Наверное, мы никогда уже не узнаем.

Внутреннее опустошение настолько глубоко, что перестает казаться опустошением и начинает казаться облегчением. Так вот что ощущаешь, когда тебя уносит волна. Вот что ощущаешь в тот миг, когда тонкая темная полоска берега скрывается за горизонтом и ты переворачиваешься на спину, созерцая только звезды, небо и воду, которые смыкаются вокруг, словно объятия. Когда раскидываешь руки и думаешь: «Ну и ладно».

— Спасибо, что подбросила. — Линдси берет за ручку дверцы, но не выходит. — Уверена, что справишься?

— Справлюсь.

Я люблю ажурными снежинками, летящими под углом. Снег словно течет, вздымается и опадает мощной волной, окутывая мир мерцанием. Красиво. Но в голове лишь одно: это первая из многих вещей, которых Джулиет никогда не увидит.

Линдси грызет ноготь, хотя всегда утверждала, что избавилась от этой привычки в третьем классе. В гараже вспыхнул автоматический свет, и ее лицо сокрыто во мраке.

— Линдси?

Она подпрыгивает, будто мы много часов молчали и она поражена, что я все еще в машине.

— Помнишь тот случай в «Розалитас»? После твоего возвращения из Нью-Йорка? Когда я вломилась к тебе в туалет?

Повернувшись, она напряженно на меня смотрит. Ее глаза еще темнее, чем лицо, два пятна абсолютной черноты.

— Это точно был единственный раз? — спрашиваю я.

Она медлит всего секунду и едва шепчет:

— Ну конечно.

Мне ясно, что она лжет. Теперь я понимаю: Линдси вовсе не бесстрашна. Она до смерти боится. Боится одного: люди узнают, что она всю жизнь врет и жульничает, притворяется, будто держит все в кулаке, хотя на самом деле барахтается точно так же, как мы. Линдси готова вцепиться в горло за один косой взгляд, словно мелкая цепная шавка из тех, что вечно лают и кусают воздух, пока цепь не сдавит шею.

Миллионы снежинок кружатся, вертятся и все вместе напоминают накатывающие белые волны. Неужели среди них действительно нет одинаковых?

— Джулиет поделилась со мной одной историей. — Я откидываюсь на подголовник и щурюсь, так что остается только белизна. — О походе герлскаутов. Когда вы учились в пятом классе... когда вы еще были подругами.

Линдси по-прежнему молчит, но я чувствую, что она слегка дрожит на соседнем кресле.

— По ее словам, на самом деле это ты... сама знаешь.

— И ты поверила ей? — быстро, но машинально, по инерции отзывается Линдси, как будто не надеется, что это поможет.

Я не обращаю внимания.

— Помнишь, как ее прозвали Мышкой-мокрушкой? — Открыв глаза, я смотрю на Линдси. — Зачем ты растрезвонила всем, что это она? В смысле, ладно, под влиянием момента, ты была напугана, смущена, но потом?.. Зачем ты распустила слух?

Подругу трясет еще больше, и секунду мне кажется, что она не ответит или солжет. Но она отвечает ровным, размеренным голосом, полным чего-то непривычного. Возможно, сожаления.

— Я думала, это ненадолго. — Судя по всему, она до сих пор удивлена, что ошибалась. — Думала, что рано или поздно она откроет всем правду. Постоит за себя, понимаешь? — Ее голос на мгновение осекается, в нем появляется истеричная нотка. — Почему она так и не постояла за себя? Ни разу. Она просто... просто принимала все как есть. Почему?

Много лет Линдси хранила свою тайну, своего двойника, который плакал по ночам и стирал описанные подушки — самый ужасный секрет, прошлое, которое пытаешься забыть.

И сколько раз я сама сидела в неловком молчании, опасаясь сказать или сделать что-нибудь не то, опасаясь, что глупая долговязая неудачница внутри меня, любительница верховой езды, поднимет голову и проглотит новую меня, словно змея еще живую жертву. Я убрала чемпионские кубки с полки, выбросила кресло-мешок, научилась одеваться и не есть горячее на обед, а самое главное, научилась держаться подальше от людей, которые тянули меня вниз, на законное место. Таких людей, как Джулиет Сиха. Таких, как Кент.

С трудом поднявшись, Линдси распахивает дверцу. Я вырубаю мотор, вылезая из машины вместе с ней и кидаю ключи через крышу. Она ловит их одной рукой. Вспыхивают фары, и я оборачиваюсь, щурясь и вытягивая руку в сторону машины, стоящей за нашей.

— Две минуты.

Линдси кивает на Кента, который припарковался сзади и ждет, чтобы отвезти меня домой.

— Ты уверена, что справишься? В смысле, доберешься домой и вообще.

— Уверена.

Несмотря на все случившееся, мне становится жарко при мысли о том, что по дороге домой придется сидеть рядом с Кентом целых двенадцать минут. Хотя это неправильно — глубоко внутри я понимаю, что ничего не получится, у меня уже никогда и ни с кем ничего не получится.

Линдси открывает и закрывает рот. Очевидно, собирается спросить о Кенте, но передумывает.

На тропинке к дому она медлит и оборачивается.

— Сэм?

— Да?

— Мне правда жаль. Очень жаль, что... так вышло.

Она хочет услышать, что все в порядке. Ей нужна эта фраза. Но я не могу. Вместо этого я тихо произношу:

— Люди все равно любили бы тебя, Линдз. — Я не добавляю «если бы ты перестала притворяться», но уверена, что она понимает. — Мы любили бы тебя, несмотря ни на что.

— Спасибо, — выдавливает она, сжимая кулаки.

Затем поворачивается и идет к дому. На мгновение в свете фонаря ее лицо кажется мокрым — от слез или от снега.

Кент наклоняется, открывает мне дверцу, и я забираюсь внутрь. Мы молча отъезжаем от дома Линдси и поворачиваем на главную дорогу. Он ведет медленно, осторожно, фары подсвечивают два конуса снега, руки спокойно лежат на руле. Мне так много нужно ему сказать, но я не могу заставить себя говорить. Я устала, у меня болит голова, и мне хочется просто наслаждаться тем, что наши руки разделяет всего несколько дюймов, что его машина пахнет корицей, что ради меня он включил печку на полную мощность. От этого меня клонит в сон, руки и ноги тяжелеют, словно мое тело живет своей собственной жизнью и трепещет, остро сознавая близость Кента.

Около моего дома он сбавляет скорость, и мы едва ползем; надеюсь, это потому, что он тоже не желает окончания поездки. Самый подходящий момент, чтобы время остановилось прямо здесь и сейчас, чтобы пространство разверзлось и исчезло, будто на краю черной дыры, чтобы время начало нарезать бесконечные петли и мы бы вечно пробирались сквозь снег. Но как бы медленно Кент ни ехал, машина движется вперед.

Вскоре слева возникает покосившийся указатель с названием моей улицы, затем появляются темные дома соседей, а вот и мой дом.

— Спасибо, что подбросил, — благодарю я.

В тот же миг он поворачивается ко мне с вопросом:

— Уверена, что справишься?

Мы оба нервно смеемся. Он отбрасывает челку со лба, но она тут же падает обратно, отчего у меня екает в животе.

— Не за что, — добавляет он. — Это честь для меня.

«Это честь для меня». В его устах это совсем не напоминает расхожую фразу из старого фильма. Я думаю об упущенном времени, и мое сердце лихорадочно бьется. Секунды и часы навсегда уносятся с кончиков пальцев, словно снег в темноту.

Мы просто сидим. Я отчаянно подбираю фразы, любые, лишь бы остаться в машине, но слова не идут на ум, и секунды убегают одна за другой.

Наконец я выпаливаю:

— Сегодня все было ужасно, не считая этого.

— Не считая чего?

Жестом я указываю на нас. «Тебя и меня. Все было ужасно, кроме этого».

В его глазах загорается огонек.

— Сэм.

Он произносит мое имя лишь раз, просто выдыхает его. Кто бы мог подумать, что единственный слог способен превратить мое тело в танцующее пламя! Вдруг Кент берет меня теплыми ладонями за лицо, проводит пальцами по бровям. На одно чудесное мгновение его большой палец замирает на моей нижней губе. У его кожи привкус корицы. Но он быстро опускает руку и со смущенным видом отстраняется и бормочет:

— Извини.

— Ничего... все нормально.

Мое тело звенит. Он не может этого не слышать. В то же время голова словно вот-вот оторвется от плеч и взлетит.

— Просто... Боже, это просто ужасно.

— Что ужасно?

Звон в теле резко прекращается, желудок наливается свинцом. Сейчас он заявит, что я не нравлюсь ему. Заявит, что видит меня насквозь.

— В смысле, учитывая то, что случилось... это неподходящее время... и ты встречаешься с Робом.

— Я не встречаюсь с Робом, — поспешно возражаю я. — Мы расстались.

— Правда?

Его взгляд столь пристальный, что я вижу золотые полосы в его зеленых глазах — точно спицы в колесе. Я киваю.

— Это хорошо. — Он продолжает смотреть на меня так, будто это последний шанс меня увидеть. — Потому что...

Кент умолкает, его взгляд медленно опускается на мои губы, и мое тело наливается таким жаром, что я боюсь потерять сознание.

— Потому что?.. — поощряю я его, удивленная тем, что еще не утратила дар речи.

— Потому что я ничего не могу с собой поделать. Извини, но я должен поцеловать тебя прямо сейчас.

Он кладет руку мне на шею и притягивает к себе. Мои губы покалывает от прикосновения его

мягких губ. Я закрываю глаза, и в темноте распускаются прекрасные цветы, кружащиеся, словно снежинки, и колибри в моем сердце трепещут крылышками в такт. Я растворяюсь, исчезаю, плыву в пустоте, точно в своем сне, но на сей раз это приятное чувство — словно я парю, словно совершенно свободна. Другой рукой он отводит волосы с моего лица; я ощущаю каждое прикосновение его пальцев и думаю о звездах, падающих с неба и оставляющих за собой пылающий след. В этот миг — сколько бы он ни длился, секунды, минуты, дни, — когда он выдыхает мое имя мне в губы и оно смешивается с моим дыханием, я понимаю, что это был мой первый настоящий поцелуй.

Отстранившись слишком быстро, он продолжает держать мое лицо в ладонях и, задыхаясь, произносит:

— Ух ты. Извини. Но ух ты.

— Ага, — соглашаюсь я; слово застревает у меня в горле.

Мы сидим, уставившись друг на друга, и наконец-то я больше не беспокоюсь и не волнуюсь из-за того, что он думает. Я просто счастлива, купаясь в его взгляде, паря в теплом, пронизанном светом месте.

— Ты очень нравишься мне, Сэм, — тихо сообщает он. — Всегда нравилась.

— Ты тоже мне нравишься.

Не волнуйся о завтрашнем дне. Даже не вспоминай о нем. На миг я закрываю глаза, прогоняя прочь все, кроме его теплых рук, удивительных зеленых глаз и губ.

— Пора. — Он наклоняется и нежно целует меня в лоб. — Ты устала. Тебе нужно поспать.

Он выходит и открывает мне дверцу. Снег стал липким, укрыл все белым одеялом, размыл края мира. Когда мы идем по дорожке к крыльцу, наши шаги почти не слышны. Родители оставили свет на крыльце — единственный свет в темном доме на темной улице, а то и во всем мире. В его мерцании снег похож на падающие звезды.

— У тебя снег на ресницах. — Кент проводит пальцем по моим векам и переносице, и я вздрагиваю. — И в волосах.

Порхающая рука, прикосновение пальцев, ладонь на моей шее. Вот он, рай.

— Кент!

Я обхватываю пальцами воротник его рубашки. Как бы близко он ни стоял, это недостаточно близко.

— Бывает, что ты боишься спать? Боишься того, что ждет впереди?

Он печально улыбается, и я готова поклясться: он знает.

— Иногда я боюсь того, что оставляю позади, — отвечает он.

Мы снова целуемся; наши губы и тела движутся так плавно, что мы будто не целуемся, а только думаем о поцелуях, думаем о дыхании; все правильно, естественно, неосознанно и расслабленно, ощущение не старания, но полной непринужденности, свободы, и в этот миг свершается невообразимое и невозможное: время замирает. Время и пространство отступают и

уносятся прочь, подобно вечно расширяющейся Вселенной, оставляя только темноту и нас двоих на краю, темноту, дыхание и прикосновение.

Глава 7

В своем последнем сне я кувыркаюсь, падаю сквозь воздух, но на этот раз темнота вокруг живет и пульсирует, и меня осеняет, что все это время я не была окружена темнотой, просто глаза были закрыты. Чувствуя себя глупо, я открываю их, и в тот же миг вокруг вспархивает сто тысяч бабочек, так много бабочек, так много ярких цветов, что они сливаются в единую радугу, ненадолго заслоняя солнце. По мере того как они поднимаются все выше и выше, мне открывается чудесный пейзаж, сплошь зелень и золото, залитые солнцем поля и окрашенные розовым облака, плывущие подо мной; воздух вокруг прозрачен и ароматен, и я смеюсь, смеюсь, смеюсь, кружась в воздухе, потому что все это время я вовсе не падала.

Я летела.

И пробуждение прекрасно, словно меня тихо выносит на мирный, безмятежный берег; сон и его смысл будто окатывают меня волной и отступают, оставляя однозначную и твердую уверенность. Теперь я знаю.

Дело вовсе не в том, что я должна спасти свою жизнь.

По крайней мере, не так, как я думала.

И настал день седьмой

Однажды мы с Линдси смотрели старый фильм. Главный герой рассуждал о том, как печально, что когда ты занимаешься сексом в последний раз, тебе неизвестно, что он последний. Конечно, в эксперты я не гожусь, поскольку у меня и первого-то раза не было, но, полагаю, это верно для большинства вещей на свете: последнего поцелуя, последнего смеха, последней чашки кофе, последнего заката, последнего раза, когда пробегаешь под дождевальную установкой, или лижешь мороженое, или ловишь языком снежинку. Тебе просто неизвестно.

Но по-моему, это даже хорошо, потому что иначе ты не в силах отпустить. Когда известно — это все равно как если бы тебе приказали спрыгнуть с обрыва. Хочется одного: упасть на четвереньки и целовать землю, нюхать ее, цепляться за нее.

Наверное, все расставания подобны прыжку с обрыва. Самое сложное — решиться. Как только окажешься в воздухе, тебе придется отпустить.

Последнее, что я говорю родителям: «До встречи». «Я люблю вас» я сказала чуть раньше. Последнее, что я говорю: «До встречи».

Если совсем точно, это последнее, что я говорю отцу. Матери я говорю: «Уверена», потому что она появилась в дверях кухни со свежей газетой в руках, растрепанная, в перекошенном халате, и спрашивает: «Уверена, что не хочешь позавтракать?» Она всегда меня спрашивает.

У двери я оборачиваюсь. Отец хлопчет у плиты, напевает себе под нос и жарит яичницу маме на завтрак. На нем полосатые пижамные штаны, которые мы с Иззи подарили на последний день рождения; волосы торчат в разные стороны, как будто он сунул палец в электрическую розетку. Мама, протискиваясь мимо, кладет руку ему на спину, усаживается за кухонный стол,

разворачивает газету. Отец выкладывает яичницу на тарелку и ставит перед ней со словами: «Voila, madame. Поджарено до хруста». Она встряхивает головой, улыбается и что-то отвечает. Он наклоняется и целует ее в лоб. Приятно видеть. Хорошо, что я помедлила.

Иззи следует за мной до двери, подает перчатки и улыбается во весь рот, демонстрируя щель между передними зубами. У меня кружится голова, когда я смотрю на сестру; желудок стремится вывернуться наизнанку; но я глубоко вдыхаю и думаю о том, как буду считать шаги. Думаю о том, как побегу вприпрыжку. Думаю о полете во сне.

Раз, два, три, скок.

— Ты забыла перчатки, — шепелявит сестра, сверкая золотом волос.

— Что бы я делала без тебя?

Опустившись на корточки, я крепко ее обнимаю, и перед моими глазами пролетает вся наша жизнь: ее крошечные детские пальчики и волосики, от которых пахло присыпкой; первый раз, когда она пришагала ко мне; первый раз, когда она каталась на велосипеде, упала и поцарапала коленку, тогда я увидела ее ногу в крови, чуть не умерла от страха и несла до самого дома. Странно, но сквозь мои воспоминания просвечивают картины ее будущего: высокая, эффектная Иззи держится за руль одной рукой и смеется; Иззи в длинном зеленом платье и туфлях на шпильках плывет к лимузину, который отвезет ее на бал; Иззи гнется под тяжестью книжек, летит снег, она ныряет в общежитие, ее волосы — золотое пламя на белом.

— Дышать нечем! — пищит она и выворачивается. — Решила меня раздавить?

— Прости, детка.

Я расстегиваю бабушкину цепочку с птичкой. Глаза Иззи становятся большими и круглыми.

— Повернись, — командую я.

Впервые в жизни сестра беспрекословно затихает и делает, что велют; боится даже вздохнуть, пока я поднимаю ей волосы и застегиваю цепочку на шее. Затем поворачивается ко мне в ожидании приговора с очень серьезными глазами.

Улыбнувшись, я дергаю за цепочку. Она доходит ей до середины груди; птичка висит справа от сердца.

— Тебе идет, Иззи.

— Ты отдаешь ее мне... насовсем-насовсем? Или только на сегодня? — шепчет она, будто мы обсуждаем военную тайну.

— В любом случае на тебе цепочка смотрится лучше.

Я наставляю на сестру палец, и она кружится, вскинув руки, точно балерина.

— Спасибо, Сэмми!

Хотя у нее выходит «Фэмми», как всегда.

— Будь хорошей девочкой, Иззи.

В горле ком, боль во всем теле. Я встаю. Мне приходится бороться с порывом снова опуститься на корточки и обнять сестру.

Она упирает руки в боки, как мама, задирает нос и притворно негодует:

— Я и так хорошая девочка. Самая лучшая.

— Лучшая из лучших.

Иззи уже развернулась, зажала кулон в кулаке и бежит на кухню, роняя шлепанцы, с криком:

— Глядите, что мне Сэм подарила!

В моих глазах стоят слезы, отчего ее фигурка расплывается, и я вижу только розовое пятно пижамы и золотой ореол волос.

Уличный холод обжигает мне легкие; боль в горле усиливается. Я глубоко вдыхаю, втягивая запахи горящих поленьев и бензина. Солнце на удивление красиво, висит над самым горизонтом и словно потягивается, стряхивает сон, и я знаю, что под этим тусклым зимним светом скрывается обещание закатов не раньше восьми вечера, вечеринок у бассейна, запахов хлорки и гамбургеров на гриле; а еще глубже — обещание деревьев, окрашенных в оранжевый и красный, словно языки пламени, и пряного сидра, и инея, что тает к полудню — за слоем, всегда что-то новое. Мне хочется плакать, но Линдси уже припарковалась перед домом, размахивает руками и вопит: «Что ты делаешь?» Поэтому я просто иду, переставляю ноги: раз, два, три. Может, стоит отпустить эти деревья, траву, небо и алые полосы облаков на горизонте? Отбросить, как вуаль? Возможно, под ней скрывается что-то еще более живописное.

Чудо случайностей и совпадений, часть первая

— Ну а я тогда: слушай, мне плевать, что это глупо, плевать, что этот праздник придумал «Холлмарк» или какой другой...

Линдси болтает о Патрике, отбивая паузы основанием ладони по рулю. Она снова владеет положением, волосы зачесаны в старательно растрепанный хвост, губы намазаны блеском, от дутой куртки веет ароматом «Бер-берри брит голд». Странно видеть ее такой после прошлой ночи, и в то же время я рада. Она жестока и напугана, горда и не уверена в себе, но она по-прежнему Линдси Эджкомб — девушка, которая в девятом классе стащила ключи от новенького «БМВ» Мэри Тинсли, после того как Мэри обозвала ее малолетней проституткой, хотя Мэри только что выбрали королевой бала и никто не осмеливался ей противоречить, даже ее собственные одноклассники. А еще Линдси по-прежнему моя лучшая подруга, я все равно уважаю ее и убеждена, что, как бы сильно она ни ошибалась — в миллионе случаев, насчет других, насчет себя, — она сможет во всем разобраться. Я знаю это по тому, как она выглядела прошлой ночью с провалами теней на лице.

Возможно, я лишь выдаю желаемое за действительное, но мне хочется верить, что на каком-то уровне или в каком-то мире случившееся прошлой ночью имеет значение, не пропало бесследно. «Иногда я боюсь того, что оставляю позади». Я вспоминаю фразу Кента, и мурашки бегут у меня по спине. Впервые в жизни мне не хватает поцелуев; впервые в жизни я проснулась с болью утраты чего-то важного.

— Может, он психует, потому что втрескался по уши, — вставляет Элоди с заднего сиденья. — Как по-твоему, Сэм?

— И напряженный, — добавляет Элоди.

Линдси плюется кофе, и Элоди верещит. Обе фыркают и хохочут как сумасшедшие.

— Очень смешно. — Мы въезжаем в город, и я смотрю, как дома за окном перетекают друг в друга. — Очень по-взрослому.

И все же я улыбаюсь, спокойно и радостно, думая: «Вы понятия не имеете».

Нам достается последнее место на маленькой парковке за «Старбакс». Линдси втискивается на него, чуть не сшибая боковые зеркала соседних машин, но продолжая вопить: «Gucci, детка, gucci!»; она уверяет, что по-итальянски это значит «идеально».

Мысленно я прощаюсь со всем, что видела так часто и перестала замечать: кулинарией на холме, где продают превосходные куриные отбивные, лавкой мелочей, где я покупала нитки для браслетиков дружбы, агентством по недвижимости, стоматологией, маленьким садиком, где в седьмом классе Стив Кинг засунул язык мне в рот, а я настолько удивилась, что сжала зубы. Я не перестаю размышлять о странностях жизни, о Кенте, Джулиет и даже об Алексе, Анне, Бриджет, мистере Шоу и мисс Винтерс — о том, как все сложно и взаимосвязано, переплетено друг с другом в обширную невидимую паутину, и о том, как иногда кажется, что поступаешь правильно, а на самом деле ужасно, и наоборот.

В «Старбакс» я покупаю латте. Элоди берет шоколадное печенье, хотя только что поела, а Линдси сажает на голову плюшевого мишку и заказывает воду, не моргнув глазом. Кассир смотрит на нее, как на полоумную; я невольно обнимаю ее, а она заявляет: «Прибереги эти нежности для спальни, крошка», отчего пожилая женщина за нами немного пятится. Мы с хохотом выходим, и я чуть не роняю кофе — коричневый «шевроле» Сары Грундель ждет на парковке. Сара барабанит по рулю и поглядывает на часы, ожидая, когда освободится место. Последнее место — то, которое мы заняли.

— Это еще что за чертовщина? — вслух произношу я.

Теперь она точно опоздает.

Линдси замечает мой взгляд и неверно истолковывает вопрос.

— Точно. Будь у меня такая машина, я бы носу не казала дальше подъездной дорожки. Да я бы лучше пешком пошла.

— Да нет, я...

Понимая, что не в силах объяснить, я качаю головой. Когда мы равняемся с Сарой, она закатывает глаза и вздыхает, как бы говоря: «Наконец-то». Оценив юмор ситуации, я начинаю смеяться.

— Как латте? — интересуется Линдси, когда мы забираемся в машину.

— Как собачья моча, пропущенная через мусорный пакет, — отзываюсь я.

Мы трогаемся и ждем на гудок. Сара кривится от злости и поспешно занимает наше место.

— Что это с ней? — удивляется Элоди.

— ПМС, — отвечает Линдси. — Парковочного Места Синдром.

Когда мы выкруливаем с парковки, я начинаю соображать, что необязательно все так сложно. Большую часть времени — девяносто девять процентов — ты просто не знаешь, как и почему переплетены нити, и это нормально. Сделаешь добро, и случится зло. Сделаешь зло, и случится добро. Ничего не сделаешь, и все взорвется.

И только очень, очень редко, когда благодаря чуду случайностей и совпадений бабочки бьют крыльями ровно так, как нужно, и все нити на минуту сплетаются вместе, тебе выпадает шанс поступить правильно.

Последнее, что приходит мне на ум, пока Сара уменьшается в зеркале заднего вида, выскакивает из машины, хлопает дверцей и бежит по парковке: «Если еще одно опоздание и ты останешься без крупных соревнований — лучше пей кофе дома».

Наконец мы добираемся до школы. У меня есть дела в Розовой комнате, поэтому мы с Элоди и Линдси расстаемся. Затем я решаю прогулять первый урок, поскольку все равно звонок давно прозвучал. Я брожу по коридорам и кампусу с мыслями о том, как странно, что можно провести целую жизнь в одном месте, но толком его не разглядеть. Даже желтые стены — блевотные коридоры, как мы их называли, — теперь кажутся симпатичными, а чахлые голые деревца посреди двора — элегантными и воздушными, застывшими в ожидании снега.

Почти всегда мне казалось, что школьные дни тянутся целую вечность, не считая тестов и контрольных, когда секунды словно налетают друг на друга, стараясь поскорее закончиться. Сегодня то же самое. Как бы мне ни хотелось притормозить время, оно мчится со всех ног, истекает кровью. Я едва успеваю дойти до второго вопроса контрольной мистера Тирни, когда он кричит: «Время!» — и окидывает нас самым яростным взглядом, так что мне приходится сдать незаконченную работу. Я знаю, что это неважно, но все равно очень старалась. Пусть хоть в последний день все будет нормально. Это такой же день, как сотни других в прошлом. День, когда я сдаю контрольную по химии и опасаясь, что мистер Тирни исполнит свою угрозу позвонить в Бостонский университет. Но я недолго переживаю из-за контрольной. Переживания уже не для меня.

Наступает время математики, и я спускаюсь в класс пораньше, совершенно спокойная. Кабинет пустой, никого еще нет. Я сажусь на свое место за несколько минут до звонка, достаю учебник и аккуратно кладу на стол.

Появляется мистер Даймлер и, улыбаясь, облакачивается о мою парту. Вдруг я замечаю, что один из его передних зубов очень острый, как у вампира.

— Что это, Сэм? — Он указывает на мой стол. — Пришла на три минуты раньше и как следует приготовилась к уроку? Решила начать с чистого листа?

— Вроде того, — ровным голосом подтверждаю я, складывая руки на учебнике.

— И насколько успешен День Купидона?

Он закидывает мятный леденец в рот и наклоняется ближе. Отвратительно. Можно подумать, он пытается соблазнить меня свежим дыханием.

— Строишь обширные романтические планы на вечер? — Он поднимает брови. — Нашла кого-нибудь особенного для крепких объятий?

Неделю назад я упала бы в обморок. Теперь же совершенно холодна. Я вспоминаю, как грубо

его лицо прижималось к моему, каким тяжелым казалось его тело, но не злюсь и не боюсь. Я внимательно смотрю на пеньковый амулет, который, как обычно, выглядывает из-за ворота его рубашки. Мистер Даймлер впервые кажется мне довольно жалким. Кто же носит одно и то же восемь лет подряд? Это все равно как если бы я упорно носила бусы из конфет, которые обожала в пятом классе.

— Посмотрим, — улыбаюсь я. — А вы? Будете тосковать в одиночестве? За столиком на одного?

Учитель наклоняется еще ближе, и я усилием воли замираю, чтобы не отпрянуть.

— Почему ты так думаешь?

Он подмигивает, явно полагая, что я флиртую — собираюсь предложить ему свою компанию или что-нибудь в этом роде.

Моя улыбка расплывается до ушей.

— Потому что, будь у вас настоящая девушка, — говорю я тихо, но отчетливо, так что он прекрасно слышит каждое слово, — вы бы не домогались старшеклассниц.

Мистер Даймлер втягивает воздух и отшатывается так поспешно, что чуть не падает со стола. Ребята заходят в класс, болтая и сравнивая розы и не обращая на нас внимания. Мы могли обсуждать домашнее задание или оценку за контрольную. Уставившись на меня, учитель открывает и закрывает рот, но не издает ни звука.

Звучит звонок. Мистер Даймлер поводит плечами и неуклюже удаляется от стола, все еще сверля меня взглядом. Затем делает полный оборот, будто заблудился. Наконец прочищает горло.

— Привет, ребята. — Он дает петуха и кашляет, после этого рывкает: — Садитесь. На места. Быстро.

Мне приходится закусить ладонь, иначе я рассмеюсь. Мистер Даймлер посматривает на меня с таким раздражением, что мне стоит еще больших усилий сдерживаться. Я отворачиваюсь к двери.

В этот миг появляется Кент Макфуллер.

Мы встречаемся глазами, и класс словно складывается пополам и расстояние между нами исчезает. Меня стремительно затягивает в глубину его ярко-зеленых глаз. Время тоже исчезает; мы снова стоим на моем крыльце в снегопад. Кент гладит мою шею теплыми пальцами, мягко прижимается губами, шепчет в ухо. На всем свете есть только он один.

— Мистер Макфуллер, извольте занять свое место, — холодно требует мистер Даймлер.

Кент отворачивается. Мгновение утрачено. Он быстро бормочет извинение и отправляется за парту. Я оглядываюсь и наблюдаю за ним. Мне нравится, как он садится, не касаясь стола. Нравится, как он нечаянно достаёт ворох смятых набросков вместе с учебником. Нравится, как он нервно теребит волосы, пропускает сквозь пальцы, хотя они тут же снова падают на глаза.

— Мисс Кингстон! Вы не могли бы уделить мне секундочку своего драгоценного времени и внимания?

Когда я поворачиваюсь обратно, мистер Даймлер смотрит на меня.

— Ну разве что секундочку, — громко произношу я, и все хихикают.

Учитель сжимает губы в тонкую белую линию, однако молчит.

Я раскрываю учебник математики, но не могу сосредоточиться. Барабаню пальцами по нижней поверхности стола. Встреча с Кентом растревожила и взбодрила меня. Как бы мне хотелось открыть ему свои чувства! Как бы хотелось объяснить ему, чтобы он знал! Я нетерпеливо слежу за часами. Скорей бы пришли купидоны!

Кент Макфуллер получит сегодня на одну розу больше.

После урока я жду его в коридоре. Бабочки беспорядочно мельтешат у меня в животе. Кент выходит, осторожно держа розу, которую я послала, как будто боится сломать. Он поднимает серьезный, задумчивый взгляд и внимательно изучает мое лицо.

— Решила объясниться?

Он не улыбается, но в его голосе звучит дразнящая нотка, а глаза весело сверкают.

Я решаю поддержать этот тон, хотя от его близости у меня путаются мысли.

— Понятия не имею, о чем ты.

Кент протягивает розу и разворачивает записку, чтобы я могла прочитать, хотя мне, разумеется, прекрасно известно ее содержание.

«Сегодня вечером. Включи телефон, заведи машину и будь моим героем».

— Романтично. — Я сдерживаю улыбку. — Тайная поклонница?

Он, когда беспокоится, кажется в десять раз очаровательнее.

— Не такая уж тайная.

Его взгляд продолжает блуждать по моему лицу, словно там скрыта разгадка, и мне приходится отвернуться, иначе я схвачу его и притяну к себе.

Помедлив, он нерешительно продолжает:

— Знаешь, у меня сегодня вечеринка.

— Знаю. В смысле, слышала.

— И?..

Больше я не могу с ним играть.

— Кент, за мной, возможно, нужно будет заехать. Это займет минут двадцать, не больше. Я бы не попросила, но это важно.

— А что мне за это будет? — улыбается он краешком губ.

Я наклоняюсь; между моим ртом и идеальной раковиной его уха остается всего несколько дюймов. Его аромат свежескошенной травы и мяты — настоящий наркотик.

— Я открою тебе секрет.

— Сейчас?

— Позже.

Затем я отстраняюсь. Иначе бы не удержалась и поцеловала его в шею. Не понимаю, что со мной творится. Я никогда не испытывала подобного с Робом. Руки так и тянутся к Кенту. Возможно, несколько смертей подряд дурно повлияли на мои гормоны. Но мне даже нравится.

Его лицо снова становится серьезным.

— То, что ты написала... — Он теребит записку, сворачивает и разворачивает; его глаза сверкают, переливаются жидким золотом. — Последние слова... насчет героя... откуда ты...

Мое сердце лихорадочно бьется, секунду мне кажется, что он знает... кажется, что он помнит. Между нами повисает тяжелая тишина; все прошлое, хранимое, забытое и желанное раскачивается в ней, как маятник.

— Откуда я что? — беззвучно шепчу я, затаив дыхание.

Он качает головой и слабо улыбается.

— Ничего. Забудь. Это глупости.

— Ясно. — Я выдыхаю и отворачиваюсь, чтобы он не видел, как сильно я разочарована. — Кстати, спасибо за розу.

Из всех подаренных роз я оставила только одну. «Это моя любимая», — заявила я, когда Мэриан Сиха протянула ее. Она удивленно посмотрела и оглянулась, словно не сразу поверила, что я обращаюсь к ней. А когда поверила, улыбнулась, порозовела и робко заметила: «У тебя их так много».

«Жаль, они долго не протянут. Наверное, у меня дурной глаз».

«Надо обрезать стебли под углом, — охотно поделилась она и снова порозовела. — Меня сестра научила. Раньше она любила садовничать». Мэриан потупилась, прикусив губу.

«Ты должна взять их».

Несколько мгновений она не сводила с меня глаз, вероятно, подозревая, что это шутка, затем уточнила, прямо как Иззи: «Что, насовсем?»

«Я же говорю, моя совесть не вынесет еще одного цветочного убийства. Можешь забрать их домой. У тебя есть ваза?»

Помедлив еще долю секунды, Мэриан сверкнула ослепительной улыбкой, которая преобразила все ее лицо.

«Я поставлю их в своей комнате».

Кент приподнимает бровь.

— Как ты догадалась, что роза от меня?

— Да ладно, — закатываю я глаза. — Кроме тебя, никто не рисует странные картинки ради хлеба насущного.

Он прижимает руку к груди в притворном негодовании.

— Не ради хлеба насущного. Ради искусства. И вовсе они не странные.

— Как пожелаешь. Тогда спасибо за совершенно обычную записку.

— Всегда пожалуйста, — усмехается он.

Мы стоим так близко, что я чувствую исходящий от него жар.

— Так ты будешь моим рыцарем в сверкающих доспехах или как?

Кент отвечает легкий поклон.

— Разве я в силах отказать девушке, попавшей в сложную ситуацию?

— Я знала, что могу на тебя положиться.

Коридоры уже опустели. Все в столовой. Мы просто стоим и улыбаемся друг другу. Затем его взгляд смягчается, и мое сердце взмывает ввысь. Все во мне свободно трепещет, как будто я готова оторваться от земли в любую секунду. «Музыкой, — думаю я, — рядом с ним я становлюсь музыкой». А потом в голове проносится: «Сейчас он поцелует меня, прямо здесь, в математическом крыле средней школы "Томас Джефферсон"», — и я чуть не теряю сознание.

Но нет. Он лишь протягивает руку и легонько касается моего плеча. Когда он убирает пальцы, кожу продолжает покалывать.

— Тогда до вечера. — По его губам скользит улыбка. — Надеюсь, твой секрет того стоит.

— Он потрясающий, честное слово.

Вот бы запомнить Кента до последней черточки. Выжечь его образ в сердце. Поверить не могу, какой слепой я была столько времени. Я начинаю пятиться, пока не отколола чего-нибудь на редкость неприличного — например, не запрыгнула на него.

— Сэм? — останавливает он меня.

— Да?

Его глаза снова изучают меня, и теперь я понимаю, почему он сказал, будто видит меня насквозь. Ему действительно не все равно. Мне кажется, он читает мои мысли, и это весьма тревожно, поскольку мои мысли в настоящий момент в основном заняты тем, что его губы — само совершенство.

Он прикусывает губу и шаркает ногой по полу.

— Почему я? В смысле, сегодня вечером. Мы семь лет почти не общались...

— Возможно, хочу наверстать упущенное время, — поясняю я, продолжая судорожно пятиться.

— Я серьезно, — не унимается он. — Почему я?

Еще совсем недавно Кент держал меня за руку в темноте и вел через комнаты, затянутые лунной паутиной. Его голос навевал сон, уносил подобно отливу. Время застыло на месте, когда он взял мое лицо в ладони и прикоснулся губами. Поэтому сейчас я отвечаю:

— Поверь, это можешь быть только ты.

Вторые шансы

Валограмма для Кента — только первое из нескольких исправлений, которые я внесла в Розовой комнате сегодня утром, и, едва войдя в столовую, я понимаю, что Роб свое получил. Он бросает друзей и несется ко мне. Я даже не успеваю встать в очередь за едой (кстати, я собираюсь взять двойной сэндвич с ростбифом). Дурацкая кепка «Янкиз», повернутая набок, как в каком-нибудь рэперском видеоклипе девяносто второго года, как всегда чуть не падает с его головы.

— Привет, детка. — Он подходит обнять меня, и я небрежно отступаю в сторону. — Получил твою розу.

— Я твою тоже. Спасибо.

Но он видит единственную розу, продетую в ручку моей сумки, и хмурится.

— Это она?

Я мотаю головой и мило улыбаюсь. Он потирает лоб. Он всегда так делает, когда размышляет, словно у него болит голова от попытки использовать мозг.

— А где остальные розы?

— На сохранении.

В этом есть доля правды.

— Сегодня намечается одна вечеринка... — Роб умолкает, наклоняет голову и ухмыляется. — Забавно было бы сходиться. — Он хватает меня за плечо и старательно его растирает. — Ну, знаешь, вроде как прелюдия.

Очень похоже на Роба — хлестать пенящееся пиво из бочонка и перекрикивать музыку в качестве прелюдии, но я решаю не заострять и как можно невиннее уточняю:

— Прелюдия?

Он явно думает, что я флиртую. Улыбается и откидывает голову, глядя из-под полуприкрытых век. Прежде я бы растаяла от умиления, но теперь это больше напоминает попытку полузащитника станцевать самбу. Даже если все движения правильны, смотрится странно.

— Мне очень понравилась твоя записка, — тихо сообщает он.

— Правда? — мурлычу я.

Утром я нацарапала на листке: «Тебе больше не нужно меня ждать».

— В общем, я приеду на вечеринку к десяти и останусь на час или два, — заключает Роб, закончив с флиртом и возвращаясь к делу; он пожимает плечами и поправляет кепку.

Внезапно на меня наваливается усталость. Я собиралась немного поиграть с ним — отплатить за то, что не обращал внимания, не был рядом, интересовался только вечеринками и лакроссом, выглядел полным идиотом в своей кепке «Янкиз». Но игра мне надоела.

— Делай что угодно. Мне все равно.

Он медлит. Такой реакции он не ожидал.

— Но ты сегодня останешься на ночь?

— Вряд ли.

Роб снова трет лоб.

— Но ты написала...

— Я написала, что тебе больше не нужно меня ждать, и это правда. — Я глубоко вдыхаю. Раз, два, три, скок. — Ничего не выйдет, Роб. Нам надо расстаться.

Он отшатывается. Его лицо становится пепельно-белым; затем он густо краснеет от лба вниз, как будто в него наливают томатный сок.

— Что ты сказала?

— Я сказала, что уйду от тебя. Ничего у нас с тобой не получится.

Прежде я так не поступала и удивлена тем, насколько это легко. Отпустить очень просто: знай себе катись с горы.

— Но... но... — лопочет он; смятение на его лице сменяется яростью. — Ты не можешь меня бросить.

Скрестив руки на груди, я машинально пячусь.

— Это почему же?

— Ты, — зло говорит он, глядя на меня, как на безнадежную идиотку, — не можешь бросить меня.

Теперь понимаю. Он помнит. Помнит свои слова в шестом классе, что я недостаточно крута для него, — помнит и до сих пор в это верит. Тут в моей душе испаряются последние остатки жалости к нему. Он стоит, ярко-красный, со сжатыми кулаками, и я поражаюсь, насколько уродливым он кажется.

— Могу, — спокойно возражаю я. — Уже бросила.

— А я ждал тебя. Ждал много месяцев.

Отвернувшись, он бормочет что-то неразборчивое.

— Что?

Он смотрит на меня с гримасой отвращения и злобы. Это не тот человек, который неделю назад лежал у меня на плече и уверял, что я лучше любого одеяла. Словно с него слетело лицо и под ним обнаружилось чужое, незнакомое.

— Говорю, зря я не трахнул Габби Хэйнес, когда она вешалась на меня, — холодно произносит Роб.

В животе что-то вспыхивает, не то остатки боли, не то гордость, но довольно быстро сменяется спокойствием. Я уже далеко отсюда, уже парю над всеми — и внезапно понимаю, что именно чувствует Джулиет, что она должна была чувствовать. Мысль о ней возвращает мне силы, и мне даже удается улыбнуться.

— Никогда не поздно для второго шанса, — сладким голосом сообщаю я и удаляюсь, чтобы в последний раз пообедать со своими лучшими подругами.

Через десять минут, когда я наконец за нашим обычным столиком лопаю огромный сэндвич с ростбифом и майонезом, жадно поглядывая на полную тарелку картошки фри — в жизни не была так голодна! — и Джулиет проходит через столовую, я замечаю, что она поставила единственную розу в пустую бутылку из-под воды, притороченную к боку рюкзака. Она тоже озирается по сторонам из-за завесы волос, изучает столик за столиком в поисках разгадки. Ее глаза настороженно горят. Она кусает губы, но не выглядит несчастной. Она выглядит живой. Мое сердце пропускает удар: это важно.

Когда она проплывает мимо нашего столика, сложенная записка трепещет под самыми лепестками розы, и хотя я сижу слишком далеко и не могу прочитать, я даже с закрытыми глазами ясно вижу, что там написано. Всего одна фраза: «Никогда не поздно».

— Ну что с тобой сегодня творится? — спрашивает Линдси по дороге в «Лучший деревенский йогурт».

Мы уже почти дошли до Ряда — мелких магазинчиков, облепивших вершину холма, словно поганки. Одеяло темных облаков затягивает горизонт дюйм за дюймом, обещая снегопад.

— В смысле?

Мы держимся за руки, чтобы не замерзнуть. Я пригласила с нами Элли и Элоди, но у Элоди контрольная по испанскому, а Элли пожаловалась, что если пропустит еще один урок литературы, ее точно отстранят от занятий. Я не стала особенно настаивать.

Такой же день, как все прочие.

— В смысле, почему ты себя так странно ведешь?

Пока я пытаюсь сформулировать ответ, Линдси продолжает:

— Например, считала ворон за обедом и вообще. — Она прикусывает губу. — Я получила эсэмэску от Эми Вейсс...

— Да?

— Разумеется, она рехнулась, и я в жизни не поверю ни единому ее слову, в особенности что

касается тебя, — поспешно заверяет Линдси.

— Разумеется, — забавляюсь я, прекрасно понимая, куда она клонит.

— Но... — Линдси глубоко вдыхает и приступает: — Якобы она говорила со Стивом Вейтманом, который говорил с Робом, который сказал, что вы расстались. — Линдси косится на меня и натужно смеется. — Конечно, я заявила, что это полный бред.

Помедлив, я все же признаюсь:

— Это не бред. Это правда.

Линдси замирает, уставившись на меня.

— Что?

— Я порвала с ним за обедом.

Она трясет головой, будто старается вытряхнуть мои слова.

— Гм, ты собиралась поделиться с нами этой незначительной новостью? Со своими лучшими подругами? Или просто надеялась, что рано или поздно новость облетит весь город?

Я вижу, что она задета не на шутку.

— Слушай, Линдси, я собиралась с тобой поделиться...

Но она зажимает уши руками и продолжает трясти головой.

— Не понимаю. Что случилось? Вы же хотели... в смысле, ты вроде хотела... сегодня ночью.

Я вздыхаю.

— Вот поэтому я держала язык за зубами, Линдз. Знала, что ты будешь переживать.

— Но мне есть из-за чего переживать.

Линдси так разъярена, что даже не покосилась в сторону «Хунань китчен», а пристально смотрит на меня, словно ожидает, что я вот-вот посинею или взорвусь, словно мне больше нельзя доверять.

До меня доходит, что она действительно испытает нечто подобное, когда я сделаю то, что собираюсь, но ничего не напишешь. Я поворачиваюсь к ней и кладу руки ей на плечи.

— Подожди секундочку здесь, ладно?

— Куда ты? — недоуменно моргает она.

— Мне нужно заглянуть в «Хунань китчен». — Я собираюсь с силами. Сейчас начнется. — Передать кое-что Анне Картулло.

Мне казалось, она завопит, уйдет прочь, закидает меня жевательным мармеладом, в общем, что-нибудь вытворит, но ее лицо становится совершенно пустым, будто щелкнули выключателем. Я немного беспокоюсь, что у нее шок, но не могу упустить возможность.

— Две минуты, — добавляю я. — Обещаю.

Пока Линдси и ее гонор не вернулись из прострации, я ныряю в «Хунань китчен». За спиной звякает дверной колокольчик. Алекс поднимает встревоженный взгляд, но тут же расплывается в улыбке.

— Что такое, Сэм? — протяжно спрашивает он.

Идиот.

Не обращая на него внимания, я иду прямо к Анне. Она опустила голову и гоняет еду по тарелке. Несомненно, это намного безопаснее, чем жевать ее.

— Привет.

Почему-то я нервничаю. Есть что-то тревожащее в ее спокойствии, в том, как она устремляет на меня взор, лишенный всякого выражения. Это напоминает мне Джулиет.

— Я кое-что принесла тебе.

— Принесла мне?

Анна скептически закусывает губу, и сходство с Джулиет перестает быть таким разительным. Наверное, она решила, что я спятила. Насколько ей известно, мы даже ни разу не общались. Можно лишь догадываться, что творится у нее в голове.

Алекс переводит взгляд с Анны на меня и обратно, пораженный не меньше ее. Я сознаю, что Линдси наблюдает за мной через закопченное окно. Довольно неловко, когда сразу трое таращатся на тебя, как на сумасшедшую. Я лезу в сумку; мои руки немного дрожат.

— Угу. Слушай, понимаю, это странно. Я не могу толком объяснить, но...

Я достаю большой альбом рисунков Маурица Эшера и кладу на стол рядом с миской курятины в кунжуте. Или говядины с апельсинами. Или жареной кошатины. Плевать, если честно.

Замерев, Анна смотрит на книгу, как будто та может ее укусить.

— Просто показалось, что тебе понравится, — поспешно поясняю я, уже пятясь от стола; самое сложное позади, и мне становится намного легче. — Здесь сотни две рисунков. Можешь вынуть и куда-нибудь повесить, если найдешь место.

Лицо Анны напрягается. Она все еще смотрит на книгу на столе. Ее руки лежат на бедрах, изо всех сил сжатые в кулаки.

Я уже собираюсь повернуться и выскочить за дверь, когда она поднимает голову. Мы встречаемся глазами. Она молчит, но линия ее рта расслабляется. Это не совсем улыбка, но довольно похоже, и я принимаю ее за благодарность.

Я слышу вопрос Алекса: «Что это было?» — и выхожу на улицу. Колокольчик провожает меня тоненьким звоном.

Линдси стоит на том же месте и тупо на меня поглядывает. Я знаю, что она наблюдала за мной через окно.

— Все ясно, ты рехнулась, — заключает она.

— Понятия не имею, о чем ты. — Меня распирает от смеха; слава богу, с одним делом покончено. — Идем. До смерти хочется йогурта.

Однако подруга не шевелится.

— Помешалась. Свихнулась. Ополоумела. Повредила в рассудке. С каких это пор ты делаешь Анне Картулло подарки?

— Можно подумать, я подарила ей браслетик дружбы.

— С каких это пор ты разговариваешь с Анной Картулло?

Очевидно, так легко она не сдастся. Я вздыхаю.

— Впервые я говорила с ней два дня назад, ясно?

У Линдси такой вид, будто мир рассыпается на части. Знакомое чувство.

— На самом деле она очень милая, — продолжаю я. — В смысле, она бы понравилась тебе, если...

Тут Линдси пронзительно визжит и зажимает уши ладонями, словно мои слова — настоящая пытка. Она продолжает визжать, пока я обреченно смотрю на часы в ожидании конца представления.

Наконец она успокаивается, визг переходит в клокотание в горле. Линдси косится на меня. Я невольно хихикаю. Она выглядит настоящей чудачкой.

— Закончила? — уточняю я.

Она осторожно, в качестве эксперимента, убирает от уха одну руку и спрашивает:

— Ты вернулась?

— Кто вернулась?

— Саманта Эмили Кингстон. Моя лучшая подруга. Моя гетеросексуальная спутница жизни, — Линдси наклоняется и барабанит мне по лбу костяшками пальцев. — А не эта полоумная лоботомизированная бросательница парней и любительница Анны Картулло, которая лишь притворяется Самантой.

— Между прочим, — закатываю я глаза, — ты не все обо мне знаешь.

— Кажется, я ничего о тебе не знаю, — отзывается Линдси, скрестив руки на груди.

Я тяну ее за рукав куртки, и она неохотно идет ко мне. Очевидно, она по-настоящему расстроена. Я крепко обнимаю ее. Она настолько ниже, что мне приходится передвигаться короткими шажками, чтобы приноровиться к ее походке, но я позволяю ей задавать темп.

— Ты знаешь, какой мой любимый йогурт, — подлизываюсь я.

— Двойной шоколадный, — тяжело вздыхает Линдси, но не отпихивает меня, а это хороший

признак. — С карамельной и шоколадной крошкой и кукурузными хлопьями.

— А я знаю, что ты знаешь, до какого размера я разъемся.

Мы уже у двери «Лучшего деревенского йогурта», откуда веет чертовски соблазнительной химией. Это как запах хлеба, который пекут в «Сабвее». Понятно, что от природы он не должен так пахнуть, но есть в нем что-то притягательное.

Линдси косится на меня уголком глаза, когда я разжимаю объятия. Ее лицо полно такой скорби, что даже забавно, и я борюсь с очередным смешком.

— Поосторожнее, мисс Слониха. — Она встряхивает волосами. — Вся эта химическая вкуснятина откладывается прямо на бедрах.

Но ее губы расползаются в улыбке, и мне ясно, что она простила меня.

История дружбы

Если бы мне пришлось выбирать три самые любимые черты в моих подругах, я бы выбрала следующие.

Элли

1. Весь десятый класс собирала миниатюрных фарфоровых коров и искала в Интернете малоизвестные факты о них, после того как одна из них — в смысле, настоящая корова — обернула языком ее запястье на каникулах в Вермонте.
2. Готовит без рецептов и когда-нибудь непременно откроет свое собственное кулинарное шоу. Пообещала пригласить нас в качестве гостей.
3. Как кошка, высовывает язык, когда зевает.

Элоди

1. Обладает самым идеальным, чистым, мощным голосом, какой только можно вообразить, как будто кленовый сироп льется на теплые блинчики, но никогда не выпендривается и поет только в душе.
2. На протяжении целого учебного года каждый день надевала что-нибудь зеленое.
3. Фыркает, когда смеется, отчего мне самой становится смешно.

Линдси

1. Всегда танцует, даже если больше никто не танцует, даже если нет музыки, — в столовой, ванной или ресторанном дворике торгового центра.
2. На протяжении недели каждый день украшала дом Тодда Хортон туалетной бумагой, после того как он растрепал, что Элоди плохо целуется.

3. Однажды, когда мы срезали через парк, бросилась бежать со всех ног, двигая руками и ногами и рассекая по полям в джинсах и сапогах «Чайниз лондри». Я помчалась за ней, но догнала, только когда мы обе согнулись пополам, выдыхая холодный осенний воздух. Мои легкие были готовы взорваться, и когда я засмеялась и подвела итог: «Ты выиграла», она очень странно посмотрела на меня через плечо, не злобно, а словно не ожидала увидеть, выпрямилась и ответила: «Я не бежала наперегонки».

Теперь я понимаю, что она имела в виду.

Я думаю обо всем этом в доме Элли. Мне кажется, я еще не все сказала подругам; мы слишком много подшучивали, болтали о всякой чепухе, мечтали, чтобы мир и люди стали другими — лучше, интереснее, круче, старше. Но я не знаю, с чего начать, и потому веселюсь вместе со всеми, пока Линдси и Элоди вертятся на кухне, а Элли лихорадочно пытается соорудить что-нибудь съедобное из итальянского песто двухдневной давности и упаковки окаменелых крекеров. И когда Линдси обнимает за плечи меня и Элли, а Элоди пристраивается с другого бока Элли, и Линдси произносит: «Вы в курсе, что я обожаю вас, сучки?», и Элоди вопит: «Групповое объятие!», я только поспешно сжимаю всех троих что есть силы, пока Элоди не вырывается со словами: «Хватит меня смешить, не то сейчас вырвет».

Секрет

— Ничего не понимаю. — Линдси дуется на переднем кресле, посередине подъездной дорожки Кента, за остальными машинами. — Как же мы доберемся домой?

Вздохнув, я объясняю в тысячный раз:

— Кто-нибудь подвезет.

— Да ладно, пошли с нами, — ноет Элли с заднего сиденья, тоже в тысячный раз. — Вылезай из этой чертовой машины.

— И позволить тебе сесть за руль, мисс Абсолют?

Обернувшись, я выразительно смотрю на бутылку водки в ее руке. Она принимает это за предложение сделать еще глоток.

— Я отвезу нас домой, — настаивает Линдси. — Ты хоть раз видела меня пьяной?

— Неважно. — Я закатываю глаза. — Ты и трезвая-то водить не умеешь.

Элоди фыркает, и Линдси грозит ей пальцем.

— Гляди у меня, вот будешь ходить в школу пешком.

— Идем, вечеринка уже началась, — торопит Элли, проводя руками по волосам и наклоняясь, чтобы разглядеть себя в зеркале заднего вида.

— Максимум пятнадцать минут, — обещаю я. — Не успеете добраться до бочонка, как я уже вернусь.

— И как ты вернешься? — интересуется Линдси, все еще посматривая на меня с подозрением, но открывает дверцу.

— Не волнуйся, — успокаиваю я ее. — Об этом я уже договорилась.

— Все равно не понимаю, почему ты не можешь просто отвезти нас домой попозже, — недовольно ворчит Линдси, но вылезает из машины, и Элли с Элоди тоже.

Я молчу. Я уже сообщила, и не раз, что могу свалить с вечеринки пораньше. Конечно, подружки подозревают, что я опасаясь встретить Роба и устроить истерику, и я не разубеждаю их.

Машину я собираюсь оставить на подъездной дорожке Линдси, но, вырвав на Девятое шоссе, невольно поворачиваю к дому. Я спокойна и холодна, словно темнота просочилась в автомобиль и щелкнула выключателем внутри меня. Это даже приятно, как барахтаться в бассейне на спине, пока не обретишь равновесие и не начнешь плавать, не думая ни о чем.

Большинство огней в моем доме погашено. Иззи легла спать несколько часов назад. Каморка тускло светится голубым. Наверное, папа смотрит телевизор. Яркий квадрат наверху отмечает ванную. За шторами движется женский силуэт. Я представляю, как мама наносит на лицо увлажняющий крем «Клиник» и щурится, сняв контактные линзы. Изорванный рукав ее купального халата трепещет, будто крыло птицы. Как обычно, родители оставили свет на крыльце, чтобы мне не пришлось искать ключи в сумке на ощупь. Они строят планы на следующий день, возможно, решают, что приготовить на завтрак и нужно ли будить меня до полудня. На мгновение меня охватывает тоска по всему, что я теряю — уже потеряла несколько дней назад, в ту долю секунды, когда машина заскользила и развалилась на части и жизнь моя слетела с катушек. Я опускаю голову на руль и жду, когда пройдет. Проходит. Боль утихает. Мышцы расслабляются, и я снова поражена тем, насколько все правильно.

По дороге к Линдси я размышляю о том, что выяснилось много лет назад на уроке естествознания: если отделить птиц от стаи, они все равно инстинктивно полетят на юг. Им известно, куда лететь, даже если никто не показывает дорогу. Все восхищались тем, как это удивительно, но теперь это не кажется таким странным. Именно так я себя и чувствую: будто парю в воздухе, одна-одинешенька, но откуда-то прекрасно знаю, что делать.

За несколько миль до подъездной дорожки Линдси я достаю телефон и набираю номер Кента. До меня доходит: он мог подумать, что я шучу. Возможно, он не снимет трубку, когда увидит незнакомый номер, или будет очень занят тем, чтобы гости не блевали на восточные ковры его родителей, и не услышит звонок. Я считаю гудки, нервничая все больше и больше. Один, два, три.

После четвертого гудка раздается шелест, затем голос Кента, теплый и обнадеживающий:

— Корпорация «Бравые герои», спасаем несчастных женщин, пленных принцесс и путешественниц с тысяча шестьсот восемьдесят четвертого года. Чем могу служить?

— Как ты понял, что это я?

Музыка звучит громче, наплывают голоса. Кент прикрывает трубку ладонью и кричит: «Вон!» Хлопает дверь, и музыка на фоне внезапно затихает.

— А кто же еще? — саркастично спрашивает он. — Все остальные уже здесь.

Он что-то поправляет, и его голос становится громче. Наверное, он прижимает губы прямо к трубке. Мысль о его губах отвлекает.

— Ну так что?

— Надеюсь, твою машину не загородили, потому что мне позарез нужна помощь.

По дороге обратно мы в основном молчим. Кент не интересуется, почему я стояла посреди дорожки Линдси, и больше не пытается выяснить, почему я обратилась за помощью именно к нему. Я благодарна за это и счастлива уже тем, что сижу в тишине рядом с ним, глядя на дождь и темные мазки деревьев на фоне неба. Когда мы поворачиваем на его дорожку, которая уже почти полностью заставлена автомобилями, я пытаюсь определить, на что именно похожи капли дождя, танцующие в свете фар. Блестки — точно не то.

Кент тормозит, но не выключает мотор.

— Кстати, я не забыл про секрет. — Он поворачивается ко мне. — Не думай, что так просто отделаешься.

— Я и не мечтала.

Отстегнув ремень, я придвигаюсь к Кенту, краешком глаза продолжая следить за дождем. Немного напоминает пыль, но сотканную из чистого белого света.

Сложив руки на коленях, Кент выжидающе на меня смотрит, слегка изогнув губы в улыбке.

— Я весь внимание.

Перегнувшись через него, я вынимаю ключи из зажигания, гася свет. В темноте дождь стучит куда громче, омывая нас со всех сторон.

— Эй, — тихо говорит Кент, — теперь я не вижу тебя.

От звука его голоса моя душа взлетает, тело становится невесомым.

Его лицо и тело сокрыты в тени, черные на черном. Я различаю только его силуэт и ощущаю тепло кожи. Наклонившись, я трусь подбородком о шершавую вельветовую куртку, нахожу ухо, случайно касаюсь губами. Кент резко втягивает воздух и напрягается. Мое сердце тает, парит. Между его ударами больше нет промежутков.

— Секрет в том, — шепчу я прямо в ухо, — что меня никто еще не целовал так сладко, как ты.

Чуть отпрянув, он смотрит на меня, но между нашими губами по-прежнему всего несколько дюймов. В темноте я не могу разобрать выражение его лица, но чувствую, что он снова меня изучает.

— Но я же никогда не целовал тебя, — удивляется Кент; дождь осыпается вокруг осколками стекла. — Разве что в третьем классе.

Я улыбаюсь, но не уверена, видит ли он.

— Тогда предлагаю начать, потому что у меня мало времени.

Он медлит всего долю секунды. Затем наклоняется и касается моих губ, и весь мир исчезает, луна, и дождь, и небо, и улицы, и остаемся только мы вдвоем в темноте, живые, живые, живые.

Не знаю, как долго мы целуемся. Кажется, что много часов, но когда он отстраняется, задыхаясь и держа мое лицо ладонями, тусклые цифры на приборной панели показывают всего

на пару минут больше.

— Ух ты, — говорит он. — За что такой подарок?

Его грудь быстро вздымается и опадает. Мы оба задыхаемся.

Я заставляю себя наклониться, нашарить в темноте ручку и распахнуть дверцу. В машину врываются холод и дождь, и в голове немного проясняется. Я набираю в грудь воздуха.

— За то, что подвез, и за все остальное.

Даже в темноте видно, что его глаза горят, как у кошки. Я с трудом заставляю себя отвернуться и грустно шучу:

— Сегодня ты действительно спас мне жизнь.

И пока он не успел меня остановить, не обращая внимания на то, что он зовет меня по имени, я выпрыгиваю из автомобиля и бегу к дому на свою последнюю вечеринку.

— Ты пришла! — вопит Линдси, когда я нахожу ее в задней комнате. — Я была уверена, что ты продинамишь нас.

Как обычно, музыка, жара и дым невыносимы; стена людей, парфюмерии и звука.

— А я знала, что ты придешь. — Элли хватает меня за руку и понижает голос; на такой громкости это означает, что она орет чуть тише. — Видела Роба?

— Кажется, он избегает меня.

Это правда. Слава богу.

Покрутив головой, Линдси находит Элоди и кричит:

— Смотри, кто удостоил нас своим присутствием!

Элоди изучает наши лица. До нее доходит, что все это время меня не было на вечеринке. Линдси поворачивается и обнимает меня за плечи.

— Считаю вечеринку официально открытой. Эл, дай Сэм глотнуть.

— Нет, спасибо, — отмахиваюсь я от предложенной бутылки и раскрываю телефон: половина двенадцатого. — Вообще-то, гм, я спущусь ненадолго. Может, выйду на улицу. Здесь ужасно жарко.

Подруги обмениваются взглядами, и Линдси возражает:

— Ты же только что с улицы, только что приехала. Секунд пять назад.

— Я довольно долго вас искала.

Звучит глупо, но объяснить я все равно не смогу.

— Ну нет, не пойдет. — Линдси скрещивает руки на груди. — С тобой что-то творится, и ты сообщишь нам, в чем дело.

— Весь день ты вела себя странно, — соглашается Элли.

— Это Линдси подговорила тебя так сказать?

— Кто странно себя ведет? — уточняет Элоди, только что пробравшись к нам.

— По всей видимости, я.

— О да, — кивает Элоди. — Несомненно.

— Ничего меня Линдси не подговаривала. — Элли оскорбленно выпячивает грудь. — Это очевидно.

— Мы твои лучшие подруги, — напоминает Линдси. — И знаем тебя.

Я прижимаю пальцы к вискам, стараясь отогнать пульсирующие звуки музыки, и закрываю глаза. Когда я снова открываю их, Элоди, Элли и Линдси с подозрением на меня смотрят.

— У меня все в порядке, ясно? — Я отчаянно пытаюсь предотвратить долгую беседу... или, если совсем не повезет, ссору. — Ну правда. Просто неделя выдалась нелегкая.

Если не весь год.

— Мы беспокоимся о тебе, Сэм, — не сдается Линдси. — Ты сама на себя не похожа.

— Может, это и хорошо.

В их глазах читается недоумение; я вздыхаю, наклоняюсь и обнимаю всех троих. Элоди визжит и хихикает:

— Зажимашки-обжимашки?

Линдси и Элли тоже заметно расслабляются.

— Честное слово, ничего не случилось. — Разумеется, это неправда, но что еще я могу сказать? — Лучшие друзья навсегда, так?

— И никаких секретов, — отвечает Линдси, выразительно глядя на меня.

— И никакой чепухи, — подхватывает Элоди.

Это не входит в наш коротенький ритуал, но какая разница? Она должна была добавить: «И никакого вранья», но, по-моему, одно вполне сойдет за другое.

— Навсегда, — заканчивает Элли, — пока смерть не разлучит нас.

Последние слова выпадают мне:

— И даже после.

— И даже после, — эхом отзываются все трое.

— Ладно, хватит слезливого дерьма, — заявляет Линдси. — Лично я пришла напиться.

— Я думала, ты никогда не напиваешься, — подкалывает Элли.

— Фигура речи.

Элли и Линдси начинают расхаживать туда-сюда. Элли убегает с бутылкой водки («Если ты не напиваешься, зачем тогда пить и переводить хороший продукт?»), а Элоди торопится обратно к Пончику. По крайней мере, оставили меня в покое.

— До встречи, — громко прощаюсь я со всеми сразу.

Элоди бросает взгляд через плечо — может, на меня, а может, и нет. Линдси небрежно машет рукой, а Элли вообще не слышит. Я вспоминаю, как утром в последний раз уходила из дома; оказывается, невозможно постичь, что некоторые вещи, фразы и мгновения больше не повторятся. Я отворачиваюсь, перед глазами все плывет, и я с удивлением обнаруживаю, что плачу. Слезы хлынули без предупреждения. Я моргаю, пока мир снова не обретает четкость, и вытираю влагу со щек. Проверяю телефон. Без пятнадцати двенадцать.

Я стою в дверях, ожидая Джулиет. Это напоминает попытку удержаться на ногах посреди быстрины. Вокруг снуют люди, но на меня почти никто не обращает внимания. Возможно, они тоже ощущают странные флюиды, исходящие от меня. Или видят, что я занята своим делом. Или же как-то чувствуют, что меня больше нет. Меня охватывает печаль, и я отгоняю неприятную мысль.

Наконец Джулиет проходит в дверь; белый свитер небрежно наброшен на плечи, голова опущена. Тут же я прыгаю и хватаю ее за руку. Она вздрагивает и смотрит на меня. Наверное, она представляла встречу со мной сегодня вечером, но застигнута врасплох тем, что это я нашла ее, а не наоборот.

— Привет, — здороваюсь я. — Найдется минутка?

Она открывает рот, закрывает, снова открывает.

— Вообще-то мне, гм, надо идти.

— Ничего подобного.

Одним движением я выдергиваю ее из битком набитой прихожей и толкаю в небольшую нишу в коридоре. Здесь намного тише, но при этом так тесно, что мы почти прижимаемся друг к другу.

— Разве ты искала не меня? Разве ты искала не нас?

— Откуда ты?.. — Джулиет осекается, втягивает воздух и качает головой. — Я здесь не ради тебя.

— Знаю. Знаю, что все гораздо сложнее. Источник: <http://darkromance.ucoz.ru/>

Мысленно я заклинаю ее взглянуть на меня, но ничего не выходит. Я хочу заверить ее, что понимаю ее чувства, но она изучает плитки пола и равнодушно возражает:

— Ничего ты не знаешь.

— Мне известно, что ты сегодня задумала, — очень тихо сообщаю я.

Тут она поднимает голову. На мгновение наши взгляды встречаются, и я улавливаю в ее глазах искру страха и чего-то еще. Возможно, надежды? Но она поспешно возвращается к напольным

плиткам и просто отвечает:

— Это невозможно. Никому не известно.

— Ты собираешься кое-что сказать мне. Сказать всем нам — мне, Линдси, Элоди и Элли.

Джулиет снова поднимает голову, но на этот раз не опускает. Ее глаза широко распахнуты, и мы смотрим друг на друга. Теперь мне ясно, что скрывается за страхом: удивление.

— Ты сука, — шепчет она так тихо, что я не уверена, слышу ли слова или только воспроизвожу их в памяти.

Она словно повторяет строки старой пьесы, покрытого пылью сценария, который не в силах забыть.

— Верно, — киваю я. — Я сука. Точнее, была... все мы были. И мне очень жаль.

Тогда она быстро шагает назад, но отступить некуда; она налетает на стену и расплывается по ней, прижимает ладони к штукатурке, тяжело дыша, как будто я дикий зверь, готовый наброситься. Она быстро мотает головой из стороны в сторону. И вряд ли сознает это.

— Джулиет. — Я тянусь к ней, но она вжимается в стену еще на полдюйма, и я роняю руку. — Я серьезно. Я пытаюсь объяснить, что глубоко сожалею.

— Мне нужно идти.

Усилием воли она отлипает от стены, словно не уверена, что сможет стоять без опоры. Пытается обогнуть меня, но я подаюсь в сторону, и мы снова оказываемся лицом к лицу.

— Мне жаль, — настаиваю я.

— Уже говорила!

Джулиет начинает злиться. Я рада. По-моему, это хороший признак.

— Нет, я имею в виду... — Я глубоко вздыхаю. Только бы она поняла! Именно так должно быть. — Я пойду с тобой.

— Пожалуйста, — молит она. — Оставь меня в покое.

— Это я и пытаюсь объяснить. Я не могу.

В эту секунду я замечаю, что мы почти одного роста. Мы как две половинки печенья «Орео», темная и светлая, и я думаю о том, как легко все могло повернуться иначе. Она бы заслоняла мне дорогу, я бы пыталась проскользнуть мимо нее во тьму.

— Ты не... — начинает она.

Продолжения я не слышу, поскольку в этот миг кто-то кричит с лестницы:

— Сэм!

Оглянувшись, я смотрю на Кента, и Джулиет бросается мимо меня.

— Джулиет! — оборачиваюсь я, но недостаточно быстро.

Ее поглотила толпа. Брешь, через которую она рванула к двери, закрылась так же быстро, как открылась, «Тетрис» сложился в новый узор, и я налетаю на спины, руки и огромные кожаные сумки.

— Сэм!

Не сейчас, Кент. Я пробиваюсь к двери, но через каждые пару шагов меня относит назад, поскольку народ упорно стремится на кухню, держа над головами опустевшие стаканы. У самого выхода толпа редет, и я кидаюсь вперед. На мою спину ложится теплая рука, Кент разворачивает меня к себе. Несмотря на то, что мне нужно догнать Джулиет, и то, что мы находимся среди огромного количества людей, я думаю, как здорово было бы потанцевать с ним. По-настоящему потанцевать, а не просто потереться друг о друга, как на вечере встречи, — потанцевать как положено, опустив ладони на плечи, в кольце ласковых рук.

— Я искал тебя. — Он задыхается и растрепан больше, чем обычно. — Почему ты убежала от меня?

Он кажется таким растерянным и встревоженным, что мое сердце переворачивается.

— Сейчас нет времени это обсуждать, — отвечаю я как можно нежнее. — Я потом разыщу тебя, ладно?

Так прощай всего. Иначе нельзя.

— Нет, — возражает он столь страстно, что на мгновение я теряюсь.

— Что?

— Я сказал — нет. — Он стоит передо мной, загораживая дверь. — Мне надо поговорить с тобой. Немедленно.

— Не могу... — лепечу я.

— Хватит от меня убегать, — перебивает он меня, осторожно положив ладони мне на плечи, отчего мое тело пронзает заряд энергии и тепла. — Ясно? Так не пойдет.

Под его взглядом у меня подкашиваются ноги. Слезы снова наворачиваются на глаза.

— Если я обидела тебя, то не нарочно, — хрипло бормочу я.

Отпустив мои плечи, он проводит руками по волосам. Такое впечатление, что ему хочется кричать.

— Ты много лет вела себя так, словно я невидимка, затем прислала эту милую записочку, затем я подобрал тебя, и ты поцеловала меня...

— Мне казалось, это ты поцеловал меня.

Однако он и ухом не ведет.

— Ты сразила меня, взорвала мой мир и все такое прочее и снова перестала замечать?

— Я сразила тебя? — невольно пишу я.

Он пристально на меня смотрит.

— Сразила наповал.

— Слушай, Кент. — Я разглядываю свои ладони, которые прямо зудят от желания прикоснуться к нему, пригладить ему волосы и заправить за уши. — В машине я была совершенно серьезной. В смысле, хотела поцеловать тебя.

— Я думал, это я поцеловал тебя, — отзывается Кент ровным голосом, и я не понимаю, шутит он или нет.

— Да, ну хорошо, значит, я хотела вернуть поцелуй. — Я пытаюсь проглотить комок в горле. — Это все, что я пока могу сказать. Я была серьезной. Серьезнее, чем когда-либо в жизни.

Хорошо, что я смотрю на свои сапоги, потому что в эту секунду слезы брызжут из глаз и бегут по щекам. Я быстро промокаю их тыльной стороной ладони, притворяясь, будто тру глаза.

— А как насчет другой твоей фразы? — Кажется, Кент не злится, его голос смягчается, но я боюсь поднять голову. — Ты обмолвилась, что у тебя мало времени. Что ты имела в виду?

Начав плакать, я уже не могу остановиться. Одна слезинка падает на сапог, разбиваясь крошечной звездочкой.

— Кое-что происходит прямо сейчас...

Он поднимает мое лицо двумя пальцами за подбородок. Меня на самом деле шатает. Ноги подгибаются, и Кент обхватывает меня одной рукой, чтобы поддержать.

— Что происходит, Сэм? Ты попала в беду?

Большим пальцем он смахивает слезинку из уголка моего глаза и пристально изучает мое лицо, словно выворачивает меня наизнанку и заглядывает прямо в душу. Я качаю головой, не в силах издать ни звука, и он продолжает:

— Расскажи мне. Что бы ни случилось, ты можешь мне открыться.

На мгновение мне хочется навсегда остаться в его объятиях, целовать его снова и снова, пока не научусь дышать через него. Но потом я вспоминаю о Джулиет в лесу. Вижу, как два ослепительных луча света прорезают тьму, слышу низкий рокот оживающего мотора, похожий на шум далекого океана. Рокот и огни наполняют мою голову, вытесняя все остальное — страх, сожаление, печаль, — и я снова в состоянии действовать.

— Дело не во мне. Я не попала в беду. Мне... надо помочь одному человеку. — Я осторожно убираю руку Кента со своей талии. — Я действительно не могу объяснить. Ты должен довериться мне.

Подавшись вперед, я в последний раз целую его — совсем невинно, наши губы едва соприкасаются, но я снова поднимаюсь над землей, наполняюсь силой и мощью. Отстранившись, я ожидаю продолжения спора, но он только смотрит на меня еще мгновение, разворачивается и исчезает по направлению к лестнице. У меня сжимается сердце; долю секунды я так отчаянно нуждаюсь в Кенте, так тоскую по нему, что в груди словно

разверзается пропасть. А потом я думаю о темноте, об огнях, о рокоте, о Джулиет и, прежде чем успеваю подумать о чем-то еще, делаю последние шаги к двери и выхожу на холод, где дождь осыпается осколками лунного света или стали.

Чудо случайностей и совпадений, часть вторая

— Джулиет! Джулиет!

Пока я была с Кентом, она получила фору и не слышит меня, но мне легче, когда я повторяю ее имя, — темнота вокруг кажется менее тяжелой и давящей.

Конечно, фонарик я забыла. Я наполовину бегу, наполовину скольжу по обледенелой дорожке, жалея, что не надела кроссовки вместо своих любимых оливковых кожаных сапог на танкетке «Дольче вита». С другой стороны, за такие сапоги не грех умереть — или в таких сапогах.

Огни дома мерцают и меркнут, поглощенные изгибами дороги и высокими деревьями, когда кто-то зовет меня по имени. На мгновение мне кажется, что это лишь игра воображения, стон ветра в ветвях. Я нерешительно медлю и снова слышу:

— Сэм!

Похоже на Кента.

— Сэм! Где ты?

Это действительно Кент.

Я в смятении. Когда он скрылся на вечеринке, я была совершенно уверена, что это конец. И даже не догадывалась, что он последует за мной. Может, пойти ему навстречу? Но времени нет. К тому же я уже сказала все, что могла. Я стою на морозе, ледяной воздух обжигает легкие, дождь льет за шиворот и стекает по спине; на миг я закрываю глаза и вспоминаю, как сидела с Кентом в сухой, теплой машине, со всех сторон окруженной стеной дождя. Вспоминаю поцелуй и ощущение полета, словно нас в любой момент могло смыть волной. Снова звучит мое имя, уже ближе, и я воображаю, как Кент обхватывает мое лицо ладонями и шепчет: «Сэм».

Тут раздается крик. Я распахиваю глаза, сердце сжимается в груди при мысли о Джулиет. Затем голоса начинают перекликаться далекой какофонией звуков, и я готова поклясться, что различаю голос Линдси. Но это невозможно. Я грежу и напрасно теряю время.

Я продолжаю двигаться к шоссе; рокот моторов и шелест колес по асфальту все громче — словно волны набегают на берег.

Когда я натыкаюсь на Джулиет, она стоит, насквозь промокшая, облепленная одеждой. Ее руки свободно висят по бокам, будто она вовсе не чувствует дождя и холода.

— Джулиет!

На этот раз она слышит меня. Резко поворачивает голову, словно вернулась обратно на землю. Я бегу к ней; низкий рокот грузовика за спиной все приближается — слишком быстро. Джулиет поспешно отступает, когда я набираю скорость, молотя руками, чтобы не поскользнуться на льду. При виде меня ее лицо оживает, наполняется яростью, страхом и чем-то еще. Удивлением.

Ровный гул мотора усиливается; водитель жмет на гудок. Звук рвет барабанные перепонки, накатывает, заполняет весь воздух. Но Джулиет не шевелится. Просто смотрит на меня, чуть встряхивая головой, будто случайно повстречала в европейском аэропорту давно потерянную подругу. «Вот уж кого не ожидала увидеть... Забавная штука — жизнь. Мир тесен».

Преодолев последние несколько футов, пока водитель проносится мимо, не переставая давить на гудок, я хватаю Джулиет за плечи, и она, спотыкаясь, отступает в лес, чуть не снесенная толчком. Гудок затихает вдали; задние огни растворяются в темноте.

— Слава богу, — тяжело дышу я; у меня дрожат руки.

— Что ты делаешь? — Она явно приходит в себя и пытается вырваться. — Ты преследуешь меня?

— Я думала, ты собираешься... — Я киваю на дорогу, и внезапно мне хочется обнять Джулиет, живую и настоящую в моих руках. — Я боялась, что не успею.

Она перестает бороться и долго смотрит на меня. Машин на дороге нет, и во время паузы я ясно и отчетливо слышу: «Саманта Эмили Кингстон!» Голос доносится из леса, откуда-то слева. Только один человек на свете называет меня полным именем. Линдси Эджкомб.

В тот же миг, словно стайка птиц одновременно вспархивает с земли, вступают и другие голоса, перебивая друг друга. «Сэм! Сэм! Сэм!» Кент, Элли и Элоди спешат к нам сквозь лес.

— Что происходит? — Джулиет кажется по-настоящему испуганной. — Зачем ты пошла за мной? Почему не оставишь в покое?

Я так растеряна, что ослабляю хватку; она выворачивается из моих рук, и я поднимаю ладони в знак мира.

— Джулиет, я просто хотела поговорить.

— Мне нечего сказать.

Отвернувшись, она шагает обратно к дороге.

Внезапно успокоившись, я бреду за ней. Мир вокруг становится резче и четче, и каждый раз, когда мое имя мечется среди деревьев, звучит все ближе и ближе, я думаю: «Простите меня». Но все правильно. Так и должно быть.

Так и должно было быть.

— Не надо, Джулиет, — тихо произношу я. — Ты же понимаешь, это не выход.

— Ты не знаешь, что я собираюсь сделать, — яростно шепчет она. — Не знаешь. Тебе не понять.

Она смотрит на дорогу. Лопатки торчат из-под мокрой футболки, и мне снова кажется, что у нее за спиной разворачиваются крылья, которые унесут прочь от беды.

— Сэм! Сэм! Сэм! — еще ближе звучат голоса, и косые лучи света прорезают лес зигзагами.

Уже слышны шаги, ветки хрустят под ногами. На дороге было на удивление мало машин, но теперь с обеих сторон доносится низкий рев больших моторов. Я закрываю глаза и воображаю

полет.

— Я хочу помочь тебе, — сообщаю я Джулиет, хотя мне ясно, что попытка бесполезна.

— Разве ты не понимаешь? — Она поворачивается ко мне, и я с удивлением вижу слезы на ее лице. — Меня нельзя исправить, разве ты не понимаешь?

Я вспоминаю, как стояла на лестнице с Кентом и говорила то же самое. Я думаю о его прекрасных светло-зеленых глазах и о его фразе «Тебя не нужно исправлять», о его теплых руках и мягких губах. Думаю о маске Джулиет. Возможно, все мы сшиты из лоскутов, и притом не вполне правильно.

Мне не страшно.

Неясно шумит машина, раздаются голоса, и лица, белые и напуганные, выступают из мрака. Однако я не в силах отвести глаз от плачущей, но такой прекрасной Джулиет.

— Слишком поздно, — вздыхает она.

И я отвечаю:

— Никогда не поздно.

В эту долю секунды она бросается к дороге, но удивленно оборачивается, в ее взгляде вспыхивает искра узнавания. Я кидаюсь за ней, толкаю в спину, и она катится на противоположную сторону дороги, как раз когда два фургона собираются разминуться. Раздается яростный пронзительный визг, кто-то — возможно, даже не один человек — выкрикивает мое имя. Жар заполняет мое тело, и меня поднимает огромная рука, рука великана; земля вращается, выворачивается наизнанку, едет в сторону, и темный туман поглощает ее края, превращая все в сон.

Образы наплывают и исчезают: ярко-зеленые глаза и поле нагретой солнцем травы, губы, твердящие: «Сэм, Сэм, Сэм» — будто заклинание. Три лица маячат рядом, как цветы на едином стебле; имена улетают прочь, и остается лишь слово «любовь». Красные и белые вспышки, ветви деревьев, подсвеченные, как церковные своды.

И лицо надо мной, белое и прекрасное, с большими, как луна, глазами. «Ты спасла меня». Прохладная сухая ладонь на щеке. «Зачем ты спасла меня?» Слова набегают волной. «Нет. Наоборот». Глаза цвета рассветного неба, корона светлых волос, таких ярких, ослепительно белых, как нимб.

ЭПИЛОГ

Говорят, перед смертью вся жизнь проносится перед глазами, но у меня вышло иначе.

Я вижу только лучшие мгновения. То, что мне хочется запомнить; то, чем мне хотелось бы запомниться. Как на Кейп-Коде мы с Иззи в полночь улизнули на берег, и пытались ловить крабов на остатки мяса из гамбургеров, и луна была такой полной и круглой, что казалось, на нее можно сесть. Как Элли пыталась приготовить суфле и вошла на кухню с рулоном туалетной бумаги на голове вместо поварского колпака и Элоди так хохотала, что даже немного описалась и взяла с нас клятву никому не рассказывать. Как Линдси обняла нас и призналась: «Люблю вас до смерти», а мы хором откликнулись: «И даже после». Как я лежала на веранде жаркими августовскими днями, и в воздухе висел густой, хоть ножом

режь, запах свежескошенной травы и цветов. Как на Рождество выпал снег, папа в подвале порубил на дрова старую телевизионную тумбу, а мама приготовила яблочный сидр и мы силились вспомнить слова святочной «Тихой ночи», но закончили пением любимых мюзиклов.

И поцелуй с Кентом, когда я наконец поняла: время не имеет значения. Я поняла, что некоторые мгновения длятся вечно. Они длятся, даже окончившись; и пусть ты мертв и погребен, эти мгновения повторяются вновь и вновь, до бесконечности. Они есть всё и во всем. Смысл

Мне не страшно, если вас это интересует. Мгновение смерти полно звуков, тепла и света. В нем столько света, что он наполняет и поглощает меня. Тоннель света несется навстречу, выгибается выше, и выше, и выше; и если бы пение было чувством, то этот подъем, напоминающий смех, был бы им...

Остальное вы узнаете сами.

Благодарности

Без какого-либо порядка тысяча благодарностей...

Стивину Барбаре, энергичному бизнесмену и лучшему агенту на свете; Лексе Хилльер за то, что первой прочитала и полюбила все части романа; невероятной Бренде Боуэн за то, что первой поверила в эту книгу; чудесной Молли О'Нилл за энтузиазм и то, что заставила поверить меня.

Розмари Броснан за ум, тонкость и чувствительность; всем сотрудникам «Харпертин» за безумное количество поддержки и кексы «Магнолии», когда я страдала из-за смены часовых поясов.

Кэмерон Маккул из «Литературного агентства Дональда Мааса» за тяжелый труд и неустанные хлопоты над книгой.

«ДАБ пайз» в Бруклине за подпитку кофеином и счастьем.

«Дуджиас» за великодушное предоставление стихов. Не забудьте заглянуть на www.dujeous.net.

Мэри Дэвисон, которая любому может преподать урок, как жить полной жизнью.

Всем моим чудесным, замечательным друзьям за то, что вдохновляли и поощряли меня; и особенно Патрику Манассе, который был терпеливым слушателем и суровым критиком.

Оливье за бесконечную поддержку, даже когда я сопротивлялась.

Дирдре Фултон, Жаклин Новак и Лоре Смит — единственное слово: «любовь».

Родителям, которые наполнили наш дом чудесными книгами, побуждали меня следовать за мечтой и никогда не переставали любить и помогать.

Моей прекрасной сестре за то, что мне всегда есть на кого равняться.

И наконец, Питу за то, что побудил пойти в магистратуру и помог встать на ноги; за то, что не мешал лихорадочно редактировать в Харбор-Спрингс; за то, что всегда искренне гордился

мной. Что бы я ни писала, это всегда попытка вернуть тебя.

mir-knigi.org